

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

И. Ф. Бураков, А. Н. Пугачев

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение»

Новополоцк 2007

УДК 340.1(075.8)

ББК 67я73

И 90

Рекомендован к изданию советом юридического факультета

АВТОРЫ:

А. Н. ПУГАЧЕВ, кандидат юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права (темы 1, 12, 13, 14);

И. Ф. БУРАКОВ, старший преподаватель кафедры (введение, рабочая программа, темы 2 – 11, практические задания, тесты, рейтинговый контроль, глоссарий, вопросы к экзамену)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Б. В. АСАЕНОК, канд. юрид. наук, доцент ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»;

А. А. СОСНОВСКИЙ, канд. юрид. наук, доцент Академии МВД Республики Беларусь

Бураков И. Ф.

И 90 История политических и правовых учений: учеб.-метод. комплекс для студ. спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / И. Ф. Бураков, А. Н. Пугачев. – Новополоцк: ПГУ, 2007. – 440 с.

ISBN 978-985-418-531-6.

Дается анализ основных направлений правовой и политической мысли с древнейших времен до наших дней. Учения и доктрины излагаются во взаимосвязи с философскими и этическими воззрениями соответствующих мыслителей.

При этом политико-правовая мысль XIX – XX вв. представлена более полно, что продиктовано ее особой важностью в свете необходимости критического переосмысления прошлого.

Предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей юридического факультета, а также и более широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории, политики, государства и права.

УДК 340.1(075.8)

ББК 67я73

ISBN 978-985-418-531-6

© Бураков И. Ф., Пугачев А. Н., 2007
© Оформление. УО «ПГУ», 2007

1. ВВЕДЕНИЕ. ПРЕДМЕТ, МЕТОД, ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ.

- 1.1. Предмет истории политических и правовых учений.
- 1.2. Методологические основы истории политических и правовых учений.
- 1.3. Закономерности развития истории политических и правовых учений.
- 1.4. Периодизация истории политических и правовых учений.

1.1. Предмет истории политических и правовых учений

В системе юридических наук и юридического образования, история политических и правовых учений является самостоятельной научной и учебной дисциплиной одновременно исторического и политического профилей. Эта ее особенность обусловлена тем, что в рамках данной юридической дисциплины исследуется и освещается специфический предмет – история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий. Другими словами, главным предметом данной дисциплины является история, (борьба, развитие) выраженная в теоретических формах представлений идеологов различных классов и социальных групп, о государстве, праве, политике.

Изучение истории политико-правовых учений, закономерностей их развития и противоборство актуально уже по той причине, что ряд проблем, относящихся к государству, политике и праву постоянно обсуждаются мировой, правовой и политической наукой, является предметом острых дискуссий по вопросам прав человека, соотношение личности и государства, государства и права, демократии и технократии, мира и войны, теории права, борьбы с терроризмом и др.

История политических и правовых учений – дисциплина юридическая. Однако, кроме юристов значительный вклад в историю политических и правовых учений внесли также представители иных гуманитарных наук, и прежде всего философы. Целый ряд известных представителей философской мысли (например, Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Гегель, Бердяев и др.) являются одновременно выдающимися фигурами также и в истории юридических и правовых учений.

Особо следует отметить своеобразие предмета истории политических и правовых учений по сравнению с предметами других юридических дисциплин теоретического (теория государства и права) и исторического (всеобщая история государства и права, история государства и права Славянских народов и т.д.).

В отличие от предметов юридических наук, изучающих историю государства и права, предметом истории политических и правовых учений является не сами исторически возникшие и развивающиеся политико-правовые учреждения и институты, и соответствующие формы их теоретического познания. Вместе с тем очевидны взаимосвязь и взаимовлияние истории политико-правовых идей и учений, с одной стороны, и истории государственно-правовых форм, учреждений, институтов – с другой. Без знания истории государства и права также не возможно уяснить конкретное содержание соответствующих политико-правовых теорий, как и без соответствующих теоретических положений и концепций невозможно научно осветить исторически развивающуюся политико-правовую реальность. В сложном процессе взаимосвязи в юридической науке исторических и теоретических дисциплин история политических и правовых учений играет существенную роль в качестве одной из важных историко-теоретических предпосылок развития современного политико-правового знания, совершенствование теоретических разработок проблем государства и права.

История политических и правовых учений, как самостоятельная юридическая дисциплина вместе с другими юридическими дисциплинами относится к числу гуманитарных наук. В ней, как и в других современных гуманитарных науках, используется – с учетом предметной специфики и особенностей целей и задач научного познания в области истории политических и правовых учений – богатый арсенал философских и специально-научных методов, и прежде всего методы формально-логического, диалектического, системного, сравнительно-исторического исследования.

1.2. Методологические основы истории политических и правовых учений

Заметным выражением предметной и методологической специфики истории политических и правовых учений является ведущая роль именно тех принципов, приемов и способов исследования, которые по своим возможностям в наибольшей мере соответствуют историко-теоретическому содержанию и профилю данной юридической дисциплины. Отсюда и оп-

ределяющее значение способов и приемов исторического подхода к политико-правовым учениям прошлого, поскольку без принципа историзма нельзя говорить об истории этих учений.

В области истории политико-правовых учений принцип историзма играет главенствующую роль в процессе освещения генезиса и последующей жизни той или иной политико-правовой теории в исторической перспективе, исследование места и значения политических и правовых теорий в совокупной системе знаний определенной эпохи, раскрытия связей между различными концепциями прошлого и современности, уяснения специфической логики в истории политических и правовых учений, взаимодействия политико-правовых идей с политической и правовой практикой прошлого и современности.

Исторический подход выступает при этом в качестве способа адекватного понимания, интерпретации и оценки политико-правового содержания освещаемых учений в контексте прошлого и современности. При этом трактовка, понимания прошлой и современной роли и значения политико-правовых учений требует выделения в структуре политико-правового знания представленного в соответствующем учении, его конкретно-исторической и теоретической сторон. Конкретно-исторический аспект политико-правового содержания учения показывает, какие именно исторически определенные и конкретные взгляды на общество, государство, право, политику развиты и обоснованы в данном учении, как эти взгляды соотносились с требованиями определенных социальных групп, слоев и классов, какие интересы и тенденции развития они выражали, какую позицию занимал автор учения в контексте своей эпохи.

Теоретический аспект отражает философские, общеметодологические, познательно-гносеологические моменты учения, показывает, как и каким образом обосновывались конкретные политико-правовые взгляды, в какие теоретические концепции они оформлялись, какие исходные принципы положены в их основу, какие формы, модели и конструкции мысли отражены в рассматриваемой доктрине.

С учетом совмещения в истории политических и правовых учений теоретического и исторического направлений исследования освещение материала в данной дисциплине проводится на основе сочетания хронологического и проблемно-категориального способов и приемов изложения.

Хронологическое освещение позволяет исторически конкретнее и полнее раскрыть последовательность и своеобразие процесса формирования, развития и смены тех или иных концепций, учений и школ, специфи-

ку их политико-правовых воззрений, характер их связей с породившей их эпохой.

Вместе с тем такое хронологически последовательное рассмотрение материала сопровождается теоретическим, проблемно-категориальным освещением затрагиваемых политических и правовых учений, исследованием их концептуального содержания, выяснением присущих им моментов преемственности и новизны, их теоретико-познавательной значимости, их вклада в исторический развивающийся процесс политико-правового познания, их места и роли в истории политических и правовых учений, аспектов их связей с современностью. Сочетание хронологического и проблемно-теоретического подходов позволяет глубже и четче выявить и осветить общее и особенное в различных политико-правовых учениях, проследить роль традиций и «скачков» в истории идей, соотношение объективного и субъективного в истории политико-правовых учений, взаимодействие и взаимовлияние всеобщего (всемирной истории политико-правовых учений), особенного (истории политико-правовой мысли в отдельных странах и регионах в тот или иной период времени) и единичного (концепции определенного мыслителя и т.д.).

Рассмотренные эволюции политических и правовых учений должны носить не только исторический и проблемно категориальный, но и сравнительный характер. В развитии политической мысли в разных странах, наряду со всеобщими закономерностями (образование государств, развитие их форм и институтов – одна из них), выявляются и весьма существенные особенности. Эти особенности, по словам Гегеля, порождаются «духом народа» и заметно выявляют на политические и правовые институты и представления общества.

Предметом сравнительного анализа служат политические и правовые идеи разных школ и народов в разные эпохи. Этот метод позволяет выявить специфику цивилизации, национальных традиций и в то же время некоторые общие тенденции развития мировой политической и правовой мысли и взаимообогащение разных культур. Историко-сравнительные исследования, сопоставительный анализ (в синхронном и диахронном плане) различных концепций, конкретизируя современные знания об их общих и специфических чертах, вместе с тем содействуют выявлению более точных критериев классификации и типологизации политико-правовых учений и, следовательно, более верной оценки их содержания.

Закономерности развития истории политических и правовых учений

Политико-правовые учения изложены в произведениях политических мыслителей, философов, государственных деятелей, представителей других наук, публицистов.

Каждая политико-правовая доктрина в различной степени абстрактности отражает современное ей государство, право, политическую жизнь, и уже в силу этого затрачивает интересы тех или иных классов или социальных групп. Именно эти связи с общественно-политическими интересами дают известность самой доктрине, делают ее социально значимой, и тем самым выводят за пределы сугубо личных познавательных интересов.

Поэтому в истории политических и правовых учений известны лишь те теоретические построения, которые выражали самосознание какой-либо значительной социальной группы.

Экономическое и политическое могущество господствующей социальной группы, его решающее влияние на психологию и идеологию общества, возможность прогнозировать свои идеи и подавлять пропаганду идей противостоящих социальных групп, обуславливают преобладание в обыденном сознании большинства членов общества идей, совпадающих с официальной политико-правовой идеологией, чувств и настроений послушание, слепое подчинения существующему государству и действующему праву.

Закономерность развития политико-правовой идеологии на ее теоретическом уровне – это то, что любое учение о государстве и праве, политике, строится с учетом современной политико-правовой действительности, которая отражается в самом (казалось бы абстрактном) построении. Так же, как и философия, по словам Гегеля, – это эпоха, «схваченная в мысли», политико-правовая доктрина – это выражение в системе понятий и категорий государственно-правовая реальность эпохи.

Каждая большая эпоха исторического развития общества имела свои политико-правовые учреждения, понятия и способы их теоретического объяснения. Поэтому в центре внимания теоретиков государства и права разных исторических эпох соответствующего исторического типа и вида. Так, в рабовладельческих государствах Древней Греции главное внимание уделялось устройству государства, проблеме правового статуса определенных лиц, допущенных к участию в политической деятельности, государственно-правовым способом укрепления господства свободных

граждан над рабами. Этим и было обусловлено повышенное внимание к теоретическому определению классификации форм государства, поиск причин перехода одной формы правления в другую, стремление определить наилучшую идеальную форму правления. В средние века основным предметом теоретико-политических дискуссий стал вопрос о соотношении государства и церкви. В центре внимания идеологов буржуазии XVII – XVIII вв. стояла уже проблема законности политического режима, гарантий равенства людей перед законом, свободы и права личности. XIX – XX вв. выдвинули на первый план вопрос о социальных гарантиях прав и свобод человека, взаимоотношениях государства с гражданским обществом, политическими партиями и общественными движениями

Закономерностью развития политико-правовой идеологии является то, что каждое из политико-правовых учений складывается и развивается в сложной системе идеологических влияний, из которых наиболее важны господствующие формы общественного сознания, политико-правовое мировоззрение противостоящего класса или социальной группы, идейный материал созданный предшествующим развитием.

Политико-правовая доктрина всегда соответствует политической обстановке, степени развития культуры, общественной психологии. Способ обоснования политико-правовых доктрин связан с господствующим мировоззрением, приобретающим все больший авторитет и признание, выражен в понятиях и категориях, представлениях и доводах, созвучных или совпадающим с массовым общественным сознанием.

В истории политических и правовых учений существует преемственность – каждая из последующих доктрин, как правило, учитывает представления и понятия, содержащихся в предыдущих доктринах. Политико-правовые доктрины оперируют понятиями и категориями сложившимися в результате не только отражения и описания современных им явлений государственно-правовой реальности, но и теоретического осмысления и оценки исторически определившегося круга проблем политики, государства и права.

Таким образом, преемственность означает, что представления унаследованные от прежних времен воспроизводятся в последующих идеологических системах. При этом идеологическое влияние само по себе не способно породить последующую идеологию или движение: всякая новая теория должна исходить из накопленного идейного материала, но корни ее лежат в социальных условиях данного общества.

Важной закономерностью развития политико-правовых учений, является взаимодействие доктрин борющихся классов, каждый из которых стремится опровергнуть враждебную ему идеологию, представить свое мировоззрение как единственное, отвечающее справедливости, прогрессу, общему благу. Основная задача каждой из идеологий – борьба за влияние на общественное сознание, опровержение идей и учений противостоящих классов. Эта борьба – важный стимул развития самих доктрин: каждая из них дополняется доводами, аргументами, опровержениями, ориентированными на идейный арсенал противного.

1.3. Периодизация истории политических и правовых учений

В соответствии с эпохами исторического развития курс истории политических и правовых учений можно достаточно условно разделить на следующие этапы:

1. Древний мир: время, когда господствовала религиозно мифологическая форма идеологии и политическая мысль не носила четко выраженный характер (это памятники Вавилона, Индии, Китая, Египта). Политическая мысль Греции быстро прошла путь от мифа к теории и внесла исключительный вклад в развитие политических и правовых учений древности.

2. Средние века: эпоха развития политико-правовой идеологии (идейных систем) на основе христианства и проблем им порождаемым. Возникновение ислама в VII веке.

3. Эпоха Возрождения и Реформации (XIV – XVI вв.): Осмысление политических и правовых процессов перестает быть монополией церкви.

4. Эпоха буржуазных революций – (XVII – XVIII вв.). В Нидерландах, Англии, США, Франции.

5. Эпоха свободной конкуренции (XIX век): Характеризуется расширением понятий политической и экономической свободы, институтов равноправия, либерализма, научного социализма и др.

6. Эпоха монополистического капитала (империализма), общественных революций, образование и противостояние двух мировых общественно-политических систем (лагеря капитализма и социализма), крушение мировой колониальной системы, кризиса «реального социализма», формирование «социального государства» на Западе (конец XIX – 2-я половина XX вв.)

Дайте ответы на следующие вопросы:

1. Сформулируйте краткое определение предмета «Истории политических и правовых учений».
2. Что вы узнали о методологии «Истории политических и правовых учений»?
3. О каких закономерностях развития политико-правовых учений вы узнали?
4. Назовите основные периоды в развитии истории политико-правовых учений.

Литература

Основная:

1. История политических и правовых учений. Домарксистский период. /Под ред. О.Э. Лейста, – М.,1991.
2. История политических и правовых учений России./ И.А. Исаев, Н.М. Золотухина,– М., 2003.
3. История политических и правовых учений./ Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004.
4. История политических и правовых учений: Учеб. для юрид. ВУЗов. / Под ред. В.С. Нерсеянц, – М., 1993.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений./ А.А. Акмалова, В.М. Капицин./ Учеб. пособие. – М., 2002.
2. История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н.Хорошилова, – М., 2002.
3. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсеянц, – М., 1985.
4. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышев, – М., 2000.

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ

1.1. Цель преподавания дисциплины:

Учебная дисциплина «История политических и правовых учений» основывается на одноименной науке и относится к историческим юридическим наукам. В то же время она имеет общетеоретический профиль, поскольку изучает историю теорий о государстве и праве.

История политических и правовых учений изучает развитие формы общественного сознания, возникшей вместе с правом и государством и представляющей собой их отражение. Предметом истории политических и правовых учений является теоретический слой политико-правового сознания, которое выражено в различных доктринах (учениях) о государстве, праве, политике на различных этапах истории человечества.

Доминирующие цели преподавания дисциплины «История политических и правовых учений» сводятся к тому, чтобы:

1. Познакомить студентов с многообразием форм политического и правового мышления, сформировавшихся на протяжении последних трех тысяч лет;

2. Предоставить студентам возможность проявить и развить свои аналитические способности путем формирования определенного алгоритма аргументации положений рассматриваемой политической или правовой доктрины.

Курс истории политических и правовых учений для вдумчивого, мыслящего студента может стать хорошей школой плюрализма политического и правового мышления, создав фундамент для формирования и развития собственного политического и правового мышления студента.

1.2. Задачи изучения дисциплины:

В результате изучения дисциплины «История политических и правовых учений» студенты должны:

знать:

– становление и развитие достоверных, истинных учений о государстве и праве по мере продвижения общества по пути социального прогресса;

– причины возникновения и развития соответствующих теорий о государстве и праве, факторы, обуславливающие этот процесс;

- главное в политических и правовых теориях;
  - учение о сущности государства и его формах;
  - основные этапы в развитии политико-правовой мысли;
  - особенно современные теории о государстве и праве;
- уметь характеризовать:*
- подлинное содержание политических и правовых теорий соответствующих мыслителей, их аргументацию;
  - причины, вызвавшие появление тех или иных учений о государстве и праве;
  - практическую значимость выдвинутых теорий в период их появления и в настоящее время;
- уметь анализировать:*
- историю политических и правовых учений как отражение реальных социальных факторов и интеллектуальных потенциалов соответствующих мыслителей в русле потребностей развивающегося общества;
  - содержание теорий о государстве и праве в их историко-хронологическом сопоставлении на глобальном и локальном уровнях;
  - логику изложения политического и правового учения того или иного мыслителя, его доказательства и методологию познания;
- приобретать навыки и качества:*
- обнаруживать в политических и правовых теориях научных, истинных, прогрессивных положений и взглядов, а также утверждений, не соответствующих истине, квазинаучных, лженаучных, реакционных;
  - пользоваться в познавательном процессе и практической деятельности научными изысканиями прошлых и современных мыслителей;
  - владеть накопленной многочисленными мыслителями методологией в разработке политических и правовых учений.

Для студентов (в первую очередь для заочников) одной из форм усвоения знаний выступает самостоятельная работа над освоением материалов курса. Очень важно довести до сведения студентов, что изучение «Истории политических и правовых учений» нельзя откладывать до начала экзаменационной сессии. Сформировать системное представление о политических и правовых учениях, рассматриваемых в рамках этого курса, за несколько дней невозможно. Поэтому преподаватель должен настоятельно советовать студентам регулярно, систематически работать над изучением курса в течение всего семестра. Это даст возможность без большого напряжения усваивать сложный и интересный предмет. При изучении курса нужно

не механически заучивать текст учебника, а неторопливо продумывать прочитанное, определяя главные, принципиальные моменты каждой темы.

Для достижения положительных показателей самостоятельной работы над освоением материала по данной дисциплине преподаватель может применять такие формы контроля знаний как: выполнение контрольных работ, написание тестов, проведение коллоквиумов по заранее обозначенной тематике. Также, с целью большего увлечения студентов данным курсом, необходимо инициировать и поощрять выполнение самостоятельных индивидуальных работ в формах рефератов, докладов, эссе; желательным является проведение практических занятий по новым методикам преподавания – «круглые столы» (дискуссии), тематические конференции и т.д.

1.3. Перечень дисциплин с указанием разделов (тем), усвоение которых студентами необходимо для изучения данной дисциплины:

№ п/п	Название дисциплины	Темы
1.	История государства и права зарубежных стран	весь курс
2.	История государства и права славянских народов	весь курс
3.	История государства и права Беларуси	весь курс
4.	Римское гражданское право	весь курс
5.	Общая теория права	весь курс

2. ВИДЫ ЗАНЯТИЙ И ФОРМЫ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Виды занятий, формы контроля знаний	Д	З
Курс	4	5
Семестр	8	9
Лекции, ч	36	12
Экзамен (семестр)	8	9
Зачет (семестр)	-	-
Практические занятия, ч	18	4
Контрольные работы (семестр)	-	9
Курсовая работа (семестр/часы)	-	-
Управляемая самостоятельная работа (часы)	-	-

3. ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС

№ п/п	Наименование разделов и тем лекций	Содержание тем лекций	Кол-во часов	
			Д	З
1.	Предмет, метод, периодизация истории политических и правовых учений.	Предмет и метод дисциплины «История политического и правового учения». Закономерности в развитии политических и правовых учений. Понятие и структура политико-правовых доктрин.	2	1
2.	Причины множественности правовых теорий.	Многообразие подходов к пониманию сущности и социальной природы права. Причины многообразия подходов к пониманию сущности и социальной природы права.	1	
3.	Политические и правовые учения в государствах Древнего Востока	Политическая и правовая идеология Древней Индии. Возникновение и развитие политической мысли в Древнем Китае.	2	
4.	Политические и правовые учения в Древней Греции.	Учение софистов о государстве и праве. Политическое и правовое учение Платона: «Государство», «Законы».	2	
5.	Политические и правовые учения в Древнем Риме.	Понятие государства в трудах Цицерона. Римские юристы о праве и его видах. Возникновение христианской религии. Сущность христианского учения в первые века существования религии.	2	
6.	Политические и правовые учения в Западной Европе в период возникновения и развития феодализма.	Проблемы государства и права в теологическом мировоззрении средних веков (IX – XV вв.). Политические и правовые учения в средневековой Западной Европе. Учение Фомы Аквинского о государстве и праве. Критика теократических идей в учении Марсилия Падуанского. Революционные идеи в идеологии средневековых ересей.	3	1
7.	Политические и правовые учения в Европе в период начавшегося разложения феодализма и ранних буржуазных революций (XV – XVII вв.).	Переворот в идеологии Западной Европы в XV – XVII вв. Эпоха Возрождения. Революция. Становление юридического мировоззрения буржуазии. Возникновение политико-правовой идеологии. Политическое учение Н. Макиавелли. Ж. Боден о формах государства суверенитете государственной власти. Возникновение утопического социализма. «Утопия» Т. Мор, «Город солнца» Т. Кампанеллы. Возникновение теории естественного права (Г. Гроций, Т. Гоббс). Особен-	4	1

		ности взглядов Спинозы на естественные права. Обоснование демократии.		
8.	Политические и правовые учения в период общего кризиса феодализма (XVIII – XIX вв.).	Политические и правовые учения идеологов, буржуазии во Франции в XVIII в. Политико-правовые воззрения Вольтера. Учение Монтескье о факторах, определяющих «дух законов». Критика деспотизма и обоснование идеи разделения властей. Понятие политической свободы. Ж. Руссо о народном суверенитете и его гарантиях. Политико-правовые идеи в период революции 1789 – 794 гг. (конституционалисты, жирондисты, якобинцы). Основные течения политико-правовой идеологии периода победы капитализма в наиболее развитых странах Западной Европы. Буржуазный либерализм. Учение Канта и Гегеля о государстве и праве.	4	2
9.	Политические и правовые учения в США в период борьбы за независимость (XVIII в.).	Томас Пейн о государстве и праве. Политико-правовые взгляды Джефферсона. Взгляды Гамильтона на государство и право.	2	2
10.	Буржуазная политическая и правовая идеология в Западной Европе первой половины XIX в. Буржуазный либерализм.	Буржуазный либерализм во Франции. Бенжамен Констан. Либерализм в Англии. Взгляды И. Бентама на право и государство. Политико-правовое учение Огюста Конта.	2	
11.	Политические и правовые учения в России в период средних веков и начала Нового времени (XI – XVIII вв.)	Политические и правовые идеи Древней Руси. «Слово о Законе и Благодати», «Повесть временных лет», «Поучение» Мономаха, «Слово о полку Игореве». Политические и правовые учения в России в период образования Русского централизованного государства. Филофей, И. Пересветов, А. Курбский. Политические и правовые учения в России в период образования и укрепления абсолютизма. Ф. Прокопович, В. Татищев, И. Посашков. Политические и правовые учения в России в период начавшегося разложения феодализма. М. Щербатов, Д. Галицин, С. Десницкий, А. Радищев.	2	

12.	Политические и правовые учения в России в XIX в.	Идеи дворянско-буржуазного либерализма в произведениях М. Сперанского. Политико-правовая идеология декабристов. Конституционные проекты П. Пестеля и Н. Муравьева. Политико-правовые концепции А. Герцена и Н.Чернышевского.	2	1
13.	Возникновение марксистского учения о государстве и праве (середина XIX в).	Политико-правовые взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса. Их переход то идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Учение о диктатуре пролетариата и коммунистической партии.	2	
14.	Основные политические и правовые учения стран Запада конца XIX – первой половины XX вв.	Общая характеристика политической и правовой мысли Запада конца XIX – первой половины XX вв. Реалистическая теория права. Р. Иеринг. Юридические и политические идеи классиков социологии. Солидаризм. Е. Эрлих, Р. Паунд, Л. Дюги, М. Вебер. Теория элит. Г. Моска, В. Парето. Школа психоанализа. К.Г. Юнг, Э. Фромм. Фашизм и нацизм. Б. Муссолини, А. Гитлер, К. Хаусхофер.	2	1
15.	Политические и правовые учения в России в второй половине XIX – первой половины XX вв.	Политическая и правовая мысль религиозных философов. С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. Монархическое направление в правовой и политической мысли. И.А. Ильин, И.Л. Солоневич. Евразийство как политическое учение и общественное движение. Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.Н. Гумилев. Юридический позитивизм. Г.Ф. Шершеневич. Социологический позитивизм. С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский. Теория возрожденного естественного права. П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский. Психологическая школа права. Л.И. Петражицкий. Анархизм. П.А. Кропоткин. Буржуазный либерализм. П.Б. Струве. Марксизм и советская правовая теория. В.И. Ленин, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, Д.Я. Вышинский.	2	2
16.	Современные политические и правовые уче-	«Чистая теория права» Г. Кельзен. Консерватизм как политическое направление XX века. Ф.А. фон Хайек, К. Поппер.	2	1

	ния в Западной Европе и США.	«Новые левые». И. Миллс, Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Идеология западноевропейской социал-демократии. А. Крослэнд, Дж. Стрэчи.		
Итого:			36	12

4. ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ

№ п/п	Наименование тем практических занятий	Содержание тем практических занятий	Кол-во часов	
			Д	З
1.	Политические и правовые учения в Древней Греции.	Политические и правовые учения Аристотеля. Понятие государства. Аристотель о законах политики и о справедливости.	2	1
2.	Политические и правовые учения в Древнем Риме	Превращение христианства в государственную религию и изменение его политико-правовых идей. Август Аврелий о соотношении церкви и государства.	2	1
3.	Политические и правовые учения эпохи становления феодализма IX – XV вв.	Становление политико-правовой идеологии в Древнерусском Государстве. Основные направления политико-правовой идеологии в период образования Русского централизованного государства.	2	-
4.	Политические и правовые учения в Европе в период разложения феодализма IX – XV вв.	Политические и правовые учения в период укрепления абсолютизма. Ф.Прокопович, В. Татищев о государстве и праве.	2	-
5.	Политические и правовые учения в период общего кризиса феодализма XVII – XVIII вв.	Политические и правовые учения в России второй половины XVIII в. «Наказ» Екатерины II. Обоснование крепостничества. Зарождение дворянского либерализма Десницкий, Радищев.	2	-
6.	Политические и правовые учения в период утверждения и развития капитализма в странах Европы (конец XVIII – первая половина XIX в.).	Проблемы государства и права в трудах французских социалистов-утопистов. Сен-Симон, Фурье, Оуэн.	2	-

7.	Политические и правовые учения в России в первой половине XIX в.	Проблемы государства и права в программах революционных и либеральных народников 70-х – 80-х годов XIX в.. Лавров, Ткачев, Плеханов, Бакунин.	2	-
8.	Политические и правовые доктрины марксизма-ленинизма.	Работы Ленина: «Очередные задачи советской власти, «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Диктатура пролетариата, революционное правосознание. Обоснование репрессий и насилия.	2	1
9.	Политические и правовые взгляды видных деятелей Советского государства в XX – 50-е годы XX в.	Усиление роли государства в период строительства социализма и коммунизма. Обоснование массовых репрессий.	2	1
Итого:			18	4

5. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

5.1. Нормативные правовые акты

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М., 1995.
2. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., 2001
3. История государства Российского: X – XIV века: Хрестоматия. – М., 1996.
4. Хрестоматия по истории государства и права. – М., 1990.

5.2. Основная литература

1. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI – XX вв. – М., 1995.
2. Марченко М. Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: Учебник. – М.: Высшее образование, 2005. – 495 с.
3. История русской правовой мысли: Биографии. Документы. Публикации. – М., 1998.
4. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1994.
5. Синха Сурия Пракаш Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / Пер. с англ. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. – 304 с.
6. Мень А. История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. – М., 1992.

7. Мухаев Р. Т. Хрестоматия по истории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. – М., 2000.
8. Нерсесянц В. С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
9. Нерсесянц В. С. Личность и государство в политико-правовой мысли (из истории идей). – М., 1986.
10. История политических и правовых учений: Учебник для ВУЗов / Под общ. Ред. Академика РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
11. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. – М., 1995.
12. Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. (Основные идеи и тенденции развития). – М., 1999.
13. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: Новосибирск, 1994.
14. Алексеев С.С. Философия права. – М.: НОРМА, 1997. – 336 с.
15. История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1996.
16. История политических и правовых учений / Под ред. О. Э. Лейста. – М., 1999.
17. История политических и правовых учений. Древний мир. – М., 1985.
18. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986.
19. История политических и правовых учений XVII – XVIII вв. – М., 1989.
20. История политических и правовых учений XIX в. – М., 1993.
21. История политических и правовых учений XX в. – М., 1995.

5.3. Дополнительная литература

1. Вигосин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра»: Проблемы социальной культуры и права. – М., 1984.
2. Галаганова С. Г., Усиков А. М. Традиции политических учений Востока. – М., 1994.
3. Горохова Г. Э. Идеал и власть в китайской традиции // Ретроспективная и сравнительная политология. – М., 1991.

4. Запад и Восток. Традиции и современность. – М., 1993.
5. Исаев И. А. Метафизика Власти и Закона: у истоков политико-правового сознания. – М., 1998.
6. Марченко М. Н. Иудейское право как подсистема общей системы израильского права // Вестник МГУ. Сер. Право. 2001. № 3.
7. Марченко М. Н. Основные источники иудейского права // Вестник МГУ. Сер. Право. 2001. № 2.
8. Марченко М. Н. Основные принципы иудейского права // Вестник МГУ. Сер. Право. 2001. № 1.
9. Марченко М. Н. Основные формы взаимосвязи и взаимодействия иудейского права с израильским светским правом в процессе разрешения общих проблем // Вестник МГУ. Сер. Право. 2001. № 4.
10. Павленко Ю. В. Человек и власть на Востоке // Феномен восточного деспотизма. – М., 1993.
11. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М., 1981.
12. Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М., 1993.
13. Попов П. С. Китайский философ Мо-цзы. – М., 1998.
14. Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. – М., 1994.
15. Гуторов В. А. О некоторых тенденциях аристотелевской интерпретации «Государства» и «Законов» Платона // Проблема интерпретации в истории науки и философии. Новосибирск, 1985.
16. Давыдов Ю. Н. Аристотелевская психология политических комбинаций // Полис. 1993. № 4.
17. Исаев И. А. Платон: игровые элементы и властвование // Государство и право. 1993. № 1.
18. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон; Аристотель. – М., 1993.
19. Луковская Д. И. Политическое учение Гераклита // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. – М., 1982.
20. Мачин И. Ф. Правовые взгляды софистов // Вестник МГУ. – 2001. – № 3.
21. Мирзаев С. Б. Полибий. – М., 1986.
22. Нерсесянц В. С. Платон. – М., 1984.
23. Нерсесянц В. С. Политические учения в Древней Греции. – М., 1979.
24. Нерсесянц В. С. Сократ. – М., 1996.

25. Разумович Н. Н. Идеи и институты Древней Греции // Политическая и правовая культура. М., 1989.
26. Фролов Э. Д. Огни Диоскуров // Античная теория переустройства общества и государства: Сократ – Ксенофонт – Сократ. Л., 1984.
27. Деревнин А. А. Учение Цицерона о происхождении общества, государства и права // Из истории развития политико-правовых идей. – М., 1984.
28. Нерсесянц В. С. Политическое правовое учение Цицерона // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М., 1980.
29. Нерсесянц В. С. Правопонимание римских юристов // Советское государство и право. – 1980. – № 3.
30. Новицкий И. Б. Римское право. – М., 1994.
31. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III – I до н. э. М., 1977.
32. Шалимов О. А. Образ идеального правителя в сочинениях Сенеки // Зеркало истории: 20 лет кружка Древности и Средневековья. – М., 1992.
33. Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабско-мусульманской культуры: статьи разных лет. – М., 1981.
34. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. – М., 1996.
35. Игнатенко А. А. В поисках счастья: общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. М., 1989.
36. Игнатенко А. А. Ибн Хальдун. – М., 1980.
37. Игнатенко А. А. Средневековые поучения владыкам и проблематика власти (VIII-XV вв.) // Социально-политические представления в исламе: история и современность. – М., 1987.
38. Копосов Н. Е. «Наставление» Агапита и западноевропейская политическая мысль XVI – XVII вв. // Византийский временник. – М., – 1982. – № 43.
39. Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. – Л., 1991.
40. Курбатов Г. Л. Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь. – Л., 1988.
41. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
42. Мусульманское право: Структура и основные институты. – М., 1984.
43. Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). – М., 1997.
44. Родников Н. Учение Блаженного Августина о взаимных отношениях между государством и Церковью. Казань, – 1897.

45. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. – М., 1986.
46. Хатами Сейед Мохаммад. Страх перед бурей. – М., 2001.
47. Хатами Сейед Мохаммад. Традиция и мысль во власти авторитаризма. – М., 2001.
48. Бартош Ю. Фома Аквинский. – М., 1975.
49. Бессмертный Ю. Л. Феодалная революция X – XI вв. // Вопросы истории. – 1984. – № 1.
50. Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей: первая половина XIX в. – М., 1976.
51. Волгин В. Н. Очерки истории социалистических идей: с древности до конца XVIII в. – М., 1976.
52. Гофф ле Ж. Цивилизация средневекового запада. – М., 2001.
53. Губаревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М., 1989.
54. Губаревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990.
55. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1982.
56. Игнатенко А. А. Средневековье и проблематика власти (VIII – XV вв.) // Социально-политические представления в исламе: история и современность. – М., 1987.
57. Алпатов М. Н. Варяжский вопрос в дореволюционной историографии // Вопросы истории и историографии. 1982. № 5.
58. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX – XIX вв. – Л., 1989.
59. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X – XVII вв. – М., 1990.
60. Замалеев А. Ф. Восточнославянские мыслители: эпоха Средневековья. – СПб, 1998.
61. Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М., 1985.
62. Золотухина Н. М., Исаев И. А. Политические и правовые учения на Руси в период возникновения и развития феодализма (IX – кон. XVII вв.). – М., 1984.
63. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. – М., 1990.
64. Бонташ П. К., Прозорова Н. С. Томас Мор. – М., 1983.

65. Жан Боден – основоположник теории государственного суверенитета. М., 1990.
66. История социалистических учений. – М., 1982.
67. Мартин Лютер – реформатор, проповедник, педагог. – М., 1996.
68. Ракитская И. Ф. Политическая мысль итальянского Возрождения. – Л. 1984.
69. Соловьев Э. Ю. Политико-юридические завоевания Реформации // Философия эпохи ранних буржуазных революций. – М., 1983.
70. Темпов Е. И. Макиавелли. – М., 1978.
71. Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. – М., 1978.
72. Штекли А. Э. Возрождение и утопический коммунизм (XVI – XVII вв.). – М., 1978.
73. Штекли А. Э. Утопии и социализм. – М., 1993.
74. Эльфонд И. Я. Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция). – Саратов, 1991.
75. Эльфонд И. Я. Тираноборцы. Из истории французской политической мысли XVI в. – Саратов, 1991.
76. Замалеев А. Ф. Восточнославянские мыслители: эпоха Средневековья. – СПб., 1998.
77. Золотухина Н. М. Вопрос права и законности в политическом учении И. С. Пересветова // Советское государство и право. – 1983. – № 4.
78. Золотухина Н. М. Иосиф Волоцкий. – М., 1981.
79. Золотухина Н. М. Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической теории // Правоведение. – 1988. – № 1.
80. Золотухина Н. М. Теория «Москва – третий Рим» (из истории русской политической мысли конца XV – начало XVI вв.) // Советское государство и право. – 1977. – № 1.
81. Золотухина Н. М. Теория суверенитета государственной власти в русской политической литературе XVI в. (Нил Сорский) // Труды ВЮЗИ. 1975. т. 44.
82. Золотухина Н. М. Формы организации верховной власти по Временнику Ивана Тимофеева (XVII в.) // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. – М., 1985.
83. Карпец В. И. Символизм в политическом сознании эпохи Московской Руси // Из истории развития политико-правовых идей. – М., 1984.
84. Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России, вторая пол. XVII в. – М., 1982.

85. Заиченко Г. А. Джон Локк. – М., 1988.
86. Лейст О. Э. Учение Бенедикта Спинозы о государстве и праве. – М., 1960.
87. Темнов Е. И. Формирование буржуазного политического мышления Нового времени // Советское государство и право. – 1980. – № 11.
88. Азаркин Н. М. Монтескье. – М., 1988.
89. Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. – М., 1977.
90. Киссель М. А. Джамбатиста Вико. – М., 1980.
91. Лейст О. Э. Политическая идеология утопических социалистов Франции в XVIII в. – М., 1972.
92. Нерсесянц В. С. Право и закон. – М., 1983.
93. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII – XVIII. – М., 1976.
94. Грацианский П. С. Конституционные воззрения А. Н. Радищева // Советское государство и право. – 1981. – № 4.
95. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. – М., 1984.
96. Грацианский П. С. Политическая идеология русского самодержавия второй половины XVIII в. // Политико–правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М., 1980.
97. Егоров С. А. М. М. Щербатов о преобразовании государственного строя в России // Советское государство и право. – 1985. – № 1.
98. Зайченко А. Б. Взгляды Петра I на власть и закон // Политико–правовые исследования: проблемы и перспективы. – М., 1982.
99. Зайченко А. Б. Политическая концепция Антиоха Кантимира // Закономерности возникновения политико–правовых идей и институтов. – М., 1986.
100. Зайченко А. Б. Политические и правовые взгляды И. Т. Посошкова // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М., 1980.
101. Зайченко А. Б. Теория просвещенного абсолютизма в трудах Феофана Прокоповича // Из истории развития политико–правовых идей. – М., 1974.
102. Курсков Ю. В. Прогрессивные тенденции развития общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40-60 гг. XVII в. Иркутск, 1974.

103. Моряков В. И. Поиск пути: русская мысль второй половины XVIII в. о государстве и обществе // История отечества: люди, идеи, решения. – М., 1991.
104. Омельченко О. А. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике просвещенного абсолютизма // Проблемы правовой и политической идеологии. М., 1989.
105. Павленко Н. И. Социально-политические взгляды Петра I // Россия в период реформ Петра I. – М., 1973.
106. Паррингтон Л. Основные течения американской мысли: В 3 т. – М., 1962. – 1963.
107. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. – М., 1973.
108. Баскин Ю. Я. Кант и Фихте о сущности и назначении права // Кантовский сборник. Калининград, 1986. Вып. 11.
109. Баскин Ю. Я. Право в философской системе Фихте // Правоведение. – 1989. – № 5.
110. Мамут Л. С. Фихте как политический мыслитель // Правоведение. – 1974. – № 6.
111. Нерсесянц В. С. Теория права и государства Канта // Философия Канта и современность. – М., 1974.
112. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля: диалектика объективного духа // Философия Гегеля: проблемы диалектики. – М., 1987.
113. Нерсесянц В. С. Формирование политико-правового учения Гегеля // Из истории политических учений. – М., 1976.
114. Новгородцев П. И. Историческая школа права юристов. СПб., 1999.
115. Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и его уголовно-правовая теория. – М., 1993.
116. Соловьев Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. – М., 1992.
117. Виленский Б. В. Пестель о праве // Советское государство и право. 1975. № 12.
118. Графский В. Г. Бакунин. М., 1985.
119. Минаева М. В. Европейский легизм и эволюция политических представлений Н. М. Карамзина // История СССР. – 1982. – № 5.
120. Пивоваров Ю. С. Гений блага: М. Сперанский – первый теоретик государства в России // Социум. – 1994. – № 1.

121. Прозорова Н. С. Конституционно–правовые взгляды П. И. Пестеля // Советское государство и право. – 1981. – № 5.

121. Скрипилев Е. А. Республиканский идеал декабристов // Советское государство и право. – 1975. – № 12.

122. Чибыряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность и политические взгляды М. М. Сперанского. – М., 1993.

123. Шамарин Э. В. Государственно–правовые взгляды Н. П. Огарева // Советское государство и право. – 1975. – № 2.

124. Деев Н. Н. Джон Стюарт Милль // Политические учения: история и современность. – М., 1982.

125. Кечекьян С. Ф. Социологические взгляды О. Конта // Советское государство и право – 1957. – № 12.

126. Мамут Л. С. Учение Маркса о государстве // Общественные науки и современность. – 1991. № 5.

127. Медушевский А. М. Гражданское общество и правовое государство в политической мысли Германии // Вестник МГУ. 1992. Сер. 12. № 5.

128. Пионтковский А. А. Философия права Гегеля и марксизм // Советское государство и право. – 1971. – № 1.

129. Салмин А. М. Жозеф де Местр // Вестник Европы. – 1990. – № 5.

130. Салмин А. М. Идеюное наследие А. Токвиля и современные политические традиции Запада. – М., 1983.

131. Авдеева Л. Р. Право и его философы в России (Б. Кистяковский) // Вестник МГУ. – 1990. Философия. – № 3.

132. Авдеева Л. Р. Проблемы государства в русской религиозной общественной мысли последней трети XIX – начала XX вв. // Вестник МГУ. Сер. Научный коммунизм. – 1982. – № 5.

133. Бакин Ю. Я., Баскин Д. А. П. И. Новгородцев. – СПб., 1997.

134. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. – 1996. – № 8.

135. Графский В. Г. Политические и правовые взгляды русских народников: истоки и эволюция. – М., 1993.

136. Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. – М., 1999.

137. Воротилин Е. А. Онтология права в теории институционализма (М. Ориу) // Правоведение. – 1990. – № 5.

138. Козлихин И. Ю. Правопонимание Ф. А. Хайека // Правоведение. – 1992. – № 5.

139. Макаренко В. П. Концепция власти в политической социологии М. Вебера // Советское государство и право. – 1985. – № 5.
140. Марчук В. П. Идея «свободного права» Е. Эрлиха // Советское государство и право. – 1972. – № 6.
141. Шмакова Р. М. Легитимность политической власти (М. Вебер) // Советское государство и право. – 1990. – № 3.
142. Шмакова Р. М. Проблема харизматической власти в социологии М. Вебера // Государство и право. – 1998. – № 11.
143. Авдеева Л. Р. Проблема государства в русской религиозной общественной мысли последней трети XIX – начала XX вв. // Вестник МГУ. Сер. Науч. коммунизм. – 1982. – № 5.
144. Валицкий А. Нравственность и право в теории русских либералов конца XIX – начало XX вв. // Вопросы философии. – 1991. – № 8.
145. Зорькин В. Д. Критика психологической теории права Л. Петражицкого // Советское государство и право. – 1979. – № 6.
146. Зорькин В. Д. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого // Из истории развития политико–правовых идей. – М., 1984.
147. Исаев И. А. Политико–правовая учения в России, конец XIX – начало XX вв. – М., 1991.
148. Исаев И. А. Понятия «законности» и «целесообразности» в советской правовой теории 1920–х гг. // Советское государство и право. – 1985. – № 10.
149. Карр Э. Ленинская теория государства // Карр Э. История Советской России. – М., 1990. – Т. 1.
150. Нерсисянц В. С, Советское государственно–правовое строительство (проблемы взаимосвязи истории и теории) // Советское государство и право. – 1988. – № 8.
151. Рогозин Н. Т. Проблема власти в русском либерализме последней трети XIX – начала XX вв. // Политический прогресс и политическое сознание. – М., 1986.
152. Пахоленко Н. Б. Государственно-правовые взгляды Г. В. Плеханова (1883 – 1903 гг.). – М., 1987.
153. Плотниекс А. А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли. 1917 – 1925. – Рига, 1970.
154. Скакун О. Ф. Теория правового государства в дореволюционной России // Советское государство и право. – 1990. – № 2.

155. Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко–идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8.

156. Козлихин И. Ю. Процессуальная концепция права Лона Фуллера // Правоведение. – 1993. – № 2.

157. Пиголкин А. С. Социологическое учение Р. Паунда о праве // Советское государство и право. – 1960. – № 9.

5.4. Научно-методические материалы

1. Порубов Н.И. Методика подготовки и чтения лекций по правовой тематике. Методические рекомендации. – Новополоцк, 2001.

2. О.Э. Лейст Вопросы методики преподавания «Истории политических и правовых учений» // Вестник МУ. – Серия 11: право. – 1985. – № 3. – С. 80 – 89.

3. Методические рекомендации к изучению курса истории политических и правовых учений. – М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 1994. – 43 с.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА ДИСЦИПЛИНЫ

Номер недели	Номер темы	Название вопросов, которые изучаются на лекциях	Занятия (номера)	Форма кон- троля знаний
			Практические (семинары)	
1	2	3	4	7
1	1	Предмет, метод, периодизация истории политических и правовых учений.	1	Опрос студентов
2	3	Политические и правовые учения в государствах Древнего Востока	—	—
3	4	Политические и правовые учения в Древней Греции.	2	Опрос студентов
4	5	Политические и правовые учения в Древнем Риме	—	—
5	6	Политические и правовые учения в Западной Европе в период возникновения и развития феодализма.	3	Опрос студентов
6	7	Политические и правовые учения в Западной Европе в период возникновения и развития феодализма.	—	—
7	8	Политические и правовые учения в Европе в период начавшегося разложения феодализма и ранних буржуазных революций (XV – XVI вв.).	4	Опрос студентов
8	9	Политические и правовые учения в Европе в период начавшегося разложения феодализма и ранних буржуазных революций (XV – XVII вв.).	—	—
9	10	Политические и правовые учения в период общего кризиса феодализма (XVIII – XIX вв.)	5	Опрос студентов
10	11	Политические и правовые учения в период общего кризиса феодализма (XVIII – XIX вв.)	—	—
11	12	Политические и правовые учения в период утверждения и развития капитализма в странах Европы (конец XVIII – первая половина XIX в.).	6	Опрос студентов

12	13	Политические и правовые учения в период утверждения и развития капитализма в странах Европы (конец XVIII – первая половина XIX в.).	—	–
13	14	Политические и правовые учения в России в первой половине XIX в.	7	Опрос студентов
14	15	Политические и правовые учения в России в первой половине XIX в.	—	–
15	16	Возникновение марксистского учения о государстве и праве (середина XIX в.)	8	Опрос студентов
16	17	Возникновение Ленинизма. Развитие Лениным марксистской политико-правовой теории.	—	–
17	18	Политико-правовые взгляды деятелей Советского государства в 30-50г. XX в.	9	Опрос студентов
18	19	Политические правовые учения и теории в Западной Европе (первая половина XX в.)	—	–

ТЕМА 1. ПРИЧИНЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ТЕОРИЙ

1.1. Многообразие подходов к пониманию сущности и социальной природы права.

1.2. Причины многообразия подходов к пониманию сущности и социальной природы права.

1.1. Многообразие подходов к пониманию сущности и социальной природы права

Основополагающей проблемой истории политических и правовых учений является проблема сущности и социальной природы права в его историческом развитии. Понимание права как регулятора общественных отношений является достаточно простым, тривиальным и не отвечает на многие архиважные вопросы теории и практики.

Прежде всего, неясно при **каких условиях право утрачивает свойства регулятора общественных отношений и переходит в иное качество, в «неправо» и свой антипод – произвол.** Можно ли, например, право фашистской Германии, которым были грубо нарушены элементарные права человека, считать правом? Скорее всего это было закрепленным государством произволом, хотя внешне все признаки права как регулятора общественных

отношений были налицо: нормы устанавливались государством и охранялись им от нарушений.

Если теория права не содержит четких критериев, позволяющих отличать подлинное право от произвола и других, переходных к нему форм, то и юридическая практика неизбежно будет путаться в этом вопросе и будет придавать ореол права неправовым явлениям и процессам. Фактически это будет означать, что в обществе будут действовать формализм и под предлогом неукоснительного исполнения установленных государством норм в обществе будут безраздельно царствовать суррогаты права либо вовсе произвол.

К сожалению, современные теории права не имеют единого понимания сущности права. На вопрос о том, что есть право, ученые-юристы могут предложить лишь широкий и во многом противоречивый спектр оригинальных догадок-гипотез. Положение И. Канта о том, что ученые-юристы все еще ищут право, оказывается справедливым и в настоящее время. Наиболее значимыми в истории политико-правовой мысли являются трактовки права, данные представителями естественной, психологической, исторической, позитивистской, социологической теорий права, философией права и марксизмом.

Согласно **теории естественного права**, родоначальниками которой были Гроций, Гоббс, Локк, Монтескье и др., в обществе существует два права: естественное и благоприобретенное. Естественное право принадлежит человеку от рождения и включает в себя право на жизнь, личную свободу, частную собственность, право быть счастливым. Эти права признаются неотъемлемыми, и всякое посягательство на них других лиц, в том числе и государства, является правонарушением либо вовсе преступлением. Благоприобретенные права устанавливаются государством в форме законов и иных нормативно-правовых актов. В основе этого права лежат естественные права человека. Закон признается правовым постольку, поскольку он соответствует, развивает и конкретизирует естественные права человека. Несправедливый закон не создает право – таков основополагающий принцип данной теории.

Два вида права признают и **представители психологической теории права**, основоположником которой является российский правовед Л.И. Петражицкий. Согласно этой теории право представляет психическую деятельность человека, его правовые, «императивно-атрибутивные» эмоции, чувства, оценки, переживания. Человек чувствует свою волю связанной притязаниями других лиц, ожидающих от него исполнения определенной обязанности.

Именно такие психологические переживания определяют конкретные акты поведения человека и выступают его действительным, реальным правом.

В обществе существует также официальное право, установленное государством в виде законов и иных нормативно-правовых актов. Законы могут влиять на интуитивное право человека, на процессы формирования его воли. Тем не менее они не всегда доминируют в принимаемых индивидуумом решениях. Последний может принимать во внимание иные социальные нормы и действовать вопреки установлениям официального права. Поэтому действующее в обществе право значительно шире установленных государством нормативных предписаний и включает в себя всю совокупность психических переживаний человека и не только его. Естественные проявления психологического переживания представители этой теории обнаруживают у муравьев, шимпанзе, других животных и насекомых и, соответственно, признают их субъектами права наравне с человеком.

В **позитивистской теории** правом признаются только правила должного поведения, устанавливаемые законом и иными нормативно-правовыми актами, принимаемыми государственными органами. «Закон есть закон», который нужно исполнять в любом случае, независимо от психологических переживаний человека и его естественных прав. Требование законности, т.е. неукоснительного исполнения действующих нормативно-правовых актов относится ко всем без всякого исключения государственным органам, должностным лицам, гражданам и иным субъектам конкретных правоотношений. К лицам, не выполняющим предписания законов, иных нормативно-правовых актов, применяются меры государственного принуждения.

Представители этой теории весьма негативно относятся ко всяким попыткам искать право вне официально установленных государством нормативно-правовых предписаний. Любой устаревший, не соответствующий существующим в обществе отношениям закон является правом, подлежит неукоснительному исполнению до тех пор, пока компетентный орган не примет специального решения и не отменит его. Связанность права государством, его нормативно-правовыми решениями отличает данный вид социальных норм от морали, обычаев и корпоративных норм.

В отличие от позитивистов, **историческая школа** (Савиньи, Пухта и др.) понимала право как продукт народного духа, сознания народа, который живет и проявляется во взаимоотношениях его представителей. Право, как и язык, представляет собой неотъемлемый компонент народа или нации и развивается по аналогичным законам. В языке, отмечал Савиньи, наблюдается та же независимость от случайности и свободного выбора со стороны от-

дельных лиц, т.е. то же происхождение из деятельности общего народного духа, действующего в отдельных лицах. Только здесь все это более наглядно и бесспорно, чем в праве.

Образование права осуществляется путем постепенного раскрытия народного духа в историческом процессе. Народный дух определяет особенности народного правосознания, а оно выливается в нормы права. Наиболее полным и последовательным источником развития народного духа являются народные обычаи. Законы также отражают народное правосознание. Но в них народное правосознание выражается постольку, поскольку правильно воспринимается и последовательно проводится законодателем. Поэтому главная задача законодателя состоит в выявлении и закреплении в законах народного духа. Возможные отступления законодателя от народного правосознания не меняют объективного характера права и процессов его развития. Образование права идет не по субъективному усмотрению, желанию отдельных лиц или органов, а по законам объективной необходимости. Государство, его органы не изобретают законов, а санкционируют существующие в обществе порядки.

По мнению представителей исторической школы права, каждому народу присущ свой дух и, соответственно, свое правосознание. Поэтому нормы права одного народа не будут годными для других народов и национальностей. Чтобы народ имел соответствующее ему право, необходимо выявить его дух, а этого можно достичь лишь проводя исторические исследования. И чем глубже уходит в историю народа исследователь, тем более точными и полными будут знания о народном духе и процессах его развития.

Представители **социологической школы** права также полагают, что право не следует искать в законах или психологических переживаниях личности. Право, по их мнению, – это реальная жизнь, воплощенная в конкретных решениях в сфере предпринимательской деятельности, во взаимоотношениях работников и предпринимателей, иных лиц и социальных групп. При этом поиск «живого» права ведется в двух направлениях.

Одни авторы считают, что в обществе существует множество правовых систем, поскольку государство не в состоянии предусмотреть все необходимые для общества и его компонентов нормы права. Каждая коллективная общность людей, будь то спортивный клуб, торговое общество, профсоюзы или нация, может иметь и имеет свое право. Так, народ, нация создают свои обычаи и традиции, профсоюзы – профсоюзное право, причем негосударственные правовые системы могут создавать сильную конкуренцию праву, установленному государством.

Обычаи общества способны вытеснять устаревшие, формально действующие нормы права задолго до их официальной отмены. И наоборот, нормы, устанавливаемые государством, нередко закрепляют уже сложившийся «созидательный обычай», который был фактическим источником права до появления общей нормы.

Представители другого направления «живое» право видят в свободе судебного усмотрения при разрешении конкретных дел. Разумное и точное решение юридических казусов представляется им большим правом, нежели абстрактные нормы с их абстрактной справедливостью.

Изменения в системе общественных отношений судья осознает значительно быстрее законодателя и неизбежно должен выходить за рамки закона, который не соответствует «живому» праву, действующим в обществе отношениям. По мнению сторонников этого направления, судья вначале выносит решение, руководствуясь своими представлениями, а затем подбирает принятому решению соответствующую правовую аргументацию.

Принципиально иную трактовку права, его сущности дают **основоположники марксизма**. Рассматривая общество как органически целостное образование, действующее и развивающееся по объективным, независимым от воли людей законам, К. Маркс и Ф. Энгельс весьма четко и последовательно различали право и закон.

Право они понимали как меру свободы членов общества. Каждый класс в силу его особого положения в системе экономических отношений общества имеет свою меру свободы, свое право. Однако не всякий класс способен выразить свое право в системе общеобязательных норм, в законе. Такой способностью обладал лишь класс, который экономически и политически господствовал в обществе. С помощью закона этот класс закреплял собственные интересы и потребности и пытался их выдать за всеобщее право, за всеобщую меру свободы.

Все ранее существовавшие государства закрепляли и проводили в жизнь право эксплуататорских классов: рабовладельцев, феодалов, помещиков и буржуазии. Рабы и крестьяне не были способны по объективным и субъективным причинам взять государственную власть в свои руки и реализовать свое право в форме законов. Только пролетариат может осознать свои классовые интересы, объединиться в борьбе за свои экономические и политические права и взять государственную власть в свои руки. Лишь при этом условии он обеспечит полное и последовательное проведение пролетарской меры свободы, пролетарского права в форме законов. Пролетарское право одновременно будет правом всех трудящихся в обществе масс, т.е. более демократичным, нежели буржуазное и любое иное эксплуататорское право.

Однако пролетарское право по-прежнему не будет всеобщим. Провозглашенное им равенство в экономической сфере реально будет осуществлено на более высоком этапе развития общества, обладающего производительными силами, способными в полной мере удовлетворить потребности всех своих членов. Но в таком обществе не будет классов. Соответственно отпадет потребность и в государстве, и в присущем ему способе закрепления общеобязательных правил в форме закона или иных нормативно-правовых актов.

Многообразие трактовок сущности и природы права в российской юридической литературе нередко рассматривается как весьма позитивное явление, свидетельствующее о достаточно высоком уровне развития правовой науки, и прежде всего, теории права. Мол, благодаря разным трактовкам сущности права и его социальной природы вскрываются разные стороны, грани права, что способствует его углубленному и всестороннему познанию. Ученые-юристы открывают новые связи права с другими социальными явлениями и подготавливают обоснованные предложения по повышению роли и авторитета права в обществе.

По нашему мнению, ситуация с множеством трактовок сущности и социальной природы права заслуживает скорее негативных, нежели позитивных оценок. Тот факт, что ученые не могут решить данную проблему, составляющую ядро, основу теории права, свидетельствует о недостаточно высоком уровне данной науки, вынужденной пока что довольствоваться рядом оригинальных, но весьма противоречивых и недостаточно аргументированных гипотез. То, что в одной теории принимается за право, подается как право, весьма убедительно опровергается другой теорией и наоборот.

Между тем подлинная наука должна иметь единую теоретическую основу. Без выполнения этого требования теория права будет по преимуществу ограничиваться описанием действующих правовых систем и апологией правовой политики государства. Словом, по-прежнему следовать за практикой, вместо того, чтобы быть впереди ее, предвосхищать новые правовые явления и процессы и обеспечивать прогрессивное последовательное развитие права и процессов его реализации в конкретных отношениях.

1.2. Причины многообразия подходов к пониманию сущности и социальной природы права

Многообразие взглядов ученых-юристов на кардинальную проблему теории права в его историческом развитии обуславливается тремя факторами: 1) сложностью права, многообразием его проявлений в обществе; 2) влиянием на процессы познания сущности права правовой идеологии и клас-

совой борьбы; 3) различными исходными философскими и методологическими основаниями.

Право, а точнее, правовое регулирование, представляет собой весьма сложный и многообразный социальный институт, действующий в экономической, политической, образовательной и других основных сферах общества. Одновременно правовые явления и процессы необходимо присутствуют и во взаимоотношениях людей, их правосознании, конкретных действиях и поступках. Достаточно сложной и противоречивой предстает связь права с другими социальными нормами. Во всем этом многообразии весьма трудно определить те свойства, признаки, которые бы позволяли, бесспорно отличать право от «неправа» во всех его конкретных проявлениях.

Вопрос о сущности права осложняется тем, что оно не может быть выявлено индуктивным путем, в процессе выделения некоторых признаков, присущих всем или большей части правовых явлений. Такой путь в лучшем случае позволяет выявить некоторые, действительно важные свойства права, но не способен доказать, что эти свойства необходимо присущи праву, составляют его сущность, и все, что не обладает этими свойствами, не является правом.

Между тем именно таким ненадлежащим способом юристы пока что пытаются раскрыть сущность права. Не увенчались успехом и усилия советских правоведов познать глубинные процессы права с помощью материалистической диалектики и всеобщего метода теоретического познания – восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому, как показал обзор основных воззрений на сущность права, изложенный в предыдущем параграфе, сущностью права признаются отдельные компоненты правового регулирования, фиксируемые непосредственно индуктивным путем и противопоставляемые другим правовым явлениям и процессам.

Так, позитивисты связывают сущность права с нормативными установлениями, принимаемыми государственными органами, и тем самым сводят право к одной из форм его выражения – закону. Для представителей психологической теории подлинное право видится не в законе, а в психических, «императивно-атрибутивных» переживаниях личности, его правовой психологии. Социологическая юриспруденция видит подлинно «живое» право не в законах государства, а в решениях судьи или нормативных установлениях, принимаемых общественными организациями и иными коллективными образованиями людей.

Характерно, что на выбор тех или иных явлений, компонентов правового регулирования в качестве сущности права прямое и непосредственное

влияние оказывают не закономерные связи и зависимости правовых явлений и процессов, а чаще **всею состояние классовой борьбы в обществе или главные, основные задачи, решаемые государством на том или ином этапе его развития.**

Теория естественного права возникла в ходе буржуазных революций как теоретическое обоснование права буржуазии на революцию, насильственное низложение власти феодалов и лишение их права проводить свои интересы в качестве общеобязательных требований. Естественные права человека на жизнь, частную собственность, равноправие грубо нарушались феодальным государством, а потому народ на основании того же естественного права должен был низвергнуть действующую власть и создать такие порядки, которые бы гарантировали и развивали естественные права человека, его свободу. Основным оппонентом теории естественного права в XVIII – XIX вв. выступила историческая школа права. Рассматривая право как историческое развитие народного духа, данная школа теоретически оправдывала существующий феодальный строй, его государство и право и резко выступала против любых предложений буржуазных идеологов изменить существующие порядки революционным путем, установить буржуазное государство и право. Представители этой теории находили разумные основания не только феодальной зависимости, но и рабства. Рабство, полагали они, имеет то преимущество перед бедностью, что скорее собственник из разумных хозяйственных соображений затратит кое-что на обучение раба, обнаружившего известные способности, чем кто-либо – на нищего ребенка. Право бить и увечить раба ненамного хуже того, что приходится терпеть беднякам.

Обосновывая реакционный характер исторической школы права, К. Маркс отмечал, что эта школа оправдывает подлость дня сегодняшнего подлостью дня вчерашнего, объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута на том основании, что это кнут – старый, унаследованный, исторический кнут.

В борьбе с теорией естественного права историческая школа потерпела фиаско, и сама стала достоянием истории. Однако и естественно-правовой теории не пришлось сколько-нибудь долго вкушать плоды победы и любоваться результатами воплощения своих идей в действующем буржуазном праве.

С утверждением буржуазного строя и упрочением его экономической и политической основы, успешным созданием нового буржуазного права теория естественного права становится не только ненужной, но и вредной. Она могла быть использована рабочим классом для борьбы за свои права и про-

тив жестокой эксплуатации владельцев заводов и фабрик, освященной действующими законами. Закрепленное буржуазным правом формальное равенство всех членов общества не препятствовало грубейшему нарушению естественных прав рабочих и всех трудящихся, не имевших достаточных средств для существования и вынужденных добровольно идти в экономическую кабалу к собственникам средств производства.

В этих условиях буржуазия меняет свою юридическую доктрину. Теорию естественного права в XIX в. заменяет позитивизм, отрицающий какие бы то ни было естественные права человека и сводящий право к закону. Эта правовая доктрина полностью устраивала буржуазию. Она освящала действующие буржуазные законы, придавала им непререкаемый авторитет в обществе и требовала сурового наказания для тех, кто отказывался по тем или иным причинам их выполнять. В ранг правонарушений и преступлений попадали любые выступления рабочего класса за свои права, против жестокой эксплуатации.

Рабочему классу не оставалось ничего иного, как создать собственную правовую доктрину, которая бы теоретически обосновала правомерность его притязаний на активное участие в политических делах буржуазного общества, его борьбы за свои экономические права, а в перспективе и создание пролетарского государства и права. В середине XIX в. такая доктрина была разработана К. Марксом, Ф. Энгельсом, их сторонниками и последователями.

Марксистская теория права последовательно и обоснованно показывает, что логика развития буржуазного общества, его экономической основы неизбежно приведет к смене буржуазного государства и права пролетарским. Выступления рабочего класса и всех трудящихся за свои экономические и политические права столь же правомерны и исторически оправданны, как и борьба буржуазии с феодальным строем. Взятие пролетариатом власти в свои руки может произойти в ходе социалистической революции. Движущей силой и вождем этой революции может быть только пролетариат, который, свергнув политическое господство буржуазии, возьмет власть в свои руки и установит диктатуру пролетариата. Своим острием диктатура будет направлена против буржуазии, ее попыток вернуть себе власть. Для трудящихся диктатура пролетариата обеспечит реальное действие самых широких демократических прав и свобод, которые были доступны в условиях буржуазного общества только буржуазии и иным имущим слоям. Таким образом, диктатура пролетариата будет по-новому демократическим и по-новому диктаторским государством. Основная задача государства диктатуры пролетариата – создать необходимые условия для перехода к бесклассовому обществу и

обеспечению материального процветания и духовного развития всех членов этого общества.

Начиная с середины XX века, внимание правоведов вновь привлекла теория естественного права и опять-таки не только по мотивам истинного познания сущности права. Очередной поворот буржуазных юристов был обусловлен активной борьбой рабочего класса за свои права и наличием СССР, других социалистических государств, признававших и гарантировавших широким слоям населения весьма широкий спектр социально-экономических и политических прав. Буржуазное законодательство не могло существовать в прежнем виде и должно было придать себе «человеческое лицо», пойти на уступки трудящимся под весьма благовидными и привлекательными лозунгами естественного права.

Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах и других международно-правовых актов закрепили естественные права человека в качестве основы и конечной цели национального законодательства любого ныне существующего государства. И хотя состояние с правами человека в отдельных государствах является достаточно далеким от требований международных норм, тем не менее юридическое признание этих прав дает легальную почву рабочему классу и иным трудящимся для борьбы за эти права и одновременно вуалирует классовую сущность буржуазного государства и права.

Явные или опосредованные отзвуки политической и правовой конъюнктуры, борьбы классов, иных социальных групп за свои права и свободы можно обнаружить без особого труда и во всех остальных правовых теориях. Научные поиски ответа на вопрос, что есть право, неизбежно переплетаются с исходными классовыми позициями ученых-юристов и чаще всего оказываются подчиненными этим позициям.

Третьим фактором, с которым связывается многообразие теорий о сущности и социальной природе права, **являются философские и методологические позиции их авторов.**

Каждый ученый обладает мировоззрением, т.е. определенной совокупностью знаний о том, как устроен мир, из каких основных компонентов он состоит, каким образом эти компоненты взаимодействуют друг с другом, что лежит в основе развития мира и может ли человек познать окружающий его мир. Все эти проблемы составляют предмет философии, но обязательно используются юристами. В своих исследованиях сущности и социальной природы права юристы вынуждены обращаться к об-

щим мировоззренческим положениям философии всякий раз, когда пытаются показать, раскрыть связь права с другими социальными явлениями либо с божественным провидением, представить право как часть мирового порядка.

Коль скоро философия далека от единого понимания своих проблем, представляет собой достаточно яркую палитру различных школ и теорий, то и мировоззренческие позиции ученых-юристов оказываются весьма разнообразными. Каждый в своих правовых исследованиях опирается на философскую теорию, которая, по его мнению, правильно раскрывает проблемы мироздания и дает надежные способы научного познания. Своеобразие каждого философского воззрения, примененного в правоведении, неизбежно сказывается и на понимании сущности права и его социальной природы.

Так, в основе позитивистской теории права и особенно его крайнего крыла, представляемого нормативизмом Кельзена, лежит философия Канта, которая все науки делит на две группы: науки о сущем и науки о должном. В первую группу входят естественные науки, история, социология, изучающие причинно-следственные связи явлений природы или общества. Юриспруденция как наука о должном абстрагируется от каких бы то ни было причинно-следственных связей, и изучает только действующие в обществе нормы. Логическим следствием подобных философских установок предстает и трактовка сущности права как принятого государством закона.

Теория естественного права, признающая существование правовых норм вне закона, основывается на иных философских позициях, использует философские учения средневекового богослова Фомы Аквинского, объективного идеалиста Гегеля, экзистенциалистов и др. Как справедливо отмечает исследователь современной буржуазной правовой идеологии В. Туманов, «неокантианство в его марбургском и баденском вариантах, неогегельянство, бергсонизм и другие разновидности «философии жизни», феноменология, аксиология, экзистенциализм — почти все известные системы новейшей западной философии получили свое преломление в буржуазной философии права. Как правило, на их основе в ней возникали новые концепции и системы (например, феноменологическая и экзистенциалистская школа права и др.). Однако нередко встречались и попытки подкрепить уже существующую правовую концепцию новым философским обоснованием». (Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 150.)

Современный уровень философии, методологии научного познания, развитость права в современном обществе, накопленная правоведением система теоретических знаний свидетельствует о том, что теория права стоит уже на пороге действительного осознания сущности права и преодоления нынешнего разнобоя в этом вопросе, разрывающего науку на отдельные, плохо совместимые друг с другом теории. Скорее всего, эта глобальная задача окажется по плечу будущему поколению исследователей, которые ныне ходят еще в школу или осваивают азы правоведения.

Обстоятельное и системное изучение всех теорий о сущности и социальной природе права проводится в рамках истории правовых и политических учений. В курсе теории государства и права представляется целесообразным рассмотреть лишь отдельные теории, сыгравшие или играющие в настоящее время роль локомотива данной науки и способные оправдать надежды юристов на дальнейшее теоретическое освоение юридических проблем современности. В число таких теорий входят, прежде всего, *теория естественного права, позитивизм, философия права Гегеля и марксистская юридическая доктрина.*

Вышеназванные теории по используемому методу познания можно разбить на две группы:

1) теории, основанные на применении метафизического метода познания, требующего рассматривать явления односторонне и независимо друг от друга, вне их внутренних противоречий и саморазвития. В их число входят теория естественного права и юридический позитивизм;

2) теории, основанные на применении диалектического метода познания. Этот метод требует рассматривать предметы и явления всесторонне, в их взаимосвязи с другими предметами и явлениями, в их историческом развитии, источником которого выступают внутренние противоречия исследуемого. В число этих теорий входят философия права Гегеля и марксистская правовая доктрина. (В основе главы использованы материалы Сырых В. М., Теория государства и права: Учебник для вузов. – 5-е изд., стер. – М: ЗАО Юстицинформ, 2006.)

ТЕМА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

2.1 Особенности политико-правовых учений в государствах Древнего Востока.

2.2 Политическая и правовая мысль Древней Индии.

2.3 Политико-правовая мысль Древнего Китая.

2.1. Особенности политико-правовых учений в государствах Древнего Востока

Древнейшие политико-правовые учения возникли в Египте, Междуречье, Индии, Палестине, Китае и других странах Древнего Востока.

Классовые общества Древнего Востока – самый ранний тип общества, пришедшего на смену первобытнообщинному. Экономически он характеризуется господством патриархального натурального хозяйства, устойчивостью государственных форм собственности на землю и общинного землевладения, крайне медленным развитием индивидуальной частной собственности.

На содержании политической идеологии Древнего Востока сказались, прежде всего, традиционализм общинной жизни, незрелость классов и классового самосознания. Политическая мысль Древнего Востока долгое время развивалась на основе религиозно-мифологического мировоззрения, унаследованного от родового строя, содержала остатки первобытных представлений.

Главенствующее место в политическом сознании раннеклассового общества занимали мифы о божественном, сверхъестественном происхождении общественных порядков. С этими мифами были тесно связаны традиции обожествления существующей власти и ее предписаний. Цари, жрецы, судьи и другие представители власти считались потомками или наместниками богов и наделялись священными чертами.

В государствах Древнего Востока, вследствие неразвитости классового самосознания, правовые и политические учения еще не обособились от мифов, не сформировались в относительно самостоятельную сферу общественного сознания.

Незавершенный характер этого процесса проявлялся в следующем.

Во-первых, политико-правовые учения Древнего Востока оставались сугубо прикладными. Главное содержание их составляли вопросы, касающиеся искусства («ремесла»), управления, механизма осуществления власти и правосудия. Иначе говоря, в политических доктринах разрабатывались не столько теоретические обобщения, сколько конкретные проблемы техники и методов отправления власти. Государственная власть при этом в подавляющем большинстве учений отождествлялась с властью царя или императора. Верховный правитель считался олицетворением государства, сосредоточением всей государственной жизни. «Государь и его держава –

вот главные элементы государства», – сказано в индийском трактате «Артакшастра».

Во-вторых, политические учения Древнего Востока не отделялись от морали и представляли собой этико-политические доктрины. Преобразования в обществе и государстве во многих учениях Древнего Востока связывались с изменениями в образе жизни людей, с их моральным поведением. Само искусство управления государством подчас сводилось к нравственному совершенствованию правителей, к управлению силой личного примера. «Если правитель утвердит свое совершенство, – говорилось в китайской книге «Шу цзин», то во всем его многочисленном народе не будет сообществ злоумышленников».

В-третьих, для политико-правовых учений Древнего Востока, характерно то, что в них не только сохранились, но и развивались религиозно-мифологические воззрения. Преобладание в политических учениях практико-правовой и прикладной тематики, приводило к тому, что наиболее общие, отвлеченные от непосредственной практики вопросы (например, происхождение государства и права, их историческое развитие), оставались без решения либо решались при помощи тех воззрений, которые предоставляло религиозно-мифологическое мировоззрение.

Таким образом, социально-политические теории Древнего Востока являлись сложными идеологическими образованиями, состоявшими из религиозных догм, моральных представлений и правовых знаний. Соотношение этих элементов в различных учениях было неодинаково.

Вследствие экономической отсталости, многочисленных завоевательных войн и других причин, многие государства Древнего Востока утратили свою независимость или погибли. Возникшие в них политические доктрины, как правило, не получили дальнейшего развития. Последовательная и более устойчивая преемственность истории политико-правовой мысли сохранилась лишь в Индии и Китае.

2.2. Политическая и правовая мысль Древней Индии

Брахманизм.

Под заметным влиянием мифологических и религиозных представлений сформировалась и развивалась политико-правовая мысль в Древней Индии. С этим и связано и то доминирующее положение, которое на протяжении многих веков занимали жрецы (брахманы) в духовной и социально-политической жизни древнеиндийского общества. На основе

господствующих в обществе религиозных представлений брахманы создали новую идеологию – брахманизм. Зачатки идеологии брахманизма встречаются уже в ряде древнеиндийских памятников 2-го тысячелетия до н.э., именуемых в целом Ведами (санскритское слово «веды» означает «ведение», «знание»). В Ведах говорится о делении общества на четыре Варны (сословия), которые созданы богами из Пуруши (мирового тела и духа): – «...брахманом стали его уста, руки – кшатрием, его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра».

Идеология брахманизма была направлена на утверждение верховенства родовой знати складывающихся государств. Социально-политические идеи различных школ брахманизма отражены в многочисленных законоведческих и политических трактатах. Наиболее авторитетным среди них был трактат «Наставление Ману о дхарме», составленный в период 2-й в. до н.э. – II-й в. н.э., и переведенный на русский язык под названием «Закону Ману».

Как источник политической мысли большой интерес представляет «Ригведа» (собрание гимнов) – один из древнейших памятников индийской литературы. С «Ригведы» берут начало концепции всемогущего космического или божественного закона – *риты*. Рита-порядок, изначально установленный на земле и на небесах высшей силой, требующий от человека определенного поведения. За его нарушение человека ждет кара, но не судебного, а божественного порядка.

Наряду с ритой в Ведах употребляется понятие «дхарма». Постепенно оно вытеснило риту. Дхарма – это кодекс поведения человека, определяемый его общественным положением. В нем есть правила, обязательные для всех, а есть правила, связанные с происхождением, родом занятий, возрастом и т.п. Одним из краеугольных положений религии брахманизма был догмат о перевоплощении душ в живой природе, согласно которому душа человека после смерти, если он провел праведную жизнь, может возрасти уже в человеке более высоко общественного положения или даже небожителя. Поведение человека и его будущие перерождения брахманы оценивали в зависимости от того, как он выполняет предписания дхармы.

Брахманам предписывалось изучение Вед, руководство и обучение религии; Кшатриям полагалось заниматься военным делом. Управлять государственными и общественными делами было привилегией двух высших варн.

Вайшья должны были обрабатывать землю, пасти скот и торговать. Шудры должны были обслуживать остальные варны. Формально шудры были свободными, но то положение в обществе, которое отводили им «Законы Ману», мало чем отличалось от положения рабов.

Идеологический смысл учения о дхарме заключался в том, чтобы обосновать кастовый строй и привилегии наследственной знати, оправдать подневольное положение основной массы населения страны. Сословная принадлежность определялась по рождению, и являлось пожизненной. Переход в высшие варны, как уже отмечалось, брахманы допускали лишь после смерти человека, в его «будущей жизни», как награду за служение богам, терпение и кротость.

Средством, обеспечивающим кастовые предписания, выступало в брахманизме государственное принуждение, понимаемое как продолжение карающей силы богов. Идея наказания была основополагающим принципом политической теории – ей придавалось столь огромное значение, что саму науку управления государством называли учением о наказании. «Весь мир подчиняется посредством Наказания», – провозглашали «Законы Ману».

Государственную власть «Законы Ману» описывают как единоличное правление государя. В каждом благоустроенном государстве, разъясняли составители трактата, существует семь элементов: царь (государь), советник, страна, крепость, казна, армия и союзники страны (указаны в порядке убывающего значения элементов). Важнейший элемент в этом перечне – царь. Однако следует отметить, что к обожествлению царской власти идеологи брахманизма подходили с кастовых позиций. Брахманы претендовали на то, чтобы государи признали верховенство религиозных законов над светскими. Свою религиозную власть они ставили выше царской. Политическим идеалом брахманизма являлась своеобразное теократическое государство, в котором царь правит под руководством жрецов.

Особое место в истории древнеиндийской политической мысли занимает трактат под названием «Артхашастра» («Наставления о пользе»). Его автором считается брахман Каутилья. Первоначальная рукопись трактата перерабатывалась и дополнялась до III-го в. н.э.

Трактат воспроизводит положения брахманизма о кастовых предписаниях, о необходимости обеспечения закона дхармы суровыми наказаниями, о превосходстве жречества над другими сословиями. Автор проводит идею господства наследственной знати и подчинение светских пра-

вителей жрецам. Царь должен следовать дворцовому жрецу, говорить в трактате, «Как ученик учителю, как сын отцу, как слуга господину».

В то же время трактат содержит идеи, не совпадающие с традиционным учением жречества. В отличие от ортодоксальных школ брахманизма, отстаивавших верховенство религиозного закона, составители трактата утверждали, что из четырех видов узаконения дхармы – царского указа, священного закона (дхармашастры), судебного решения и обычая – высшей силой обладает царский указ.

На первый план в «Артхашастре» выдвинута идея сильной централизованной власти. Государь предстает здесь как неограниченным самодержавным правителем. Основное внимание создателей трактата уделяют нерелигиозному обоснованию царской власти, а практическим рекомендациям по управлению государством.

Эти новые для брахманизма идеи были направлены на то, чтобы освободить деятельность государства от стесняющих ее религиозных традиций, избавить правителей от необходимости сверять каждый шаг с догматами религии. В этом были заинтересованы как светские правители, стремившиеся упрочить государство и ослабить влияние жрецов на политику, так и определенные круги самого жречества, готовые поступиться частью своих привилегий ради консолидации господствующих в Индии сословий. Идеи трактата выражали программу взаимных уступок со стороны светской власти и жречества. Можно предположить, что необходимость таких уступок была вызвана повышением политической активности господствующих классов при объединении древнеиндийских государств в империю Маурьев.

Буддизм.

В борьбе против жреческой религии в 6 – 5 вв. до н.э. в Индии сформировался буддизм. Его основателем согласно приданию был принц Сиддхартха Гаутама, прозванный Буддой, то есть просветленным. Ранее буддизм представлял собой религиозно-мифологическое учение. В качестве главной, буддисты выдвинули идею освобождения человека от страданий, причиной которых являются мирские желания.

Предварительным условием спасения, буддизм объявлял выход человека из мира и вступления его в монашескую общину. Считалось, достичь нирваны (состояние абсолютного совершенства и успокоения) можно только порвав с мирской жизнью. В раннем буддизме существовали две системы религиозно-моральных предписаний: одна – для членов мо-

нашеской общины, другая – для мирян. В буддийские монашеские общины допускались только свободные (рабов не принимали). Вступающий в общину должен был отказаться от семьи и собственности, перестать соблюдать предписания своей варны. Монашеская жизнь детально регламентировалась. Правила же для мирян подробно не разрабатывались и во многом были заимствованы из традиционных норм ведической религии. Своеобразие буддийских воззрений на касты проявлялось лишь в том, что первыми в перечне Варн назывались вместо брахманов кшатрии.

« Существоют четыре касты, – проповедовал Будда, – кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры. Среди четырех каст кшатрии и брахманы обладают превосходством».

Социальные требования буддизма, по существу, сводились к управлению каст в религиозной сфере и не затрагивали основ общественного строя. При всей своей организованности это учение подрывало авторитет наследственных брахманов, их притязания на идейное и политическое руководство обществом. Оппозиционный, антижреческий характер буддизма, его безразличие к кастам в делах веры, проповедь психологического утверждения человека перед лицом страданий – все это снискало ему широкую популярность среди обездоленных и неимущих.

Первоначально буддизм отражал взгляды рядовых земледельцев общинников и городской бедноты. В последствии буддизм претерпел значительные изменения. Заинтересованные в поддержке господствующих классов руководители буддистских общин подвергли учение пересмотру. В нем усиливаются мотивы покорности и непротивление существующей власти, смягчаются требования крайнего аскетизма, появляются идеи спасения мирян. Светские правители, в свою очередь, начинают использовать учения в борьбе против засилья жречества и стремятся приспособить буддийские догматы к официальной идеологии. Процесс сближения буддийского учения с официальной идеологией достигает апогея в 3-м в. до н.э., когда царь Ашока, правивший империей Маурьев, перешел в буддийскую веру.

Дальнейшая история индийской общественной мысли связана с возникновением и утверждением индуизма – религии, впитавшей элементы брахманизма, буддизма и ряда других верований. Буддизм получает широкое распространение за пределами Индии – в странах Юго-Восточной Азии, Китая, Японии и др. В первых веках новой эры буддизм становится одной из мировых религий.

2.3. Политико-правовая мысль Древнего Китая.

Расцвет общественно-политической мысли Древнего Китая относится к VI – III вв. до н.э. В этот период в стране происходят глубокие экономические и политические изменения, обусловленные появлением частной собственности на землю. Рост имущественной дифференциации внутри общин повлек за собой возвышение зажиточных слоев, ослабление патриархальных клановых связей и углубления социальных противоречий. На смену безраздельному господству родовой знати приходит ожесточенная борьба за власть между имущественной и наследственной аристократией. Раннефеодальная китайская монархия, державшаяся благодаря авторитету родовой знати, распадается на многочисленные враждующие между собой государства. Страну охватывает затяжной политический кризис.

В поисках выхода из него идеологи враждующих классов выдвигают программы мероприятий, которые позволили бы упрочить положение представляемых ими слоев и обеспечить политическую стабильность. В общественно-политической мысли складываются различные направления и школы. Наиболее влиятельными политическими учениями Древнего Китая являлись даосизм, конфуцианство, моизм и легизм.

Даосизм. Лао-цзы.

Возникновение даосизма китайская история связывает с именем полупоэтического мудреца Лао-цзы, жившего по преданию в 6 в. до н.э. Ему приписывают составление канонического трактата «Дао дэ цзин» («Книга о Дао и дэ»).

Идеология раннего даосизма отражала воззрения мелкоземельной знати и общинной верхушки, их протест против чрезмерного обнищания правителей, усиление чиновничьего аппарата и расширения государственной деятельности. Утративши свое бывшее влияние, эти слои добивались реставрации патриархальных порядков.

В основе учения лежит понятие «Дао» (буквально – «путь»). Оно было заимствовано из традиционных китайских верований, где означало правильный жизненный путь человека или народа, соответствующий велению неба.

В отличие от традиционно-теологических толкований Дао, как проявления «небесной воли» Лао-цзы характеризует Дао как независимый от небесного владыки естественный ход вещей, естественную закономерность. Дао определяет законы неба, природу и общество. Оно олицетворяет высшую добродетель и естественную справедливость. В отношении к

дао все равны. В такой трактовке Дао выступает как естественное право. Существенная роль в даосизме отводится принципу недеяния, воздержанию от активных действий.

Все неестественное (культура, искусственно человеческие установления в сфере управления, законодательства и т.д.), согласно даосизму, – это отклонение от Дао и представляет ложный путь. Влияние естественного вообще (в том числе и естественного права), по данной концепции, осуществляется на путях такого следования Дао, которое скорее означает отказ от культуры и простое возвращение к естественности, нежели дальнейшее совершенствование общества, государства и законов на основе и с учетом каких-то позитивных требований Дао. Лао-цзы – один из первых представителей анархизма. Государство – искусственная структура, оно осуждается так же, как и богатство, знатность.

У Лао-цзы представлен целый набор основных анархистских идей:

- государство – искусственный организм, аппарат подавления и насилия;
- децентрализация, низведение государственности до уровня деревни;
- самое лучшее правительство то, которое меньше всего правит;
- аполитизм – призыв замкнуться в себе, не интересоваться делами государства и общества.

Не нужно стремиться влиять на ход событий, следует довериться действию космического закона Дао, – таков совет Лао-цзы.

Даосизм в отличие от конфуцианства индивидуалистичен и мистичен. Его цель – личная праведность, духовное совершенствование, обращение к небесному идеалу. Даосизм не может служить основой для общественных преобразований.

Конфуцианство. Конфуций.

Наиболее влиятельной доктриной в истории политической мысли Китая являлось Конфуцианство. Родоначальник этого направления Конфуций (551 – 479 гг. до н.э.) защищал интересы слоев, стремившихся примирить имущественную и наследственную знать.

Основными категориями конфуцианства являются понятия благородного мужа, человеколюбие и правил ритуала.

Управлять государством, согласно Конфуцию, призваны благородные мужи во главе с государем – «сыном неба». Вслед за сторонниками правления знатных Конфуций утверждал, что деление людей на «высших» и «низших» не может быть устранено. Отличие его взглядов от воззрений наследственной знати состояло в том, что Конфуций выделял благородных не по признакам происхождения, а по моральным качествам людей. Благородный муж в учениях Конфуция – это образец нравственного совершенства,

человек, который всем своим поведением утверждает нормы морали. Именно по этим критериям Конфуций предлагал выдвигать на государственную службу.

Главная задача благородных мужей – воспитать в себе и распространить повсеместно человеколюбие. Под человеколюбием понималось поведение, отвечающее нравственным ценностям семейно-клановых коллективов и патриархальных общин. Человеколюбие включало в себя: попечение родителей о детях, сыновнюю попечительность к старшим в семье, а также справедливое отношение между теми, кто не связан родственными узами. Общим принципом взаимоотношений между людьми был принцип: – «не делай другим того, чего не желаешь себе».

Перенесенные в сферу политики эти принципы должны были послужить фундаментом всей системы государственного управления. Государю вменялось в обязанность относиться к подчиненным, как к своим детям. Он должен заботиться о достатке продовольствия в стране, защищать ее оружием и воспитывать народ. Воспитание подданных – важнейшее государственное дело, и осуществлять его надо силой личного примера. «Управлять – значит поступать правильно». В свою очередь народ обязан проявлять сыновнюю почтительность к правителям, беспрекословно им повиноваться.

Описание идеального общества Конфуций конкретизировал в учении о правилах ритуала, которым отводилась роль нормативной системы государства. Конфуций был решительным противником управления на основе законов. Он осуждал правителей, делавших ставку на устрашающие правовые запреты, и выступал за сохранение традиционных религиозно-моральных методов воздействия на поведение китайцев.

Подчеркивая свое преклонение перед древностью, Конфуций призывал восстановить правила, существовавшие во времена правления лучших династий древнейшего Китая. В ряде своих работ он высказывал мысль о том, что необходимость в государственном управлении отпадет вообще, если правила ритуала будут всеми соблюдаться. Конфуций и его последователи не исключали, однако, что для наступления той счастливой пары потребуются карательные походы против непокорных. Применять наказание нужно по-отечески, то есть с уважением к людям. Конфуцианское учение тем самым отвергало произвол администрации, особенно на местах, ограничивало своеволие государя определенными моральными рамками.

Политическая программа раннего Конфуцианства в целом являлась консервативной, хотя в ней содержались и некоторые прогрессивные идеи. Проведенная на практике, она способствовала закреплению патри-

архальных, устаревших отношений, утверждению господства наследственной аристократии.

Вместе с тем отдельные положения доктрины, как уже отмечалось, имели прогрессивное значение. К ним следует отнести, прежде всего, идеи гуманизма, человеколюбия, распространения этих норм морали среди широких народных масс, обучение людей независимо от их сословной принадлежности. Просветительская деятельность Конфуция и его учеников сыграла громадную роль в развитии китайской цивилизации.

Моизм. Мо-цзы.

Основатель моизма Мо-цзы (479 – 400 гг. до н.э.) развивал идею естественного равенства всех людей и выступал с обоснованием договорной концепции возникновения государства, в основе которой лежит идея принадлежности народу верховной власти. Воспроизводя некоторые представления социальных низов, моисты осуждали замещение государственных должностей по принципам происхождения и родства. Они доказывали, что все люди равны перед божественным небом: «Небо не различает малых и больших, знатных и подлых; все люди – слуги неба». На государственную службу следует выдвигать наиболее мудрых независимо от происхождения. В подтверждении этого вывода Мо-цзы ссылался на пример древних. Первым правителем, согласно его концепции, люди избирали самого достойного. Получив от неба и духов право на управление Поднебесной он стал государем – «сыном неба».

Идеальной организацией власти Мо-цзы считал государство с мудрым правителем во главе и отлаженной исполнительской службой. В единообразном исполнении чиновниками воли государя он видел залог и основу прочности власти. Для установления же полного единства государства предлагалось насаждать единомыслие, искоренять вредные учения и поощрять доносы. Поддерживать порядок в государстве следовало при помощи наказаний и наград, соразмерных совершаемым поступкам.

Таким образом, в концепции моизма при обсуждении методов управления идеи равенства людей были фактически отброшены: концепция завершалась восхвалением демократически-бюрократического государства, исключая любую возможность не только участия народа в управлении, но и обсуждение им государственных дел. Взгляды Мо-цзы на государственное единство приближались к идее централизации власти.

В истории китайской политической мысли учение Мо-цзы занимает промежуточную ступень между конфуцианством, выдержанным в духе патриархальной морали и практико-прикладной теорией легистов (законников).

Моизм отражал результаты перерастания патриархальной общины в территориальную, развитие отношений построенных на расчете и соображениях выгоды, но воспроизводил идеологию слоев, которые не способны были преодолеть общинные связи. Отсюда – склонность моистов к конформизму, половинчатость предлагаемых ими реформ, утопические идеи выдвижения простых людей на государственную службу при сохранении аристократических привилегий и т.п. В политической программе моизма просматривались как прогрессивные, так и консервативные тенденции.

Легизм. Шан Ян.

Основные идеи древнекитайского легизма изложены в трактате 4 в. до н.э. «Книга правителя области Шан». Основные главы этого трактата написаны Гунн-сунь-Яном (390 – 338 гг. до н.э), известным под именем Шан Ян. Этот видный теоретик легизма и один из основателей школы «законников» был правителем области Шан.

Шан Ян выступил с обоснованием управления опирающегося на законы (фа) и суровое наказание. Критикуя распространенные в его время и влиятельные конфуцианские представления, и идеалы в сфере управления (приверженность старым обычаям и ритуалам, устоявшимся законом и традиционной этике и т.д.) Шан Ян замечает, что люди, поддерживающиеся подобных взглядов могут «лишь занимать должности и блюсти законы, однако, они не способны обсуждать вопросы, выходящие за рамки старых законов».

Представления легистов о жестоких законах как основном (если не единственном средстве управления тесно связанном с их пониманием взаимоотношений между населением и государственной властью). Эти взаимоотношения носят антагонистический характер по принципу «кто кого». «Когда народ сильнее всех властей, государство слабое; когда же власти сильнее своего народа, армия могущественна».

В целом вся концепция управления, предлагаемая Шан Яном, пронизана враждебностью к людям, крайне низкой оценкой их достоинства и уверенностью, что посредством насильственных мер и жестоких законов их можно подчинить желательному «порядку».

Существенное значение в доли организации управления Шан Ян и его последователи наряду с превентивными наказаниями энергично внедряли в практику судов принцип коллективной ответственности, то есть ответственности за чужую вину. Причем этот принцип, согласно легистам, выходил за круг людей, охватываемых семейно-родовыми связями,

и распространялся на объединения нескольких общин (дворов) – на так называемые пятидворки, охваченные круговой порукой. Внедренная таким путем система тотальной взаимослежки подданных друг за другом сыграла значительную, хотя и кровавую, роль в укреплении централизованной власти и стала существенным составным моментом последующей практики государственного управления и законодательства в Китае.

Легистские воззрения, кроме Шан Яна, разделяли и развивали и другие видные представители школы легизма. В рамках легистской доктрины, один из них, Хань Фэй (3 в. до н.э.) выступал за дополнение существующих законов новыми, которые бы усовершенствовали систему государственного управления. Это, по существу, означало признание недостаточности одних лишь тяжких наказаний в качестве средства управления. Отсюда и его частичная критика в адрес Шан Яна и его ближайших сподвижников.

В целом уже ко 2-му в. до н.э. официальная государственная идеология в Древнем Китае совмещала в себе положения как легизма, так и конфуцианства, причем последующему нередко отводилась роль привлекательного фасада и прикрытия. Подобный идейно-теоретический симбиоз различных конструкций управления и правопонимания сыграл значительную роль во всем последующем развитии государства и права в Китае.

**Выполните самостоятельные задания и подготовьте ответы
на следующие вопросы.**

1. Определите главные особенности, характеризовавшие процесс развития политико-правовой мысли в странах Древнего Востока.
2. Назовите основные религиозно-политические учения Древней Индии.
3. Какая из религий Индии являлась самой поздней по времени возникновения?
4. Какая из религий Древней Индии стала мировой религией?
5. Назовите основные политико-правовые школы и течения в Древнем Китае.
6. Какое из известных политико-правовых учений Древнего Китая оказало, на ваш взгляд, наибольшее влияние на весь последующий ход исторического развития страны?

Литература

Основная:

1. История политических и правовых учений. Домарксистский период./Под ред. О.Э.Лейста, – М.,1991.
2. История политических и правовых учений России./ И.А. Исаев, Н.М. Золотухина, – М., 2003.
3. История политических и правовых учений./ Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004.
4. История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. ВУЗов./ Под ред. В.С. Нерсесянус, – М., 1993.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений./ А.А. Акмалова, В.М. Капицин./ Учеб. пособие. – М., 2002.
2. История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н.Хорошилова, – М., 2002.
3. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсесянц, – М.,1985.
4. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышев, – М., 2000.

ТЕМА 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

3.1 Политико-правовая мысль Древней Греции раннего периода. Гераклит, Демокрит, Протогор.

3.2 Политико-правовые учения Древней Греции классического периода. Платон, Аристотель.

3.1. Политико-правовая мысль Древней Греции раннего периода. Гераклит, Демокрит, Протогор

В середине первого тысячелетия до н.э. в Греции завершается переход к рабовладельческому строю. Развитие морской торговли у греков стимулировало рост городов и создание греческих колоний вокруг Средиземного моря, ускорило имущественное расслоение общества. Благодаря оживленным связям с другими странами торговые центры Греции превратились в мощные очаги культуры, куда стекались новейшие достижения в области техники, естествознания, письменности и права.

Социально-политический строй Древней Греции представлял собой своеобразную систему независимых небольших государств. Общей чертой полисной жизни 7 – 5 вв. до н. э. являлась борьба между родовой аристократией, перераставшей в рабовладельческую наследственную знать, и торгово-ремесленными кругами, образовавшими вместе с отдельными слоями крестьянства лагерь демократии. В зависимости от перевеса той или иной стороны государственная власть в полисах принимала форму либо аристократического правления (Спарта), либо демократии (Афины), либо переходного правления тиранов.

С превращением рабства в господствующий способ эксплуатации, росло имущественное неравенство свободных, обострялись социальные противоречия древнегреческого общества. Богатые рабовладельцы, оттесняя родовитую знать и демократически настроенные средние классы, устанавливали в ряде полисов олигархические режимы. Борьбу среди свободного населения усугубляли антагонистические отношения рабовладельцев и рабов. Основанные на господстве аристократии или демократии государства-полисы объединялись в военно-политические коалиции и государственные союзы (Афинский морской союз). Противоборство этих коалиций порождало политические перевороты в полисах и меж-

доусобные войны, самой масштабной из которых была Пелопоннесская война 431 – 404 гг. до н.э.

В результате продолжительных междоусобных войн, подорвавших экономику полисов, они приходят в упадок и переживают глубокий кризис. Во второй половине 4 в до н. э. древнегреческие государства были покорены Македонией, а позже Римом (2 в. до н.э.).

Политическая идеология Древней Греции формировалась в процессе разложения мифа и выделения относительно самостоятельных форм общественного сознания. Интенсивная торговая деятельность греков, расширявшая их познавательный кругозор, совершенствование технических навыков и умений, активное участие граждан в делах полиса, особенно демократического, вызвали кризис мифологических представлений и побуждали искать новые приемы объяснения происходящего в мире. На этой почве зародилась философия как особая, теоретическая форма мировоззрения. Политико-правовые концепции начинают разрабатываться в рамках философских учений. Политико-правовые учения Древней Греции складывались в результате сложных взаимодействий политической идеологии с иными формами общественного сознания.

Для развития социально-политической теории первостепенное значение имело многообразие политического опыта, накопленного в государствах-полисах.

Правовая мысль Древней Греции постоянно обращалась к сравнительному изучению законов, которые установили в полисах первые законодатели (Ликург – в Спарте, Солон – в Афинах). В произведениях греческих мыслителей была разработана классификация форм государства: – *монархия, аристократия, демократия.*

На содержание античных политико-правовых концепций огромное влияние оказало также развитие этики, утверждение в рабовладельческом обществе индивидуалистической морали. В античной Греции на передний план выдвигаются вопросы, связанные с положением индивида в обществе, возможностью морального выбора и субъективной стороной поведения человека. Опираясь на идеи нравственной свободы индивида, представители демократии разрабатывали учения о равенстве граждан и договорном происхождении закона и государства.

Начиная с 3 в. до н.э., когда древнегреческие государства утратили свою независимость, в общественном сознании происходят глубокие изменения. Среди свободного населения нарастают настроения безысходности и аполитизма, усиливаются религиозные искания. Теоретические исследова-

ния политики в этот период подменяются нравоучениями индивидуалистического толка (стоицизм, школа Эпикура).

Гераклит

Учение Гераклита (530 – 470 гг. до н. э.) занимает заметное место в истории античной мысли. Политико-правовые воззрения Гераклита тесно связаны с его общефилософскими положениями, диалектическими идеями о всеобщем развитии. Согласно Гераклиту, мышление присуще всем, однако большинство людей не понимают логоса (всеуправляющего разума), которому необходимо следовать. Исходя из этого, Гераклит различает мудрых и неразумных, лучших и худших. Нравственно-политическая оценка людей является у него следствием меры интеллектуального постижения ими логоса.

Социально-политическое неравенство оправдывается им так же, как неизбежный, правомерный и справедливый результат всеобщей борьбы.

Жизнь полиса и его законы должны, по Гераклиту, следовать логосу. «Все человеческие законы питаются единым божественным». Имея в виду именно эту разумную природу закона полиса, Гераклит подчеркивал, что народ должен сражаться за закон, как за свои стены. Своеволие же следует гасить быстрее, чем пожар.

Критикуя демократию, где правит толпа и нет места лучшим, Гераклит выступал за правление лучших. По мнению Гераклита, для формирования и принятия закона не обязательно всеобщее одобрение, главное в законе – его соответствие всеобщему логосу, понимание чего одному (лучшему) более доступно, чем многим.

Принципиальным для подхода Гераклита, оказавшего заметное влияние на последующих мыслителей (Сократа, Платона), является выбор им интеллектуального (логико-философского, научно-математического) критерия для определения того, что есть «лучший», «благородный», «добронравный» (все это – современные Гераклиту синонимы «аристократа»). Этот концептуальный переход от predetermined природой аристократии крови к аристократии духа (знания и нравственных достоинств) был существенен, поскольку благодаря такой модернизации понятия «аристократ» аристократия из естественно замкнутой касты как бы становилась открытым классом, доступ в который был поставлен в зависимость от личных достоинств и усилий каждого.

Демокрит

Развитию политико-правовой мысли в V в. до н.э. содействовало углубление философского и социального анализа проблем общества, государства, политики и права.

Именно у Демокрита (ок. 460 – 370 гг. до н.э.) встречается первая попытка рассмотреть возникновение и становление человека, человеческого рода и общества как часть естественного процесса мирового развития. Человеческое общество появляется лишь после долгой эволюции как результат прогрессивного изменения исходного природного состояния. В этом смысле общество, полис, законодательство созданы искусственно, а не даны по природе. Однако само их происхождение представляет собой естественно-необходимый, а не случайный процесс.

Правильно понятый характер связи искусственного с естественным является, согласно Демокриту, критерием справедливости в этике, политике, праве. В этом смысле он считает несправедливым все то, что противоречит природе.

По Демокриту, в государстве представлены общее благо и справедливость; интересы государства превыше всего, и заботы граждан должны быть направлены к его лучшему устройству и управлению. Для сохранения государственного единства Демокрит требует единения граждан, их взаимного сочувствия, взаимопомощи, взаимозащиты и братства. Гражданская война расценивается им как бедствие для обеих враждующих сторон.

Этим положениям о единении граждан и социально-политическом мире созвучны восхваление им надлежащей меры в имущественных отношениях, критика излишеств и недостатков.

Наряду с высказываниями в защиту демократии в учении Демокрита имеется немало суждений в пользу аристократии. «По самой природе управлять свойственно лучшему». Лучшие, по Демокриту, это не старая знать и не богачи, но все те, кто обладает высокими умственными и нравственными качествами.

Считая искусство управления государством наивысшим из всех искусств, Демокрит утверждал, что дурные граждане не достойны почетных должностей из-за своей небрежности, глупости.

Законы, по Демокриту, призваны обеспечить благоустроенную жизнь людей в полисе, но чтобы действительно достигнуть этих результатов, необходимы соответствующие усилия и со стороны самих людей, их повиновение закону.

Протагор

Политическая мысль рабовладельческой демократии получила обоснование в произведениях софистов.

Возникновение школы софистов как общественного движения было вызвано укреплением демократического строя Афин во второй половине 5

в. до н.э. Софистами (от греч. «софос» – мудрый) называли философов, которые обучали искусству спорить, доказывать, выступать в суде и народном собрании.

В центре внимания софистов находились вопросы права и политики, морали, приемы доказательств и ораторского искусства.

Одним из основателей этого направления был Протагор. Знаменитый миф Протагора лишь внешне напоминает религиозные предания. Создание этого мифа было нацелено на то, чтобы опровергнуть традиционные мифологические представления о «золотом веке» в прошлом. Протагор рисует в своем мифе беспомощное существование человека до образования государства, проводит идеи восходящего развития культуры и совершенствования общественной жизни по мере накопления знаний. Протагор доказывал, что законы относятся к произведениям искусства и что, подобно любому другому ремеслу, справедливости в общественных делах можно научиться. Добродетель, замечал он, дело наживное. Идея одинаковой причастности людей к справедливости приводилась в обоснование того, что в управлении государством должны участвовать все граждане.

Протагор подчеркивал изменчивый характер представлений человека. Согласно Протагору, общепризнанной истины и единого блага просто не бывает. Носителем знаний и справедливости является не только мудрец, но и каждый отдельный человек. Эту мысль Протагор выразил в формуле, которая воспринималась современниками как своеобразный лозунг софистов: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а не существующих, что не существуют».

3.2. Политико-правовые учения Древней Греции классического периода. Платон, Аристотель

Платон

Платон (427–347 гг. до н.э.) – величайший мыслитель всей истории философии, политических и правовых учений.

Платон происходил из знатного афинского рода. В молодости Платон был слушателем и учеником Сократа, оказавшего на него огромное влияние.

Воззрения Платона заметно изменялись на протяжении его творческого пути. Так, в его ранних «сократических» диалогах («Апология Сократа», «Протагор», «Критон»), в целом доминируют взгляды, метод, подход Сократа – рационализм. Учение Платона об идеях появляется в более поздних

диалогах «Государство», «Политик», «Софист», «Парменид». В последнем труде «Законы» доминируют религиозно-мифологические верования.

Смысл платоновского учения об идеях состоит в том, что «истинное бытие – это некие умопостигаемые и бестелесные идеи», а данные ощущение эмпирические тела, вещи и явления – не истинны, поскольку вообще относятся не к бытию, а к чему-то подвижному, становлению.

Мир явления для Платона не абсолютно отделен и изолирован от мира идей, поскольку первый при всей своей мнимости и несамостоятельности все же представляет собой искаженную копию и слабую тень второго. Мир идей – вечно неизменный божественный проект изменчивого человеческого мира.

Истинное познание – это познание бытия, т. е. мира идей. Оно доступно лишь «редким людям» – философам. Толпе же, считал Платон, не присуще быть философом.

Идеальное государство у Платона, в диалоге «Государство», трактуется как реализация идей и максимально возможное воплощение мира идей в земной общественно-политической жизни – в полисе.

Определяя полис как совместное поселение, обусловленное общими потребностями, Платон обосновывает положение о том, что наилучшее удовлетворение этих потребностей требует разделения труда между гражданами государства, для чего необходима иерархия сословий.

Женщины в идеальном государстве уравниваются в правах и возможностях с мужчинами. Детей воспитывает государство.

Платон – против крайностей богатства и бедности, за умеренность, средний достаток. Он отмечает политическое значение имущественного расслоения общества. Главное социально-экономическое отличие проектируемого идеального государства от всех прочих государств Платон видит в том, что в нем преодолен раскол на богатых и бедных.

Идеальное государство Платона – справедливое правление лучших. Платон разделяет естественно-правовое положение Сократа, сформировавшееся в споре с софистами, о том, что законное и справедливое – одно и то же, поскольку в их основе лежит божественное начало.

Правление философов и действие справедливых законов для Платона в «Государстве» – два взаимосвязанных аспекта единого идеального проекта.

Идеальное государство как правление лучших и благородных – аристократическое государственное устройство. Это лучший тип государственного устройства по Платону.

Понимая изменения и смену различных общественно-государственных форм как круговращение внутри определенного цикла, Платон говорит о соответствии пяти видов государственного устройства (аристократия, тимократия, олигархия, демократия, тирания) пяти видам душевного склада людей.

Идеальному (аристократическому) государственному устройству Платон противопоставляет четыре других, характеризуя их в порядке прогрессирующей порчи государственности. Освещая весь этот цикл деградации, Платон создает цельную динамическую картину политической жизни и смены ее форм.

Ряд существенных политико-правовых проблем освещен Платоном в диалоге «Политик». Политика – это, согласно Платону, царское искусство, требующее знания и умения управлять людьми. При таких данных у правителей, считал Платон, будет уже неважно, правят ли они по законам или без них. Во всех иных государствах, во главе которых нет истинных правителей, правление должно осуществляться через законы.

Кроме образцового государства, правитель которого руководствуется истинным знанием, Платон выделяет еще три вида правления (монархия, власть немногих и власть большинства), каждый из которых в зависимости от наличия или отсутствия законности делится надвое: законная монархия – царская власть, противозаконная – тирания; законная власть немногих – аристократия, незаконная – олигархия; демократия с законами и без законов.

В «Законах» Платон рисует «второй по достоинству» государственный строй, где различает два вида государственного устройства: один – где над всем стоят правители, другой – где и правителям предписаны законы. При этом речь идет о справедливых законах, установленных ради общего блага всего государства в целом.

Платон рекомендует законодателю придерживаться умеренности, ограничив, с одной стороны, власть правящих, с другой – свободу управляемых. Большое значение он придает разработке и изучению науки о законах.

В проекте второго по достоинству государства основная ставка делается на детальные и суровые законы, которые жестко регламентируют публичную и частную жизнь людей.

На страже законов стоит правосудие. Всякое государство, отмечает Платон, перестает быть государством, если суды в нем не устроены надлежащим образом.

Существенное значение Платон придавал идеологической обработке населения проектируемого государства путем внушения ему представлений о божественности и незыблемости учреждаемых порядков и законов. Комплекс философско-мифологических воззрений, которые должны быть внушены населению, предстает в виде общеобязательной государственной религии, нацеленной на достижение единомыслия граждан и упрочение социально-политического строя и законопорядка проектируемого государства.

Аристотель

Дальнейшее развитие и углубление античной политико-правовой мысли после Платона связано с именем его ученика и критика Аристотеля (384 – 322 гг. до н.э.), которому принадлежат слова: «Платон мне друг, но больший друг – истина». Аристотель – один из самых универсальных мыслителей истории.

Политико-правовая тематика подробно освещается в его работах «Политика», «Афинская полития», «Этика».

Аристотель предпринял попытку всесторонней разработки науки о политике. Политика как наука у него тесно связана с этикой. Научное понимание политики предполагает, по Аристотелю, развитые представления о нравственности, знание этики. Этика предстает как начало политики, введение к ней.

Аристотель различает два вида справедливости: уравнивающую и распределяющую. Критерием уравнивающей справедливости является «арифметическое равенство», сферой применения этого принципа – область гражданско-правовых сделок, возмещения ущерба. Распределяющая справедливость исходит из принципа «геометрического равенства» и означает деление общих благ по достоинству, пропорционально вкладу и взносу того или иного члена общения.

Основным итогом этических исследований является положение о том, что политическая справедливость возможна лишь между свободными и равными людьми, принадлежащими к одному сообществу, и имеет целью их самоудовлетворенность (автократию).

Государство (полис) – продукт естественного развития. Государство – высшая форма общения. Человек по природе своей существо политическое, и в государстве (политическом общении) завершается генезис этой политической природы человека.

Для Аристотеля государство представляет собой некое целое и единство составляющих его элементов, но он критикует платоновскую попытку

«сделать государство чрезмерно единым». Государство состоит из множества элементов, и чрезмерное стремление к единству приводит к уничтожению государства. С позиций защиты частной собственности, семьи и прав индивида Аристотель обстоятельно критиковал оба проекта платоновского государства. По Аристотелю, частная собственность коренится в природе человека, его естественной любви к себе.

Государство, замечает Аристотель, понятие сложное. По своей форме оно представляет собой известного рода организацию и объединяет определенную совокупность граждан. Определение государства как формы зависит от того, кого же считать гражданином. Гражданин, по Аристотелю, это тот, кто может участвовать в законосовещательной и судебной власти данного государства.

Каждой форме государства соответствует свое определение понятия гражданина, свои основания наделения того или иного круга лиц совокупностью гражданских прав. Вместе с изменениями понятия гражданина, и, следовательно, формы государства изменяется и само государство.

Форму государства Аристотель характеризовал также как политическую систему, которая олицетворяется верховной властью в государстве. Кроме того, им различаются правильные и неправильные формы государства: в правильных формах правители имеют в виду общую пользу, при неправильных – только свое личное благо. Тремя правильными формами государства являются монархическое правление (царская власть), аристократия и полития, а соответствующими ошибочными отклонениями от них – тирания, олигархия и демократия.

Самую правильную форму государства Аристотель называет полицией. В политии правит большинство в интересах общей пользы. Все остальные формы представляют собой то или иное отклонение от политии.

Аристотель резко критикует крайнюю демократию, где верховная власть не принадлежит закону, но в то же время он с одобрением характеризует умеренную цензовую демократию, основанную на примирении богатых и бедных и господстве закона.

Полития как лучшая форма государства соединяет в себе лучшие стороны олигархии и демократии, но свободна от их недостатков и крайностей. Полития – это «средняя» форма государства, и «средний» элемент в ней доминирует во всем: в нравах – умеренность, в имуществе – средний достаток, во властвовании – средний слой. «Государство, состоящее из «средних» людей, будет иметь и наилучший государственный строй».

Основную причину возмущений и переворотов в государстве Аристотель видел в отсутствии надлежащего равенства.

«Законодатель лучшего государства должен стремиться к тому, чтобы доставить гражданам досуг и мир, поскольку конечной целью войны служит мир, работы – досуг». С освещением темы войны Аристотель подробно останавливается на проблеме рабства. Он отмечает, что военное дело нужно не для порабощения других народов, а прежде всего для того, чтобы самим не попасть в рабство. Высоко оценивая благо мира, Аристотель подчеркивал, что «принцип войны можно считать противным идее права».

В своем правопонимании Аристотель разделяет положение Сократа и Платона о совпадении справедливого и законного. Право олицетворяет собой политическую справедливость и служит нормой политических отношений между людьми.

Политическое правление – это, по Аристотелю, правление закона, а не людей: правители, даже лучшие подвержены чувствам и аффектам, закон же «уравновешенный разум».

Великие мыслители Древней Греции внесли существенный вклад в развитие политико-правовых воззрений, в теоретическую разработку проблем государства и права. Этим обусловлено их заметное влияние на последующих авторов и их выдающееся место в истории политических и правовых учений.

Самостоятельная работа над первоисточниками, подготовка ответов на вопросы рассмотренной темы.

- проработать диалог Платона «Государство».
- проработать работу Аристотеля «Политика».

Дайте ответы на следующие вопросы:

- 1.) Почему Афинское государство стало родиной самых известных мыслителей древнеевропейской политической и правовой мысли?
- 2.) В чем главное отличие в политико-правовых учениях Платона и Аристотеля?
- 3.) Чьи политико-правовые воззрения на ваш взгляд были более прогрессивными и демократичными?

Литература

Основная:

1. История политических и правовых учений. Домарксистский период. / Под ред. О.Э.Лейста, – М.,1991.

2. История политических и правовых учений России./ И.А. Исаев, Н. М. Золотухина, – М., 2003.

3. История политических и правовых учений. / Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.

4. История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. ВУЗов./ Под ред. В. С. Нерсесянц, – М., 1993г.

Дополнительная:

5. История политических и правовых учений./ А. А. Акмалова, В. М. Капицин./ Учеб. пособие. – М., 2002г.

6. История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н. Хорошилова, – М., 2002г.

7. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсесянц, – М., 1985

8. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышева, – М., 2000г.

ТЕМА 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

1. Введение.
2. Политико-правовые взгляды Марка Туллия Цицерона.
3. Римские стоики. Римские юристы.

4.1. Введение

История древнеримской политической и правовой мысли в своей эволюции отражает существенные изменения в социально-экономической и политико-правовой жизни Древнего Рима. Сама история Древнего Рима делится на три периода: царский (754 – 510 до н.э.), республиканский (509 – 28 до н.э.), императорский (27 до н.э. – 476 н.э.), причем единая Римская империя в 395 г. н.э. была окончательно разделена на Западную (столица - Рим) и Восточную (столица – Константинополь) империи, и последняя (Восточная Римская, Византийская империя) просуществовала до 1453 г.

Политико-правовые институты и воззрения в Древнем Риме развивались в условиях острой борьбы между различными слоями населения – патрициями и плебеями, нобилитетом (из патрициев и богатых плебеев) и немущими, оптиматами (приверженцами верхов общества) и популярями (сторонниками свободных низов), свободными и рабами.

Древнеримская политико-правовая мысль находилась под заметным воздействием древнегреческих политико-правовых концепций. Значительное влияние на древнеримских авторов оказали взгляды Сократа, Платона, Аристотеля, эпикурейцев, стоиков, Полибия и многих других греческих мыслителей.

В своих теоретических построениях римские авторы использовали естественно-правовые идеи греческих мыслителей, их учения о политике и политической справедливости, о формах государства, о «смешанной» форме правления.

Однако римские авторы не ограничивались лишь простым заимствованием положений греческих мыслителей, а развивали их дальше с учетом специфических социально-политических условий и задач римской действительности. Например, характерная для древнегреческой мысли идея взаимосвязи политики и права получила свое дальнейшее развитие и новое выражение в трактовке Цицероном государства как публично-правовой общности. Представление греческих стоиков о свободном индивиде было использовано римскими авторами при создании, по существу, новой концепции – понятия юридического лица (правовой личности, персоны).

Значительным достижением древнеримской мысли было создание самостоятельной науки – юриспруденции. Римские юристы тщательно разработали обширный комплекс политико-правовой проблематики в области общей теории государства и права, а также отдельных юридических дисциплин (гражданского права, административного права, уголовного права, международного права).

Римские авторы в своих построениях теоретически отразили новую, отличную от древнегреческой, социально-историческую и политико-правовую реальность, в обстановке которой они жили и действовали (достаточно высокое развитие отношений частной собственности и права, кризис полисного устройства государства и старой полисной идеологии, превращение Рима в мировую державу, переход от республики к империи, от традиционных форм правления к новым формам единоличной власти – к принципату и доминату, кризис рабского труда и становление колоната).

4.2. Политико-правовые взгляды Цицерона

Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.) – знаменитый римский оратор, политический деятель и писатель. В его творчестве значительное внимание уделено проблемам государства и права. Эти вопросы освещены

в работах «О государстве», «О законах», «Об обязанностях», а также в многочисленных политических и судебных речах.

Теоретические воззрения Цицерона в области государства и права находятся под заметным влиянием древнегреческой мысли, и прежде всего учений Платона, Аристотеля, Полибия и стоиков. Вместе с тем это влияние Цицерон стремился соединить и согласовать с собственно римскими традициями в области государственно-правовой практики и политико-правовой мысли, с реальной обстановкой и актуальными задачами современной ему социальной и политической действительности.

Цицерон определяет государство как дело, достояние народа. При этом он подчеркивает, что «народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов». Тем самым государство в трактовке Цицерона предстает как согласованное правовое общение его членов, как определенное правовое образование, «общий правопорядок».

Основную причину происхождения государства Цицерон видел не столько в слабости людей и их страхе, сколько в их врожденной потребности жить вместе. Разделяя в этом вопросе позицию Аристотеля, Цицерон отвергал широко распространенные в его время представления о договорном характере возникновения государства.

Цицерон трактовал семью как первоначальную ячейку общества, из которой постепенно и естественным путем возникает государство. Он отмечал изначальную связь государства и собственности и разделял положение стоика Панетия о том, что причиной образования государства является охрана собственности.

В русле традиций древнегреческой мысли Цицерон уделял большое внимание анализу различных форм государственного устройства, возникновению одних форм из других, «круговороту» этих форм, поискам «наилучшей» формы.

Критерии различения форм государственного устройства Цицерон усматривал в «характере и воле» тех, кто правит государством. В зависимости от числа правящих он различал три простые формы правления: царскую власть, власть оптиматов (аристократию) и народную власть (демократию).

Все эти простые формы государства несовершенны, но по мнению Цицерона, все же терпимы и могут быть вполне прочны, если только сохраняются те основы и связи (в том числе и правовые), которые впервые

накрепко объединили людей в силу их общего участия в создании государства. Каждая из этих форм имеет свои достоинства и недостатки. Все достоинства разных форм правления, по мысли Цицерона, могут и должны быть в их совокупности, взаимосвязи и единстве представлены в смешанной (а потому и наилучшей) форме государства. В простых же формах государства эти достоинства представлены односторонне, что и обуславливает недостатки простых форм, ведущие к борьбе между различными слоями населения за власть, к смене форм власти, к их вырождению в «неправильные» формы.

Как путь к смешанной форме правления Цицерон трактовал эволюцию римской государственности от первоначальной царской власти к сенатской республике. При этом аналогию царской власти он видел в полномочиях магистратов, власти – оптиматов в полномочиях сената, народной власти – в полномочиях народных собраний и народных трибунов.

Свою концепцию наилучшей смешанной формы государства, Цицерон считал реально осуществимой, подразумевая при этом практику римской республиканской государственности в лучшую пору ее существования.

В своем творчестве и в своей практической политической деятельности Цицерон последовательно выступал за строй сенатской республики, против полновластия отдельных лиц, в том числе и против режима личной военной диктатуры.

Рабство, по Цицерону, «справедливо потому, что таким людям рабское состояние полезно и это делается им на пользу, когда делается разумно». Рабство обусловлено самой природой, которая дарует лучшим людям владычество над слабыми для их же пользы.

Много внимания в творчестве Цицерона уделено восхвалению добродетелей истинного государственного деятеля и идеального гражданина.

Лицо, ведающее делами государства, должно быть мудрым, справедливым, воздержанным и красноречивым. Оно должно быть сведущим в учениях о государстве и «владеть основами права».

Обязанности идеального гражданина, согласно Цицерону, обусловлены необходимостью следования таким добродетелям, как познание истины, справедливость, величие духа и благопристойность.

Цицерон различал естественное и позитивное право. В своем учении о естественном праве Цицерон находился под большим влиянием соответствующих идей Платона, Аристотеля и ряда стоиков. Основным смыслом естественного права в том, что «справедливость воздает каждому свое и со-

храняет равенство между ними». Справедливость, согласно Цицерону, требует не вредить другим и не нарушать чужую собственность.

Естественное право (высший, истинный закон), согласно Цицерону, возникло «раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, чем какое-либо государство вообще было основано». Само государство (как «общий правопорядок») с его установлениями и законами является по своей сущности воплощением того, что по природе есть справедливость и право.

Право устанавливается природой, а не человеческими решениями и постановлениями.

Соответствие или несоответствие человеческих законов (позитивного права) природе (естественному праву) выступает как критерий и мерило их справедливости или несправедливости.

В учении Цицерона о праве наряду с отличием естественного права от писаного содержится деление самого писаного права на частное и публичное. Публичное право – право народов трактуется им как частью положительное право разных народов и частью как естественное право международного общения. Он формулирует существенный принцип международного права о необходимости соблюдения обязательств, налагаемых международными договорами.

Творческое наследие Цицерона, в том числе и его учение о государстве и праве, оказало большое влияние на всю последующую человеческую культуру. В истории политической и правовой мысли наибольшее внимание многочисленных авторов привлекали, в частности, положения Цицерона о формах государства, о смешанном правлении, о государстве как деле народа и правовом сообществе, о естественном праве, о гражданине как субъекте права и государства (Фома Аквинский, Гроций, Монтескье).

4.2. Римские стоики. Римские юристы

Основными представителями римского стоицизма были Луций Анней Сенека (ок. 1 до н.э. – 65 г. н.э.), Эпиктет (ок. 50 г. – ок. 120 г.), Марк Аврелий Антонин (121 г. – 180 г.). Их общетеоретические представления находились под значительным влиянием философских, этических и политико-правовых концепций древнегреческих стоиков. Творчество римских стоиков развивалось в условиях усилившегося кризиса ценностей прежней полисной идеологии, укрепления власти принцепсов и режима цезаризма, превращения Римской империи в мировую державу. В этой обстановке

римские стоики склоняются к проповеди фатализма и политической пассивности, космополитизма и индивидуалистической этики нравственного самоусовершенствования.

Сенека

Сенека отстаивал идею духовной свободы всех людей независимо от их общественного положения. Раб, согласно Сенеке, – человек, равный по натуре другим людям, и ему присущи те же душевные качества, что и всем остальным. Не отвергая само рабство как социально-политическое явление и правовой институт, Сенека вместе с тем считал его в этическом плане несостоятельным, отстаивал человеческое достоинство раба и призывал к гуманному обращению с ним как с духовно равным субъектом.

Сенека считал судьбу (или, что для него тоже самое, бога, божественный дух, мировое целое) причиной всех причин. Люди не в силах изменить мировых отношений, частью которых являются их собственные отношения, но могут лишь стойко переносить развертывающиеся предначертания судьбы, отдаться воле законов природы.

Исходя из стоической идеи единства божественного и человеческого мира, Сенека считал, что люди – «родные друг другу». Благодаря разуму и общительности люди в борьбе за существование достигли господства над животными, овладели природными стихиями и живут тесными сообществами.

В естественно-правовой концепции Сенеки естественное право выступает и как природный факт (порядок мироустройства), и как необходимый императив разума. Разум как факт и норма естественного порядка воплощен и в человеческом сообществе как части мирового целого. Соответствие человеческих отношений божественному началу базируется на разуме: человеческий разум – часть божественного духа.

Развивая космополитические идеи Сенека утверждал, что Вселенная – это естественное государство со своим естественным правом, признание чего – дело необходимое и разумное. Что же касается отдельных государственных образований, то они случайны и значимы не для всего человеческого рода, а лишь для ограниченного числа людей.

Этически наиболее ценным и безусловным, согласно концепции Сенеки, является «большое государство». Разумность и понимание «закона судьбы» (естественного права, божественного духа) состоят в том, чтобы признать необходимость мировых законов и руководствоваться ими.

Сходные идеи развивали Эпиктет и Марк Аврелий Антонин.

Такие идеи римских стоиков, как индивидуализм и естественно-правовые положения оказали влияние на взгляды римских юристов.

Римские юристы

Начало светской юриспруденции связано с именем Гнея Флавия. Флавий опубликовал сборник юридических формул, употреблявшихся по закону в процессе. Эта публикация получила название «цивильное право Флавия».

В начале 2 в. до н.э. государственный деятель Секст Элий Пет, дополнил сборник Флавия новыми исковыми формулами и опубликовал другую книгу, в которой соединил Законы XII таблиц с комментариями юристов и исковыми формулами.

Деятельность юристов по разрешению правовых вопросов включала: 1) ответы на юридические вопросы частных лиц; 2) сообщение нужных формул и помощь при заключении сделок; 3) сообщение формул для ведения дела в суде. Юристы оформляли свое мнение по делу в виде письменного обращения к судьям или в виде протокола, который содержал запись устной консультации и составлялся при свидетелях. Опираясь на источники действовавшего права (обычное право, Законы XII таблиц, законодательство народных собраний, эдикты магистратов), юристы при разборе тех или иных дел применяли существовавшие правовые нормы в духе их соответствия требованиям справедливости и в случае коллизий зачастую изменяли старую норму с учетом новых представлений о справедливости и справедливом праве. Правопреобразующая деятельность юристов обеспечивала взаимосвязь различных источников римского права и содействовала сочетанию стабильности и гибкости в дальнейшем его развитии и обновлении.

Своего расцвета римская юриспруденция достигла в последний период республики. Первые императоры стремились заручиться поддержкой влиятельной юриспруденции, для чего наиболее выдающиеся юристы получили специальное право давать ответы от имени императора. Такие ответы пользовались большим авторитетом и постепенно стали обязательными для судей, а в 3 в. на отдельные положения юристов-классиков ссылались как на текст самого закона.

Со второй половины 3 в. намечается упадок римской юриспруденции, связанный с тем, что приобретение императорами законодательной власти прекратило правотворческую деятельность юристов.

Из большого числа известных юристов классического периода наиболее выдающимися были Гай (2 в.), Ульпиан (2 – 3 вв.). Папиниан (2–3 вв.),

Павел (2 – 3 вв.), Модестин (2 – 3 вв.). Специальным законом Валентина 111 (426 г.) о цитировании юристов положениям этих пяти юристов была придана законная сила. При разногласиях между их мнениями спор решался большинством, а если это было невозможно, то предпочтение отдавалось мнению Папиниана.

Деятельность Флавия, Гая, Ульпиана, а также других римских юристов была по преимуществу направлена на удовлетворение нужд правовой практики и приспособление действующих норм права к изменяющимся потребностям правового общения. Вместе с тем, Флавий, Гай и Ульпиан в своих комментариях и ответах по конкретным делам, а также в сочинениях учебного профиля (Институции Гая), разрабатывали целый ряд общетеоретических положений.

Флавий, Гай, Ульпиан и другие выдающиеся римские юристы делили право на публичное (право, «которое относится к положению Римского государства») и частное (право, которое «относится к пользе отдельных лиц»). При этом Ульпиан отмечал, что «частное право составлено из естественных предписаний, предписаний народов, предписаний гражданских». Эти «части» – не изолированные и автономные разделы права, а взаимодействующие компоненты, теоретически выделяемые в структуре реально действующего права в целом.

Взаимопроникновение различных составных моментов права, невозможность их «чистого» выделения из права в целом и обособления подчеркивал Ульпиан. «Гражданское право, – отмечал он, – не отделяется всецело от естественного права или права народов».

Право народов – это право, общее у всех народов, а также отчасти и право международного общения. «Право народов, – писал Ульпиан, – это то, которым пользуются народы; его отличие от естественного права – последнее является общим для всех живых существ, а первое – только для людей в их отношениях между собой».

У Ульпиана право народов предстает как часть естественного права, причем различие между ними проводится не по существу, а по кругу субъектов, подпадающих под их действие (все живые существа или только люди). По Ульпиану, естественному праву «природа научила всех живых существ».

Аналогичных взглядов придерживался юрист Гай. «Все народы, управляемые законами и обычаями, – писал он, – пользуются частью своим собственным, частью правом, общим всем людям».

Идею взаимосвязи и единства различных составных моментов и свойств, присущих праву вообще, теоретически точнее чем Ульпиан и Гай, выразил юрист Павел.

Понятие справедливости играет существенную роль в правопонимании Флавия, Гая, Ульпиана, и используется ими для противопоставления равного и справедливого права праву, не отвечающему требованиям равной справедливости.

«Правда, справедливость, – отмечал Ульпиан, – есть постоянная и непрерывная воля воздавать каждому свое право». Из этого общего понимания правовой справедливости Ульпиан выводил более детальные «предписания права»: «жить честно, не чинить вреда другому, каждому предоставлять то, что ему принадлежит». В соответствии с этим он определял юриспруденцию как «знание справедливого и несправедливого».

Требование «воздавать каждому свое право» является основным принципом естественного права в толковании Флавия, Гая и Ульпиана.

В целом для правопонимания Флавия, Гая и Ульпиана характерно постоянное стремление подчеркнуть не только ценностные черты права, но и присущие понятию права качества необходимости и долженствования. Причем оба эти аспекта тесно связаны в определенное единство справедливого права. Справедливость (и соблюдение ее требований) выступает в качестве необходимой черты и свойства права. Без соответствия справедливости право предстает как не отвечающее требованиям равной справедливости.

Эти требования, согласно воззрениям Флавия, Гая, Ульпиана, распространяются на все источники права, в том числе и на закон. Они отмечали такие черты закона как общеимперативность, разумность, социальность, общегосударственный характер. Аналогичные характеристики закона содержатся у многих других выдающихся римских юристов.

Мыслители Древнего Рима внесли существенный вклад в развитие политико-правовых воззрений, в теоретическую разработку проблем государства и права. Этим обусловлено их заметное влияние на последующих авторов и их выдающееся место в истории политических и правовых учений.

Подготовьте ответы на следующие вопросы:

1. Интересы каких классов и социальных групп защищали Цицерон, стоики и римские юристы?

2. О каких основных формах государственного устройства говорит в своих работах Цицерон?

Литература:

1. Азаркин Н.Н. История политических учений. – М., 1994.
2. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1995.
3. Лейст О.Э. История политических и правовых учений. – М., 2000.
4. Несерсянц В.С. История политических и правовых учений. – М., 2004.
5. Несерсянц В.С. Философия права. – М., 1997.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений./ А.А. Акмалова, В.М. Капицин./ Учеб. пособие. – М., 2002г.
2. История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н. Хорошилова, – М., 2002г.
3. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Несерсянца, – М., 1985.
4. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышева, – М., 2000г.

ТЕМА 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

- 5.1. Политико-правовые идеи раннего христианства. Августин Блаженный.
- 5.2. Учение Фомы Аквинского о государстве и праве.
- 5.3. Политико-правовое учение Марсилия Падуанского.
- 5.4. Средневековые ереси.

5.1. Политико-правовые идеи раннего христианства. Августин Блаженный

В пределах Римской империи в начале нашей эры появляется христианство, которое выступает с проповедью идей всеобщего равенства и свободы людей.

Ранние христиане обрушивались с нападками и проклятиями на всех богатых и властвующих, клеймили порядки Римской империи, отвергали частную собственность, деление людей на свободных и рабов, богатых и бедных, отдавали своё имущество в распоряжение сект и общин (церквей).

В раннехристианских общинах, как об этом сообщается в «Деяниях святых апостолов», никто не имел своего имущества, «но всё у них было общее», а средства для жизни члены общины делили между всеми «смотря по нужде каждого». Защита бедных и критика, богатых отчетливо звучит в «Евангелии от Луки». В «Откровении Иоанна Богослова» («Апокалипсисе»), написанном в 68-69 годах, предрекается гибель Риму, «великой блуднице».

В своём новом подходе к вопросам собственности, труда и распределения, материальных благ ранние христиане проповедовали принципы всеобщей обязанности трудиться и вознаграждение каждого по его труду. Эти новые требования звучат в таких положениях, как: «Каждый получает свою награду по своему труду», «Если кто не хочет трудиться, тот и не ест».

Для правопонимания ранних христиан, апелировавших к божественному «закону свободы», характерно использование в духе требований новой религии целого ряда прежних естественно-правовых идей и представлений. Существенное значение при этом придавалось принципу равенства всех людей и соблюдения такого равенства в различных сферах человеческих взаимоотношений. Весьма энергично ранние христиане проповедовали (в общем контексте устремлений, идей и ценностей своей новой религии). Основной принцип естественного права и естественно-правовой справедливости – воздаяние равным за равное. Этому принципу посвящён целый ряд утверждений раннехристианской правовой идеологии: «Каким судом судите, таким будете судимы», «Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам».

Появление и утверждение христианства, как мировой религии свободы и равенства людей стало важным фактором, оказавшим существенное влияние на все последующее историческое развитие человеческой цивилизации. Но реальная практика и земные дела новой религии оказывались во многом иными, чем это представлялось идеологам раннего христианства.

В I – II вв. н. э. сеть христианских общин раскинулась по всей Римской империи. Но уже со II-го века жизнь в них стала заметно меняться. Общины стали пополняться выходцами из обеспеченных слоев, которые стремились использовать новую религию в своих интересах. Усиливается власть руководителей общин, налаживается постоянная связь между ними,

формируется церковная бюрократия (отдельная прослойка общества – духовенство). Одновременно с этим идёт процесс формирования официально-вероучения, канонизации христианской литературы. Церковь начинает делать акцент на божественном характере всякой власти, проповедуя покорность властям и осуждая сопротивление насилию.

С этого времени начинается превращение христианства в религию, удобную и выгодную правящим политическим и церковным элитам.

Августин Блаженный (354 – 430 гг.)

Заклучив союз с государством, христианская церковь органически включилась в систему рабовладельческой диктатуры конца Римской Империи. Притязание церкви на участие в государственной власти обосновывались так называемыми теократическими теориями.

Одним из первых теоретиков теократии был константинопольский епископ Иоанн Златоуст (345 – 407 гг.). В своих проповедях он советовал светским правителям: «оставайся в своих границах: одни пределы царства, другие священства. Однако последние больше первого... Царю вверено земное, мне небесное, царю поручены тела, священнику души... Последнего княжество выше: поэтому царь преклоняет голову под руку священника».

Заветной вехой в развитии политико-правовой идеологии христианской церкви в эпоху позднего рабовладения было учение гиппонского (Северная Африка) епископа Аврелия Августина (354 – 430 гг.), прозванного церковью «Блаженный». Его политические и правовые взгляды, изложенные в работах «О граде Божиим», «О свободной воле» и ряде других сочинений.

В произведении «О граде Божиим» Августин Блаженный утверждал, что в мире существует два государства: «божий град» (церковный) и «град земной» (государство). Только в церкви, – право и общая польза, истинная справедливость, мир и покой. Град земной – государство – создание человеческое, его цель – временное, оно создано насилием, держится принуждением.

Оправдание государства в том, утверждал Августин, что оно поддерживает земной, временный порядок, причем и тут государства – разные: есть два вида земных царств.

Одни – организация насилия и разбоя, они начинаются с братоубийцы Каина и олицетворяют грех, несправедливость, насилие.

Другие царства берут начало от Авеля, это «христианские государства», власть которых основана на заботе о подвластных.

В конечном счёте, по мнению Блаженного, оправдание государства – в служении церкви в помощь «Небесному граду», направлять мир земной к миру небесному, сохранять и поддерживать единство образа человеческих мыслей и желаний.

Августин Блаженный – один из первых церковников, призывавших насильственно приобщать к христианской церкви, вооружённым путём искоренять ереси.

Источник зла, учил Блаженный, – свободная воля людей, влекущая их от единства к множеству. В делах веры это очень опасно. Еретики хуже отравителей, они враги единства.

Оправдание государства, по Августину, – и в поддержании социального порядка.

Блаженный выдвинул новый, христианский довод в обосновании рабства. Рабство не создано ни природой, ни правом народов – «имя рабства заслужила вина, а не природа». Главный источник рабства – прегрешение пред Богом.

Божественным установлением являются и частная собственность, имущественные неравенства, деление людей на бедных и богатых. «Кто сотворил тех и других? – Господь! Богатого – чтобы помочь бедному, бедного – чтобы испытать богатого».

Представление Августина о праве в ряде моментов сходны со взглядами римских стоиков, юристов и Цицерона, в частности с их трактовкой «естественного права».

Вечный закон как выражение божественного разума и воли определяет естественный порядок и, следовательно, естественное право. Тем самым естественное право в учениях Августина возводится к Богу, и носить теологический характер. «Кто иной, как не Бог, – риторически вопрошал Августин, – вписал в сердца людей естественное право».

Характеризуя «христианское государство» как образец «земного града», Августин писал: «Государство лучше всего устраивается и хранится, будучи основано и вязано верой и прочным согласием, когда все любят общее благо; высшее же благо есть Бог».

Оправдывая, в угоду правящим элитам, насилие и войны, Августин дал обстоятельное толкование заповеди «не убий». Его перетолкование свелось к тому, что «её (эту заповедь) отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от бога».

Учение Августина пользовалось большим влиянием уже в древности. Римско-католическая церковь широко использовала его положения для обоснования своих теократических представлений и притязаний на власть. Именно за заслуги перед церковью Августин и был назван Блаженным.

5.2. Учение Фомы Аквинского о государстве и праве

Вершины могущества, как в политической, так и в духовной жизни средневековой Европы католическая церковь и папство достигли в 13 веке. Тогда же завершилось создание системы схоластики – католической теологии, ориентированной на оправдание постулатов веры средствами человеческого разума.

В ее построении чрезвычайно большую роль сыграл доминиканский монах, ученый-богослов Фома Аквинский (1225 – 1274 гг.). Сочинения Аквинского для того времени явились своего рода энциклопедией официальной церковной идеологии.

Вопросы государства и права нашли отражение в его трудах: «О правлении властителей» (1265 – 1266 гг.), «Сумма теологии» (1266 – 1274 гг.) и некоторых других работах.

В своих сочинениях ученый-богослов пытается приспособить взгляды Аристотеля к догматам католической церкви, и таким путем еще более укрепить ее позиции.

Представления Фомы Аквинского о государстве – первая попытка развить христианскую доктрину государства на базе аристотелевской «Политики».

От Аристотеля он перенял мысль о том, что человек по природе есть «животное общественное и политическое». В людях изначально заложено стремление объединиться и жить в государстве, ибо индивид в одиночку удовлетворить свои потребности не может. По этой естественной причине и возникает политическая общность (государство). Процедура же учреждения государственности аналогична процессу сотворения мира перед Богом. Деятельность монарха в государстве похожа на действия Бога. Прежде чем приступить к руководству миром Бог вносит в него стройность и организованность. Так и монарх первым делом учреждает и устраивает государство, а затем начинает управлять им.

Государство необходимо для создания общего благосостояния, обеспечения условий для достойной и разумной жизни.

Сущность власти – это порядок отношений господства и подчинения, при котором воля лиц, находящихся наверху человеческой иерархии, движет низшими слоями населения. Данный порядок заведен Богом. Таким образом, по своей истинной сути власть есть установление божественное.

Насколько действия правителя отклоняются от воли божьей, настолько они противоречат интересам церкви, настолько подданные вправе оказывать этим действиям сопротивление. Правитель, который властвует вопреки законам бога и основоположениям морали, который превышает свою компетенцию – тот правитель превращается в тирана. Так как тиран попирает законы и справедливость, народ может восстать и свергнуть его. Однако окончательное решение вопроса о допустимости крайних методов борьбы с тиранией принадлежат церкви, папству.

Разделяя взгляды Аристотеля, Аквинский выделяет следующие формы государственного устройства: *монархия, аристократия, олигархия, демократия, смешанная форма правления*. Среди этих форм мыслитель отдает предпочтение монархии, как высшей форме политического правления. Причем он выделяет две разновидности монархического устройства – абсолютную монархию и политическую. В сравнении с первой вторая, на взгляд Аквинского, обладает рядом несомненных преимуществ. В ней весомую роль играют крупные светские и духовные феодалы. Власть государей при такой форме зависит от закона и не выходит за его пределы. Основным признаком государственной власти является право издания законов. В правильных формах (монархия, аристократия, полиция) существует законность (господство справедливости) и признается общее благо; в неправильных (тирания, олигархия, демократия) – наоборот.

Фому Аквинского в первую очередь интересуют общие отличия управления феодальных республик (городских) от монархий. Республику Фома считает государством, разделяемым беспорядками, борьбой партий и группировок, пролегающей путь тирании. В тиранию может выродиться и монархия, но, рассуждает Фома, монархия все же меньшее зло, чем республика, потому что против вырождения царя в тирана могут быть приняты персонально направленные срочные меры.

Большое место в политико-правовой доктрине Фомы Аквинского занимает учение о законах, их видах и соподчиненности.

Закон определяется как общее правило для достижения цели, правило, которым кто-либо побуждается к действию или воздержанию от него.

Аквинский широко применял категорию «закон» для объяснения различных явлений, свойственных политически устоявшемуся обществу.

Согласно Фоме Аквинскому, все законы связаны между собой нитями субординации. Пирамиду законов венчает вечный закон – универсальные нормы, общие принципы божественного разума, управляющего вселенной. Вечный закон заключен в боге, тождественен ему; он существует сам по себе, и от него произвольны иные виды законов. В их ряду, прежде всего – естественный закон, который есть не что иное, как отражение вечного закона в человеческом разуме, в сознании мыслящих существ. Естественный закон предписывает стремиться к самосохранению и продолжению рода человеческого, обязывает искать истину (Бога) и уважать достоинство людей.

Конкретизацией естественного закона служит человеческий (позитивный) закон. Его предназначение – силой и страхом принуждать людей (создания по природе несовершенные) избегать зла и достигать добродетели. В отличие от закона естественного, человеческий (позитивный) закон есть императив с меняющимся содержанием. При этом Фома Аквинский отрицал значение человеческого (позитивного) закона именно как закона за теми актами светской власти, которые противоречили предписаниям закона естественного. Для него являлись законами установления, шедшие вразрез с потребностями самосохранения человека, семейной жизни, воспитания подрастающего поколения, поиски истины (Бога), общения, достойного людей.

Наконец, еще один вид закона – божественный. Он изложен в Библии и необходим по двум причинам:

Во-первых, человеческий (позитивный) закон не способен полностью истребить зло;

Во-вторых, из-за несовершенства человеческого разума люди сами не могут прийти к единому представлению о правде, помочь им достичь его и призвать такое авторитетнейшее, в глазах христиан, руководство, каким является Библия.

Достаточно практично ставит Фома Аквинский вопрос о возможности противоречий закона человеческого другим видам законов. Как быть, если правитель предписывает нечто, противоречащее естественному закону? Ответ Аквинского категоричен: во избежание смуты надо подчиняться и таким предписаниям, поскольку сохранение общежития основано на господстве и подчинении, всякое сопротивление – грех. Утверждая подобное, Аквинский выступает как защитник интересов феодальной элиты, института крепостничества.

Если, однако, произвол правителей по отношению к подданным хотя и одобряется, но и не влечет никаких последствий, то согласно учению Фомы, иначе обстоит дело при произвольных действиях власти, противоречащих божественному закону. Когда произвол правителя направляется против церкви, ее прав и привилегий – правителю нельзя повиноваться; в таких случаях церковь может низложить тирана, его же подданные освобождаются от присяги. Тезис о верховенстве божественных (а по существу – церковных) законов использовался Аквинским для обоснования притязаний католической церкви на власть, подчинение, ей светских феодалов, включая монархов.

На фундаменте этики Аквинский построил и концепцию права. Для него оно было, прежде всего, сферой правды, справедливости. Вслед за римскими юристами он считал справедливостью постоянное стремление воздавать каждому свое. Действие, воплощающее подобное стремление и уравненное с другим действием, есть право. Уравнивание двух этих действий, происходящее на основе их внутренней природы, дает естественное право. Если уравнивание совершается в соответствии с человеческими установлениями, то имеет место право человеческое (позитивное). Как в своей теории закона, так и в концепции права Фомы настойчиво проводил мысль: правовым человеческое установление является только тогда, когда оно не противоречит естественному праву.

Политико-правовая концепция Фомы Аквинского была откровенной и основательной апологией западноевропейского феодализма. Не только оправдание жестоких казней и гонений еретиков, но и принципиальное обоснование церковного контроля за развитием науки и философии, возведение институтов господства и подчинения в одну из основ мироздания, прославление феодального государства и права как божественного установления, исчерпывающая аргументация средневекового «рабства» (т.е. крепостничества) – все это предопределило господство учения Аквинского в католической феодальной идеологии, вплоть до причисления его в 1323 г. к лику святых. В 1879 году схоластическая система Фомы объявляется папой Львом 13 «единственно истинной философией католицизма». От этой даты отсчитывает свое существование неотомизм как важное течение современной философии и политической мысли. Неотомизм и до нашего времени остается официальной философией Римской курии и кругов христианской демократии.

Томизм – символ религиозного освящения существующего порядка. Он объявляет этот порядок покоящимся на естественном праве, на велениях разума и считает его соответствующим вечному закону.

Неотомисты (новые томисты) говорят о трех типах отношений личности к обществу: индивидуализме, коллективизме и солидарности. Индивидуализм и коллективизм отвергаются как крайности. Солидарность различных классов на основе христианской любви к ближнему рассматривается в качестве идеального решения социальных проблем.

5.3. Политико-правовое учение Марсилия Падуанского

В XI – XIII вв. в Западной Европе происходил быстрый рост производительных сил. Он значительно интенсифицировал общение между различными регионами континента, оживил торговлю, обусловил активное развитие городов и ремесел в них, ускорил формирование внутреннего рынка в странах региона.

Закономерно стала складываться общественная группа, которую образовала по преимуществу зажиточная верхушка бюргерства: купцы и банкиры, предприниматели, владельцы мастерских, руководители цеховых корпораций, состоятельные ремесленники. Эта общественная группа весьма нуждалась в устранении всякого рода междоусобиц, подрывавших элементарный порядок в государстве, в твердом централизованном управлении, могущем гарантировать от прихотей и своеволия различных феодалов. Удовлетворение таких нужд она связывала с королевской властью и поэтому начала тяготеть к ней, поддерживать ее.

Одно из наиболее разработанных политико-правовых обоснований этой ориентации городского бюргерства дал Марсилиус Падуанский (1275 – 1343).

В своем пространном сочинении «Защитник мира» (1324 г.) Падуанский возлагает на церковь ответственность за все беды и несчастья мира. Они устранимы, если только впредь церковники будут заниматься исключительно сферой духовной жизни людей. Церковь должна быть отделена от государства и подчинена светской политической власти. Попытки церкви вмешаться в деле светской власти сеют раздоры и лишают мира европейские государства.

Светская власть и представляющее ее государство, как считал Падуанский, в процессе постепенного усложнения форм человеческого общежития: семья – род – племя – государство. Государство базируется на

общем согласии всех составляющих его лиц и отстаивает их общее благо. В этом описании происхождения и природы государства легко распознать следы соответствующих идей Аристотеля.

Марсилий Падуанский одним из первых европейских мыслителей отстаивал очень смелый (по тем временам) тезис о том, что настоящий источник всякой власти – народ. От него исходит как власть светская, так и духовная, только он один – носитель суверенитета и верховный законодатель. Однако следует отметить, что под народом Падуанский имел в виду не все население государства, а лишь лучшую, достойнейшую его часть (военных, священников, государственных чиновников, крупных земельных магнатов).

Государственная власть действует, прежде всего, посредством издания законов. Марсилий Падуанский различает два вида законов по их цели, содержанию и способам обеспечения.

Божественный закон указывает пути достижения вечного блаженства, определяет различия между грехами и заслугами перед богом, а также наказания и награды в потустороннем мире, где судьей является Христос.

Цель человеческого закона – правда и общее благо, прочность и твердость власти.

Человеческие законы различают правомерное и неправомерное, устанавливают справедливость. Соблюдение человеческих законов обеспечивается принуждением. Из различия этих видов законов проистекают и различия между целями, сферами и методами деятельности церкви и государства.

К ведению церкви относятся только божественные законы. Служа высшей цели, церковь не должна вмешиваться в «мирские дела». В качестве аргумента приводилось изречение Христа: «Царство мое не от мира сего». Духовенство имеет право только учить, проповедовать христианское вероучение, но никак не принуждать. Наказывать грешников, разрушителей божественных законов может только Бог, установивший этот закон.

Из почти одинаковых с концепцией Фомы Аквинского посылок (деление законов на божественные и человеческие по их цели) вытекли прямо противоположные выводы: учение Марсилия Падуанского отрицало правомерность существования церковных судов, инквизиционных трибуналов.

Марсилий Падуанский одним из первых европейских мыслителей стал проводить четкое различие между законодательной и исполнитель-

ной властями государства. Притом он утверждал, что власть законодательная должна определять компетенцию и организацию исполнительной власти. Последняя существует благодаря тому авторитету, которым ее наделяет законодатель, и призвана строго держаться рамок закона. Эта власть может быть устроена по-разному. Но в любом случае она должна осуществлять волю законодателя – народа.

Обобщая опыт функционирования политических институтов, существовавших во многих современных ему итальянских республиках, (чаще всего городских) Марсилий важное место отводил выборности, как принципу формирования учреждений власти и подборе должностных лиц государства всех рангов. Даже в условиях монархии, которая казалась ему наилучшим государственным устройством, должен был действовать этот принцип. Избираемый монарх, полагал Падуанский, как правило, наиболее ответственный правитель, а поэтому избирательная монархия гораздо предпочтительнее монархии наследственной.

В истории политико-правовых учений «Защитник мира» – яркое явление, особенно в контексте времени выхода в свет. Начало XIV века характеризовалось безраздельным господством католической церкви во всех сферах общественной жизни. И в такой обстановке Падуанский доказательно отстаивает самостоятельность институтов государства (их независимость) в вопросах, связанных с отправлением публичной власти. Его мысли о народе – суверенны, о соотношении законодательной и исполнительной властей, об обязательности закона для всех лиц в государстве (в том числе и для правителей) благотворно повлияли на формирование в эпоху Возрождения и в Новое время представлений о демократическом политическом строе общества.

5.4. Средневековые ереси

В период средних веков основной протестной формой политико-правовой идеологии трудящихся масс были еретические движения.

Монополия христианской церкви на идеологию, политику, право, установившаяся после признания христианства в качестве официальной религии, не могла не подвергнуться критике. Жесткий контроль официальной церкви над духовной жизнью общества, превращение ее в крупного собственника, освящение самых жестких форм эксплуатации людей – все это приводило к протесту, который в условиях того времени облекался в религиозную оболочку.

Течения в христианской церкви, отступавшие от официально одобренных догматов, получили название «ереси» (в переводе с греческого – «учение»).

Все еретики считали себя истинными христианами и выступали, прежде всего, против духовенства и церкви, извратившей, но по утверждениям протестующих, подлинное учение Христа.

Первое крупное еретическое движение началось в 10 веке в Болгарии. Протест болгарского крестьянства против закрепощения феодалами выразился в движении богомилов. Богомилы («милые богу люди») доказывали, что действующая католическая церковь давно изменила учение Христа, стоявшего на стороне простого народа, всемерно защищает интересы богачей, служит не Богу, а дьяволу.

В бескомпромиссной борьбе с феодальной церковью и всем феодальным строем богомилы создали по раннехристианскому образцу собственную организацию. Их проповедники («апостолы») бесстрашно шли в народ, призывая к открытой борьбе против угнетателей и церковников, цинично оправдывавших в своих проповедях насилие со стороны феодалов.

Богомильское учение вскоре распространилось и в других странах. В X – XI вв. под его влиянием возникли еретические движения в Византии, Сербии, Боснии, Киевской Руси. Особенно сильное воздействие это движение оказало на идеологию стран Западной Европы, в первую очередь Южной Франции и Северной Италии, где процветали средневековые города, были развиты ремесло и торговля. Проповедь «добрых людей» – катаров, постаренов, альбигойцев (так еретиков называли на Западе) имела успех у горожан, отдельных групп дворянства и крестьян. К концу XII века католическая церковь потеряла свое влияние на юге Франции и севере Италии. Для искоренения ереси (в основном физического) римские папы организовали ряд крестовых походов (альбигойские войны), а так же учредили инквизицию (церковные трибуналы и тайную разведку) и нищенствующие ордена (доминиканцев и францисканцев). Эти же организации впоследствии были использованы католической церковью и в борьбе против Реформации.

Новые волны еретических движений начались во второй половине XIV века. К этому времени во всех странах Западной Европы были развиты города, процветала торговля. Бюргерство, уже ставшее признанным и материально обеспеченным сословием, получило достаточно возможностей для борьбы со светскими феодалами и церковью, всемерно защи-

щавшей их интересы. В этот период наметилось два типа ереси: бюргерская и крестьянско-плебейская.

Бюргерская ересь была направлена главным образом против богатства церкви, дороговизны церковных обрядов, высокого политического статуса церковников. Эта ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви, упразднения монашества, должностей папских послдов-прелатов, и даже римской курии. Основным же требованием бюргерской ереси была «дешевая церковь».

Одним из первых представителей бюргерской ереси был профессор Оксфордского университета Джон Уиклиф, выступивший в конце XIV века против зависимости английской церкви от папской курии и вмешательства церкви в дела государства. Уиклиф осуждал церковную иерархию и церковное богатство, утверждая, что они противоречат священному писанию. Одновременно с учением Уиклифа в Англии возникло движение лоллардов, требовавших передачи земель крестьянским общинам и ликвидации крепостного права. Это были представители более радикальной, крестьянско-плебейской ереси. Их учение сыграло решающую роль при подготовке крупнейшего крестьянского восстания Уота Тайлера (1381 г.), одним из вождей которого был Джон Болл.

Вскоре после подавления движения лоллардов началась реформация в Чехии. Начало реформации было положено выступлением Яна Гуса против привилегий духовенства, десятины и церковных богатств. После вероломной казни Гуса (1415г.) в стране развернулась национально-чешская крестьянская война против немецкого насилия и крепостного права. В гуситском движении вскоре определились два течения.

Чешские горожане и дворянство образовали лагерь чашников. Их программа сводилась к ликвидации привилегий духовенства, лишение церкви светской власти, передачи церковных богатств государству, признание самостоятельности чешской церкви.

Значительно радикальнее были требования таборитов, выразивших интересы крестьянства, городских низов и части мелкого дворянства Чехии. Кроме лозунгов, которые выдвинули чашники и которые они поддерживали, табориты выступили с рядом антифеодальных требований. К ним в первую очередь относилось требование отмены крепостного права, бесплатной передачи земли крестьянам, ликвидации других феодальных повинностей, уничтожение привилегий как немецкого, так и чешского дворянства.

Гуситское движение в Чехии было подавлено властями, но лозунги гуситов, особенно таборитов, вскоре были использованы Томасом Мюнцером во время Реформации в Германии.

Над чем подумать, что обсудить, на какие вопросы дать ответы

1. Чем идеология раннего христианства отличалась от учения более позднего, средневекового христианства?

2. За какие заслуги перед церковью епископ Аврелий Августин был назван Блаженным?

3. Какой вклад в развитие раннефеодальной политико-правовой мысли внес Фома Аквинский? Почему его схоластическая система была объявлена в конце 19 века единственно истинной философией католицизма?

4. В чем политико-правовые мысли Марсилия Падуанского перекликаются с воззрениями Фомы Аквинского?

5. Определите основные причины еретических движений в Европе в средние века. Назовите основные из них.

6. Изучите следующие первоисточники:

1) Аврелий Августин – «О граде Божиим». История политических и правовых учений: Хрестоматия для высш. школы под редакцией В. П. Молахова, – М., 2000.

2) Фома Аквинский – «Сумма теологии». История политических и правовых учений: Хрестоматия для высш. школы под редакцией В. П. Молахова, – М., 2000.

Литература:

1. Альфа и омега. Краткий справочник. Пер. с эст. – Таллинн: Валгус, 1990 – с 448.

2. Бурханов Р. А. Политические учения античности: Учебно-методическое пособие. – Нижневартовск: Издательство Нижневартовского педагогического института, 1995.

3. Зеленкова И. Л., Беяева Е. В. Этика: Учебное пособие для студентов ВУЗов – Мн.: 2000 – с 368.

4. История политических и правовых учений. Учебник под ред. В.С.Нерсесянца. – М: Инфра-М, 1996.

5. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. – М.: Наука, 1979.

7. Философия: Учебное пособие для студентов ВУЗов. В. Ф. Берков, П.А. Водопьянов, Е.З. Волчек и др. Под общ. ред. Ю. А. Харина – Мн.:2000 – с 416.

6.Социология. Учеб. пособие. А. Н. Елецков и др. – Мн.:1998 – с 560.

ТЕМА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОД НАЧАВШЕГОСЯ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И РАННИХ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

6.1. Политические и правовые учения эпохи Возрождения и Реформации. Макиавелли, Лютер, Кальвин, Боден.

6.2. Политико-правовые идеи европейского социализма. Т. Мор, Т. Кампанелла.

6.3. Политические и правовые учения в Голландии XVII века. Теория естественного права. Г. Гроций, Б. Спиноза.

6.4. Политико-правовые учения в Англии XVII века Т. Гоббс, Д. Локк.

6.1. Политические и правовые учения эпохи Возрождения и Реформации. Макиавелли, Лютер, Кальвин, Боден

В 16 веке ряд стран Западной и Центральной Европы охватила Реформация – массовое движение против католической церкви, многие века окружавшей феодальный строй ореолом святости. На континенте началась эпоха Возрождения, подрывавшая устои старого средневекового мира.

Для Возрождения и Реформации характерны такие общие моменты, как ломка феодальных и возникновение раннекапиталистических отношений, усиление авторитета буржуазных прослоек общества, критический пересмотр религиозных учений.

В процессе выработки политико-юридических ценностей и идей, деятели Возрождения и Реформации постоянно обращались к духовному наследию античности, интенсивно его использовали. Такого рода обращения знало и западноевропейское средневековье. Однако сами фрагменты античной культуры, которые отбирались и переносились в современный феодально-средневековый контекст, а главное – способы, мотивы и цели их использования были существенно иными, чем в практике Возрождения и Реформации.

Идеологи Возрождения и Реформации не просто черпали требовавшиеся им представления о государстве, праве, политике и законе из сокровищницы духовной культуры античной цивилизации. Демонстративное обращение к эпохе античности являлось у них, прежде всего выражением неприятия, отрицания господствовавших и санкционированных католицизмом политико-юридических порядков и доктрин феодального общества. Именно эта установка определяла, в конечном счете, направления поиска в античном наследии государствоведческих идей, теоретико-правовых построений, нужных для решения новых исторических задач, которые встали перед людьми Возрождения и Реформации. Данная установка обуславливала и характер трактовок соответствующих политико-юридических воззрений, влияла на выбор форм практического положения таковых.

В борьбе со средневековой консервативно-охранительной идеологией возникла система качественно иных социально-философских взглядов. Ее сердцевиной сделалась мысль о необходимости утверждения самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья. Такой гуманистической настрой складывающейся системы социально-философских взглядов побуждал находить и в античном мировоззрении прообразы, созвучные упомянутому настрою.

В миропонимании Возрождения считалось, что судьба человека должна предопределяться не его знатностью, происхождением, званием, конфессиональным статусом, а исключительно его личной доблестью, проявляемой активностью, благородством в делах и помыслах. Приобрел актуальность тезис о том, что одно из главных слагаемых достоинства индивида – гражданственность, бескорыстное инициативное служение общему благу. В свою очередь, под понятие общего блага стало подводиться представление о государстве с республиканским устройством, опирающемся на принципы равенства и справедливости.

Несколько по-иному обстояло дело в идеологии Реформации. В ней признавалась известная ценность земной жизни и практической деятельности людей. Признавалось право человека самому принимать решения по важным для него вопросам, отчасти отдавалось должное определенной роли светских учреждений. Такие и аналогичные им положения позволяют говорить о том, что дохристианские и внехристианские авторы оказали некоторое влияние на политико-юридическую мысль Реформации. Но все же главным ее источником было Священное Писание, Библия.

Николо Макиавелли (1469 – 1527)

Одним из первых буржуазных теоретиков был итальянец Н. Макиавелли. Его сочинениями было положено начало буржуазной политико-правовой идеологии. Политическое учение Макиавелли было свободно от теологии, оно основывалось на изучении деятельности современных ему правительств, опыта государств, на представлениях Макиавелли об интересах и стремлениях участников государственной деятельности.

Имя Макиавелли бессмертил его труд «Государь». Книга содержит советы и наставления, как установить, сохранить и расширить государство, как завоевать и удержать политическую власть. Этот вопрос был очень актуален при постоянной борьбе, смене правителей, перекройке границ, которые переживала Италия. Но Макиавелли не только вооружает государя знанием приемов политической деятельности, но и ставит перед ним задачу – объединение Италии. Последняя глава книги – страстный призыв к освобождению Италии от иностранного вмешательства, гимн тому, кто сумеет ее сплотить, вооружить и избавить от засилья священников. Это не холодный анализ, характеризующий другие разделы сочинения, а крик души.

Макиавелли – типичный представитель гуманизма – светского мировоззрения эпохи Возрождения. Он пользуется новой методологией рационального политического анализа, решительно освобождает его от догм католической схоластики. Это восстановление традиций античных мыслителей. Политика для него – совершенно самостоятельная область знания, и он исследует ее исходя из реальности, из исторических фактов.

Макиавелли скептически относится к идее божественного предопределения, судьбы и верит в возможности человека. «Чтобы не была потеряна свободная воля, – рассуждает он в «Государе», – можно полагать правдой, что судьба предопределяет половину наших действий, а другой половиной или около того она предоставляет управлять нам». Макиавелли воспекает энергию, волю, силу человека. Это качества, которыми должен обладать государь. Но он не идеализирует природу человека, а оценивает ее сурово и бесстрастно, отмечая в ней в основном низменные наклонности. В этом сказывается его стремление к реализму. Он исходит из того, что есть, а не из того, что должно быть, и человека берет таким, каков он есть. Макиавелли пишет, что «люди, как правило, неблагодарны, непостоянны, лживы, трусливы перед опасностями, жадны до обогащения».

Религия для Макиавелли – не высшее знание и авторитет, а политический факт, который нужно учитывать, анализировать и использовать. Его

интересует не истинность религиозного учения, не его потусторонние цели, а его роль в общественной жизни. Макиавелли лишен всякого благочестия; не отвергая веры открыто, он относится к ней сугубо утилитарно. Он считает веру полезной для общественной жизни. «Религия и Бог, – говорит он, – были изобретены мудрыми людьми для того, чтобы убедить народ в полезности установленного строя. Важно, как ее используют: для воспитания рабской покорности или высоких гражданских качеств». Он критикует христианство за проповедь оторванности от мирских интересов, призывы к терпению и покорности. Католическая церковь, по его мнению, «обессилила мир и предала его в жертву мерзавцам». По-другому он оценивает языческую религию древних римлян. Она воспитывала духовное величие, телесную силу и любовь к свободе. Оценка христианства продиктована вырождением, цинизмом и безверием папского двора, зловещей ролью, которую католическая церковь играла в политической жизни.

Захватив светскую власть, говорил Макиавелли, католическая церковь недостаточно сильна, чтобы объединить Италию, но слишком сильна, чтобы помешать сделать это другим.

Религиозным догматам Макиавелли противопоставил в качестве основы политики природу и интересы человека. Он пошел дальше и отметил влияние социальной структуры и социальных противоречий на политику и формы государства. По его мнению, формы государства, их эволюция и смена определяются борьбой народа и аристократии. Массы не хотят, чтобы ими командовали и угнетали их, а знать стремится властвовать и поработать народ. В этом плане он следовал примеру древних. Еще Платон утверждал, что в каждом полисе существует две партии – богатых и бедных, а Аристотель стремился для укрепления прочности полиса избежать крайностей бедности и богатства. Но Макиавелли восстанавливал этот подход, эту попытку увязать государство с классами и собственностью после долгого господства религиозной догматики и схоластики.

Первым в новое время Макиавелли посмотрел на государство «человеческими глазами», и это принесло ему, вслед за Аристотелем, славу одного из основателей политической науки.

Макиавелли первым применил для определения государства термин «*stato*». Он более широк, абстрактен, чем полис или королевство, княжество, и позволяет отличать государство от страны, общества, лица или органа, осуществляющего высшую власть, от формы правления. Производные от итальянского «*stato*» вошли во многие европейские языки, что свидетельствует о его полезности и точности. Русский язык представляет ис-

ключение, мы вкладываем новое содержание в старое название «государство», происходящее от «государя» и буквально означающее «княжество, царство». Макиавелли не проводил названных разграничений, но введением термина заложил для них основу. Он впервые употребил термин «республика» в его современном значении формы государства, противоположной монархии. До Макиавелли латинское слово «республика» употреблялось как синоним полиса или государства в современном понимании слова. Макиавелли первым употребил это слово в качестве родового понятия, охватывающего две формы правления – аристократию и демократию.

Заслуги Макиавелли в развитии политической теории велики:

- он отбросил схоластику, заменил ее рационализмом и реализмом;
- заложил основы политической науки;
- выступил против феодальной раздробленности, за создание единой централизованной Италии в форме абсолютной монархии;
- продемонстрировал связи политики и форм государства с социальной борьбой, ввел понятия «государство» и «республика» в современном смысле; осудил политику папского престола и духовенства;
- сформулировал противоречивый, чреватый злоупотреблениями и бедствиями, но вечный принцип «цель оправдывает средства».

Мартин Лютер (1485 – 1546)

Начало Реформации в Германии положил профессор Виттенбергского университета доктор богословия Мартин Лютер. 31 октября 1517 года он выступил с гневным протестом против засилия католической церкви. Свой протест он изложил в известных «95 тезисах», в которых Рим и церковь в целом осуждалась за непомерные богатства, дороговизну обрядов, продажу индульгенций. В последующих диспутах разногласия с Римом привели к полному разрыву с ним: Лютер был отлучен от церкви римским папой и подвергнут опале германским императором.

От явной смерти его спасла поддержка оппозиционных католицизму и императору германских князей.

Один из исходных пунктов лютеровского учения – тезис о том, что спасение достигается исключительно верой. Каждый верующий оправдывается ею лично перед Богом, становясь тут как бы священником самому себе и вследствие этого не нуждаясь более в услугах католической церкви. Только лишь Богу – существу совершеннейшему – обязаны люди (от пап и

князей до последнего крестьянина и плебея) повиноваться рабски, служить в верноподданнически. В сравнении с Богом абсолютно все смертные ничтожны. Никто из людей не имеет превосходства над себе подобными. Эта трактовка Лютером основоположений христианства в условиях Реформации фактически являлась едва ли не первой раннебуржуазной версией принципа равноправия.

Возможность верующим быть внутренне религиозными, вести истинно христианский образ жизни обеспечивается, согласно Лютеру, мирским порядком. Действенность этого порядка обеспечивается благодаря опоре учреждений светской власти на естественное, а не на божественное право. Будучи, в конечном счете, производным от воли божьей, естественное право, тем не менее, представляет собой качественно иной феномен, чем право божественное. Опирающейся на него светской власти естественное право позволяет управлять единственно внешним поведением людей, имуществом, вещами. Свобода души, область веры, внутренний мир человека находятся, по Лютеру, вне юрисдикции государства, за пределами действия его законов.

В своей концепции государства Лютер предусмотрел, что в сфере естественного права, в границах мирских отношений светской власти следует руководствоваться практической целесообразностью, реальными интересами, определяемыми человеческим разумом. Властвует же целесообразно, управляет разумно тот князь, который употребляет власть не как привилегию, а как бремя, возложенное на него Богом. Вообще христианский управитель должен считать себя слугой, а не господином народа.

Лютер был чрезвычайно далек от того, чтобы проповедовать необходимость демократического переустройства тогдашней германской государственности. Он наставлял подданных быть покорными монархам, не восставать против власти и смиренно сносить чинимые ею несправедливости.

Система лютеровских политико-правовых воззрений пронизана противоречиями. Идея усиления роли светской власти, ее независимости от папства, которое являлось космополитическим институтом, работала на утверждение регионального княжеского абсолютизма. Мысли о монархе как высшем руководителе национальной церкви, о духовенстве как особом сословии, призванном служить государству, освящение светской власти религиозным авторитетом – все это способствовало насаждению культа государства; суеверная вера в государство надолго становилась характер-

ной чертой господствовавшего в Германии политического сознания. Внутренняя религиозность, за которую ратовал Лютер, не предполагала сколько-нибудь серьезного изменения общественно-политического строя той поры: не требовалось упразднить эксплуатацию крестьян феодалами, ликвидировать абсолютистские режимы, устранить духовное порабощение верующих и т. п.

В целом эволюция деятельности и учения Лютера происходила таким образом, что в них нарастали элементы бюргерской ограниченности, узкоклассового политического утилитаризма, религиозного фанатизма, существенно мешавшие дальнейшему разворачиванию Реформации.

Жан Кальвин

(1509 – 1564)

Распространение лютеранства в его борьбе с католицизмом стала идейной предпосылкой возникновения более радикальных религиозно-политических течений Реформации. Таким течением стал кальвинизм.

Жан Кальвин основал в Женеве новую церковь, опиравшуюся на демократически-республиканские принципы. Он опубликовал там богословский трактат «Наставление в христианской вере». Сердцевина кальвинистского сочинения – догмат о божественном предопределении. Согласно Кальвину, Бог заранее твердо определил одних людей к спасению и блаженству, других – к гибели. Люди бессильны изменить волю Бога, но могут догадываться о ней по тому, как складывается у них жизнь на земле. Если их профессиональная деятельность идет успешно, если они набожны и добродетельны, трудолюбивы и покорны властям, значит, Бог благоволил к ним.

Из догмата об абсолютном божественном предопределении для истинного кальвиниста проистекал, прежде всего, долг целиком посвящать себя своей профессии, быть максимально бережливым и рачительным хозяином, презирать наслаждения и расточительность. Из этого догмата также следовало, что благородство происхождения и сословные привилегии феодалов вовсе не столь важны, ибо не ими обуславливаются предызбранность и спасение человека. Таким образом, Кальвин сумел дать специфическими религиозными средствами мощный импульс процессу формирования буржуазной социально-экономической практики и духовной атмосферы капитализма Западной Европе.

Пробуржуазный характер носила и произведенная Кальвином коренная реформа устройства церкви. Церковные общины стали возглавлять старшины, избиравшиеся обычно из наиболее богатых мирян, и про-

поведники, не имевшие специального священнического сана, исполнявшие религиозные функции как служебные обязанности. Пресвитеры вкупе с проповедниками составляли консисторию, которая ведала всей религиозной жизнью общины. Идея подобного переустройства церкви, воспринятая в учениях о политике, в своем дальнейшем развитии явилась концептуальной базой для разработки республиканской и даже республиканско-демократических программ.

Сам Кальвин, однако, в вопросах о государстве был очень осмотрителен. Осуждая феодально-монархические круги за творимые ими насилия, произвол, беззакония и предрекая за это правителям божью кару, орудием которой могут стать их собственные подданные, он в то же время всякую власть объявлял божественной. Право сопротивляться тирании Кальвин признавал только за подчиненными государю органами власти, церковью, представительными учреждениями. Открытое неповиновение и свержение тирана допустимы, на его взгляд, лишь тогда, когда использованы все способы пассивного сопротивления, исчерпаны все легальные формы борьбы. Наихудшей формой правления была для Кальвина демократия. Предпочтение он отдавал олигархической организации управления государством.

Отличительной свойство кальвинистской доктрины – заключающаяся в ней жестокая религиозная нетерпимость ко всяким иным воззрениям и установкам, в особенности к крестьянско-плебейским ересям. Зловещую суровость доктрины дополняла и завершала не менее свирепая политическая практика Кальвина, который в 1541 – 1564 гг. руководил Женевской консисторией. Эта консистория фактически подчинила себе магистрат города. За горожанами была установлена слежка, чуть ли не всеобъемлющей регламентации подверглись самые разные стороны общественной жизни, за малейшее нарушение предписанных норм, назначались тяжкие наказания, вошли в обыкновение казни тех, в ком усматривали еретиков.

Кальвинистская идеология сыграла в истории заметную роль. Она существенно содействовала совершению первой буржуазной революции в Западной Европе – революции в Нидерландах и утверждению в этой стране республики. На ее основе возникли республиканские партии в Англии, и, прежде всего в Шотландии. Вместе с другими идейными течениями Реформации кальвинизм подготовлял тот «мыслительный» материал, на почве которого сложилось классическое политико-юридическое мировоззрение буржуазии.

Роль, сыгранная в истории кальвинистской идеологией, оказалась не просто заметной, но еще и неоднозначной. В сложной обстановке социально-политической борьбы, которая сопутствовала в ряде западноевропейских стран становлению абсолютных монархий, отдельные положения кальвинизма использовались представителями консервативной феодальной оппозиции, противниками укрепления централизованной государственной власти. Эти дворянские круги, оберегая свои сословные привилегии, апеллировали, в частности, к тезису Кальвина о возможности сопротивления магистратов королю в случае поправления им божественных законов, ущемления свободы народа.

Жан Боден (1530-1596)

Жан Боден – идеолог абсолютизма во Франции, отразил в своих трудах завершение процесса централизации национального государства. Оно сложилось к концу XV в., но во второй половине XVI в. против него выступают феодальная аристократия, часть буржуазии, недовольная высокими государственными налогами, народные массы, положение которых ухудшалось из-за феодальной и зарождающейся капиталистической эксплуатации.

Протест против абсолютистского государства вылился в религиозные войны между католиками и гугенотами. Междоусобица, начавшаяся с массового избиения гугенотов в Париже в Варфоломеевскую ночь 1572 г. и длившаяся с перерывами более 30 лет, вызвала экономический упадок страны, что, в конце концов, побудило обе стороны к соглашению.

Юрист по образованию, Боден был профессором университета в Тулузе, адвокатом в Париже, а затем королевским прокурором в Лионе. Он занимал компромиссную позицию между католиками и гугенотами, отстаивал веротерпимость и необходимость восстановления мира и правопорядка с помощью сильной королевской власти.

Свои принципы рассмотрения политико-правовых проблем Боден впервые изложил в сочинении «Метод легкого изучения истории». Он порвал с религиозно-схоластическим мышлением, отверг прежние толкования римского права в качестве всеобщего права, приступил к изучению государства и политики на основе обобщения фактов с учетом национальных систем положительного права. Государства, по Бодену, возникают независимо от воли Бога или людей, на их формы влияет естественная среда (климат, почва и т.д.), а их развитие отображает наука история. Поэтому

история различных народов является лучшим введением в политику, и философия «умерла бы среди своих общих правил от бессилия, если бы она не оживлялась историей».

Представления о государстве и праве были систематически изложены Боденом в знаменитом обширном сочинении «Шесть книг о государстве».

Государство определяется как «правовое управление множеством семей и тем, что у них общее, при суверенной власти». Оно действует на основе справедливости и права для поддержания внутреннего мира, стабильности, социальной гармонии, защиты от внешних врагов. Правовой характер – отличительная черта государства по сравнению с иными формами человеческого общения.

Важнейший вклад Бодена в политическую теорию – концепция суверенитета. Роль его идей во Франции периода религиозных войн заключалась в обосновании необходимости единого централизованного государства и сильной королевской власти. Это соответствовало исторической потребности. Но Боден достаточно прозорлив и сознавал опасность превращения этой формы власти в тиранию. Отсюда его идеи соблюдения монархом принципов божественного и естественного права, охраны частной собственности, признание важной роли Генеральных штатов, призывы к религиозной терпимости. В наследии Бодена содержится не только оправдание прерогатив короля, но и зачатки представлений о «просвещенной» конституционной монархии, не получившие развития и не вызвавшие большого резонанса в эпоху становления абсолютизма во Франции.

6.2. Политико-правовые идеи европейского социализма. XVI – XVII вв. Т. Мор, Т. Кампанелла

Т. Мор 1478 – 1535 гг.

В 1516 году в Англии была опубликована «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Автором книги был Томас Мор, правовед по образованию, прославившийся как блестящий адвокат, судья, депутат парламента, приближенный короля Генриха VIII. Томас Мор явился одним из первых виднейших представителей европейского утопического социализма конца XV – начала XVI веков. Социализм того периода времени представлял собой общественное движение, идеология которого носила антибуржуазный характер, строго критикуя институт частной собственности и всячески пропагандируя идеи уравнительной, коммунальной жизни. На протяжении

XVI – XVII вв. социализм стал занимать самостоятельное и достаточно заметное место в интеллектуальной жизни европейского общества. К проблематике государства, права, власти мыслители-социалисты обращаются в поисках ответа на вопрос о том, какими должны быть политико-правовые институты, способные адекватно воплотить строй, основанный на общности имущества, покончивший с материальным неравенством между людьми, с прежними тираническими формами правления. Социализм, как движение, выражал извечные устремления общественных низов к социальной справедливости, переделу в равных долях для каждого члена общества накопленных в государстве материальных ценностей.

Сочинение Т. Мора написано в виде диалога: мореплаватель рассказывает автору и другим лицам о различных народах и странах, в том числе об острове Утопии (Утопия по-гречески: «место, которого нет»).

В первой части сочинения Мор дал резкую критику политике «оголаживаний и кровавого законодательства», проводимой в Англии в период первоначального накопления капитала. Порицая бессмысленную жестокость многочисленных законов, направленных против краж и бродяжничества, Мор остро ставит вопрос о причинах преступности в современном ему обществе. Основная причина всех пороков и бедствий, считал Мор, – частная собственность и обусловленные ею противоречия личности и общества, богатых и бедных, праздности и изнурительного труда, роскоши и нищеты. Частная собственность и деньги порождают преступления, которые «подвергаются ежедневной каре, но не обузданию». Обличение кровавого законодательства неразрывно связано с осуждением строя, основанного на частной собственности. Мор утверждал: общество само «создает воров и одновременно их карает».

Общество, согласно Морю, является результатом заговора богачей. Государство же – их простое орудие. Они его используют в целях угнетения народа, для защиты своих корыстных материальных интересов. Силой, хитростью и обманом богачи подчиняют себе бедный люд, обездоливают его. Делается это с помощью законов, предписаний власти, которые навязываются народу от имени государства.

Во второй части книги описываются учреждения и нравы жителей острова Утопии, находящегося в Новом Свете, где-то в Южном полушарии. В Утопии существует общность имущества, здесь ликвидирована частная собственность, введена всеобщая обязательность труда. Все это ко-

ренным образом отличает общественный и политический строй утопийцев от порядков всех других стран. Земля в Утопии – собственность общественная. Обществу принадлежит и вся производимая в нем продукция. Она вырабатывается семейно. Каждая семья занимается определенным ремеслом. Семейно-ремесленная организация составляет производственную структуру утопийского общества. Сельскохозяйственные работы ведутся на началах трудовой повинности, которую обязаны отбывать все граждане. Рабочий день длится 6 часов. Особые должностные лица следят за тем, как работают утопийцы.

Утопия – своеобразная федерация из 54-х городов. Утопийский Сенат (по три представителя от каждого города) обсуждает общие дела острова – распределение продуктов, рабочей силы, прием иностранных посольств и др.

Устройство и управление каждого из городов одинаково. В городе 6000 семей; в семье – от 10 до 16 взрослых.

Должностные лица в Утопии выборные. Каждые 30 семей избирают на год филарха; во главе 10-и филархов стоит протофиларх. Протофилархи избираются из числа ученых. Они образуют городской сенат, возглавляемый князем. Князь (принцепс) избирается филархами города из кандидатов, предложенных народом. Должность князя несменяемая, если он не заподозрен в стремлении к тирании. Наиболее важные дела города решают народные собрания, они же избирают большую часть должностных лиц и заслушивают их отчеты.

При описании государственных учреждений Утопии Мор во многом следовал античным образцам (государство – город, смешенная республика и др.). Вместе с тем он высказал ряд суждений о коренном изменении задач и методов деятельности государства, основанного на общественной собственности. Органы власти Утопии осуществляют общее руководство народным хозяйством и образованием. Именно по этому должностные лица избираются из среды ученых.

Томас Мор неоднократно подчеркивает демократизм учреждений утопийцев. В Утопии существует широкая веротерпимость. Там много сект и религий. Запрещено лишь возбуждать религиозный фанатизм, осуждать верования других.

Всюду, где можно, государство стремится обойтись без запретов и регламентаций, ограничивающих свободу граждан.

Новы и оригинальны рассуждения Мора о праве в Утопии. Законов у них мало, писал Мор, потому что нет частной собственности. Споры между утопийцами редки и преступления немногочисленны. Именно поэтому утопийцы не нуждаются в обширном и сложном законодательстве.

Очень своеобразно для своего времени Мор решает проблему наказания. Протестуя против применения смертной казни за кражу в Англии он уверяет, что в Утопии преступников не казнят, а присуждают к принудительным общественным работам. Труд таких лиц приносит больше пользы, чем их казнь. Основная мысль Мора сводится к тому, что принудительные работы – более гуманная и полезная мера наказания, чем широко распространенная в то время смертная казнь.

Основным препятствием на пути учреждения нового строя в Англии и Европе Мор считал гордость и жадность богачей. Он рассчитывал на их разум и перевоспитание, откроящим путь к построению нового социалистического общества. Жизнь Мора окончилась трагически. Он был казнен, как противник Реформации, и обвиненный в государственной измене за отказ присягнуть королю Англии Генриху VIII, объявившего себя главой местной церкви.

Томазо Кампанелла (1568 – 1639 гг.)

Идеи утопического социализма получили дальнейшее развитие в произведениях Т. Кампанеллы. Доминиканский монах Кампанелла был заключен в тюрьму за участие в подготовке восстания против испанского владычества в Калабрии (южная Италия). В тюрьмах он провел около 27 лет.

В 1623 г. было издано его произведение под названием «Город Солнца». При описании общественного строя Города Солнца Кампанелла во многом следует «Утопии» Мора. Город находится где-то на острове около экватора. Он основан народом, решившим «вести философский образ общинной жизни». Здесь нет частной собственности, все трудятся в соответствии со своими природными склонностями, труд в почете. Воспитание и обучение молодежи связано с производительным трудом, организуются и регулируются государством. В Городе Солнца ремесло, земледелие, торговля являются делом совместного труда соляриев. Этим трудом руководят правители с подчиненными им должностными лицами – специалистами. Сообща, произведенное распределяется по принципу справедливо-

сти и равноправия. В круг обязанностей должностных лиц входят вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения.

Власть и управление в Городе Солнца основываются на трех принципах: 1) основными задачами нового государства будет организация производства и распределения материальных благ, управление воспитанием граждан; 2) эти задачи государства обуславливают значительную роль ученых в осуществлении власти и управления; 3) Новый общественный строй требует активного участия народа в управлении государством.

Ученые и лица, сведущие в какой-либо отрасли знания или искусства, образуют централизованную иерархию должностных лиц. Во главе Города стоит верховный правитель – «Солнце», всесторонне образованный человек, сведущий во всех науках, искусствах, ремеслах. Соответственно трем главным атрибутам бытия (мощь, мудрость, любовь), ему помогают в работе три соправителя: Сила – ведает военным делом; Мудрость – руководит развитием наук, «Любовь» – управляет воспитанием, деторождением, образованием. Коллегии высших должностных лиц подчинены лица, ведающие более узкими специальностями (хозяйство, правосудие, военное дело и др.).

В Городе Солнца дважды в месяц созывается общее собрание всех соляриев, на котором обсуждаются важнейшие вопросы текущей жизни.

Иерархия должностных лиц в Городе Солнца – это иерархия знаний, способностей, жизненного опыта, общественного авторитета.

Право Кампанелла сближает с моралью, потому что общественный уровень общественной морали делает излишним сложное и строгое законодательство.

Но все же в Городе Солнца существуют право, правосудие, наказания. Законы немногочисленны, кратки и ясны. Текст законов вырезан на колонах у дверей храмов, где осуществляется правосудие. Процесс гласный, устный, быстрый. Для уличения в правонарушении необходимо не менее пяти свидетелей (это определяется тем, что солярии всегда ходят и работают отрядами). Пытка и судебные поединки, свойственные феодальному процессу не допускаются. Наказания воздаются по справедливости и соответственно проступку.

Вслед за Мором Кампанелла высказывает мысль о том, что не знающее частной собственности государство миролюбиво по самой своей природе. Солярии ведут только оборонительные, справедливые войны. По-

строение общества, о котором мечтал Кампанелла, он сравнивал с наступлением «Золотого века». Такое общество соответствует естественным законам и человеческой природе и не возводится лишь по причине злонамеренности государей, которые подчиняют государство своей личной власти, а не Разуму.

Основным путем к достижению строя общности Кампанелла считал просвещение. По мере распространения необходимых познаний среди широких народных масс, весь мир придет к необходимости перестройки своих государственных и правовых систем по образцу Города Солнца.

6.3. Политические и правовые учения в Голландии в XVII в. Гроций, Спиноза

Г. Гроций 1583 – 1645 гг.

Голландия 17 века – первая страна в Европе, где в ходе длительной национально-освободительной войны против испанского господства произошла буржуазная революция и была установлена буржуазная Республика.

Борьба против теологии, религиозной догматики и духовного диктата церкви, разработка новых, рациональных и светских воззрений на мир стояли в центре внимания всей прогрессивной европейской философской и политико-правовой мысли. Выдающийся вклад в разработку раннебуржуазной политико-правовой идеологии внесли голландские мыслители Гуго Гроций и Барух Спиноза.

Гуго Гроций – выдающийся голландский юрист и политический мыслитель, один из основателей раннебуржуазного учения о государстве и праве, рационалистической доктрины естественного и международного права Нового времени.

Гроций является автором более 90 произведений по истории и теории государства и права. Основной его труд – «О праве войны и мира». Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права (1625 г.).

Для Гроция как одного из ранних представителей формировавшегося буржуазного юридического мировоззрения существенный интерес представляли как теоретические обоснования нового правопонимания, так и систематическая научная разработка основных начал, принципов и форм внутригосударственной жизни и международного общения, которые складывались на основе этого нового правопонимания. В частности, такие про-

блемы, как война и мир ставятся и решаются Гроцием именно в правовой плоскости, с позиций юриспруденции, а не науки о политике.

Именно поэтому Гроций воздерживается от рекомендаций, как предпочтительнее поступать в том или ином случае из соображений целесообразности, так как это уводит вопрос в плоскость политики. По Гроцию, предмет юриспруденции – это вопросы права и справедливости, а предмет политической науки – целесообразность и польза.

Для того чтобы придать юриспруденции «научную форму», согласно Гроцию, необходимо тщательно отделить то, «что возникло путем установления, от того, что вытекает из самой природы», ибо в научную форму может быть приведено лишь то, что вытекает из природы вещи, тогда как то, что возникло путем установления (в частности, установление государства путем договора, волеустановленные формы права – божественное право, государственные законы, право народов), изменчиво во времени, различно в разных местах и подобно всем остальным единичным вещам лишено какой-либо научной системы. Поэтому, отмечал Гроций, в юриспруденции следует различать «естественную, неизменную часть» и «то, что имеет своим источником волю».

В соответствии с таким пониманием предмета юриспруденции существенное значение Гроций придавал предложенному еще Аристотелем делению права на естественное и волеустановленное.

Естественное право определяется им как «предписания здравого разума». Согласно этому предписанию, то или иное действие – в зависимости от его соответствия или противоречия разумной природе человека признается либо морально позорным, либо морально необходимым. Естественное право, таким образом, выступает в качестве основания и критерия для различения должного (дозволенного) и недолжного (недозволенного) по самой своей природе, а не в силу какого-либо волеустановленного предписания.

Естественное право, согласно Гроцию, это и есть «право в собственном смысле слова», и «оно состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже принадлежит, и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности». Источником этого права (то есть естественного права) является вовсе не чья-либо выгода интерес или воля, а разумная природа человека как социального существа.

В разумной природе человека – разумная социальная общительность, способность к знанию и деятельности, согласно общим правилам. Такое соблюдение общих правил общежития и есть «источник так называемого

права в собственном смысле: к нему относятся как воздержание от чужого имущества, так и возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания».

Характеризуя естественное право, как право собственное в узком смысле слова, Гроций отмечает, что право в более широком смысле слова (то есть формы волеустановленного права) являются правом постольку, поскольку не противоречат разумной человеческой природе и естественному праву.

Сама справедливость (т.е. естественно-правовой характер) воспрещений и предписаний божественного права зависит, по существу, от их соответствия положениям естественного права. Естественное право «столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом. Хотя божественное всемогущество и безмерно, Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро». Возражая против представлений о том, что справедливость – это лишь польза сильных, что право создается силой, что именно страх побудил людей изобрести право, чтобы избежать насилия, Гроций стремился показать, что происхождение государства и внутригосударственного права (законов) является логически неизбежным следствием естественного права.

Государство в учении Гроция выводится в качестве следствия из начал естественного права. «Государство – есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы». Люди объединились в государство, причем «не по божественному повелению, но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть». Государство, следовательно, является, по Гроцию, чисто человеческим установлением, хотя оно и было потом одобрено Богом как благодетельное для человечества.

По своему социальному смыслу государство выступает как соглашение большинства против меньшинства, как союз слабых и угнетенных против сильных и могущественных, а не как «заговор богачей против бедных и слабых», как у Т. Мора.

Общим носителем верховной власти (т.е. суверенитета) является государство в целом, носителем же власти в собственном смысле может быть

одно или несколько лиц – сообразно законам и нравам того или иного народа.

Рассматривая формы правления, Гроций упоминает царскую (единодержавную) власть, власть знатнейших вельмож, свободную гражданскую общину, демократическую республику и т. д. Отрицая тиранию, Гроций отдавал предпочтение единоличной и аристократической формам правления.

Гроций был противником мнения, что верховная власть всюду и без изъятия принадлежит народу, так что государей, которые злоупотребляют своей властью следует низлагать и карать. Он считал, что собственные права и свободы подданных прекращаются с заключением соглашения об учреждении государства и гражданской власти. Праву на сопротивление властям он противопоставляет «закон о непротавлении», отступления от которого допустимы лишь в крайних случаях и при условии, что сопротивление насилию не причинит величайшего потрясения государству и не приведет к гибели множества неповинных.

Такая же ориентация на мир характерна и для учения Гроция о войне и мире. Он считал, что война не противоречит естественному праву, но различал войны справедливые (оборонительные) и несправедливые (захватнические с целью покорения других народов и завладения чужим имуществом). В конечном счете, он подчеркивал, что все войны ведутся ради заключения мира.

Огромный вклад Гроция в разработку новой светской доктрины международного общения дал основание для именованя его «отцом международного права».

Б. Спиноза (1632 – 1677 гг.)

Дальнейшее развитие теории естественного права получили в творчестве великого голландского философа и политического мыслителя Баруха Спинозы. Его политико-правовые взгляды изложены в «Богословском трактате» (1670), «Этике, доказанной геометрическим методом» (1675), «Политическом трактате» (1677).

Единственно подходящим, адекватным способом познания природы и общества является, согласно Спинозе, дедуктивно-аксиоматический математический («геометрический») метод. Правда, при рассмотрении проблем государства и права он стремился в определенной мере учесть специфику данной предметной области. Так он делил все «постижимые вещи» на те, что «законно доказываются», и те, которые принимаются на основе «моральной достоверности», хотя они «никак не могут быть доказаны».

Законы природы он характеризовал как «решение Бога, открытые естественным светом» то есть раскрытые человеческим разумом, а не данные в божественном откровении. На таком понимании законов природы строится и его трактовка естественного права: поскольку человек – часть природы, то на него распространяются все естественные закономерности. «Естественное право всей природы и, следовательно, каждого индивида, простирается столь далеко, сколь далеко простирается их мощь».

По природе и естественному праву люди – враги, и их естественно-правовые взаимоотношения в оценке Спинозы по существу совпадают с гоббсовской трактовкой «войны всех против всех» в естественном состоянии, где «человек человеку – волк». Однако «высший закон природы» состоит в стремлении каждого к самосохранению, а в естественном состоянии самосохранение людей, достижение ими своих желаний не могут быть обеспечены. Но сама природа диктует людям способ и путь выхода из тупика естественного состояния и перехода посредством общего договора в состояние гражданское. Общество и государство (в учении Спинозы) не различаются.

Спиноза считал, что ошибка прежних учений о политике состояла в том, что они брали людей не такими, какие они есть, а какими бы они хотели их видеть. Для его реалистической теории политики, государство и право характерно отрицание разного рода утопий и идеальных проектов организации общества. Он утверждал, что весь предшествующий опыт уже показал «все виды государства» и средства управления, необходимые для согласной жизни людей и сдерживания их в определенных границах.

Спиноза подчеркивал, что все люди (как варвары, так и цивилизованные) повсюду находятся в общении и живут в определенном гражданском состоянии. Отличительный признак гражданского состояния – наличие верховной власти (*imperium*), совокупное тело которой и есть государство (*civitas*). При этом под верховной властью, которая выступает как сила, мощь, Спиноза понимает, по существу, суверенитет государства. Только верховная власть имеет право решать, что есть добро, а что – зло, что справедливо, что не справедливо. Верховная власть, согласно Спинозе, «не связывается никаким законом, но все должны ей во всем повиноваться».

Последоговорное право гражданина, именуемое Спинозой «частным гражданским правом», характеризуется им как «свобода каждого сохранять себя в своем состоянии». Частное гражданское право, следовательно, есть разрешенные в условиях гражданского состояния естественные права индивида, то есть дозволенная верховной властью часть естественных

прав. Осуществление же гражданином всех остальных (не дозволенных государством) естественных прав – есть преступление.

Спиноза подчеркивает, что высказанное им положение о полном переносе естественных прав каждого на верховную власть и ее праве на все, «во многом неизбежно остается чисто теоретическим», ибо невозможно перенести на другого всю свою мощь (свое право), не перестав быть человеком.

Пределы мощи и права государства определяются Спинозой следующим образом. Во-первых, такой предел обусловлен тем, что сила (и право) государства состоит не в возможностях творить произвол и насилие, а в осуществлении того, что здравый разум считает полезным для всех людей. Когда же государство делает что-то вразрез с велением разума, то оно «грешит» против своей природы, изменяет себе и тем самым совершает преступление (но не по гражданскому, а по естественному праву). Во-вторых, предел права государства обусловлен природой самих подданных, которые лишь в той мере признают это право государства, в какой они боятся его угроз или любят гражданское состояние. Таким образом, вне сферы права государства оказываются: способность суждения, истинное познание бога и любовь к нему, вопросы взаимной любви и ненависти людей, право человека не свидетельствовать против себя, не убивать своих родителей и т.д. В-третьих, «к праву государства менее относится то, на что негодует большинство». В данном случае предел власти государства становится, говоря современным языком, необходимостью учета общественного мнения. Отвергая, в принципе, право народа на сопротивление властям, Спиноза тем не менее признает, что при нарушении государственными властями условий договора народ имеет естественное право на восстание.

Спиноза был защитником свободы совести и веротерпимости.

Большое внимание в учении Спинозы уделено проблеме форм государства. Он выделяет три формы государства – монархию, аристократию и демократию. Критически упоминаемая им тирания в числе форм государства не фигурирует. При явных симпатиях к демократическому государству Спиноза, с учетом реалий своей эпохи, признает приемлемость и некоторые достоинства монархии и аристократии.

При освещении монархии Спиноза отмечает, что один человек не может обладать высшим правом государства, поэтому монарх вверяет свое и общее благополучие разного рода советникам. Таким образом, в дейст-

вительности монархическая форма оказывается аристократической, но только в скрытой форме.

Аристократическая форма государства, при которой власть находится у определенного числа выбранных лиц, предпочтительнее монархии, поскольку она в большей мере обладает абсолютным правом государства и поэтому более приспособлена к сохранению свободы. Спиноза считает лучшей федеративную форму аристократической республики, при которой верховная власть сосредоточена во многих городах. Демократию Спиноза характеризует как «всецело абсолютную форму верховной власти». Отличие демократии от аристократии состоит в следующем: если в аристократии (патриции) избираются советом (тоже патрициями), то в демократии правители определяются самим законом.

Демократическое государство «наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа предоставляет каждому, ибо в нем каждый переносит свое естественное право не на другого, лишив себя на будущее права голоса, но на большую часть всего общества, единицу которого он составляет».

6.4. Политико-правовые учения в Англии XVII в.

Томас Гоббс (1588 –1679 гг.)

Английская буржуазная революция нанесла сокрушительный удар по феодализму и открыла простор для быстрого роста капиталистических отношений в одной из ведущих стран Западной Европы. Она имела намного больший резонанс, чем происшедшая за несколько десятилетий до нее голландская революция.

Томас Гоббс – великий мыслитель эпохи английской буржуазной революции, формирование концепций которого происходило в период сложнейших противоречивых потрясений в истории Англии, что оказало огромное влияние на сущность и характер философского, социального и политического учения автора. Известны его близость к роялистским кругам, боязнь революционных потрясений, приверженность к абсолютной политической власти.

Изучение богатейшего идейно-политического наследия Гоббса невозможно без краткого обращения к особенностям социально-политической ситуации Англии в середине 17 в.

В 1640 г. начинается буржуазная революция, быстро переросшая в гражданскую войну. Это радикально меняло систему социально-

экономических, политических и государственных отношений, всю социально-классовую структуру общества, оказало огромное влияние на дальнейшее развитие Англии в направлении демократизации, гуманизации и модернизации общества, а также на многие западноевропейские государства.

Вооруженная борьба армии и партии парламента Англии против Карла I, сил роялистов разрешила длительное и острейшее открытое противостояние сил королевского абсолютизма и феодальных кругов, с одной стороны, и растущих сил восходящей торгово-промышленной буржуазии, «нового дворянства», большинства городского населения, с другой стороны. Разгром армии роялистов и казнь Карла I (1649 г.) по приговору верховного трибунала, созданного парламентом, привели к установлению первой Республики (1649 – 1653 гг.). Политика сдерживания дальнейшего развития и углубления революции, проводимая лидером парламентской партии О. Кромвелем, привела к установлению диктата последнего (1653 – 1658 гг.). Новый подъем радикально-демократического движения в стране подтолкнул буржуазно-дворянские круги, получившие власть, к восстановлению монархии Стюартов в лице Карла II, ограниченной сильным парламентом.

Учение Гоббса о государстве и обществе является производным его философской теории, вытекает из его понимания человеческой природы. Гоббс был последовательным сторонником материалистической философии Ф. Бекона, отождествлявшим законы развития мира с законами механики, развил механистическую теорию в понимании всей социальной жизни, государства и сущности человека. Гоббс последовательно доказывал несостоятельность положений теории Платона, Аристотеля о полной зависимости гражданина в обществе-государстве, подчеркивал особую специфику человеческой природы, выделяя такие черты, как интерес, потребности и др. В человеческом общежитии индивидуальное и частное – первично, а государственно-общественное является производным, вторичным. Учение Гоббса отражало интересы утверждающейся буржуазии, буржуазные представления о человеке (в отличие от феодально-религиозных) как о природном эгоисте, индивидуалисте, когда каждый ищет для себя добро, избегая зло.

Гоббс с его индивидуалистическим подходом к государству и обществу был знаменем борьбы с феодальной сословностью, корпоративностью, подчеркивал принципиальное равенство людей, как части природы, отрицал религиозные концепции происхождения государственной власти. Гоббс

разработал рационалистическую концепцию происхождения и сущности государства в основной работе «Левиафан», а также в «Гражданине» и др. Опираясь на идеи естественного права и подход Гроция, он модернизировал понятие «общественный договор» как конкретный источник государственной организации людей. Естественному праву он противопоставляет естественный закон, понимаемый как найденное разумом общее правило, запрещающее любому человеку делать что-либо пагубное для его жизни. Главный признак гражданского, государственного состояния – это наличие суверенной и обязательной для всех власти. Она утверждается путем общественного договора, заключенного между всеми индивидами, в результате чего становящимися гражданами.

Гоббс отмечал, что существует два основных состояния общества: естественное, негосударственное (где царит несвобода, вражда, ненависть, страх) и государственное, гражданское. Совершенствование человеческой природы, общества происходит только при государственной организации. Сторонник механического подхода Гоббс рассматривает государство как искусственный механизм, как итог человеческого творчества, состоящий из систем и элементов, функционирующих по законам механики. Человек – важнейший элемент, частица этой системы, но государство не сводится к простому механическому соединению элементов.

Сохранение человека и государства возможно при соблюдении «естественных законов» (стремление к жизни, ее сохранению). Для утверждения этих законов, преодоления страстей и эгоизма необходим общественный договор, устанавливающий государственную власть.

Лишь указы верховной государственной власти придают естественным законам силу обязательного закона гражданских прав. Так, Гоббс практически отождествляет юридические законы общества и естественные, (т.е. моральные принципы). Однако Гоббс в ряде работ различает эти понятия: «Существует большое различие между законами и правом, ибо законы – это узы, право же есть свобода, и они противоположны друг другу». В главной своей работе «Левиафан» Гоббс пытается решить это противоречие универсально: «Естественный и гражданский законы совпадают по содержанию и имеют одинаковый объем, это различные части закона».

Государство – прежде всего институт, реализующий разумность человеческой природы, поэтому дело власти – приказывать, а гражданина – подчиняться, исполнять законы. Государственная власть становится уже самоцелью, свободной от любых посягательств по ее ограничению,

ослаблению. В то же время Гоббс ставит и актуальную проблему политики – политическое отчуждение, когда государство возникает в процессе отчуждения значительной части принадлежащих людям естественных прав и свобод.

В качестве суверена власти Гоббс видит и монарха, и коллективный орган (собрание), «суверен является законодателем, и он сам не подчинен гражданским законам». Политическими идеалами Гоббса осталась монархия, сильная централизованная власть, он не разделял мнения о закономерности разделения властей в государстве. Детально определяя направления деятельности властей в государстве, («Об обязанностях суверена»), Гоббс подчеркивал, что главной задачей государства является «обеспечение блага народа». Цель государства главным образом – «обеспечение безопасности», ибо до появления государства в обществе царил «война всех против всех».

Государство, по Гоббсу, есть результат человеческого творчества и главное условие культурного развития народа, ибо «вне государства – господство страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, невежество, дикость; в государстве – господство разума, мир, безопасность, богатство, благоразумие, взаимопомощь, утонченность науки, доброжелательство».

В современной политологической теории принято считать, что ряд положений концепции Гоббса о государстве является основой будущих авторитарных теорий власти, что вызывало острую критику еще в 17 – 18 вв. Как подчеркивал Гоббс, государственная власть суверенна, абсолютна и неделима, «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное количество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для мира и общей пользы».

Хотя основной труд Гоббса «Левиафан» (1651 г.) написан уже после революции, мыслитель по-прежнему остается сторонником монархии – «при монархии король есть народ». Гоббс в типологии лучших форм правления выделяет три вида: монархия, демократия, аристократия. Пропагандируя многие буржуазно-демократические ценности, Гоббс видел слабость демократии в непрофессионализме, эгоизме толпы, неосведомленности большинства, в неустойчивости законов, в борьбе партий (которые он рассматривал как источник смуты и войн).

В 1688 г. В Англии произошел государственный переворот. Король Яков II Стюарт, доселе проводивший абсолютистскую политику, бежал из

страны. Королевский престол занял Вильгельм Оранский. Он согласился установить конституционную монархию, что открывало и закрепляло доступ крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства к управлению делами государства. Верхи дворянства и верхи буржуазии пошли на компромисс: произвели дележ публичной власти.

Д. Локк (1632 – 1704 гг.)

Идеологом социального компромисса в 1688 г. выступил Джон Локк – виднейший теоретик и непосредственный участник английской революции, государственный деятель, заложивший основу современной британской политической системы. Острые социально-политические противоречия английского общества второй половины XVII в., динамизм, противоречивость процессов привели к острой идеологической борьбе, к дальнейшему развитию концепций, ориентирующихся на буржуазно-демократические ценности и идеалы.

Локк сформулировал многие основополагающие принципы буржуазной государственности, ее организации и идеологического обоснования, заложил теоретические основы системы буржуазного либерализма.

Локк реалистично видел непоследовательность английской революции, слабость рати буржуазии и ее вождей, эволюции их позиции в сторону соглашательства с монархией в условиях нарастания давления революционных плебейско-демократических, трудовых слоев. Реставрация монархии и утверждение власти Карла II (1660), вынужденная эмиграция (с 1683 г.), установление конституционной монархии в ходе «славной революции» 1688 года не изменили антифеодальной, антимонархической, демократической, гуманистической направленности концепции Локка.

Локк решительно выступал против феодальных и теологических теорий власти и права, против теократии и вмешательства государства в дела веры. Был заложен один из главных классических принципов буржуазной теории и права – формальное понимание равенства, свободы, естественных прав человека, демократии, независимо от социальной сущности всех политических институтов. Гуманистический подход к общественной жизни, праву и государственной власти у Локка выражен полно и абсолютно в принципе: «Все люди по природе свободные, равные и независимые».

Теория общественного договора (или «теория согласия») закладывает основу важнейших методологических построений Локка. Он четко разделяет государство и общество, признает их относительную самостоятельность, выделяет политическую власть как феномен по сравнению с другими видами власти.

По Д. Локку естественное состояние – не «война всех против всех» (как у Гоббса), а имеет общественный и относительно упорядоченный характер, оно регулируется нормами естественного права (они определяют поведение человека, диктуются разумом). Д. Локк называет его то «законом бога», то «законом природы». Можно сказать, что здесь естественное право и представляется как должное право, как правосознание. Совершенствование естественного состояния общества ведет постепенно к формированию элементов «гражданского, политического общества или государству» (часто Локк одинаково употребляет все эти категории).

Учреждение государства Локк рассматривает как торжество разума, как процесс исторически закономерный и прогрессивный. Содержание теории общественного договора включает важнейший принцип «согласия» поэтому договор – это не отказ от власти и передача ее в руки одного лица или группы лиц, а соглашение одного лица с другим об объединении в сообщество с целью мира, безопасности, стабильности. По этому договору граждане не отказываются от своих естественных прав как таковых, соглашение уже носит ограниченный и строго определенный характер и цель. Как подчеркивал Локк «государство – любое независимое сообщество».

Именно такой общественный договор ведет к возникновению государства, но не всесильного (как Левиафан), а при полном бесправии народа, всех подданных. Государство включает такие важные структуры, как общий установленный закон, судебные учреждения по разрешению споров и наказанию преступников, силы, утверждающие судебный приговор.

Дж. Локк отмечал, что «цель гражданского общества состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле абсолютная монархия не совместима с гражданским обществом».

Дж. Локк провозглашает принцип закономерности и всеобщего политического и юридического равенства граждан: «Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключение из законов этого общества». Личная собственность граждан рассматривается как основа, гарант не только свободы и независимости человека, но и организации общества согласно законам природы. Дж. Локк включает все другие естественные права в понятие собственности как необходимость «охранять свою собственность», т.е. свою жизнь свободу и имущество». Частная собственность рассматривается им как вечная, обязательная сторона жизни гражданина, общества и государства. Как идеолог буржуазных отношений и ценностей, Локк особо подчеркивает, что «великой и главной целью объе-

динения людей в государстве и передачи ими себя под власть правительства является сохранение собственности». Дж. Локк рассматривает проблему контроля и ограничения государственной власти, гарантий от нарушений закона и соблюдения режима суверенитета личности. «власть общества или созданного людьми законодательного органа не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага».

Интересами обеспечения основных прав человека проникнута вся концепция Локка. Он предлагал такие меры регулирования жизни общества, как регламентация сферы деятельности государства, введение принципа согласия граждан как основы деятельности государственных органов, признание права согласия граждан как основы деятельности государственных органов, признание права на вооруженное восстание против тирании, утверждение принципа разделения властей и др. Так, государство обязано «править согласно установленным законам, провозглашенным народом и известным народу; править с помощью беспристрастных и справедливых судей, в интересах мира, безопасности и общественного блага народа».

Дж. Локк подчеркивает примат представительной законодательной власти среди других властей, ее особый престиж: «Первый и основной положительный закон всех государств – установление законодательной власти» (верховой, непрерывной, но не абсолютно-диспотичной, ограниченной интересами общественного блага). Локк выделяет три вида власти в государстве: законодательная, исполнительная и природная (сюда относятся вопросы войны и мира, межгосударственных коалиций и др.).

Дж. Локк предлагает типологию государственных форм на основе такого критерия, как субъект законодательной власти: избранные, их наследники или преемники (олигархия); одно лицо (монархия); одно лицо и его наследники (наследственная монархия); одно лицо пожизненно (выборная монархия); выборные должностные лица (демократия).

Дж. Локк подчеркивал, что тирания – это осуществление власти независимо от права: «Где кончается закон, начинается тирания».

Идеи Дж. Локка оказали огромное влияние на мыслителей французского Просвещения, идеологов французской революции и деятелей американского освободительного движений.

**Над какими материалами самостоятельно поработать,
что обсудить, на какие вопросы подготовить ответы.**

1. Назовите основных идеологов европейского социализма XVI – XVII вв.

2. Что было главным, на Ваш взгляд, в учении социалистов-утопистов?

3. Кто из европейских мыслителей внес существенный вклад в разработку теории естественного права?

4. В чем заключались основные идеи теории естественного права?

5. Назовите основных представителей политико-правовой мысли Англии XVII в.

6. Кто из английских мыслителей XVII в. заложил теоретические основы буржуазного либерализма?

Проработайте следующие первоисточники.

1. Гуго Гроций – «О праве войны и мира».

2. Томас Гоббс – «О гражданине».

3. Джон Локк – «Два трактата о правлении».

4. Бенедикт Спиноза – «Политический трактат».

(История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсесянца, – М., 1985.)

Литература

Основная:

1 История политических и правовых учений. Домарксистский период. / Под ред. О.Э.Лейста, – М.,1991.

2 История политических и правовых учений России. / И.А. Исаев, Н. М. Золотухина, – М., 2003.

3 История политических и правовых учений./ Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004 .

4 История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. ВУЗов. / Под ред. В.С. Нерсесянца, – М., 1993.

Дополнительная:

1 История политических и правовых учений./ А.А. Акмалова, В.М. Капицин./ Учеб. пособие. – М., 2002.

2 История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н.Хорошилова, – М., 2002.

3 История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсесянца, – М., 1985.

4 История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышева, – М., 2000.

ТЕМА 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ОБЩЕГО КРИЗИСА ФЕОДАЛИЗМА И УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА XVIII-ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

7.1. Политико-правовые учения Европейского Просвещения. Вольтер, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо.

7.2. Политико-правовые учения в Германии в конце XVIII-первой половине XIX в. И. Кант, Г. В. Ф. Гегель.

7.3. Политические и правовые воззрения представителей утопического социализма. Начало XIX века. Сен-Симон, Фурье, Оуэн.

ВВЕДЕНИЕ

Идейная борьба во Франции XVIII века служит классическим примером того, как в противоборстве с феодальным мировоззрением формировалось политическое сознание новых общественных классов:- буржуазии и наемных рабочих. В ходе этой борьбы наиболее отчетливо проявлялись общие закономерности и тенденции определявшие развитие политической мысли, в эпоху ранних буржуазных революций.

Причин тому было несколько.

Экономические причины, обусловившие остроту идейной борьбы в период подготовки и проведения Великой Французской Революции 1789 – 1794 г., коренились в особенностях капиталистического развития страны.

В отличие от Голландии и Англии, где победили первые буржуазные революции, разложение феодального строя во Франции проходила под воздействием процессов, связанных с образованием мировой системы капитализма. К началу XVIII в. Франция становится одним из крупнейших центров Европейской торговли. Ее промышленность начинает развиваться ускоренными темпами. В тоже время в стране сохранялись многочисленные пережитки крепостнических отношений, которые препятствовали расширению капиталистического рынка.

В середине XVIII в. Франция оказалась как бы сосредоточием социально-экономических противоречий между отжившим феодальным строем и набравшим силу капитализмом.

Основной политической причиной обострения идейной борьбы накануне революции явилась сложившаяся во французском обществе расстановка классовых сил.

Восходящей буржуазии противостояла абсолютная монархия, которая достигла зенита своего могущества. Для ее свержения и завоевания

политической власти буржуазия вынуждена была объединяться с народными массами.

Поднимая народ на борьбу с абсолютистским режимом, французская буржуазия выступала во главе третьего сословия, к которому принадлежали тогда все непривилегированные слои населения (буржуазия, крестьяне, рабочие, городская беднота и др.).

Среди причин идеологического порядка обусловивших ход идейной борьбы в предреволюционной Франции, решающую роль сыграло то, что в результате религиозных войн, охватывающую страну на рубеже XVI – XVII вв., победу одержал католицизм. Католическая реакция, перейдя в наступление, разжигала у верующих религиозную нетерпимость и фанатизм. В этих условиях борьба французской буржуазии с теологическим мировоззрением приобрела непримиримый характер и была доведена до полного отрицания христианства.

Просветительство, как идейное движение, представляло собой закономерную ступень в развитии буржуазной идеологии. Просветительские учения выражали интересы тех слоев населения, которые надеялись осуществить назревшие преобразования с помощью распространения знаний и постепенных реформ. По мере нарастания кризиса феодального строя в просветительстве все более обозначалось революционно-демократическое направление.

7.1. Политико–правовые учения Европейского Просвещения. Вольтер, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо

Вольтер (1694-1778 гг.)

Общепризнанным лидером французского Просвещения был выдающийся писатель и философ *Вольтер* (псевдоним, настоящее имя — Франсуа Аруэ). В историю общественной мысли он вошел как страстный обличитель католической церкви, религиозного фанатизма и мракобесия.

Мировоззрение Вольтера окончательно сложилось в Англии, где он несколько лет провел в изгнании. По возвращении на родину им были написаны «Философские письма (первоначальное название — «Письма об англичанах»», стяжавшие ему европейскую известность. В «Письмах» он пропагандировал передовые английские учения Дж. Локка и др., а также буржуазно-либеральные порядки и государственное устройство Англии. «Философские письма» явились, по сути дела, первым наброском программы французского Просвещения. Содержащиеся в них положения впо-

следствии были развиты и конкретизированы мыслителем в исторических и философских трудах, произведениях художественной литературы и в многочисленных, памфлетах.

Вольтер был непримиримым врагом христианства, но сторонником деизма. Как и другие последователи этой доктрины, Вольтер допускал существование бога – первопричины мира, но отрицал его вмешательство в жизнь природы и общества. Деисты объявили христианскую веру ложной и противопоставили ей так называемую естественную религию т. е. религию, соответствующую законам природы и разуму человека. «Христианство и разум не могут существовать одновременно – писал Вольтер. Просвещенные люди не нуждаются в христианских откровениях. Веру в карающего бога необходимо сохранить лишь для того, чтобы внушать непросвещенным («черни, а равно неразумным правителям») нравственный образ поведения. Отсюда – известное изречение Вольтера: «Если бы бога не было, то его нужно было бы выдумать».

Усвоив принципы деизма, разработанные английской философией, Вольтер превратил это учение в орудие непримиримой борьбы с католической реакцией. Против католической церкви Вольтер выдвинул лозунг «Раздавите гадину!».

Критику феодальных порядков Вольтер проводил с позиций рационализма. Согласно взглядам философа, на смену деспотическому правлению придет царство разума и свободы, в котором каждому человеку будут предоставлены естественные права – право на личную неприкосновенность, право частной собственности, свобода печати, свобода совести и др. Под свободой Вольтер понимал устранение феодальных пережитков, сковывающих творческую инициативу человека, его частнопредпринимательскую деятельность. Вольтер сводил свободу к независимости граждан от произвола: «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». Связывая благополучие наций с развитием торговли и накоплением богатств, Вольтер как представитель либеральной буржуазии подчеркивал значение роскоши в обеспечении социального прогресса.

Намеченная Вольтером программа ликвидации крепостного права предусматривала освобождение крепостных, принадлежащих церкви и государству. Что же касается помещичьих крестьян, то их следовало, по мнению Вольтера, освобождать лишь с согласия владельца и притом за выкуп. В этой части учения, как ни в какой другой, проявилось его стремление к компромиссу с дворянством. Политическую организацию будущего «цар-

ства разума» Вольтер не стремился определить во всех подробностях. Он сосредоточил свое внимание на пропаганде идей законности и либеральных методов осуществления власти, предоставляя другим просветителям разработку проектов идеального устройства государства. Вполне ясно ему было одно – управлять государством должны только собственники. Признавая естественное равенство («мы все в равной степени люди»), Вольтер решительно отвергал как социальное, так и политическое равенство. «В нашем несчастном мире не может быть, чтобы люди, живя в обществе, не разделились бы на два класса: один класс богатых, которые приказывают, другой — бедных, которые служат».

Теоретически он отдавал предпочтение республике, но считал, что она мало применима на практике, образцом государственной организации своего времени Вольтер называл парламентские учреждения в Англии. Политический идеал Вольтера, особенно в последних работах, приближался к идее разделения властей.

Грядущие преобразования в обществе философ связывал с развитием званий и подъемом культуры, которые, по его мнению, приведут к тому, что правителями будет осознана необходимость реформ. Стремясь направить государей на путь истины, он предпринял поездку к Фридриху Прусскому, вступил в переписку с Екатериной II.

Отношение Вольтера к революции было типичным для французских просветителей XVIII в. Оправдание предшествующих революций, (например, казни английского короля Карла I), мечты о свержении тиранов у просветителей сочетались с рассуждениями о нежелательности кровопролития, о пагубных последствиях гражданской войны и т. п. В идеологии либеральной буржуазии к этим соображениям прибавляется страх перед выступлениями трудящихся масс. «Когда чернь примется философствовать,— утверждал Вольтер, — все погибло». Просветители возлагали надежды на постепенные реформы сверху.

Историческое место Вольтера как мыслителя определяется тем, что он наметил программу французского Просвещения, поставил ряд фундаментальных методологических проблем и заложил основы просветительской критики религии. Социальные идеи Вольтера соответствовали интересам торгово-промышленной верхушки французской буржуазии. По своему объективному значению его идеи имели революционный характер: они нацеливали прогрессивные силы общества на упразднение феодальных порядков и ниспровержение абсолютизма.

Вольтер принадлежал к числу идеологов, которые, не создав сколько-нибудь развитой политико-правовой теории, подготовили почву для последующего развития политико-правовых учений. Влияние вольтеровских идей в той или иной мере испытали все французские просветители.

Ш. Л. Монтескье (1689-1775 гг.)

Крупнейшим теоретиком государства во французском Просвещении был Шарль Луи де Монтескье. Свои общественно-политические воззрения он изложил первоначально в романе «Персидские письма», а также в историческом очерке «Размышления о причинах величия и падения римлян» и других сравнительно небольших работах. В результате многолетнего изучения истории законодательства появился его главный труд-книга «О духе законов».

Монтескье создал первую развернутую политическую доктрину в идеологии просветительства. В своих исследованиях он стремился расширить фактологическую базу социально-политической теории, описать причины, вызывающие изменения в законодательстве и нравах, и, обобщив накопленный материал, выявить законы истории. Монтескье был убежден, что ход истории определяется не божественной волей и не случайным стечением обстоятельств, но действием соответствующих закономерностей. «Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие... Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей».

Эмпирические методы исследования в трудах Монтескье используются наравне (и поэтому вступают в резкое противоречие) с методологией рационализма. Так, изучение первобытного общества позволило ему преодолеть договорную теорию происхождения государственной власти. Заимствуя идею естественного состояния, он в тоже время отвергает рационалистические конструкции, в которых образование государства выводилось из требований естественного права. Не принял он и само понятие общественного договора.

Возникновение политически организованного общества Монтескье склонен рассматривать как исторический процесс. По его мнению, государство и законы появляются вследствие войн. Не имея достаточных материалов, чтобы построить общую теорию происхождения государства, мыслитель пытается объяснить этот процесс, анализируя то, как зарождались конкретные социальные и правовые институты. В связи с этим он полеми-

зирует с предшествующими ему теоретиками, которые вопреки историческим фактам переносили в естественное состояние такие социальные явления, как собственность (Дж. Локк) и войну (Т. Гоббс). Монтескье был одним из зачинателей историко-сравнительного изучения общества и государства, эмпирического правоведения.

Закономерности общественной жизни Монтескье раскрывает через понятие общего духа нации (отсюда название его главного труда). Согласно его учению, на общий дух, нравы и законы наций воздействует множество причин. Эти причины делятся на две группы: физические и моральные.

Физические причины определяют общественную жизнь на самых первых порах, когда народы выходят из состояния дикости. К таким причинам относятся: климат, состояние почвы, размеры и положение страны, численность населения и др. Например, на юге климат жаркий, там люди изнежены, ленивы и работают только из страха наказания. В жарких странах «обыкновенно царит деспотизм». Наоборот, на севере, где климат суровый и преобладают бесплодные земли, люди закалены, храбры и свободолюбивы. Для северных народов характерны умеренные формы правления.

Пытаясь установить соотношение между физическими причинами, определяющими политическую жизнь, Монтескье проницательно замечал, что «законы очень тесно связаны с теми способами, которыми различные народы добывают себе средства к жизни». Решить эту проблему, т.е. свести все многообразие действующих причин к единству, вскрыть зависимость государства и права от экономических отношений, Монтескье не смог. Его построения не выходили за рамки узкого эмпиризма, простого перечисления и описания причинных связей.

Ведущую роль среди физических причин Монтескье отводил географическим факторам. Сама постановка вопроса о значении географической среды в жизни общества была плодотворной, ибо ориентировала политическую мысль на выявление объективных причин государства и права. В этом французский просветитель приближался к пониманию материальной обусловленности политики. Вместе с тем абсолютизация географических факторов приводила его к совершенно произвольным выводам (вроде того, что азиатские народы склонны к подчинению, а европейцы – к господству). Эти идеи Монтескье впоследствии были использованы идеологами геополитики и расизма.

Моральные причины вступают в действие позднее, с развитием цивилизации. К их числу относятся: принципы политического строя, религии-

озные верования, нравственные убеждения, обычаи и др. Моральные причины воздействуют на законодательство народов сильнее, чем физические, и постепенно вытесняют их. Как писал просветитель, «моральные причины более влияют на общий дух, общий характер нации и должны более учитываться при выявлении общего духа по сравнению с физическими причинами».

В своем учении Монтескье поднимается, таким образом, до осознания того, что историческое развитие общества представляет собой результат сложного взаимодействия объективных и субъективных причин. Он верно подметил и тенденцию к возрастанию субъективного фактора в истории. Однако эти положения были истолкованы мыслителем идеалистически, в духе философии рационализма, противопоставлявшей объективную необходимость и свободный разум. Написание книги «О духе законов», по словам автора, преследовало цель показать «триумф морали над климатом».

Среди моральных причин важнейшими являются принципы государственного строя. Для Монтескье, как и для многих других идеологов либеральной буржуазии, проблема рациональной организации общества - это проблема главным образом политическая и правовая, а не социальная. В идеологии раннего либерализма свобода означала разумную организацию государства.

Обоснование идеала свободы мыслитель связывал с рассмотрением существовавших форм государства. Он различает три (или четыре) вида правления: республику (демократию и аристократию), монархию и деспотию. Каждая из них имеет свой собственный принцип, характеризующий государственную власть с деятельной стороны, с точки зрения ее взаимоотношений с гражданами. Своеобразие этой классификации в том, что Монтескье наполнил понятие формы государства такими определениями, которые в последующих буржуазных доктринах будут обозначены как политический режим.

Республика представляет собой государство, где власть принадлежит либо всему народу (демократия), либо части его (аристократия). Движущим принципом республики выступает политическая добродетель, т. е. любовь к отечеству.

Монархия – это единоличное правление, опирающееся на закон; ее принципом служит честь. Носителем монархического принципа Монтескье называл дворянство.

Деспотия, в отличие от монархии, – единоличное правление, основанное на беззакониях и произволе. Она держится на страхе и является неправильной формой государства. «Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении», – писал Монтескье. Если где-нибудь в Европе воцарится деспотизм, то тут уже никакие нравы и климаты не помогут. Предотвратить вырождение монархии в деспотию способна лишь правильная организация верховной власти. Эта и подобные им рассуждения просветителя воспринимались современниками как завуалированная критика абсолютизма во Франции и призыв к свержению тиранов.

Следуя традициям античной политико-правовой мысли, Монтескье считал, что республика характерна для небольших государств (типа полиса), монархия – для государств средней величины, деспотия – для обширных империй. Из этого общего правила он сделал одно существенное исключение. Монтескье показал, что республиканское управление может быть установлено и на обширной территории, если его соединить с федеративным устройством государства. В трактате «О духе законов» была теоретически предсказана возможность образования республика в крупных государствах.

Установление республиканского строя, полагал Монтескье, еще не означает достижение свободы членами общества. Для обеспечения законности и свободы необходимо как в республике, так и в монархии провести разделение властей. Развивая учение Локка, Монтескье детально определяет виды власти, их организацию, соотношение и т. п.

Монтескье выделяет в государстве законодательную, исполнительную и судебную власти. Принцип разделения властей, согласно взглядам мыслителя, состоит, прежде всего, в том, чтобы они принадлежали различным государственным органам. Сосредоточение всей полноты власти в руках одного лица, учреждения или сословия неминуемо ведет к злоупотреблениям и произволу. Помимо разграничения компетенции принцип разделения властей предполагает также предоставление им специальных полномочий с тем, чтобы они ограничивали и сдерживали друг друга. Нужен такой порядок, указывал Монтескье, при котором «одна власть останавливает другую».

Самым последовательным воплощением этих принципов мыслитель называл государственный строй Англии, где законодательная власть принадлежит парламенту, исполнительная – королю, а судебная – присяжным.

Учение Монтескье о разделении властей обладало значительной новизной по сравнению с предшествующими концепциями. Во-первых, он соединил либеральное понимание свободы с идеей конституционного закрепления механизма разделения властей. Свобода, утверждал просветитель, «устанавливается только законами и даже законами основными». Во-вторых, Монтескье включил в состав властей, подлежащих разграничению, судебные органы. Иначе говоря, обоснование парламентаризма как системы управления, основанной на разграничении законодательных и исполнительных полномочий, было дополнено у Монтескье принципом независимости судей. Рассмотренная им триада (законодательной, исполнительной и судебной властей) со временем стала классической формулой буржуазного конституционализма. В своем учении Монтескье объединил наиболее популярные идеи либеральной буржуазии того времени и выстроил их в достаточно последовательную и целостную доктрину.

Идеологически теория разделения властей была направлена против королевского абсолютизма и служила обоснованию компромисса буржуазии и дворянства.

В условиях предреволюционной Франции это учение призывало к созданию представительных органов власти и передаче им законодательных полномочий. Компромиссный характер теории Монтескье проявился в том, что он допускал сохранение привилегий дворянства и предусматривал образование в законодательном собрании верхней палаты, состоящей из наследственной аристократии. Стремясь заручиться поддержкой знати, Монтескье расписывал древние вольности дворянства, которые были попорчены королевской властью при создании централизованного государства. Просветитель хотел доказать наследственной аристократии, что ограничений прав монархов ей будет столь же выгодно, как и буржуазии. Будущее Франции представлялось ему в виде конституционной монархии.

Учение Монтескье сыграло громадную роль в развитии буржуазной политической мысли. Монтескье – родоначальник географической школы в социологии; к его идеям обращались представители исторической школы права, сравнительного правоведения, теории насилия и других направлений. В начале XX в. интерес к Монтескье заметно возрос. Например, предложенное им определение закона (законы суть «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей»), казавшееся современникам пережитком римского стоицизма, было взято на вооружение последователями социологической юриспруденции.

Обоснованные мыслителем идеи свободы, гражданских прав и разделения властей получили закрепление в конституционных актах Франции, а также были положены в основу конституции США и ряда других государств. Декларация прав человека и гражданина 1789 г., в частности, провозгласила: «Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции». Монтескье заслуженно считается классиком французского конституционализма.

Ж. Ж. Руссо (1712-1778)

Социально-политические воззрения *Жан-Жака Руссо* выдающегося философа, писателя и теоретика педагогики, положили начало новому направлению, теоретической мысли – буржуазному радикализму. Политическая программа соответствовала интересам и требованиям крестьянских масс, зарождающейся мелкой буржуазии.

Известность Руссо принесла работа «Рассуждение о науках и искусствах».

В последующих трудах Руссо приступает и созданию целостной социально-политической доктрины. Наиболее полное обоснование она получила в трактате « Об общественном договоре, или принципы политического права» (это главное произведение мыслителя) и в историческом очерке «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми».

В своем социально-политическом учении Руссо исходил, как и многие другие философы XVIII в., из представлений о естественном состоянии. Его трактовка естественного состояния, однако, существенно отличалась от предшествующих. Ошибка философов, писал Руссо, имея в виду Гоббса и Локка, заключалась в том, что « они говорили о диком человеке, а изображали человека в гражданском состоянии». Было бы также ошибкой предполагать, что естественное состояние когда-то существовало на самом деле. Мы должны принимать его лишь в качестве гипотезы, способствующей лучшему пониманию человека, указывал мыслитель. Впоследствии такая трактовка начального этапа человеческой истории получила название гипотетического естественного состояния.

По описанию Руссо, сначала люди жили, как звери. У них не было ничего общественного, даже речи, не говоря уже о собственности или морали. Они были равны между собой и свободны. Руссо показывает, как по мере совершенствования навыков и знаний человека, орудий его труда складывались общественные связи, как постепенно зарождались социальные формирования – семья, стадо, народность. Период выхода из состояния дикости,

когда человек становится общественным, продолжая оставаться свободным, представлялся Руссо «самой счастливой эпохой».

Дальнейшее развитие цивилизации, по его взглядам, было сопряжено с появлением и ростом общественного неравенства, или с регрессом свободы.

Первым по времени возникает имущественное неравенство. Согласно учению, оно явилось неизбежным следствием установления частной собственности на землю. На смену естественному состоянию с этого времени приходит гражданское общество. Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества». С возникновением частной собственности, происходит деление общества на богатых и бедных, между ними разгорается ожесточенная борьба. Богатые, едва успев насладиться своим положением собственников, начинают помышлять о «порабощении своих соседей».

Вследствие этого в общественной жизни появляется неравенство политическое. Для того чтобы обезопасить себя и свое имущество, кто-то из богатых составил хитроумный план. Он предложил якобы для защиты всех членов общества от взаимных раздоров и посягательств принять судебные уставы и создать мировые суды, т. е. учредить публичную власть. Все согласились, думая обрести свободу, и «бросились прямо в оковы». Так было образовало государство. На данной ступени имущественное неравенство дополняется новым – делением общества на правящих и подвластных. Принятые законы, по словам Руссо, безвозвратно уничтожили естественную свободу, окончательно закрепили собственность, превратив «ловкую узурпацию в незыблемое право», и ради выгоды немногих «обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету».

Наконец, последний предел неравенства наступает с перерождением государства в деспотию. В таком государстве нет больше ни правителей, ни законов – там только одни тираны. Отдельные лица теперь вновь становятся равными между собой, ибо перед деспотом они – ничто. Круг замыкается, говорил Руссо, народ вступает в новое естественное состояние, которое отличается от прежнего тем, что представляет собой плод крайнего разложения.

Если же деспота свергают, рассуждал философ, то он не может пожаловаться на насилие. В естественном состоянии все держится на силе, законе сильнейшего. Восстание против тирании является поэтому настолько, правомерным актом, как и те распоряжения, посредством которых деспот управлял своими подданными. «Насилие его поддерживало, насилие и свержает: все идет своим естественным путем». Пока народ вынужден повино-

ваться и повинуется, он поступает хорошо, писал мыслитель. Но если народ, получив возможность сбросить с себя ярмо, низвергает тиранию, он поступает еще лучше. Приведенные высказывания содержали оправдание революционного (насильственного) ниспровержения абсолютизма.

Учение Руссо о происхождении неравенства не имело аналогов в предшествующей литературе. Используя терминологию и общую схему теории естественного права (естественное состояние, переход к гражданскому обществу и государству), Руссо разрабатывает совершенно иную доктрину. Абстрактные построения философии рационализма он наполняет историческим содержанием. Руссо стремится проследить возникновение и развитие общества, объяснить внутреннюю динамику этого процесса. Оставаясь в целом идеалистической, его концепция содержит элементы материалистического понимания истории.

Согласно взглядам Руссо, в естественном состоянии права не существует. Принудительно к изначальному состоянию им была отвергнута идея естественных прав человека. На самых ранних этапах человеческой истории у людей, по мнению философа, вообще не было представлений о праве и морали. В своем описании «самой, счастливой эпохи», предшествующей возникновению собственности, Руссо использует термин естественное право, но употребляет его в специфическом смысле – для обозначения свободы морального выбора, которой люди наделены от природы и возникающего на этой почве чувства естественной (общей) для всего человеческого рода справедливости. Понятия естественного права и естественного закона утрачивают у него юридическое значение и становятся исключительно моральными категориями.

Что касается деспотии, или второго естественного состояния, то в нем все действия определяются силой, и, следовательно, тут тоже нет права. «Слово право ничего не прибавляет к силе. Оно здесь просто ничего не значит», — указывая Руссо. Восстание против деспота точно так же правомерно лишь по законам деспотии, но само по себе оно не приводит к образованию законной власти. Основанием права, по словам мыслителя, могут служить только договоры и соглашения. В противовес естественному праву им была выдвинута идея права политического, т. е. основанного на договорах.

Аналогичным образом Руссо подходил к определению понятия общественного договора. Образование государства, как оно описано в «Рассуждении о происхождении неравенства» представляет собой договор лишь с внешней стороны (один предложил учредить публичную власть – другие согласились). Руссо убежден, что по сути своей тот договор был уловкой

богатых для закабаления бедных. Подобное соглашение как раз, и создает такую ситуацию, когда в обществе есть правительство и законы, но отсутствуют право, юридические отношения между людьми. Руссо не случайно подчеркивал, что право собственности, закрепленное существующим законами, является всего лишь «ловкой узурпацией». Идеологу крестьянских масс была понятна угнетательская природа современного ему государства. Представления о договорном происхождении власти в теории Руссо соотнесены не с прошлым, а с будущим, с политическим идеалом.

Руссо клеймит, частную собственность, порождающую роскошь и нищету, обличает «избыток праздности у одних, избыток работы у других». Его критика была направлена при этом не только против феодальных порядков, но и против растущего промышленного капитализма. Отражая настроения крестьян, которым развитие капитализма несло разорение, Руссо противопоставил промышленной цивилизации (городской культуре) простоту нравов и образа жизни свободных землевладельцев.

Переход в состояние свободы предполагает, по Руссо, заключение подлинного общественного договора. Для этого необходимо, чтобы каждый из индивидов отказался от ранее принадлежавших ему прав на защиту своего имущества и своей личности. Взамен этих мнимых прав, основанных на силе, он приобретает гражданские права и свободы, в том числе право собственности. Его имущество и личность поступают теперь под защиту сообщества. Индивидуальные права тем самым приобретают юридический характер, ибо они обеспечены взаимным согласием и совокупной силой всех граждан.

В результате общественного договора образуется ассоциация равных в свободных индивидов, или республика. Руссо отвергает учения, определявшие договор как соглашение между подданными и правителями. С его точки зрения, договор является соглашением равных между собой субъектов. Подчиняясь сообществу, индивид не подчиняет себя никому в отдельности и, значит, остается «таким же свободным, каким он был раньше». Свобода и равенство участников договора обеспечивают объединение народа в неразрывное целое (коллективную личность), интересы которого не могут противоречить интересам частных лиц.

По условиям общественного договора суверенитет принадлежит народу. Смысл всех предшествующих рассуждений Руссо о договоре заключался именно в том, чтобы обосновать *народный суверенитет* как основополагающий принцип республиканского строя. Эта идея вместе с принципами равенства и свободы составляет ядро его политической программы.

Суверенитет народа проявляется в осуществлении им законодательной власти. Вступая в полемику с идеологами либеральной буржуазии, Руссо доказывал, что политическая свобода возможна лишь в том государстве, где законодательствует народ. Свобода, по определению Руссо, состоит в том, чтобы граждане находились под защитой законов и сами их принимали. Исходя из этого, он формулирует и определение закона. «Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон». Участие всех граждан в законодательной власти исключает принятие решений, которые нанесли бы ущерб отдельным лицам.

При народном суверенитете соответственно отпадает необходимость в том, чтобы верховная власть была ограничена естественными правами индивида. Ее границами служат общие соглашения граждан.

Противник просветительских методов в политике, Руссо отказывает философам в праве диктовать народу, что есть благо. Общее благо как цель государства, по его убеждению, может быть выявлено только большинством голосов. «Общая воля всегда права» – утверждал мыслитель. Народ не ошибается относительно своих интересов, он просто не умеет их правильно выразить, сопоставить различные мнения и т. п. Задача политики, следовательно, состоит не в том, чтобы просвещать народ, а в том, чтобы научить граждан ясно и точно излагать свою мысль. В связи с этим на первых порах, при переходе к новому строю, потребуются мудрый законодатель, которому предстоит раскрыть народу его же собственные интересы и подготовить граждан к осуществлению суверенной власти.

Народный суверенитет имеет, согласно учению Руссо, два признака – он неотчуждаем и неделим. Провозглашая неотчуждаемость суверенитета, автор «Общественного договора» отрицает представительную форму правления и высказывается за осуществление законодательных полномочий самим народом, всем взрослым мужским населением государства. Верховенство народа проявляется также в том, что он не связан предшествующими законами и в любой момент вправе изменить даже условия первоначального договора. Подчеркивая неделимость суверенитета, Руссо выступил против доктрины разделения властей. Народоправство, считался он, исключает необходимость в разделении государственной власти как гарантии политической свободы. Для того чтобы избежать произвола и беззакония, достаточно, во-первых, разграничить компетенцию законодательных и исполнительных органов (законодатель не должен, например, выносить решений в отношении отдельных граждан, как в древних Афи-

нах, поскольку это компетенция правительства) и, во-вторых, подчинить исполнительную власть суверену. Системе разделения властей Руссо противопоставил идею разграничения функций органов государства.

При народовластии возможна только одна форма правления — республика, тогда как форма организация правительства может быть различной — монархией, аристократией или демократией, в зависимости от числа лиц, участвующих в управлении. Как отмечал Руссо, монархия становится республикой. В «Общественном договоре», таким образом, прерогативы монарха сведены к обязанностям главы кабинета.

Разделяя мнение большинства философов XVIII в., Руссо полагал, что республиканский строй возможен лишь в государствах с небольшой территорией. Прообразом народовластия для него служили плебисциты в Римской республике, а также коммунальное само-управление в кантонах Швейцарии.

Центр тяжести в политической доктрине Руссо перенесен на проблемы социальной природы власти и ее принадлежности народу. С этим связана и другая особенность теории: в ней нет детального проекта организация идеального строя. В «Общественном договоре» Руссо стремился обосновать лишь общие начала «свободной республики». Он подчеркивал, что конкретные формы и методы осуществления власти следует определять применительно к каждой отдельной стране, с учетом ее размеров, прошлого и т. п. Принципы такого подхода он наложил в проектах конституции для Польши и Корсики.

Мелкобуржуазный характер воззрений Руссо наиболее ярко проявился в требовании имущественного равенства. Руссо осознал, что политическое равенство граждан нельзя обеспечить, пока сохраняется общественное неравенство. Однако как идеолог крестьянства он был противником обобществления частной собственности. Решение проблемы философ видел в том, чтобы уравнивать имущественное положение граждан. Последние, как ему представлялось, должны обладать более или менее равным достатком. Руссо считал, что такой порядок вполне осуществим при сохранении частной собственности мелких размеров, основанной на индивидуальном труде. В сочетании с идеями имущественного равенства программа Руссо приобрела черты мелкобуржуазного эгалитаризма.

Политическая концепция Руссо оказала громадное воздействие как на общественное сознание, так и на развитие событий в период Великой французской буржуазной революции. Авторитет Руссо был настолько высок, что к его идеям обращались представители самых разных течений, на-

чиная от умеренных конституционалистов (О. де Мирабо, Э. Сиейес) вплоть до сторонников коммунизма (Бабёф). Наиболее последовательными проводниками взглядов философа были якобинцы (Робеспьер, Марат и др.). Учение Руссо способствовало пробуждению революционного сознания масс, распространению идеалов равенства и демократии.

Идеи Руссо сыграли также важную роль в последующем развитии теоретических представлений о государстве и праве. Его социальная доктрина, по признанию И. Канта и Г. Гегеля, послужила одним из главных теоретических источников немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. Разработанная им программа перехода к справедливому обществу путем коренной перестройки государственной власти легла в основу идеологии буржуазного радикализма. Оформление взглядов Руссо в теоретическую доктрину явилось с этой точки зрения поворотным событием в истории общественно-политической мысли VIII в. Полемически направленная против господствующих учений, она подвела своеобразную черту под эпохой Просвещения и расчистила почву для возникновения новых направлений буржуазной политико-правовой идеологии..

5.5. Политико-правовые учения в Германии в конце XVIII – первой половине XIX век. И. Кант, Г. В. Ф. Гегель

Идеология немецкой буржуазии на рубеже XVIII-XIX вв. была обусловлена спецификой развития капиталистических отношений в Германии. После поражения антифеодального движения, кульминационным пунктом которого стала Крестьянская война 1524 – 1525 гг., в стране происходило усиление крепостнических порядков. Укрепление власти феодальной реакции повлекло усиление политической раздробленности государства ослабление позиций нарождающейся буржуазии и, как следствие, снижение темпов развития промышленности.

Экономическая отсталость Германии со всей очевидностью обнаружилось после Великой французской буржуазной революции, особенно в ходе завоевательных войн Наполеона, когда часть немецких земель была отторгнута Францией. Угроза полной утраты независимости, нависшая над страной, заставила господствующие классы предпринять меры, направленные на ограничение крепостничества и преодоление политической раздробленности. Немецкая буржуазия была, однако, очень слаба, что бы возглавлять борьбу за революционное ниспровержение старого строя. Не обладая экономической силой, она во всем стремилась к компромиссу с мо-

нархией и дворянством. Социальное положение немецкой буржуазии наложило отпечаток как на теоретические построения, так и на программные требования ее идеологов.

В то время когда в передовых странах Западной Европы политико-правовая теория уже начинает обособляться в относительно-самостоятельную область знаний, политические учения немецкой буржуазии продолжали развиваться в рамках философии. Причем связь эта – между политической теорией и философией – становилась все более прочной.

При всех изъянах, связанных с отказом решения насущных задач социального переустройства общества, немецкая классическая философия все же сыграла самую плодотворную роль в развитии общественной теории. Критически переосмыслив предшествующие доктрины, немецкие философы приступили к систематической разработке методологии теоретического познания. Наиболее полную реализацию эта тенденция получила в трудах представителей классического немецкого идеализма – И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля.

Учение И. Канта о праве и государстве

Иммануил Кант – родоначальник классической немецкой философии и основоположник одного из крупнейших направлений в современной теории государства и права. Кант был профессором Кенигсбергского университета. Учение Канта сложилось в начале 70-х гг. XVIII в ходе предпринятого им критического пересмотра предшествующей философии. Свои социально-политические взгляды он первоначально изложил в цикле небольших статей, куда вошли работы «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «К вечному миру», а затем обобщил в трактате «Метафизика нравов».

В основе кантовской философии лежит противопоставление эмпирического (опытного) и априорного видов познания (знания предшествующие опыту).

Познание человеком окружающего мира, констатировал философ, всегда начинается с опыта, т.е. с чувственных ощущений. С помощью органов чувств, однако, нельзя получить исчерпывающей картины природы. Эмпирические знания являются неполными, ибо они дают представление лишь о внешних признаках изучаемого предмета – его цвете, тяжести и т.д. Познать предметы внешнего мира, считал Кант, человеку удастся потому, что он обладает не только чувствами, но и разумом. Лишь с помощью ра-

зума можно распознать сущность предмета, определить его внутренние свойства и причины. Этот вид познания Кант назвал априорным. «Познание разумом и априорное познание суть одно и то же», – писал он.

Правовая теория Канта тесно связана с этикой. Определяется это тем, что право и мораль имеют у него один и тот же источник (практический разум человека) и единую цель (утверждение всеобщей свободы). Различие между ними Кант усматривал в способах принуждения к поступкам. Мораль основана на внутренних побуждениях человека и осознании им своего долга, тогда как право использует для обеспечения аналогичных поступков внешнее принуждение – со стороны других индивидов либо государства. В сфере морали соответственно нет и не может быть общеобязательных кодексов, тогда как право с необходимостью предполагает наличие публичного законодательства, обеспеченного принудительной силой.

Рассматривая отношение права и морали, Кант характеризует правовые законы как своего рода первую ступень (или минимум) нравственности. Если в обществе установлено право, соответствующее законам, то это значит, что поведение людей поставлено в строго очерченные рамки, так что свободные волеизъявления одного лица не противоречат свободе других. Подобного рода отношения не являются полностью нравственными, поскольку вступающие в них индивиды руководствуются не велениями долга, а совсем иными мотивами – соображениями выгоды, страхом наказания и т.п. Право обеспечивает, иными словами, внешне благопристойные, цивилизованные отношения между людьми, вполне допускающая, однако, что последние останутся в состоянии взаимной антипатии и даже презрения друг к другу. В обществе, где господствует только право (без морали), между индивидами сохраняется «полный антагонизм».

По определению Канта, право – это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы. К таким условиям относятся: наличие принудительно осуществляемых законов, гарантированный статус собственности и личных прав индивида, равенство членов общества перед законом, а также разрешение споров в судебном порядке. В практическо-идеологическом плане данное определение созвучно идеологии раннего либерализма, исходившей из того, что свободные и независимые друг от друга индивиды способны сами, по взаимному согласию урегулировать отношения, возникающие между ними, и нуждаются лишь в том, чтобы эти отношения получили надежную защиту.

Учение Канта о праве представляет собой высшую ступень в развитии западноевропейской юридической мысли XVIII в. В нем были подняты такие кардинальные вопросы, как методологические основания научной теории права, интеллектуально-волевая природа нормативности, разграничение права и морали, и др. Описывая право в предельно широком культурологическом контексте, Кант подготовил условия для возникновения философии права в виде самостоятельной дисциплины. Для специально юридических исследований важное значение имела содержащаяся в его трудах характеристика правовых отношений как взаимосвязанных субъективных прав и обязанностей.

В «Метафизике нравов» была предложена, кроме того, своеобразная трактовка естественного права. Следуя Руссо, Кант придерживался концепции гипотетического естественного состояния, в котором отсутствовало объективное право. Человеку изначально свойственно единственное природное право – свобода нравственного выбора. Из нее вытекают такие неотъемлемые моральные качества людей, как равенство, способность делиться своими мыслями, и др. В догосударственном состоянии человек приобретает субъективные естественные права, в том числе право собственности, но они ничем не обеспечены кроме физической силы индивида и являются предварительными. Совокупность таких субъективных полномочий Кант вразрез с господствующей традицией назвал частным правом. Подлинно юридический и гарантированный характер частное право, по его мнению, приобретает только в государстве, с утверждением публичных законов.

В соответствии с принципами априорного подхода к объяснению социально-политических явлений Кант отказался решать вопрос о происхождении государства. Он стремился преодолеть тем самым известное противоречие, свойственное концепциям естественного права, в которых образование государства путем договора представало одновременно и реальным событием прошлого, и основанием будущей идеальной организации политической власти. Первоначальный договор выступает у него исключительно умозрительной конструкцией, призванной обосновать необходимость изменения существующего феодально-абсолютистского строя.

«Этот договор есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную реальность в том смысле, что он налагает на каждого законодателя обязанность издавать свои законы так, чтобы они могли исходить из объединенной воли целого народа». Как видим, Кант придает обществу договору черты регулятивного принципа, позволяющего судить о

справедливости конкретных законов. Идея договора служит, по его словам, «безошибочным мерилom « права и бесправия. В самом деле, писал он, трудно предположить, чтобы народ дал согласие на закон о наследственных привилегиях сословия господ. Такой закон, возвышающий одну часть общества над другой, представлялся ему противоправным.

Вклад Канта в разработку политической теории характеризуется тем, что он сформулировал основные идеи и принципы современных учений о правовом государстве. Согласно дефиниции в «Метафизике нравов», государство – это соединение множества людей, подчиненных правовым законам. В качестве важнейшего признака государства здесь было названо верховенство закона. Кант при этом подчеркивал, что рассматривает не государства, существующие в реальной действительности, а «государство в идее, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права».

Призванное гарантировать устойчивый правопорядок, государство должно строиться на началах общественного договора и народного суверенитета. Кант считал, подобно Руссо, что осуществление законодательной власти народом исключает возможность принятия законов, наделяющих граждан неравными правами. Представления мыслителя о народном суверенитете вместе с тем носили более чем умеренный характер. Прямое народоправство Руссо он заменяет представительством народа в парламенте и притом в таком, где депутатам лишь иногда разрешается отклонять требования правительства. В дополнение к этому Кант попытался, вслед за французской Конституцией 1791 г., разделить граждан на активных и пассивных по признаку хозяйственной самостоятельности, но запутался и признал теоретическую слабость своих аргументов.

Как идеолог раннего либерализма, Кант сводит деятельность государства к правовому обеспечению индивидуальной свободы. В задачу государственной власти, полагал философ, не входит забота о счастье граждан. С этих позиций он выделяет в государстве три главных органа – по изданию законов (парламент), их исполнения (правительство) и охране (суд). Идеалом организации государства для него служила система разделения и субординации властей.

В свою очередь данный принцип был положен мыслителем в основу разграничения форм государства на республиканскую и деспотическую. «Республиканизм есть государственный принцип отделения исполнительной власти от законодательной; деспотизм – принцип самовластного исполнения государственных законов, данных им самим». Традиционной класси-

фикации форм государства по числу правящих лиц (на монархию, аристократию и демократию) Кант не придавал особого значения, считая ее выражением буквы, а не духа государственного устройства.

По смыслу этой концепции, монархия оказывалась республикой, если в ней проведено разделение властей, и, наоборот, деспотией, если таковое отсутствует.

Сочинения Канта содержат ряд высказываний, которые свидетельствуют о том, что будущее устройство Германии представлялось ему в виде конституционной монархии.

Обсуждая способы перехода к идеальному государству, философ категорически отверг путь насильственной революции. Правового состояния общества, подчеркивал он, невозможно достичь противоправными средствами. Казнь Карла I в Англии и Людовика XVI во Франции вызывали у него чувство «полного ниспровержения всех правовых понятий». В связи с этим Кант доказывал необходимость «подчинения ныне существующей власти, каково бы ни было ее происхождение», и призывал добиваться преобразований в государственном строе мирным путем, с помощью постепенных законодательных реформ. Теория Канта обосновывала проведение буржуазной революции легальными методами.

Будущее развитие человечества мыслитель связывал с образованием мировой конфедерации правовых республиканских государств.

Учение Канта о праве и государстве явилось первой крупной политической доктриной, созданной с учетом итогов и под непосредственным впечатлением Великой французской буржуазной революции. Кант соединил политическую программу либерализма с идеями наиболее радикальных и популярных течений того времени и придал им форму глубоко продуманной теоретической системы, которая с трудом поддавалась критике.

В учении о международном праве Кант выдвинул проект установления вечного мира.

Учение Гегеля о государстве и праве

Философское учение Георга Вильгельма Фридриха Гегеля представляет собой высшую ступень в развитии классического немецкого идеализма. Основные его произведения: «Феноменология духа» (1807 г.), «Наука логики» (1812-1816 гг.), «Энциклопедия философских наук» (1817 г.). Главное произведение мыслителя по вопросам государства и права – «Философия права» (1812 г.).

В своей философской теории Гегель исходил из того, что в основе действительности лежат «мировой разум», «абсолютная идея» или «мировой дух». Это – деятельное, творческое начало, проявляющее себя в мышлении, самопознании. Развиваясь, «абсолютная идея» проходит три основные ступени: развитие идеи в ее собственном лоне, в стихии чистого мышления; развитие идеи в форме «инобытия» в виде явлений природы; развитие идеи в мышлении и в истории человечества (история духа).

Философские взгляды Гегеля были проникнуты идеей развития. Гегель показал, что источник этого развития лежит во внутренних противоречиях.

Диалектика Гегеля осталась, идеалистической, поскольку он допускал лишь развитие духа, идеи. Историческое развитие общества интерпретируется, в частности, как прогресс в сознании свободы и вытекающих из него преобразований в политическом и социальном устройстве. Развитие общества предстает у него, иначе говоря, в виде развития общественного сознания, определяющего все остальные социальные изменения.

Политико-правовые взгляды Гегеля сложились под воздействием Великой французской революции и были первоначально радикальными, но затем, под влиянием изменившейся политической обстановки в странах Западной Европы, и особенно вследствие усиления феодально-дворянской реакции после наполеоновских войн, все больше приобретали консервативную окраску. Усиление консервативных элементов в учении Гегеля отражало сдвиги в политическом сознании немецкой буржуазии, происходившие в начале XIX в. Консерватизм гегелевских взглядов особенно отчетливо определился в последний период его творчества.

Политико-правовое учение Гегель рассматривает как необходимую составную часть философии. Задача философского постижения государства и права состоит в том, полагал он, чтобы выявить идею права и соответственно идею государства. Философская наука не должна поэтому заниматься ни изучением эмпирически существующего, позитивного права, ни описанием того, каким должно быть право.

«Наше произведение, – писал Гегель в «Философии права», – поскольку в нем содержится наука о государстве и праве, будет поэтому попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное внутри себя. В качестве философского сочинения оно должно быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство, каким оно должно быть...». С этих же позиций подходит он и к праву. «Наука о праве, – подчеркивал

Гегель, – есть часть философии. Она должна, поэтому развить идею, представляющую собой разум предмета, из понятия или, что тоже самое, наблюдать собственное имманентное развитие самого предмета».

Предметом гегелевской философии права выступает, таким образом, право, рассмотренное под углом зрения, во-первых, идей, лежащих в его основании, и, во-вторых, его осуществления.

Идея права трактуется им как единство права и его осуществления, или, по выражению философа, «наличного бытия» права, его реализации. Здесь, в этих рассуждениях, Гегель стремится преодолеть изъяны кантовского априоризма, отрывавшего логическое от исторического в праве. Поставив эту проблему, имеющую принципиальное значение для выявления сущности права, Гегель решал ее с идеалистических позиций, поскольку логическое при таком понимании предшествует историческому «наличному бытию» права. Само логическое рассматривается тем самым внеисторически, берется как данное и неизменное. А это и позволяло Гегелю отождествить идею права с вполне конкретным пониманием права, а именно, с буржуазным правосознанием. Под идеей права здесь понимается не что иное, как правовые идеалы буржуазии и притом немецкой буржуазии.

Право, согласно определению Гегеля, есть «наличное бытие свободной воли». Оно поэтому не может быть неположительным. Право – это определенная ступень в развитии свободы. Рассматривая поступательное развитие свободы, Гегель утверждает, что оно определяет себя в историческом развитии до степени предметности – сначала в правовой, нравственной, религиозной сферах, а затем в научной действительности. Право тем самым оказывается первой, начальной областью, где человек обретает свободу.

В своем развитии идея права проходит ряд последовательно восходящих ступеней.

Первая ступень – абстрактное право. «Свободная воля является: сначала непосредственной и поэтому в качестве единичной – лицом; наличное бытие, которое это последнее дает своей свободе, есть собственность. Право, как таковое, есть формальное, абстрактное право». На этой ступени свобода выражается во владении вещью (собственность) и во взаимоотношениях с другими лицами относительно собственности (договор и неправда). Эта ступень охватывает, другими словами, область имущественных правоотношений и основы уголовного права. Основное содержание этого раздела «Философии права» посвящено обоснованию ча-

стной собственности. Подчеркивая полное и неограниченное господство лица над вещью, Гегель воспроизводит взгляды, характерные для буржуазной идеологии домонополистического этапа развития капитализма. Лишь благодаря собственности человек делается личностью, утверждал философ.

С этих позиций Гегель отвергает платоновские проекты обобществления имущества и критикует элитаристские лозунги, с которыми выступали представители мелкой буржуазии (Руссо и др.). Уравнивание собственности Гегель считал неприемлемым.

В учении Гегеля об абстрактном праве выражено его резко отрицательное отношение к рабству и крепостничеству. «В природе вещей, – писал Гегель, – заключается абсолютное право раба добывать себе свободу».

Абстрактное право затрагивает внешние поступки человека и не касается внутреннего отношения лица к своим поступкам.

Вторая ступень в развитии идеи права называется у Гегеля моралью. В этом разделе речь идет об оценке личностью своих поступков с точки зрения добра и зла, рассматриваются вопросы, касающиеся субъективной стороны преступлений, субъективных оснований ответственности человека за свои действия.

Третья, высшая, ступень в развитии свободы – нравственность. Свобода индивидов проявляется на данной ступени в различных формах социального общения, к каковым относятся семья, гражданское общество и государство. В таком понимании право охватывает все социальные отношения.

Представления Гегеля о нравственности как высшей ступени права были модификацией известной аристотелевской концепции об образовании государства из семьи и общины. При этом Гегель воспроизводит и аристотелевские идеи, согласно которым государство как целое предшествует своим частям.

Гегель решительно отрицал естественно-правовую теорию происхождения государства. «Естественное право» и «естественное состояние», по его мнению, есть состояние бесправия и произвола, состояние, о котором нельзя сказать ничего, кроме того, что «из него необходимо выйти». Только в государстве, подчеркивал философ, человек обретает действительную свободу. «В государстве гражданин получает подобающую ему честь благодаря должности, на которую он поставлен, благодаря профес-

сии, которой он занимается, и благодаря любой своей трудовой деятельности».

Заслуга Гегеля состояла в том, что он заменил понятие «естественное состояние» категорией «гражданское общество» и провел достаточно последовательное для своего времени разграничение гражданского общества с буржуазным, Гегель изображает его как антагонистическое состояние, как «войну всех против всех».

Гражданское общество, по Гегелю, делится на три сословия: субстанциональное (землевладельцы-дворяне и крестьяне); промышленные (фабриканты, торговцы, ремесленники); всеобщее (чиновники).

Разработка Гегелем проблем, касающихся гражданского общества, значительно повлияла на развитие последующей социально-политической мысли. Он был одним из первых мыслителей, предложивших трактовку гражданского общества как системы материальных потребностей. Гегелевская философия права вплотную подошла к выявлению экономических предпосылок возникновения и существования государства. Решить эту проблему Гегель не сумел, поскольку соотношение между гражданским обществом и государством вследствие идеалистической методологии получало у него превратное, искаженное толкование и освещение.

Правильно отмечая противоречивый характер буржуазного общества, Гегель тем не менее пытается выявить истоки государственности не на основе анализа материальных, экономических отношений, а обращаясь к идеальным предпосылкам – народному духу и т.п. Абсолютизируя и мистифицируя эти идеальные предпосылки, Гегель провозглашает основанием государства народный дух в форме религии.

Государственное устройство, считал философ, «проистекает и единственно только и может проистекать из истины религии». Государство, другими словами, развивается из религии. Мы должны, говорил он, «почитать государство как некое «земнобожественное существо». «Существование государства – это шествие бога в мире; его основанием служит сила разума, осуществляющая себя как волю».

Государство, с этой точки зрения, представляет собой не что иное, как идею разума, свободы и права. Государство выступает у Гегеля как нравственное целое, в котором снимаются (преодолеваются) все противоречия, имеющие место в гражданском обществе. «...Государство именно и есть не что иное, как организация понятия свободы».

Это идея государства как организации свободы проявляет себя трояким образом: 1) в виде конкретного государства; 2) в отношениях ме-

жду государствами как внешнее государственное право; 3) во всемирной истории.

В учении о внутреннем государственном праве Гегель выступает в защиту конституционной монархии. С этих позиций он критикует идеи народного суверенитета и республиканского правления и восхваляет наследственную монархию. Монархическая конституция, считал он, есть «конституция развитого разума; все другие конституции принадлежат более низким ступеням развития и реализации разума».

Наследственная конституционная монархия имеет три власти: законодательную, правительственную и власть государя. Перенимая буржуазно-либеральную концепцию разделения властей, Гегель истолковывает ее по-своему. Он выступает решительным противником рассмотрения властей как противоборствующих сил. Отдельные виды власти должны образовывать органическое, неразрывное единство, высшим выражением которого служит княжеская власть (власть государя). В таком единстве и проявляется, по Гегелю, суверенитет государства.

Законодательная власть в идеальном государстве принадлежит двухпалатному законодательному собранию. Верхняя палата – палата пэров – формируется по наследственному принципу (т.е. не является выборной) и состоит из владельцев майоратных владений. Наличие такой палаты предусматривает соответственно сохранение помещичьего землевладения. Нижняя палата – палата депутатов – выбирается остальными гражданами государства, но не путем всеобщих выборов, а по корпорациям и товариществам.

Правительственная власть формируется из всеобщего сословия (чиновников). Восхваляя чиновничью бюрократию, Гегель называл ее главной опорой государства «в отношении законности».

Княжеская власть служит началом, объединяющим остальные виды власти в единое целое.

Политический идеал Гегеля отражал стремление немецкой буржуазии к компромиссу с дворянством и установлению буржуазного политического строя в Германии путем медленных, постепенных реформ сверху.

В учении о внешнем государственном праве Гегель подвергает критике кантовскую идею вечного мира. Придерживаясь в целом буржуазных взглядов на отношении между государствами, проводя идеи необходимости соблюдения договоров, заключенных между государствами, Гегель в то же время оправдывает возможность решения споров международного характера путем войны. К этому он добавляет, что война очища-

ет народный дух нации. В такого рода представлениях Гегеля, вероятнее всего, сказались в какой-то мере его отношение к войне германии с наполеоновской Францией, оценка прусского милитаризма.

Политическое учение Гегеля оказало огромное влияние на развитие политико-правовой мысли. Содержащиеся в нем прогрессивные положения послужили теоретической основой и дали мощный толчок развитию буржуазно-либеральных и радикальных концепций, в том числе младогегельянского движения. Вместе с тем в учении Гегеля была заложена и возможность его консервативной интерпретации.

7.3. Политические и правовые воззрения представителей утопического социализма. Начало XIX века. Сен-Симон, Фурье, Оуэн

Победа французской буржуазной революции XVIII в. Открыла новую историческую эпоху – эпоху торжества капитализма. Конец XVIII в. и почти вся первая половина XIX в. – время оценки результатов французской революции и переосмысления ее идейного наследия.

Утопический социализм конца XVIII – первой половины XIX в опирался на накопленный до него идейный материал. Великие утопические социалисты восприняли от просветителей XVIII в. веру во всемогущество человеческого разума. Все беды существующего общественного неустройства проистекают оттого, что истина, справедливость еще не познаны. Они полагали, что социализм – выражение разума, истины, справедливости – открыт ими, Сен – Симоном, Фурье, Оуэном, и осталось то, чему они посвятили большую часть своей жизни: убедить всех в исторической значимости своего открытия, насущной необходимости его реализовать. Это были неустанные, самоотверженные попытки. Они наивно полагали, что от бедствий бурно развивающегося капитализма страдают все классы. Анархия производства, безработица, экономические кризисы, политические перевороты, революции и реставрации, Формальность провозглашенных прав и свобод, войны и захваты чужих территорий – все это подвергалось сокрушительной критике с позиций разума, во имя всеобщих интересов народа. В области политико-правовой теории утопический социализм связал критику государства и права периода истории с раскрытием обнаружившихся пороков начавшего бурно развиваться капиталистического общества. Великие социалисты-утописты, умозрительно конструируя социалистический идеал, высказали ряд гениальных для того времени догадок о соотношении по-

литики и экономики, о закономерностях развития общества и государства. Вместе с тем их социализм оставался утопическим, его основной за­слугой была критика капитализма.

Взгляды Сен-Симона на государство и право

Анри-Клод де Рувруа де Сен-Симон (1760-1825 гг.) – современник и участник Войны за независимость США и Французской буржуазной революции. В 1803 г. Он опубликовал « Письма женеvского обывателя», где приступил к формулированию своего учения, развитого в работах « О промышленной системе» (1821 г.), « Катехизис промышленника» (1823 г.) и «Новое христианство» (1825 г.).

Взгляды Сен-Симона на общественное развитие формировались под влиянием идей французского Просвещения XVIII в. Тезис «разум правит миром» целиком разделялся Сен-Симоном.

Но, отмечая несомненную связь подхода Сен-Симона к проблемам общественного развития с просветительскими идеями его эпохи, важно обратить внимание и на то, что существенно отличает его от предшественников. Социальная наука, по убеждению Сен-Симона, должна стать наукой позитивной, основанной на рассмотрении фактов и подобной естественным наукам. В отличие от французских просветителей XVIII в., Сен-Симон видел в истории человечества закономерный процесс развития общества. Каждый этап в прогрессе человеческих знаний поднимал общество на новую, более высокую ступень развития.

Идея закономерного, детерминированного прогрессом человеческих знаний развития общества приводит Сен-Симона к еще одному отличающему его от просветителей XVIII в. Выводу: «золотой век» человечества не в естественном состоянии, оставшемся в прошлом, а впереди – в разумном общественном строе, основанном на позитивной науке, – «золотой век, который слепое при­дание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас».

Исторический оптимизм Сен-Симона – не новое явление в утопическом социализме. Заслуга мыслителя в том, что он попытался доказать неизбежность установления справедливого общественного строя, опираясь на представление о закономерном восходящем развитии человеческого общества. Эта попытка была основана на идеалистическом толковании исторического процесса, однако в его идеалистических в целом рассуждениях просматриваются и материалистические мотивы. В работах Сен-Симона встречаются утверждения, что собственность служит основой

общественного здания, что сама Французская революция была подготовлена и перемещением собственности от дворянства к третьему сословию. В истории человечества Сен-Симон выделяет три главных этапа: *теологический, метафизический и позитивный*. Для первого этапа было характерно господство религиозных представлений, свойственных античному и феодальному обществу. *Второй этап* характеризуется крушением религиозных представлений, на смену которым приходят абстрактные философские идеи. Это эпоха крушения феодализма, завершенная Французской революцией. Для *третьего этапа* характерно господство позитивной науки, в соответствии с которой и будет создано справедливое общество, названное Сен-Симоном «промышленная система».

В своих ранних произведениях Сен-Симон писал о трех классах – ученых, собственниках и неимущих, занимающих различное социальное положение. Однако в более поздних работах он избирает иной критерий – роль в производстве и обмене. В соответствии с этим Сен-Симон говорит о промышленном и паразитическом классах. К первому, составляющему, по его утверждению, 24/25 всей нации, он относит всех занятых в духовном и материальном производстве и обмене – ученых, пролетариев, фабрикантов, торговцев, банкиров. Во второй входят дворяне, рантье, чиновники, военные, юристы.

Справедливое социальное устройство – промышленная система, основанная на позитивных научных знаниях. Решающим средством ее достижения является проповедь нового христианства, направляющего общество к великой цели «улучшения участи бедного класса». Эта проповедь должна быть обращена к просвещенным промышленникам и правителям европейских государств, которые, проникшись идеями нового христианства и следуя своему нравственному чувству, совершат преобразования, ведущие к промышленной системе, в интересах народа, но без него. Сен-Симон считал, что ученые, фабриканты, банкиры принадлежат к одному классу с пролетариями; у них общие интересы и они естественные вожди пролетариев, заинтересованные в улучшении морального и физического состояния последних.

Цель промышленной системы – возможно лучшее применение, распространение, развитие и накопление знаний для удовлетворения потребностей человека. Сен-Симону совершенно чужды идеи аскетизма, свойственные многим предшествующим представителям утопического социализма. Цель общества будет достигнута созданием в масштабе всей страны единой централизованной системы планового хозяйства. Такая система –

Сен-Симон называет ее ассоциацией – не предполагает уничтожения частной собственности, но подчиняет ее плановому началу. Все члены ассоциации будут обязаны трудиться, и получают такую возможность – одни будут заниматься умственным трудом, другие физическим. «Целью всех трудов моей жизни, – писал Сен-Симон, – было создать всем членам общества широчайшие возможности для развития их способностей».

Опираясь на эту идею Сен-Симон, его ученики сформулировали известный принцип «каждой способности по потребности».

Политическая организация ассоциации Сен-Симону в принципе безразлична. Он считал королевскую власть надклассовым институтом, подходящим к любой социальной системе. Поэтому и при строе ассоциации королевская власть сохранится, как сохранятся правительство и парламент; основной их функцией, по мнению Сен-Симона, будет поддержание порядка. В ассоциации же люди станут выполнять свои обязанности добровольно и порядок, как правило, нарушаться не будет. Сен-Симону принадлежит мысль о том, что при новом строе место системы управления людьми займет система управления вещами и процессами производства. Соответственно на первый план выдвинутся такие органы управления, как совет ученых (Академия), разрабатывающий планы хозяйственного развития, и совет промышленников, руководящий реализацией этих планов. В этих условиях сама политика из науки об управлении людьми превратится в науку об управлении производством.

Учение Сен-Симона о процессах общественного развития, его движущих силах, характере классовых взаимоотношений, путях и средствах перехода к справедливому социальному строю глубоко ошибочно и во многом фантастично. Но в учении Сен-Симона есть и глубокие мысли, сделавшие его одним из крупнейших представителей утопического социализма. Это идея исторического детерминизма, закономерности общественного развития и перехода к справедливому социальному устройству. Сен-Симон писал о необходимости планового развития хозяйства, о праве на труд и обязанности трудиться, о всестороннем развитии способностей человека и максимальном удовлетворении его потребностей. Ему принадлежит, наконец, идея отмирания собственно политических функций власти и превращения политики в науку об управлении производством, – идея, которая может быть охарактеризована как мысль об отмирании государства.

Фурье о государстве и праве.

Примерно в те же годы, когда были опубликованы работы Сен-Симона, появились труды другого великого французского утопического социалиста – Франсуа Мари Шарля Фурье (1772-1837 гг. Основные из них: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808г.) и «Новый промышленный и общественный мир» (1829г.).

Для теории Фурье характерна блестящая, гораздо более глубокая и обстоятельная, чем у Сен-Симона, критика результатов буржуазной революции, капитализма, его правовой системы. В этом Фурье нет равных во всем утопическом социализме.

Фурье, как и Сен-Симон, воспринимает идейное наследство предреволюционной Франции. Но если Сен-Симон решающую роль придавал разуму, то Фурье отводит разуму второстепенную роль, выдвигая на первый план идею вечной и неизменной природы человека, свойственный ей механизм человеческих страстей. Страсти – активное начало социального движения, разум – лишь регулирующие начало.

Два фактора, по мнению Фурье, характеризуют развитие человечества, социальный прогресс – эмансипация женщин и развитие производства.

«Расширение прав женщин, – писал он, – есть основной принцип всякого социального прогресса».

Вторым признаком каждого исторического периода Фурье считал уровень развития производства.

Вся предшествующая история человечества – история неудовлетворенности человеческих страстей, их подавления и дисгармонии, утверждал Фурье. Это характерно, писал он, и для современного состояния общества – «строения цивилизации». Фурье беспощадно скрывает материальное и моральное убожество буржуазного мира, разоблачает его несоответствие «царству разума», обещанному французскими просветителями. Это «мир наизнанку», «мир дыбом, социальный ад», в котором «бедность рождается из самого изобилия», где «каждый индивид находится в непрерывной войне с коллективом».

Этот извращенный порядок поддерживается силой государства, являющегося слугой богатых и вооружающего небольшое число рабов против массы рабов безоружных. Его законы хороши только для тех, кто их издает. Провозглашенная революцией свобода оказалась фикцией, ибо в физическом смысле она должна предусматривать освобождение человека от рабства труда, а в социальном – свободу выбора занятий по своим склонностям. На практике труд превратился в проклятье, а фабрики в «смягченную каторгу». Люди потеряли века, рассуждая о правах человека,

но «совершенно упустили самое элементарное право – право работы, без которого все остальные превращаются в нуль». Именно поэтому много прав существует на бумаге, но не в действительности. Это великое и основное право – право на труд, без которого ничего не стоит все остальные права, – неосуществимы при цивилизации, утверждал Фурье.

Как и Сен-Симон, Фурье опасается нового революционного взрыва и связывает свои надежды на устранение строя «цивилизации» с проповедью, обращенной ко всем классам и преимущественно к богачам, которых, по его мнению, цивилизация не сделала счастливыми и к правителям европейских государств. Он призывал способствовать реализации его проектов Ротшильда Наполеона I, а затем и Бурбонов. Он считал, что все монархи, в том числе крупнейшие – русский царь и саксонский король, – заинтересованы в социальных преобразованиях, нужно только показать им преимущества нового строя, обеспечивающего полное и гармоничное развитие всех человеческих страстей.

Описываемый Фурье строй социальной гармонии, который он называл строем ассоциации – «социетарным строем», на первых этапах предполагает создание земледельчески-промышленных производственных ассоциаций – фаланг, объединяющих на добровольных началах представителей всех классов. Вступая в фалангу, одни вносят в общее пользование свой капитал, другие свой труд, третьи свои знания. Трудовые занятия избираются каждым членом фаланги в соответствии со склонностями и прошлым жизненным опытом. Они не обременительны и меняются через полтора-два часа работы. В результате труд станет радостным, превратится в первую жизненную потребность. Самая возвышенная страсть человека – энтузиазм – породит творческие порывы в труде, разовьется соревнование, что приведет к громадному повышению производительности труда, всестороннему удовлетворению потребностей членов фаланг. Правила, регулирующие жизнедеятельность фаланг, устанавливаются самими их членами и поэтому соблюдаются добровольно. Общее руководство осуществляет избираемый ареопаг, который будет не диктатором, а советчиком. Гармония интересов членов фаланг обеспечивается и справедливым, по мнению Фурье, распределением общественного продукта – 5/12 по труду, 4/12 по капиталу и 3/12 по таланту. Это упрочит союз капитала в интересах прежде всего труда. Вместо несправедливого принципа цивилизации – «должно быть много бедных, чтобы было несколько богатых», – строй ассоциации утвердит принцип гармонии интересов всех – «надо, чтобы бедные пользовались постепенно увеличивающимся достатком, дабы богатые были счастливы». В

дальнейшем, по мере роста общественного богатства и перехода к более высоким ступеням развития, распределение по капиталу вообще потеряет смысл.

Взгляды Оуэна на государство и право

Роберт Оуэн (1771 – 1858 гг.) оставил заметный след в истории не только социалистической мысли, но и английского рабочего движения.

Выйдя из ремесленной среды и став крупным предпринимателем, Оуэн остро воспринимал социальные бедствия английского пролетариата, и посвятил свою жизнь сначала попыткам облегчить тяжелую участь трудящихся путем филантропии, предложений гуманного фабричного законодательства, а затем разработке плана коренных общественных преобразований для обеспечения «благополучия всего человечества» и попытке практически реализовать этот план. После неудачи с этой попыткой (организация «коммунистической колонии» в США «Новая гармония») Оуэн активно участвует в создании профессиональных и кооперативных организаций в Англии. Как отмечал Энгельс, все общественные движения в Англии в интересах рабочего класса и все их действительные достижения были связаны с достижением Оуэна.

Свои взгляды на существующие порядки, справедливую социальную организацию и пути перехода к ней. Оуэн изложил в таких работах, как «Новый взгляд на общество, или опыты об образовании и характере» (1813-1814 гг.), «Книга о новом нравственном мире» (1842-1844 гг.), «Катехизис рациональной системы» (1850 г.) и статьях в журнале «Кризис» (1832-1834 гг.).

Оуэн воспринимал учение французских просветителей-материалистов о том, что человеческий характер определяется социальной средой. Основные пороки существующего строя, по его мнению, порождены заблуждениями человеческого разума и невежеством как правителей, так и управляемых. В обществе господствуют не законы природы, а не разумные человеческие законы, охраняющие несправедливость и наделяющие властью угнетателей. Основная цель этих законов – держать народ в невежестве и нищете.

Задача сводится тому, чтобы освободить человеческий разум от заблуждений, а для этого нужно изменить существующий строй на научных основах. Необходимо использовать для перехода к новому строю промышленный прогресс и научно-технические знания. Это требует устранения основного препятствия на пути к новому строю частной собственности. В от-

личие от Сен-Симона и Фурье, Оуэн видит в частной собственности причину бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком. Существование частной собственности привело к тому, что мир насыщен богатством, и всюду царит нищета. Общество должно быть устроено так, чтобы все получали выгоды от развития производительных сил, в противном случае обществу грозят насильственное ниспровержение и анархия.

Оуэн – противник насилия и революции. Он считал, что к справедливому строю ведут пропаганда научных знаний об обществе, путь примера. Люди ложно понимают свои интересы, которые в действительности одни и те же у богатых и бедных, у правителей и управляемых. Большие надежды в пропаганде и учреждении нового строя Оуэн возлагал на государство. Ни одна из существующих форм государства, по его мнению, сама по себе не может обеспечить счастье народа (поэтому Оуэн отрицательно относился к движению чартистов). Но если правителей просветить, то они будут способствовать общественным преобразованием. Оуэн настойчиво предлагает свой проект этих преобразований английскому парламенту и королеве Виктории, правительствам Европы и Америки.

План Оуэна предусматривал создание сети коммун, которые со временем распространяться во всем мире, в результате чего возникает единый порядок управления с единым сводом законов. Это будет коллективистское общество, основанное на общественной собственности и общем труде членов коммуны, равенстве их прав и обязанностей, отношениях взаимопомощи, рациональной и гуманной системе воспитания, нравственности, при которых не нужны поощрения и наказания.

Оуэн рисует детальную картину внутренней организации коммун, их взаимоотношений друг с другом. Коммунистическое устройство даст простор техническому прогрессу, что обеспечит рост всеобщего благосостояния. Новые могучие производительные силы, служившие до этого обогащению единиц и порабощению масс, будут работать для благосостояния всех. Каждый сможет получить с общественного склада все, что ему нужно, но никто не возьмет больше, чем нужно. Немалое внимание будет уделяться воспитанию. В результате в новом мире вырастет новый в физическом, нравственном и умственном отношении человек. Он будет гармонично развит и лишен эгоизма.

Управление коммуной осуществляется ее членами в соответствии с их способностями и общими интересами. Особых органов власти практически нет. Государственная власть будет играть важную роль в период образования коммун, способствуя их созданию. В последующем они, как писал Оу-

эн, будут доставлять им мало хлопот. Конечный его идеал – самоуправляющаяся федерация свободных автономных коммун.

Оуэн предлагал проекты конституции такой коммуны. В конституции коммуны «Новая гармония» в США утверждается принцип равноправия и общность имущества. Принципами коммун являются равенство прав и обязанностей членов коммуны, объединение в работе и развлечениях, свобода слова и действия, искренность и доброжелательность. Члены коммуны рассматриваются как одна семья. «Каждый член общины, – говорится в конституции, – будет приносить наибольшую возможную для него пользу для общего блага в соответствии с правилами и постановлениями, которые могут быть приняты общиной. Первоочередной задачей общины всегда будет предоставление всем ее членам наилучшего физического, нравственного и умственного воспитания». В этих положениях не трудно увидеть реализацию идеи «от каждого по способности». Вместе с тем, все члены коммуны в соответствии со своим возрастом будут получать одинаковую пищу и одежду, поскольку это может быть обеспечено, и все будут жить в одинаковых домах, «как только это станет осуществимо».

Законодательная власть в коммуне, согласно конституции, вручается общему собранию ее членов старше 21 года. Исполнительная власть – совету, избираемому собранием. Совет подчиняется указаниям большинства собрания, отчитывается перед ним и руководит всеми делами коммун, а также заключает договоры с другими коммунами.

Проектом Оуэна присущи черты грубой уравнительности и аскетизма, чего не было у Сен-Симона и Фурье. Однако следует отметить, что в отличие от Сен-Симона и Фурье, из критики капитализма Оуэн делает более последовательные выводы, видя причину бедственного положения масс в господстве частной собственности и соответственно связывая свой идеал с ее упразднением как необходимым условием коммунистического преобразования общества. Считая религию существенным препятствием на пути этого преобразования, одним из «социальных зол», Оуэн был чужд религиозных исканий, свойственных Сен-Симону и Фурье. Совершенно новыми в истории социалистической мысли были попытки Оуэна внести идеи коммунизма в рабочее движение. Большое значение имели акцент на использовании результатов промышленного прогресса и уверенность в способности трудящихся организовать производство без капиталистов.

**Над чем подумать, что самостоятельно проработать,
на какие вопросы ответить.**

1. Определите основные причины, вызвавшие обострение идейной борьбы во Франции накануне Великой французской революции 1789 – 1794 гг.
2. Кто являлся общепризнанным лидером французского просвещения?
3. Кто являлся крупнейшим теоретиком государства во французском Просвещении?
Назовите его главный труд.
4. В трудах какого из французских мыслителей этого периода обосновывается идея народного суверенитета и отстаивается принцип разделения властей?
5. Чем взгляды Гегеля на вопрос разделения в государстве отличались от взглядов Локка и Монтескье?
6. Назовите основных представителей европейского утопического социализма конца XVIII-первой половины XIX в.

Изучите следующие первоисточники:

1. Сен-Симон – «Очерк о человеке», «О теории общественной организации»;
2. Шарль Фурье – «Подлинные первоначала общественного развития», «Новый промышленный и общественный мир»;
3. Г. В. Ф. Гегель – «Философия права»;
4. И. Кант – «К вечному миру».

Литература

Основная

1. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. / Под общей редакцией О. В. Мартышина, изд. НОРМА, – М., 2004 г.
2. Акмалова А. А., Каницин В. М.. История политических и правовых учений. Учебное пособие. – М., Юриспруденция, 2002 г.
3. История политических и правовых учений. Учебник для юрид. Вузов. / Под ред. В. С. Нерсесянца, – М., Наука, 1995 г.

Дополнительная

1. Чанышев А.А. История политических учений. – М., РОССПЭН, 2000.

2. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. / Под ред. В. М Малахова. – М., 2000.

ТЕМА 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ США В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

8.1. Томас Пейн о государстве и праве.

8.2. Политико-правовые взгляды Джефферсона.

8.3. Взгляды Гамильтона на государство и право.

США как независимое государство возникло в результате войны 1775 – 1783 гг. английских колонистов против метрополии.

Активное развитие борьбы против колониального господства Англии относится к 60-м годам XVIII в. В те годы вопрос об отделении от метрополии еще не ставился. Колонисты ограничивались тогда требованиями уравнивания политико-правового режима в колониях с режимом, существовавшим в Англии. Эти требования теоретически обосновывались принципами английского общего права и конституционности, оформившейся с завершением английской буржуазной революции. С 70-х годов требования колонистов радикализируются, и в обоснование их берется естественно-правовая доктрина, разработанная к тому времени в Западной Европе.

В работе I Континентального конгресса (1774 г.) сохраняются еще оба идейных направления – в принятой конгрессом Декларации прав источниками права колонистов объявлялись «законы природы, британские конституционные установления и колониальные хартии». Конгресс провозгласил, что колонисты обладают естественными правами на жизнь, свободу и собственность, всеми правами жителей метрополии и всеми правами, содержащимися в колониальных хартиях, что «права и свободы американских поселенцев не могут быть отняты у них или ограничены какой-либо властью без согласия самих колонистов».

Решающее воздействие на формирование политической и правовой мысли в колониях оказала передовая в то время естественно-правовая теория в трактовках Гоббса, Мильтона, Локка, Вольтера, Монтескье, Руссо.

Наиболее крупными представителями политической и правовой идеологии США этого времени были активные участники освободительного движения в колониях Томас Пейн, Томас Джефферсон и Александр Га-

мильтон. По направленности своих политических и правовых взглядов они принадлежали к различным течениям.

Пейн и Джефферсон – наиболее видные представители демократических сил, внесших решающий вклад в победоносный исход войны за независимость. Их идеи были особенно близки широким народным массам и легли в основу Декларации независимости 1776 г., сыгравшей важную роль в объединении колонистов в борьбе против английских колонизаторов. Гамильтон – представитель финансовой и торгово-промышленной буржуазии, плантаторов, настроенных весьма умеренно, а порой и консервативно. Поскольку плодами победы в Войне за независимость воспользовались именно они, взгляды Гамильтона и оказали решающее влияние на Конституцию США (1787 г.), в которой из идейного багажа Декларации независимости осталась практически только идея народного суверенитета, мельком упомянутая в преамбуле Конституции.

8.1. Пейн о государстве и праве

Томас Пейн (1737 – 1809 гг.) относится к числу наиболее радикальных представителей демократической политической и правовой идеологии периода Войны за независимость. Позднее других ее представителей включившись в освободительное движение колоний (Пейн в 1774 г., т.е. накануне начала Войны за независимость, переселился из Англии в Северную Америку), он первым среди них в 1775 г. В статье «Серьезная мысль» поставил вопрос об отделении колоний от Англии и создании независимого государства. Он же в памфлете «Здравый смысл» – наиболее известном его произведении – показал несовершенство государственного строя Англии и предложил название государства, которое должны были образовать колонисты, – «Соединенные Штаты Америки». Идеи этого памфлета отразились в Декларации независимости Соединенных Штатов, автором которой был Т. Джефферсон. После начала буржуазной революции во Франции Пейн публикует работу «Право человека», в которой защищает демократические права и свободы, провозглашенные во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Как и другие представители естественно-правовой теории, Пейн различал естественные и гражданские права человека. Первые присущи ему по природе, «по праву его существования». К ним Пейн относил право на счастье, свободу совести, свободу слова. Этими правами человек обладал в естественном состоянии, которое, по Пейну, было историческим фактом (здесь

он близок к Локку) и которое, по его мнению, сохранялось тогда еще у североамериканских индейцев.

С образованием общества и государства люди передали часть своих естественных прав в «общий фонд». Так возникают гражданские права, принадлежащие человеку как члену общества. Это те права, которые человек не способен защитить своей властью. К ним Пейн относил и право собственности – право приобретенное, а не естественное.

Как и Руссо, Пейн считал, что в естественном состоянии не существовало частной собственности на землю – земля была «общей собственностью человеческого рода». Частная собственность появляется с переходом к земледелию, а также в результате «недоплаты работникам». Вместе с ней возникает и деление людей на богатых и бедных. По природе все люди равны в своих правах, а деление на богатых и бедных является следствием появления частной собственности (у идейного противника Пейна А. Гамильтона деление на богатых и бедных имеет естественное происхождение).

Одним из первых в Северной Америке Пейн еще в 1775 г. выступил против рабовладения и потребовал освобождения рабов.

Государство, по Пейну, возникает вслед за объединением людей в общество, ибо объединившиеся люди не способны сами сохранять справедливость в отношениях между собой. Оно создается людьми по общественному договору – единственно возможному способу образования государства. Поэтому верховная власть в государстве должна принадлежать самому народу. Из этой идеи народного суверенитета Пейн делает вывод о праве народа учреждать или уничтожать любую форму правления – о праве народа на восстание и революцию. Этими же идеями народного суверенитета и права на революцию Пейн обосновал допустимость и необходимость отделения колоний от Англии и образования собственного независимого государства.

Анализируя формы государства, Пейн различал «старые» (феодалские – монархические) и «новые» (республиканские) формы. В основу этой классификации положены принципы образования правления – наследственность или выборность. Пейн резко критиковал государственный строй Англии (и дореволюционной Франции). Правление, основанное на передаче власти по наследству, он называл «самым несправедливым и несовершенным из всех систем правления». Не имея под собой никакой правовой основы, такая власть неизбежно является тиранической, узурпирующей народный суверенитет.

Республиканское правление, согласно идеям Пейна, должно быть основано на принципе народного представительства. Это «правление, учреж-

денное в интересах общества и осуществляемое в его интересах, как индивидуальных, так и коллективных». Поскольку в его основе лежит народный суверенитет, постольку верховной властью должен обладать законодательный орган, избираемый на основе всеобщего избирательного права как реализации естественного равенства людей.

С этих позиций Пейн критиковал Конституцию США 1787 г., в период принятия которой он находился в Европе. Так, в закреплении в Конституции системы «сдержек и противовесов» он справедливо усматривал влияние теории разделения властей Монтескье. Недостаток Конституции он видел и в создании двухпалатного законодательного органа, формируемого на основе цензового избирательного права, существовавшего в штатах. Слишком большим (6 лет) был, по его мнению, срок полномочий сенаторов. Единичному главе исполнительной власти (президенту), предусмотренному Конституцией, он предпочитал коллегиального. Возражал он и против наделения президента правом вето, против несменяемости судей, которые должны были переизбираться и быть ответственными перед народом. Наконец, Пейн утверждал, что каждое поколение должно само определять, что соответствует его интересам, и поэтому иметь право изменять Конституцию.

Политические взгляды Пейна выражали демократические и революционные тенденции в освободительном движении колонистов, интересы наиболее широких слоев – фермерства и предшественников пролетариата. Они оказали громадное воздействие на ход и исход Войны за независимость. Более того, они повлияли на освободительное движение в Латинской Америке против испанского колониального господства и даже «пересекли» Атлантический океан и на родине Пейна, в Англии, способствовали формированию политической идеологии чартистского движения с его требованиями всеобщего избирательного права и ежегодных выборов в парламент.

8.2. Политико-правовые взгляды Джефферсона

Политические взгляды Томаса Джефферсона (1743 – 1826 гг.) были близки к политическим взглядам Пейна. Как и Пейн, Джефферсон воспринял естественно-правовую доктрину в ее наиболее радикальной и демократической трактовке. Отсюда близость его политических и правовых взглядов к идеям Руссо. Правда, до начала Войны за независимость Джефферсон надеялся на мирное разрешение конфликта с Англией и испытывал влияние теории разделения властей Монтескье. Но это не помешало ему впоследствии критиковать Конституцию США 1787 г., воспринявшую разделение властей как систему «сдержек и противовесов» и дававшую президенту

возможность переизбираться неограниченное число раз и тем самым, по мнению Джефферсона, превратиться в пожизненного монарха. Большим недостатком Конституции он считал отсутствие в ней Билля о правах, особенно свободы слова, печати, религии.

Радикальная и демократическая трактовка естественно-правовой концепции проявилась в представлении Джефферсона об общественном договоре как основе устройства общества, дающей всем его участникам право конституировать государственную власть. Отсюда логически вытекала идея народного суверенитета и равенства граждан в политических, в том числе избирательных, правах.

Джефферсон критиковал капитализм, набиравший в США силу, ведущий к разорению и обнищанию широких слоев населения. Однако главной причиной этих бедствий он считал развитие крупного капиталистического производства и идеализировал мелкое фермерское хозяйство. Его идеалом была демократическая республика свободных и равноправных фермеров. Этот идеал был утопическим, но активная его пропаганда Джефферсоном сыграла большую роль в привлечении широких народных масс колоний к активному участию в Войне за независимость.

Еще большее значение имело то обстоятельство, что Джефферсон был автором проекта Декларации независимости – конституционного документа, который, исходя из демократической и революционной трактовки естественно-правовой доктрины, обосновывал правомерность отделения колоний от Англии и образования ими самостоятельного, независимого государства.

Разрыв с религиозными представлениями о государственной власти, еще характерными для той эпохи (упоминание о боге-творце сделано в Декларации мимоходом и ничего не меняет в ее содержании), и естественно-правовая аргументация, народный суверенитет и право на революцию, защита свободы личности и прав граждан – все это делало Декларацию независимости выдающимся теоретическим и политическим документом своего времени. Не следует забывать, что на континенте Европы в те годы еще царил феодально-абсолютистский произвол, а буржуазная монархия в Англии пыталась практически феодально-абсолютистскими средствами сохранить свое господство в североамериканских колониях.

Для Джефферсона как автора Декларации «очевидны следующие истины, что все люди сотворены равными, что они наделены своим творцом некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых жизнь, свобода и стремление к счастью». Провозглашенное в преамбуле Декларации

естественное равенство людей прямо противопоставлялось унаследованным от феодализма сословным привилегиям, неотъемлемые права – феодальному бесправию. Эти идеи имели и конкретный практически-политический смысл в борьбе против английских колонизаторов, отрицавших равноправие колонистов с жителями метрополии и посягавших на права колонистов.

В перечне названных в Декларации неотъемлемых прав нет права собственности, содержавшегося, как отмечалось, в Декларации прав I Континентального конгресса. Отсутствие этого самого важного, «священного» для буржуазного общества права объясняется с точки зрения теоретической влиянием Пейна, которого в американской исторической литературе иногда называли автором Декларации независимости, хотя он сам недвусмысленно указывал, что ее автором является Джефферсон (выше было сказано, что Пейн считал право собственности приобретенным правом и, следовательно, не относящимся к неотъемлемым правам человека). Следует иметь в виду и другое, не менее важное практически-политическое обстоятельство. Составляя проект Декларации, Джефферсон учитывал, что по мере обострения конфликта колонистов с Англией их представления о свободе и собственности все более сливались. Ведь в истоке конфликта лежали прежде всего посягательства Англии на материальные интересы колонистов. Именно эти посягательства помогли колонистам понять, что они не свободны. Колонисты видели свою свободу в беспрепятственном развитии собственности; главным для них была не абстрактно-теоретическая свобода от иноземной власти, а практическая свобода, обеспечивающая их материальные интересы. Поэтому свобода как естественное и неотъемлемое право виделась колонистам (и Джефферсон должен был это учитывать) как гарантия свободы собственности. Практически свобода как неотъемлемое право в Декларации независимости включала в себя право свободно пользоваться и распоряжаться своими материальными благами, то есть право на собственность.

Правительство, писал Джефферсон в Декларации независимости, создается людьми для охраны естественных прав человека, и власть правительства проистекает из согласия народа повиноваться ему. Последовательно развивая идею народного суверенитета, Джефферсон заключает, что в силу такого происхождения власти правительства (создается народом) и такого условия ее существования (согласие народа) народ вправе изменить или уничтожить существующую форму правления (существующее правительство), что «долгом и правом» людей является сверже-

ние правительства, стремящегося к деспотизму. Право на революцию, таким образом, обосновано, и обосновано убедительно.

Далее, в Декларации независимости содержатся 27 пунктов обвинения английского короля в стремлении к деспотизму, дающих основание провозгласить в Декларации «именем и властью доброго народа колоний наших» отделений колоний от Англии (свержение правительства, стремящегося к деспотизму, – право на революцию) и образование независимых Соединенных Штатов.

Для характеристики политических взглядов Джефферсона важно обратить внимание на то, что в составленном им проекте Декларации независимости было не 27, а 28 пунктов обвинения английского короля. Пункт, не попавший в окончательный текст Декларации в результате решительных возражений плантаторов южных колоний, осуждал процветавшее в южных колониях рабство негров. Джефферсон был убежден, что оно противоречит человеческой природе и естественным правам людей и обвинял английского короля в том, что он «захватывал людей и обращал их в рабство в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью, не выдерживая перевозки».

Джефферсон вошел в историю политической мысли и в историю Нового времени в целом как автор Декларации независимости Соединенных Штатов. Значение Декларации не только в том, что она провозгласила образование США, но и еще более в провозглашении наиболее передовых в то время политических и правовых идей и представлений. Идеи Декларации и самого Джефферсона оказывали и продолжают оказывать влияние на политическую жизнь в США.

8.3. Взгляды Гамильтона на государство и право

Александр Гамильтон (1757 – 1804 гг.) был одним из тех наиболее видных политических деятелей периода образования США, чьи теоретические воззрения и практическая деятельность оказали решающее воздействие на содержание Конституции США 1787 г.

В период непосредственной подготовки Конституции, а особенно после ее принятия, в стране разгорелась острая политическая борьба между федералистами и антифедералистами. Внешне основой раскола на эти политические группировки было отношение к намеченной Конституцией федеральной форме государственного устройства США.

Гамильтон принадлежал к числу наиболее влиятельных лидеров федералистов, считавших, что федеративное устройство преодолет слабость

конфедеративной организации США, закрепленной «Статьями конфедерации» 1781 г. Только сильная центральная власть, по их мнению, способна подавить демократическое движение масс, возросшее после победы в Войне за независимость. Федерация, утверждал Гамильтон, будет барьером, препятствующим внутренним раздорам и народным восстаниям.

Федералисты фактически представляли интересы крупных собственников – финансовой олигархии, крупной торговой и промышленной буржуазии, плантаторов. Антифедералисты выражали устремления малоимущих и неимущих слоев населения – фермеров, мелких предпринимателей и торговцев, растущего пролетариата. Политические позиции Гамильтона определились еще в период, предшествовавшей Войне за независимость, когда он выступал за мирное урегулирование конфликта, компромисс с Англией. Его теоретические воззрения вполне совпадали с этой позицией. Они сложились под решающим воздействием теории разделения властей Монтескье, на которого, как известно, больше впечатление произвело конституционное устройство английской монархии. Это устройство Гамильтон и считал необходимым положить в основу Конституции США.

Однако логика освободительной борьбы колоний вынудила Гамильтона признать возможность республиканского строя. Но обязательным условием этого он считал создание сильной президентской власти, мало чем отличающейся от власти монарха. Президент, по его мнению, должен избираться пожизненно и обладать широкими полномочиями, в том числе возможностью контролировать представительный орган законодательной власти, который под давлением избирателей может принять «произвольные решения». Эта же идея содержалась в предложении Гамильтона сделать назначаемых президентом министров практически не ответственными перед парламентом.

Сам парламент мыслился им как двухпалатный, создаваемый на основе избирательного права с высоким имущественным цензом. Деление людей на богатых и бедных, а соответственно, на просвещенных и непросвещенных, способных и неспособных управлять делами общества имеет, по утверждению Гамильтона, естественное происхождение и неустранимо. Богатым и, следовательно, просвещенным по самой природе принадлежит право быть представленными в высших государственных органах. Только они способны обеспечить стабильность политического строя, ибо любые изменения его не дадут им ничего хорошего. Предоставление же народу возможности активно участвовать в государственных делах неизбежно приведет к ошибкам и заблуждениям из-за неразумности и непостоянства масс и тем самым ослабит государство.

Не все идеи Гамильтона были восприняты Конституцией США (пожизненный президент, общее цензовое избирательное право). Но как общая направленность, так и большая часть конкретных предложений Гамильтона были приняты Конституционным конвентом, что и определило общий характер и содержание Конституции, порывавшей с основными идеями Декларации независимости.

**Что обсудить, какие документы самостоятельно проработать,
на какие вопросы дать ответы.**

1. Учения каких европейских мыслителей оказали решающее влияние на политико-правовые воззрения Пейна, Джефферсона, Гамильтона?

2. В чем основная заслуга, на ваш взгляд, Джефферсона перед народом и государством США?

3. Каковыми были взгляды Гамильтона на вопросы государственного устройства США после обретения независимости?

Литература

Основная:

1. История политических и правовых учений. Домарксистский период./Под ред. О.Э.Лейста, – М.,1991.

2. История политических и правовых учений России./ И.А. Исаев, Н.М. Золотухина, – М., 2003.

3. История политических и правовых учений./ Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004.

4. История политических и правовых учений. Учебник для юр.ВУЗов./ Под ред. В.С. Нерсесянца, – М., 1993.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений./ А.А. Акмалова, В.М. Капицин./ Учеб. пособие. – М., 2002.

2. История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н.Хорошилова, – М., 2002.

3. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсесянца, – М.,1985.

4. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышев, – М., 2000.

ТЕМА 9. БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

- 9.1 Буржуазный либерализм во Франции. Бенжамен Констан.
- 9.2 Либерализм в Англии. Взгляды И. Бентама на право и государство.
- 9.3 Политико-правовое учение Огюста Конта.

Великая французская буржуазная революция открыла дорогу развитию капитализма во Франции и ряде других стран континентальной Европы. К этому же времени ощутимо проявляются результаты промышленного переворота в Англии. Гражданское общество становится во всех развитых странах все более буржуазным; все явственнее оно делится на два основных класса – буржуазию и пролетариат.

Начальный период становления капитализма как общественно-экономической формации сопровождался бурным социально-экономическими процессами. Массовое разорение мелких собственников и развитие пролетариата, с одной стороны, стремительное обогащение промышленной, торговой и финансовой буржуазии – с другой, происходило в обществе, еще не имевшем ни систем социальной помощи (социального страхования и обеспечения, бесплатного здравоохранения и образования), ни массовых и влиятельных организаций рабочего класса (партий, профсоюзов). По социально обездоленным слоям общества больно били экономические кризисы и безработица. Росло относительное и абсолютное обнищание пролетариата. Его разрозненные выступления свирепо подавлялись вооруженной силой.

Растущая буржуазия, став экономически господствующим классом, еще не была способна оформить свое безраздельное политическое господство. Не сложилась система политических партий, необходимая для функционирования представительной демократии.

Однако возродить уничтоженные революцией феодальные отношения в области экономической, социальной и гражданско-правовой было невозможно.

В своеобразных условиях первой половины XIX века основным направлением буржуазной политической мысли становится либерализм. Либерализм делал основной упор на защиту и обоснование «гражданской свободы», понимаемой как свобода частной инициативы, предпринимательства, договоров, свобода слова, совести, мнений и печати. Государству, согласно этой концепции, отводится роль «ночного сторожа»; оно

должно лишь обеспечивать безопасность личности, частной собственности, охранять общество, основанное на «гражданской свободе», отнюдь не ограничивая последней. Особенно настойчиво либерализм отстаивал невмешательство государства в экономическую жизнь. В буржуазной политической экономии того времени это выражалось известными формулами: «free trade» (свободная торговля) в Англии; «laissez faire, laissez passer» (предоставьте свободу действий, не мешайте) во Франции.

9.1. Буржуазный либерализм во Франции. Бенжамен Констан

Буржуазная революция во Франции расчистила почву для свободного развития капиталистических отношений. Возникают многочисленные торговые и промышленные предприятия, расцветают спекуляция, коммерческий ажиотаж, погоня за наживой. Освобожденные от феодальной зависимости крестьяне и высвобожденные из узких рамок цеховой регламентации ремесленники подвергаются всем случайностям свободной конкуренции. Разоряясь, они пополняют ряды растущего пролетариата.

Государственный строй Франции этого периода был монархическим; политическими правами пользовались дворянство и очень узкий круг крупных капиталистов. Тем не менее даже наиболее реакционные правительства Франции не в силах были упразднить основные завоевания революции, отменившей сословные привилегии, решившей аграрный вопрос в буржуазном духе и коренным образом перестроившей правовую систему.

В этих условиях идеологи французской буржуазии уделяют основное внимание обоснованию «индивидуальных прав и свобод», необходимых для развития капитализма. Опасность для свободы усматривается уже не только в возможных попытках наступления феодальной реакции, но и в демократических теориях революционной буржуазии.

Наиболее значительным идеологом буржуазного либерализма во Франции был Бенжамен Констан (1767 – 1830 гг.). Перу Констан принадлежит ряд сочинений на политические и историко-религиозные темы. Констан уделяет основное внимание обоснованию личной свободы, понимаемой как свобода совести, слова, свобода предпринимательства, частной инициативы.

Он различает политическую свободу и свободу личную.

Древние народы знали только политическую свободу, которая сводится к праву участвовать в осуществлении политической власти (принятие законов, участие в правосудии, в выборе должностных лиц, решение

вопросов войны и мира и др.). Пользуясь правом участвовать в осуществлении коллективного суверенитета, граждане античных республик в то же время были подчинены государственной регламентации и контролю в частной жизни. Им предписывались обязательная религия, нравы; государство вмешивалось в отношения собственности, регламентировало промыслы и т.д.

Новые народы, считал Констан, понимают свободу иначе. Право участия в политической власти меньше ценится потому, что государства стали большими и голос одного гражданина уже не имеет решающего значения. Кроме того, отмена рабства лишила свободных того досуга, который давал им возможность уделять много времени политическим делам. Наконец, воинственный дух древних народов сменился коммерческим духом; современные народы заняты промышленностью, торговлей, трудом и поэтому они не только не имеют времени заниматься вопросами управления, но и очень болезненно реагируют на всякое вмешательство государства в их личные дела. Значит, заключал Констан, свобода новых народов – это личная, гражданская свобода, состоящая в известной независимости индивидов от государственной власти.

Особенно много внимания Констан уделяет обоснованию религиозной свободы, свободы слова, печати и промышленной свободы.

Отстаивая свободную конкуренцию как «наиболее надежное средство совершенствования всех промыслов», Констан решительно высказывается против «мании регламентирования». Государство, по его мнению, не должно вмешиваться в промышленную деятельность, ибо оно ведет коммерческие дела «хуже и дороже, чем мы сами». Констан возражает и против законодательной регламентации заработной платы рабочих, называя такую регламентацию возмутительным насилием, бесполезным к тому же, ибо конкуренция низводит цены труда на самый низкий уровень: «К чему регламенты, когда природа вещей лишит закон действия и силы?»

В обществе, где у жестоко эксплуатируемых пролетариев еще не было собственных организаций, способных бороться с промышленниками за сколько-нибудь сносные условия труда и заработной платы, такая защита промышленной свободы, которую Констан считал одной из главных свобод, была откровенным оправданием коммерческого духа, по сути дела апологией развивающегося во Франции капитализма.

Констана тревожит не только возможность посягательства на промышленную и иные свободы со стороны монархического государства; не меньшую опасность для свободы он усматривает в революционных тео-

риях народного суверенитета: «Под свободой, - писал Констан, - я разумю торжество личности над властью, желающей управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право на подчинение себе меньшинства».

Констан подвергает критике теории Руссо и других сторонников народного суверенитета, которые, следуя древним, отождествили свободу с властью. Однако же неограниченная власть народа опасна для индивидуальной свободы; по мнению Констан, в период якобинской диктатуры и террора выявилось, что неограниченный народный суверенитет опасен не менее, чем суверенитет абсолютного монарха. «Если суверенитет не ограничен, – утверждал Констан, – нет никакого средства создать безопасность для индивидов. Суверенитет народа не безграничен, он ограничен теми пределами, которые ему ставят справедливость и права индивида».

Исходя из этого, Констан по-новому ставит вопрос о форме правления. Он осуждает любую форму государства, где существует «чрезмерная степень власти» и отсутствуют гарантии индивидуальной свободы. Таки-ми гарантиями, писал Констан, являются общественное мнение, а также разделение и равновесие властей.

Констан признавал, что необходимо существование выборного учреждения (представительства). Соответственно в государстве должна осуществляться политическая свобода в том смысле, что граждане принимают участие в выборах и представительное учреждение входит в систему высших органов власти. Однако же, настойчиво повторял Констан, «политическая свобода есть только гарантия индивидуальной». Отсюда следует, что представительное учреждение является лишь органом выражения общественного мнения, связанным и ограниченным в своей деятельности компетенцией других государственных органов.

Разделение и равновесие властей Констан изображает следующим образом.

В конституционной монархии должна существовать «нейтральная власть» в лице главы государства. Констан не согласен с Монтескье, который считал монарха лишь главой исполнительной власти. Монарх принимает участие во всех властях, предупреждает конфликты между ними, обеспечивает их согласованную деятельность. Ему принадлежат права вето, роспуска выборной палаты, он назначает членов наследственной палаты пэров, осуществляет право помилования. Король, писал Констан, «как бы парит над человеческими треволениями, образуя некую сферу вели-

чия и беспристрастия», он не имеет никаких интересов «кроме интересов охраны порядка и свободы».

Власть исполнительная осуществляется министрами, ответственными перед парламентом.

Законодательную палату выборную Констан называет «властью общественного мнения». Он уделяет большое внимание принципам формирования этой палаты, настойчиво отстаивая высокий имущественный ценз. Доводы Констан таковы: только богатые люди имеют образование и воспитание, необходимые для осознания общественных интересов. «Одна лишь собственность обеспечивает досуг; только собственность делает человека способным к пользованию политическими правами». Лишь собственники «проникнуты любовью к порядку, справедливости и к сохранению существующего». Напротив, рассуждал Констан, бедняки «не обладают большим разумением, нежели дети, и не более, чем иностранцы заинтересованы в национальном благосостоянии». Если им предоставить политические права, добавлял Констан, они попытаются использовать это для посягательства на собственность. Поэтому политические права допустимо иметь лишь тем, у кого есть доход, дающий возможность существовать в течение года, не работая по найму. Констан возражал также против уплаты депутатам вознаграждения.

Наконец, самостоятельной властью Констан называет судебную власть.

Он высказывается также за расширение прав местного самоуправления, не считая «муниципальную власть» подчиненной исполнительной власти, а трактуя ее как власть особую.

Теория Бенжамена Констан, обстоятельно изложенная в его «Курсе конституционной политики» (1816 – 1820 гг.), долгое время была общепризнанной доктриной буржуазных политиков Франции и ряда других стран.

9.2. Либерализм в Англии

Взгляды И. Бентама на право и государство

Буржуазная революция в Англии, несмотря на ее компромиссный исход, создала благоприятные условия для развития капитализма. В Англии происходит промышленный переворот, результаты которого сказываются в последней четверти XVIII в. Промышленная буржуазия уже не мирится с сохраняющимися феодальными пережитками; она стремится к более широкому и четкому внедрению буржуазных принципов в право, к предоставле-

нию ей решающего участия в политической власти. Одновременно в Англии растет пролетариат; начинаются его выступления. В 30-х г. XIX в. Возникает рабочее движение за демократическую конституцию – чартизм.

Своеобразную концепцию права и государства в Англии этого периода разрабатывал Иеремия Бентам (1748 – 1832 гг.).

Еще в первых своих произведениях Бентам отвергал теорию естественного права. Он писал, что содержание естественного права неопределенно и всеми толкуется по-разному. Бессмысленным и химеричным является и понятие «общественный договор», так как государства создавались насилием и утверждались привычкой. Бентам обстоятельно критикует французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., утверждая, что идея прав личности ведет к обоснованию анархии, сопротивлению государственной власти. «Право», противопоставляемое закону, «является величайшим врагом разума и самым страшным разрушителем правительства». Бентам признает реальным правом лишь то, которое установлено государством. Однако существующее законодательство архаично и несовершенно; каковы же критерии его оценки и соответственно направление совершенствования? «Законодательство должно, наконец, найти непоколебимую основу в чувствах и опыте». Для ответа на этот вопрос Бентам разрабатывает теорию утилитаризма, опираясь на ряд идей Гельвеция и Гольбаха. «Природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Им мы обязаны всеми нашими идеями, ими обусловлены все наши суждения, все наши решения в жизни... – писал Бентам. – Принцип пользы подчиняет все этим двум двигателям».

Единственно реальными интересами Бентам считает интересы отдельных лиц. Он много и обстоятельно рассуждает об удовольствиях и страданиях, классифицируя их по разным основаниям; им даже разработаны правила «морального счета», где добро – «приход», зло – «расход». При этом существование частной собственности и конкуренции Бентам рассматривает как необходимое условие реализации главного положения его концепции. «Наибольшее счастье для наивозможно большего числа членов общества: вот единственная цель, которую должно иметь правительство».

Применяя утилитаризм к вопросам права, Бентам приходит к следующим выводам. Закон сам по себе – зло, поскольку он связан с применением наказания (страдание). Кроме того, при его осуществлении возможны ошибки. «Каждый закон есть нарушение свободы». Тем не менее закон – зло неизбежное, ибо без него невозможно обеспечить безопас-

ность. Главным предметом заботы законодательства Бентам называет частную собственность. «Собственность и закон родились вместе и умрут вместе. До закона не было собственности; устраните закон, и собственность перестанет существовать».

Обеспечение безопасности, продолжал Бентам, в известной мере противоречит равенству и свободе; каковы же в связи с этим должны быть пределы законодательного регулирования? Для ответа на этот вопрос Бентам анализирует «нравственные обязанности», которые делит на две группы. Нравственные обязанности по отношению к себе составляют правила благоразумия. Поскольку причинить вред самому себе можно только по ошибке, страх возможных последствий этой ошибки является достаточным и единственным стимулом, предупреждающим такой вред; вот почему законодатель не должен регулировать те действия и отношения, где люди могут вредить только сами себе. Например, рассуждал Бентам, попытка законодательным путем искоренить пьянство, разврат, расточительство принесет больше вреда, чем пользы, ибо приведет к усложнению законодательства, мелочной регламентации частной жизни, введению чрезмерно суровых наказаний, развитию шпионства и всеобщей подозрительности. Иначе решается вопрос об «обязанностях по отношению к общему благу», где законодательство определяет налоги и некоторые другие обязанности лиц.

Отсюда неизбежно следовал вывод, что законодательство не должно вмешиваться в деятельность предпринимателей и в их отношения с рабочими; по теории утилитаризма, стороны сами, руководствуясь «моральной арифметикой», определяют условия договора, исходя из «собственной пользы». Теория утилитаризма оправдывала любые условия договора, продиктованные капиталистом рабочему, и отвергала попытки законодателя взять последнего под свою защиту в условиях, когда рабочий класс еще не имел собственных организаций для защиты от произвола частных предпринимателей, а в обществе не было систем социальной защиты личности. Именно этим более всего обусловлены резкие оценки идей Бентама в «Капитале» К.Маркса. Вместе с тем Маркс и Энгельс отмечали, что эта теория «была в силах критиковать лишь те отношения, которые оставались от какой-нибудь прошлой эпохи и мешали развитию буржуазии». Этим объясняется тот критический дух, который присущ многим сочинениям Бентама.

Бентам ратовал за реформу права, его кодификацию, отмену ряда феодальных институтов, за совершенствование системы наказаний, уде-

лял значительное внимание вопросам процесса, теории доказательств и т.п. Со своими проектами он обращался к правительствам Англии, Франции, России, Испании и других стран.

Известную эволюцию претерпели взгляды Бентама на наилучшую форму правления. Вначале он одобрял конституционную монархию в Англии, высказывался за высокий имущественный ценз, долгосрочное избрание представительства. В этот период он резко осуждал демократию как «анархию». Однако под влиянием буржуазных радикалов, ставивших вопрос об упразднении ряда феодальных пережитков в государственном строе Англии, Бентам меняет свои взгляды. Известную роль в этом сыграло и упрямое нежелание правительства внять его призыву о реформе права.

Бентам выступает с острой критикой монархии и утверждает, что учредительная власть (право учреждать основные законы государства) принадлежит народу. Власть законодательная должна осуществляться однопалатным представительством, ежегодно избираемым на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Исполнительная власть, по Бентаму должна осуществляться должностными лицами, подчиненными законодательной палате, ответственными перед ней и часто сменяемыми.

Как и многие другие либеральные мыслители того времени, Бентам осуждал агрессивные войны и колониальный режим. Он разрабатывал проекты международных организаций для предупреждения войн, мирного решения конфликтов между государствами.

Труды Бентама значительно повлияли на развитие буржуазной политико-правовой идеологии. Его даже называли Ньютоном законодательства; теория утилитаризма была далее развита его последователем Дж. Ст.Миллем, а ее методология и этика оказали большое воздействие на аналитическую школу Дж. Остина.

9.3. Политико-правовое учение Огюста Конта (1798 – 1857)

От либеральных концепций государства и права резко отличается политико-правовая теория основателя позитивизма («положительной философии») Огюста Конта.

Конт считал своей задачей преодоление «умственной анархии и дезорганизации», царящей как в области наук, так и в обществе. «Идеи правят миром», – утверждал Конт; всю историю человечества он делит на три стадии развития, соответствующие состояниям человеческого ума.

Первое состояние теологическое (фиктивное), когда главная, фактическая часть науки содержалась в богословской оболочке, а все явления объяснялись волей одушевленных предметов или сверхъестественных существ (духов, гномов, богов). Вторым является метафизическое (критическое) состояние, когда более многочисленные факты объясняются через различные отвлеченные, абстрактные, априорные понятия (таковые причина, сущность, материя, общественный договор, права человека и т.д.). Заслугу этой стадии Конт видит лишь в разрушении теологических идей и подготовке перехода к следующей, третьей и последней, позитивной, или научной, стадии.

Задача позитивной философии заключается в классификации и объединении наук, причем науки должны выяснять законы связи явлений, а не заниматься метафизическими проблемами. Так, согласно Конту, невозможно познать сущность вещей и причинную связь; поэтому науки должны лишь проверять многочисленные факты «самими фактами, которые часто являются достаточно простыми, чтобы стать принципами».

Для приведения в систему положительных знаний Конт предлагает расположить общие науки в порядке их возрастающей сложности и убывающей общности: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология; позже к этому перечню он добавил нравственность. Науке об обществе, или социологии (термин придуман Контом), он придает очень большое значение. Основной задачей своей философии Конт считал переустройство общества на основе позитивизма, замену «ретроградной аристократии» и «анархической республики» социократией.

Социология Конта делится на две части: социальную статику, изучающую строение общества, и социальную динамику, изучающую его развитие. То и другое Конт обобщает в своей знаменитой формуле: «Порядок и прогресс».

В центре внимания Конта стоит общество как органическое целое; при этом взаимосвязь людей и социальных групп понимается им как солидарность. Признавая в современном ему обществе наличие противоположных классов (капиталистов и пролетариев), Конт настойчиво проводит идею их солидарности, утверждая, что каждый из них выполняет общественно необходимую функцию.

Согласно Конту, необходимость государства обусловлена объединением частных сил для общей цели; правительства поддерживают общественную солидарность, препятствуя частным силам разорвать общественное целое. Поскольку общественная солидарность достигается средствами

материальными и нравственными, необходимо наличие двух властей: светской и духовной.

Конт описывает историю этих властей соответственно «трем стадиям» человечества. Вначале (в богословско-военную эпоху) светскую власть осуществляли военные вожди, а духовную – жрецы и прорицатели. В «теологической стадии» эти власти то объединялись в одних руках (теократия и др.), то разъединялись. В «метафизиколегистской стадии» на светскую власть оказывают решающее влияние законники, юристы, адвокаты; власть духовная переходит к отвлеченным мыслителям – метафизикам, а затем к литераторам и публицистам. Переход к позитивной стадии сопровождается заменой военного быта промышленным. Этим обуславливается новая, позитивная политика. «Политика, – писал Конт, – должна теперь подняться на уровень наук, основанных на наблюдении».

В духе Сен-Симона Конт довольно резко критикует анархию и бесплановость производства, буржуазный индивидуализм. Можно найти у него и сочувственные слова о тяжелом положении пролетариата. Однако идеи своего великого учителя Конт направил на защиту капитализма. Ф. Энгельс указывал, что «все свои гениальные идеи Конт заимствовал у Сен-Симона, но, группируя их по своему собственному разумению, он изуродовал их: сорвав с них свойственный им мистицизм, он в то же время опошлил их, переработал их на свой собственный филистерский лад».

По разработанному Контом «плану реорганизации социальной жизни» в социократии сохраняется класс капиталистов (патрициат, «концентрированная сила богатства»). Материальная сила должна принадлежать промышленникам (банкирам, купцам, фабрикантам, землевладельцам). Богатый патрициат под руководством главных банкиров управляет социократией. Пролетариат («рассеянная сила числа») должен в 33 раза превышать численной патрициата. К мелкой буржуазии Конт относился резко отрицательно и желал ее исчезновения. Духовную власть в социократии осуществляют жрецы позитивистской церкви, воспитывающие оба класса в духе солидарности.

Конт выступал против индивидуализма, против теорий невмешательства государства в частную жизнь. Однако его проект укрепления существующего строя – не лучше либеральных проектов. Социократия – это казарма, где пролетариат подчинен капиталистам, осуществляет свою «социальную функцию» под неусыпным надзором церкви и правительства, не имеет никаких прав.

Взгляды Конта на право и на права личности весьма своеобразны; он отвергает и то, и другое: «Слово «право» должно быть так же изгнано из правильного политического языка, как слово «причина» из настоящей философской речи. Из этих двух теологико-метафизических понятий одно (право) столь же безнравственно и анархично, как и другое (причина) иррационально и софистично». Право он считает авторитарно-теологическим понятием, основанным на представлении о богоустановленности власти. Для борьбы с этим теократическим авторитетом было выдвинуто (в метафизический период – по существу, в Новое время) понятие «права человека», которое, как утверждал Конт, выполнило лишь разрушительную роль. Когда эти права человека попытались осуществить на практике, «они тотчас же обнаружили свою антисоциальную природу, стремясь увековечить индивидуализм». В социократии не должно быть ни права, ни прав личности: «В позитивном состоянии, не опирающемся на божественные начала, идея права исчезает безвозвратно. Каждый имеет обязанности перед всеми, но никто не имеет прав, как таковых, иначе говоря, никто не имеет другого права, кроме права всегда исполнять свой долг».

Однако замена права позитивной политикой и религией, а прав личности – обязанностями не означает, по плану Конта, каких-либо посягательств на буржуазную собственность. Конт стремится дать новое, позитивистское обоснование частной собственности капиталистов. «В нормальном состоянии человечества, – писал Конт, – каждый гражданин является общественным должностным лицом, функции которого определяют его обязанности и притязания. Этот всеобщий принцип должен быть применен и к собственности, в которой позитивизм видит особенно необходимую социальную функцию, предназначенную создавать и управлять капиталами, при помощи которых каждое поколение подготавливает работу для следующего за ним. Разумное понимание роли капитала облагораживает обладание им, не ограничивая его справедливой свободой и даже заставляя ее больше уважать».

Понимая противоречивость интересов буржуазии и пролетариата, видя их столкновения, Конт изыскивает способы обеспечения «солидарности классов» в социократии; он считает таким способом воспитание в духе позитивной религии.

Духовная власть в социократии должна принадлежать иерархии жрецов – позитивистов (философов, ученых, поэтов, врачей). Будет существовать культ Великого Существа, в качестве которого почитается чело-

вечество. Конт составил позитивистский календарь, где каждый месяц и неделя посвящены памяти какого-либо «позитивистского святого» (к ним отнесены, в частности, Моисей, Магомет, Аристотель, Платон, Архимед, Цезарь, апостол Павел, Августин Блаженный, Гуттенберг, Колумб, Шекспир, Моцарт, Фома Аквинский, Кромвель, Галилей, Ньютон).

В конечном счете, по проектам Конта, человечество объединится в 500 социократий, каждая размерами не более Бельгии или Голландии, поскольку в большом государстве невозможны ни порядок, ни прогресс.

«Порядок и прогресс», провозглашенные Контом, по сути дела означали установление прочного господства крупной буржуазии над пролетариатом, устранение не только феодальных пережитков, но и демократии, притупление классовых противоречий при помощи специального воспитания в духе социальной солидарности.

Конт осуждал агрессивные войны, видя в них враждебный промышленности пережиток «военного быта». Конт критиковал колониализм, ставил задачу полной ликвидации колониального гнета. По мнению Конта, в результате «морального возрождения» человечества угнетенные народы займут достойное место во всемирном союзе социократий; тогда же окончательно исчезнут войны.

На какие вопросы ответить, какой материал самостоятельно проработать:

1. В чем главное содержание политико-правовых учений европейского либерализма XIX в.?

Проработать первоисточник:

1. Огюст Конт «Система позитивной политики», «Общий обзор позитивизма».

Литература

Основная:

1. История политических и правовых учений. Домарксистский период./Под ред. О.Э.Лейста, – М.,1991.

2. История политических и правовых учений России./ И.А. Исаев, Н.М. Золотухина, – М., 2003.

3. История политических и правовых учений./ Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004.

4. История политических и правовых учений. Учебник для юр.ВУЗов./ Под ред. В. С. Нерсесянц, – М., 1993.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений./ А. А. Акмалова, В. М. Капицин./ Учеб. пособие .– М., 2002г.
2. История политико-правовых учений. / Под ред. А .Н.Хорошилова, – М., 2002.
3. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В. С. Нерсисянца, М., 1985.
4. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышева, – М., 2000.

ТЕМА 10. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД СРЕДНИХ ВЕКОВ И НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ (XI – XVIII ВВ.)

10.1. Политические и правовые идеи Древней Руси. «Слово о Законе и Благодати», «Повесть временных лет», «Поучение» Мономаха, «Слово о полку Игореве».

10.2. Политические и правовые учения в России в период образования Русского централизованного государства. Филофей, И. Пересветов, А. Курбский.

10.3. Политические и правовые учения в России в период образования и укрепления абсолютизма. Ф. Прокопович, В. Татищев, И. Посашков.

10.4. Политические и правовые учения в России в период начавшегося разложения феодализма. М. Щербатов, Д. Галицин, С.Десницкий, А.Радищев.

10.1. Политические и правовые идеи Древней Руси

Формирование и развитие древнерусской политико-правовой идеологии проходило в условиях становления феодального общества и возникновения государственности, осложненных внешней опасностью, исходящей со стороны соседних воинственных этносов (половцы, печенеги и др).

Важнейшими факторами, положительно повлиявшими на этот процесс, были образование в 882 г. Единого восточнославянского государства – Киевской Руси и принятие в 988 г. Христианства.

Развивающиеся классовые противоречия, необходимость отражения внешней угрозы со стороны кочевников и упрочение независимости государства, гегемонию над которым пытались установить Византия, были

главными источниками, питавшими основное содержание политической идеологии этого времени. Идеи независимости Русского государства, его единства, сильной княжеской власти становятся ведущими в политической жизни и литературе Киевской Руси. В дальнейшем, по мере упрочения феодальных отношений, развития процессов феодальной раздробленности и усиления внешней опасности, все более настойчиво начинают пропагандироваться идеи единения всех русских земель вокруг Киева, а затем Москвы.

Зарождение древнерусской политической идеологии связано с **летописями**, появившимися в первой половине XI-го века. Опираясь на устные сказания, летописцы (главным образом монахи Киево-Печерского монастыря) пытались восстановить историческое прошлое Руси, дать оценку текущему политическому моменту, дать советы на будущее правящей политической элите.

«Слово о Законе и Благодати»

Первый русский политический трактат «Слово о Законе и Благодати» был написан в XI в. киевским митрополитом Илларионом, стремившимся теоретически обосновать независимость Киевского государства от Византии и идею сильной княжеской власти. В «Слове» излагается выдержанная в религиозном духе фантастическая концепция всемирной истории, которая делится на два периода – Ветхого завета и Нового завета. Период Ветхого завета – период богоизбранности одного, **иудейского народа**, период подчинения закону. Сменивший его период Нового завета – период **благодати**, когда христианство стало достоянием всех народов, принявших его свободно и добровольно. Русский народ приобщился к христианству по собственному почину, а не под влиянием Византии. Тем самым он вошел в равноправную семью народов и не нуждается ни в чьей опеке. Илларион восхваляет киевского князя Владимира (крестителя), могучее и независимое Киевское государство, обосновывает главенство киевского князя над всеми остальными русскими князьями.

В своих писаниях Илларион утверждает, что тот живет согласно постулатам Нового завета, не нуждается в **регулятивном** действии светских законов, ибо внутреннее нравственное совершенство позволяет ему свободно реализовать (соответственно **Истине**) свою волю.

По мысли Иллариона, Закон призван определять внешние поступки людей на той ступени их развития, когда они не достигли еще совершен-

ства. Законопослушное и нравственное поведение человека в обществе связано у него с постижением **Истины** и достижением в силу этого **Благодати как идеала христианства**.

В распространении морально-этического идеала христианства Киевский митрополит усматривает путь к совершенствованию человечества и замене Закона (Ветхий завет) Истиной (Новый завет).

«Слово о Законе и Благодати» утверждает идею о равноправии всех народов, живущих на земле, осуждает войны и насилие.

Трактат Иллариона был высоко оценен современниками и потомками. Сумма политико-юридических проблем, затронутых в нем (представление о статусе верховной власти и её носителе, законности происхождения и реализации властных полномочий правителями, моральном облике великого князя, его ответственности за управление страной, мирном курсе внешней политики), разрабатывалось в русской политической литературе в течение многих последующих веков.

«Повесть временных лет»

Линия, намеченная Илларионом, получила свое отражение в последующих летописях, послуживших основой для **«Повести временных лет» (начало XII в.)**, созданной, по мнению многих ученых монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Если в «Слове» Илларион стремился дать теоретическое обоснование независимости русского государства и сильной княжеской власти, то Нестор в «Повести» дает их историческое обоснование.

Излагая историю восточнославянских племен, описывая основание Киева и возникновение Киевского государства, Нестор стремится опровергнуть византийскую идею о возникновении Киевского государства в результате крещения Руси под влиянием Византии. В летописи утверждается, что киевские князья происходят от варяжского князя Рюрика, который якобы был призван славянами для управления ими и установления порядка на русской земле. С Рюрика и начинается русская государственность, а его наследники – киевские князья, по праву являются старшими среди всех других восточно-славянских князей.

Эти рассуждения летописца были использованы в XVIII – XIX вв, в основном немецкими учеными-историками, для создания «норманнской теории» происхождения русского государства. Необоснованность этой теории была убедительно доказана еще М. В. Ломоносовым, но нужно

иметь в виду, что сам Нестор, говоря о Рюрике, стремился опровергнуть византийскую идею «несамостоятельности» русского государства **варяжской трактовкой «несамостоятельности»**. Этим решались насущные политические задачи: отвергались притязания Византии на гегемонию над Киевской Русью, повышалось значение власти киевских князей, подчеркивалось их старшинство и недопустимость усобиц между князьями в условиях наметившейся в это время тенденции к феодальной раздробленности.

В «Повести» прямо осуждаются княжеские усобицы, ослабляющие Русь перед лицом внешнего врага. Князья-братья призываются к единению и подчинению старшему брату – Киевскому князю.

«Поучение» Владимира Мономаха (1053 – 1125 гг.)

Наметившаяся к XII веку тенденция к феодальной раздробленности вызывала все большее беспокойство передовых политических деятелей. Оно нашло отражение в «Поучении» князя Владимира Мономаха своим сыновьям. Внук Ярослава Мудрого Владимир Мономах имел большой опыт управления государством еще со времен своего отца Всеволода, прославился многочисленными военными походами и победами над половцами.

Усилиями князя Владимира возродилось начавшее клониться к упадку величие Киевской Руси, были приостановлены процессы, ведущие к её раздробленности, несколько сглажены острые классовые противоречия в обществе. Эти обстоятельства и нашли отражение в его «Поучении». Ведущее место в документе занимает проблема организации и осуществления верховной власти. Мономах советует будущим великим князьям все дела решать совместно с Советом дружины, не допускать в стране «беззакония» и «неправды», правосудие вершить по «правде». Судебные функции Мономах предлагал осуществлять князю самому, не допуская нарушения законов и проявляя милосердие к наиболее незащищенным слоям населения. Он категорически осуждал кровную месть, а в целом и смертную казнь. Он призывает: – «не убивайте и не повелевайте убить его».

Мономах поднимает вопрос об ответственности великого князя перед подданными. Он предлагает советоваться с народом при разрешении проблем управления страной, организации правосудия и ведения войн. Во всех случаях он предпочитает мир и согласие. Все споры, говорит Моно-

мах, можно разрешать «добром». С теми же, кто жаждет войны («мужами крови»), достойным князьям не по пути, ибо «месть» не должна быть определяющим мотивом в политике.

При решении вопроса о взаимоотношениях светской и духовной властей Мономах отводит церкви почетное, но явно подчиненное место.

Мудрый князь должен быть верен своему слову, клятве, данной другим князьям. Особенно он должен заботиться о военном могуществе своего государства, быть храбрым воином, жить жизнью ратников во время походов.

Социальные (забота об «убогих») и политические (избегать усобиц, усиливать военную мощь) мотивы «Поучения» Владимира Мономаха нашли отклик в последующем развитии русской правовой и политической идеологии.

«Слово о полку Игореве»

Вторая половина XII – первая половина XIII вв. (время, предшествовавшее татаро-монгольскому нашествию) характеризуется феодальной раздробленностью Руси и углублением феодальной эксплуатации. В политической литературе усиливаются призывы к единению всех сил русской земли, идеи борьбы против феодальной раздробленности, ослаблявшей Русское государство, и боярского засиления. Громадный след в русской политической мысли этого времени оставило «Слово о полку Игореве», написанное неизвестным автором после неудачного похода Новгород-Северского князя Игоря Святославовича против половцев в 1185 г.

Основная патриотическая идея «Слова» – идея единства земли русской, кровной связи всех её частей, общности их интересов перед лицом внешней угрозы. Автор, сопоставляя славное прошлое Руси с её тяжелым настоящим, видит главную причину всех бед в княжеских усобицах. В «Слове» резко осуждаются корыстные раздоры между князьями-братьями. От имени киевского князя Святослава автор «Слова» обращается ко всем русским князьям со страстным призывом забыть о раздорах, объединиться и совместно выступить за землю русскую. В этом он видит великую и насущную национальную задачу. Созвучие требованиям времени, ясность, убедительность и последовательность проведения основной идеи определили значение «Слова» в истории передовой русской политической мысли, влияние на её развитие в XIII – XV вв

10.2. Политические и правовые учения в России в период образования централизованного государства

Развитие Руси было практически приостановлено татаро-монгольским иго почти на два с половиной века. Причины бедствий, постигших русский народ, его борьба против поработителей становятся основными темами новых летописных произведений. Среди них особо выделяются «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Задонщина». В том и другом произведении чувствуется и идейного содержания и самой литературной формы «Слова о полку Игореве».

«Задонщина» описывает Куликовскую битву 1380г. – первую крупную победу русских сил над татаро-монголами, положившую начало освобождению Руси. Из уст автора произведения звучит горячий призыв ко всем русским князьям скорее объединиться вокруг Москвы.

Куликовская битва, а затем Великое противостояние на Угре (1480 г.) стали решающими событиями в процессе обретения статуса суверенности Московским государством. В период великих княжений Ивана III (1462 – 1505 гг.) и Василия III (1505 – 1533 гг.) произошло преодоление центробежных тенденций и объединение центрально-русских земель вокруг Москвы. Великий князь московский стал верховным правителем, полномочиям которого не было равных на всей русской земле.

Падение Константинополя в 1453 г. под ударами Османской империи привело к тому, что Москва стала единственным оплотом православия, преемницей древнего Царьграда. Уже Иван III принимает титул «самодержец Всея Руси», а с 1485г именуется «государем Всея Руси». Признание решительно возросшей роли Москвы, возглавлявшей русское государство, получило обоснование в ряде произведений политической литературы – «Повесть о Флорентийском Соборе», «Послание о Мономаховом венце», «Сказание о князьях Владимирских». Эти произведения были связаны общей идеей величия власти московских государей, являвшихся якобы наследниками римского императора Августа и получивших знаки царского достоинства (скипетр, державу и корону) от византийского императора Константина Мономаха. Эта великодержавная идея нашла развитие и завершение в теории «Москва – третий Рим», обоснованной псковским монахом Филофеем в начале XVI в.

Филофей

По теории Филофея вся история человечества представляет собой историю трех великих всемирных государств, чье возникновение, возвеличение и дальнейшая судьба направлялись волей бога. Первое из них (Рим) пало из-за ереси. Второе (Византия) было завоевано турками. Третьим Римом после этого стала Москва – оплот и хранительница православной веры. Она будет им до конца света – «а четвертому не бытии», и московский государь – **«высокопрестольный», «вседержавный», «богоизбранный»** – **наследник власти великих государств.**

Наиболее подробно у Филофея разработан вопрос о значении законной царской власти для всей русской земли.

Высокое представление о царской власти подтверждается требованиями безоговорочного подчинения ей со стороны подданных.

В обязанности государя вменяется забота о подданных, церквях, монастырях. Духовная власть, по мнению Филофея, подчиняется светской, но оставляет за собой право «говорить правду» лицам, облеченным высокой властью. Филофей, как и его предшественники, настаивает на необходимости законных форм реализации власти.

Политическая программа Филофея не исчерпывается только вопросами, касающимися организации и деятельности общерусской государственной структуры под главенством единого Великого князя или царя. Большое внимание им уделялось и формам идеологического воздействия на население со стороны государственной власти, вопросам внутренней свободы православного христианина в государстве. Резко и категорически он выступает против свободы политической и религиозных суждений, но особенно, против научных исследований. Видимый мир, по мнению Филофея, не только не следует преобразовывать, но грешно даже изучать. Наука – запретный плод не только для простых людей, но и для царей, чиновников, духовенства.

И. Пересветов

Борьба за укрепление самодержавия, за упразднение некоторых сохранившихся боярско-княжеских (местных князей) привилегий особенно усилилась в период правления Ивана IV (Грозного) (1533 – 1584 гг.), наиболее отчетливо столкновение различных подходов к проблемам государственной власти проявилось в полемике между Иваном IV и князем Андреем Курбским. Многие аргументы, использовавшиеся Грозным в этой полемике, а также реформы, проведенные им, были теоретически подготовлены в челобитных Ивана Пересветова московскому царю. В них содержалась прак-

тически политическая программа предлагаемых в стране государственных преобразований.

Служилый дворянин Иван Семенович Пересветов был выходцем из русских земель, но по воле судьбы, имел за плечами большой опыт службы в качестве чиновника польскому, венгерскому, чешскому королям и молдавскому воеводе. В своих челобитных на имя царя он доказывает, что во всех бедах государства и его подданных виновны бояре.

Боярское засилие – причина не только материального оскудения государства, казны, но и ослабления военного могущества страны.

Охарактеризовав таким образом губительные для государства последствия боярского засилия, Пересветов обосновывает необходимость коренного изменения внутренней и внешней политики русского государя.

Настоящая опора царской власти в борьбе с внутренними и внешними врагами – служилое дворянство, страдающее от бояр-вельмож и преданное царю. Не знатность рода и богатство, а личные заслуги перед царем, верность ему и храбрость должны определять положение дворянина на государственной службе.

В своих проектах политических преобразований он рассмотрел вопросы, касающиеся формы правления и объема полномочий верховной власти, организации общерусского войска, создание единого законодательства, реализуемого централизованной судебной системой. В области управления внутренними делами страны он предусмотрел проведение финансовой реформы, ликвидацию наместничества и некоторые мероприятия по упорядочению торговли.

В системе взглядов Пересветова значительное внимание уделено определению наилучшего варианта организации государственной власти.

Как и его предшественники, мыслители XV – XVI вв, Пересветов понимал самодержавие как единство государственной власти, её верховенство на всей территории страны. Единодержавие, как наилучшая форма государственной власти и государственного устройства, в его челобитных, не подвергалась сомнению. Пересветов неоднократно пользовался термином «самодержец» для выражения представления о суверенном верховном правителе всей русской земли. Однако следует отметить, что Пересветов не возражал против наличия про монархе Совета мудрых людей, как атрибута всякой власти, опирающейся на законные основания.

Особое место в предложениях Пересветова занимает военная тема. Он обосновывает необходимость создания постоянного войска, находящегося на денежном содержании казны. Ведущую роль в армии должны играть

служилые дворяне. Опираясь на сильное войско, царь сможет успешно решить насущные внешнеполитические задачи.

Пересветов последовательно проводит идею реализации законности во всех сферах общественной и государственной деятельности. Наибольшее внимание уделено им критике беззакония, исходящее со стороны бояр-временщиков. Он критикует такие проявления «неправедности» в деятельности суда, как лжесвидетельство, ложная присяга, рассмотрение заведомо ложных, сфабрикованных дел и т.д.

Судебная реформа у Пересветова, равно как и финансовая и военная, прежде всего имеет своей целью уничтожение наместничества, как основного источника сепаратизма и слабости центральной власти. Во все регионы страны, предлагал Пересветов, необходимо направлять прямых судей, назначаемых непосредственно верховной властью, жалованных из государственной казны. Судебные пошлины (присуд) взимать в казну, **«чтобы не искушались и неправдою бы не судили»**. Судят судьи по Судебным книгам, по которым они и **«правят и винят»**. Пред законом все должны быть равны, и суд обязан был найти виновного, не взирая на сословную принадлежность.

Ставя вопрос о назначении судей центральной властью и финансировании их деятельности из государственной казны, Пересветов впервые ставит вопрос об отделении суда от местной администрации и образовании единой централизованной судебной системы.

Из общей судебной системы Пересветов выделяет воинский суд, который в армии осуществляется высшим начальством, знающим своих людей. Суд совершается на месте, скорый, правый, грозный и не облагаемый пошлиной, по единому для всех Судебнику.

Пересветов предусматривал довольно суровые наказания для судей, отравляющих правосудие **«не по правде, а по мзде»**.

Среди видов преступлений Пересветов упоминает разбой, кражу (татьбу), обман при торговле, различные правонарушения судебных и государственных чиновников, воинские преступления, азартные игры и пьянство. За бегство с поля боя, кроме непосредственного наказания виновных, была предусмотрена еще и опала для членов семьи виновного.

Не все предложения Пересветова были реализованы, но многие его идеи оказались созвучными идеям Ивана Грозного и были использованы в борьбе последнего за укрепление самодержавия. В первую очередь это выразилось в природе опричнины, по существу политики откровенного государственного терроризма.

А. Курбский

Наиболее видным представителем боярской оппозиции, противостоящей процессу усиления царской власти, стал князь Андрей Курбский – один из сподвижников Ивана Грозного, происходивший из древнего княжеского рода, член «Избранной рады», участвовавшей некоторое время в управлении государством в качестве совещательного органа при монархе. Командуя русской армией в Ливонской войне, Курбский узнал о грозивших ему репрессиях со стороны царя, и бежал вместе с близкими ему боярами в Литву. В своих письмах Ивану Грозному Курбский обвиняет царя в кровавых репрессиях против своих противников, многочисленных, ничем не оправданных казнях боярства. Он утверждает, что царь «правит не по старине», что он жесток, несправедлив с людьми. Самодержавие царя, его реформы Курбский отвергает, противопоставляя им идеального государя, правящего с «Избранной радой», советуящегося с «Думой и боярами своими», не посягающего на боярские свободы и привилегии. В письмах Курбский утверждал, ссылаясь на Цицерона, что нет государства, если не действуют законы, нет правосудия, если не соблюдаются старые обычаи. Главная тема писем Курбского – «**тирания Грозного**». Он видит причину всех зол российской действительности второй половины XVI века в личных качествах правителя.

Протест Курбского против укрепления самодержавия, стремление ограничить царскую власть аристократическим Советом вызвали резкий отпор со стороны Ивана IV. В своих ответных письмах Курбскому он яростно отстаивает идею божественного происхождения власти монарха, его права единолично управлять государством.

Переписка Ивана IV с Курбским – отражение острой идейной борьбы вокруг социальных и политических преобразований, осуществляемых Иваном Грозным. Процессы укрепления самодержавия, закрепощения крестьянства, феодальной эксплуатации, сопровождавшие эти преобразования, породили в государстве и зачатки политической идеологии угнетенных народов. В московской действительности они проявились в виде ересей Матвея Башкина и Феодосия Косого.

10.3. Политические и правовые учения в России в период образования и развития абсолютизма XVIII век

На рубеже XVII и XVIII вв. русское феодальное общество окончательно оформляется как абсолютная монархия. Реформы Петра I завершили ликвидацию старофеодальных учреждений, положили начало преодолению промышленной, военной, культурной отсталости страны.

Крутая ломка ряда вековых устоев, перестройка традиционных отношений, резкий поворот в духовной жизни общества потребовали идеологического обоснования этих новаций. Период петровских реформ сопровождался значительным изменением идейной основы, содержания и программных положений политико-правовой идеологии господствующего класса. Новым было уже то, что одной из форм выражения этой идеологии были законодательные акты абсолютистского государства, бесчисленные указы, регламенты, уставы, манифесты, многие из которых написаны Петром или им отредактированы.

Официальная доктрина абсолютизма включала традиционное теологическое обоснование царской власти. Власть монарха рассматривалась как **«божественное поручение»**, но основным способом обоснования петровских реформ были ссылки на **«общее благо»**.

Однако под общим благом практически разумелось, прежде всего, укрепление власти господствующего класса феодалов, расширение его привилегий, ужесточение крепостничества.

Идея «общего блага» была присуща многим абсолютным монархам того времени. Суть её сводилась к тому, что лишь монархи знают, что именно необходимо их подданным и стране в целом. И на Западе и в России концепция просвещенного абсолютизма была основана на высокомерном и презрительном отношении к народу, как темной, непросвещенной, пассивной массе.

Преодоление отсталости страны осуществлялось свойственными абсолютизму методами административного вмешательства во все стороны жизни подданных, всесторонней опеки, полицейского надзора и принуждения.

Обрушивая на подданных лавину указов, Петр I был обеспокоен малой эффективностью многих из его предписаний. Проблема усложнялась тем, что гигантски выросший за время его реформ чиновничий аппарат был пропитан духом взяточничества, казнокрадства, обмана. В связи с этим, предписывая вершить все по закону, царь грозил, что кто указ преступит, **«казнен будет смертию безо всякие пощады»**.

Однако, несмотря на трудности, в эпоху петровских реформ русская наука, культура, опыт более развитых стран Западной Европы использовались для совершенствования промышленности, военного дела, законодательства, государственного аппарата, всех сфер общественной жизни. Воспринимая это опыт, Россия постепенно приобщалась к мировой цивилизации, к передовой материальной и духовной культуре.

С идеологической защитой и обоснованием петровских реформ выступила группа дворян и священников, образно названная одним из них «**ученая дружина Петра**».

Ф. Прокопович

Самым известным теоретиком абсолютизма в России был священнослужитель Феофан Прокопович (1681 – 1736 гг.) Его перу принадлежит ряд произведений, написанных на политические и религиозные темы: «**Слово о власти и чести царской**», «**Духовный регламент**» и др. в этих трудах соединились элементы теологического и юридического мировоззрений. Он резко критиковал католическую церковь за отрицание и преследование научных открытий, которые потом все равно приходится признавать (Коперник, Галилей). Критикуя идеологию папства, Прокопович резко осуждает саму мысль о превосходстве духовной власти над светской и о неподчиненности государству духовенства и монашества. Составляя часть народа, духовенство подчинено государству так же, как и другие части. Упразднение патриаршества, учреждение Духовной коллегии, а затем Синода Прокопович обосновывал ссылаясь на преимущества коллегиального управления перед единоличным (т.е. управлением патриарха).

Таким же сочетанием богословских и рационалистических идей Прокопович обосновывал неограниченную монархию. По его мнению, неограниченность власти самодержца, порожденной богом, в то же время происходит из соглашения, согласно которому народ отказывается от своих прав и свобод и, наделяя властью правителя, говорит: «**Ты владеешь нами к общей пользе нашей**».

Своеобразны взгляды Прокоповича на формы правления, которые, как он утверждал, зависят от народного соглашения, но устанавливаются не произвольно, а в соответствии с размерами государства. Республики, писал Прокопович, могут существовать только «в малом народе» и на небольшой территории. Мысль о зависимости форм государственной власти от размеров территории, высказанная Прокоповичем в 1716 г., была использована для обоснования абсолютизма в России.

Порицая демократию и аристократию, Прокопович правильной формой государства признает только монархию. При этом он исследует два ее варианта: ограниченную и абсолютную. В ограниченной монархии государь связан определенными обязательствами, за нарушение которых он может быть лишен власти. При таком развитии событий для страны и народа могут наступить тяжелые последствия, выразившиеся в бунтах, всплеске преступ-

ности, анархии. Для России же самой **«многополезной»** и **«благонадежной»** формой является абсолютная монархия, которая единственно способна обеспечить русскому народу **«беспечалие»** и **«блаженство»**.

Наследственную монархию архиепископ предпочитает выборной, поскольку она, по его мнению, обладает большей устойчивостью в силу замещения престола специально подготовленным для этой роли лицом и поэтому она более защищена от случайностей и неожиданностей.

Обосновывая правомерность петровского Указа «О престолонаследии» (1723 г.) Прокопович настаивает на предоставлении монарху широких возможностей в выборе себе наследника по собственному усмотрению, а не по жестким правилам семейной преемственности. Монарх вправе, утверждал Прокопович, сам подыскать себе **«доброе и искусное»** преемника на троне.

В произведениях Прокоповича содержится описание абсолютной, ничем не ограниченной верховной власти, регламентирующей все стороны жизни подданных. По Прокоповичу, монарх – это просвещенный государь, который обязан заботиться не только об общем благе, но и о распространении просвещения, устройении разумного правосудия и осуществлении эффективного управления страной.

В Духовном регламенте, оправдывая реформы Петра I в области церкви, практически передавшие управление **религиозными делами** светскому учреждению (Синоду), Феофан дает следующее определение абсолютной монархии: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный, повиноваться его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Отстаивая законность во всех формах государственной жизни, Прокопович тем не менее ставит государя над законом, утверждая, что действия царя нельзя ни оспаривать, ни критиковать, ни даже хвалить, ибо **«Монархи суть Боги»**. Прокопович резко осуждал любую мысль об ограничении монархии, заявляя, что примерами истории доказано, **«как отечеству нашему полезно самодержавие»**.

В. Н. Татищев (1686 – 1750гг.)

В отличие от священнослужителя Прокоповича, Василий Никитич Татищев был государственным деятелем, организатором горного дела на Урале, ученым, внесшим значительный вклад в развитие отечественной науки.

В. Н. Татищев – сторонник теории естественного права и договорного происхождения государства. В своих трудах он постоянно ссылается на Г.

Гроция, хотя во многом не соглашается со взглядами Макиавелли, Гоббса, Локка, называя их **«более вредительные, нежели полезные»**.

В своих рассуждениях о происхождении государства Татищев использовал гипотезу о преддоговорном **«естественном состоянии»**, в котором господствует **«война всех против всех»**, обуславливающая отсутствие безопасности для жизни людей. Разумная нужда людей друг в друге привела их к необходимости создать государство, которое он рассматривал как результат общественного договора, заключенного с целью обеспечения безопасности народа и **«поисков общей пользы»**. Татищев пытается внести в процесс образования государства исторические начала, утверждая, что все известные человеческие сообщества возникли исторически: вначале люди заключили договор супружества, затем из него возник договор между родителями и детьми, затем – господами и слугами. В конечном итоге семьи так разрослись, что образовали целые сообщества, которым потребовался глава, им и стал монарх, подчинив всех, подобно тому, как отец подчиняет своих детей.

Договор вообще рассматривается Татищевым как основа всякого государства, в том числе и монархического. Ссылаясь на пример избрания в 1613 г. Русского царя Михаила Романова, он утверждает что **«по закону естественному избрание должно быть согласием всех подданных, некоторых персонально, других через поверенных, как такой порядок во многих государствах утверждён»**.

Согласно договору, по мнению Татищева, возникает власть господина над слугой.

Такие жестокие формы несвободы как рабство и холопство, В. Н. Татищев категорически осуждает, заявляя, что они есть результат не договора, а **«плод насилия»**. Эти люди имеют право требовать и добиваться своего освобождения. Введение крепостного права было ошибкой Бориса Годунова, считал Татищев. Он настаивал на установлении юридического и экономического статуса основных сословий в российском государстве. Упорядоченное состояние сословий придаст прочность государственному устройству.

Большое внимание Татищев уделял рассмотрению форм государства. Они, по его мнению, зависят от ряда объективных условий, к которым относятся местоположение, размер территории и состояние населения.

Демократия – **«общенародие»** – осуществима только в государстве-городе или в маленькой области, где могут собраться все домохозяева, **«а в великой области уже весьма неудобна»**.

Тиранию (деспотию) Татищев называл худшей из всех форм правления. Наилучшей формой правления для России он считал монархию. Однако защита и обстоятельное обоснование самодержавия в концепции Татищева соединялись с мечтой о введении в систему органов власти двухпалатного выборного органа, чтобы наладить порядочное законодательство, компетентное решение дел централизованного управления, пресекать фаворитизм, казнокрадство, взяточничество в верхних звеньях государственного аппарата. Этот представительный орган должен состоять из Сената – высшей палаты, в состав которой входит 21 представитель от дворян, и Совета – второй палаты, где заседают 100 человек, избранных по более широким нормам представительства. Статус этого органа законосовещательный.

Об ограничении верховной власти представительным органом Татищев высказывается неоднократно и в разных работах, особенно четко эта его позиция прослеживается в рассуждениях о процессе законотворчества. Монарх выступает у него в роли верховного законодателя, но издаваемые им законы должны соответствовать естественному праву, справедливости и общей пользе. Соблюдение таких требований один человек не может полностью обеспечить, поэтому необходимо, сохранив за монархом формальное право на титул верховного законодателя, потребовать предварительного рассмотрения и одобрения каждого законопроекта различными ведомствами и выборными учреждениями. Роль монарха будет заключаться в окончательном утверждении готового законопроекта. Татищев предлагает в связи с этим, разработать и принять Новое Уложение взамен устаревшего, но еще действующего Соборного Уложения 1649 года.

Как и другие представители школы естественного права, Татищев различает естественные и гражданские (положительные) законы.

Законы положительные основаны **«на соображениях политической мудрости»**, устанавливаются **«по произволению каждого народа»**. Естественные законы едины и всеобщы, они дают каждому человеку право на жизнь, собственность, честь и достоинство.

Известны требования Татищева к принимаемым в государстве законам. Они заключались в следующем: 1) содержание закона должно быть изложено языком четким и доступным для понимания любого подданного; 2) выполнимость законов, недопустимость содержания в них чрезмерных угроз наказаниями; 3) согласованность законов, непротиворечивость законодательства; 4) своевременное и широкое объявление законов; 5) использование в процессе законодательства не устаревших и одобряемых народом норм обычного права.

Соблюдению законов Татищев придавал большое значение, полагая, что **«в государстве не персоны управляют законом, а закон персонами»**.

В. Н. Татищев горячо разделял убеждение лучших представителей своего времени о всемогущести просвещения, разумного законодательства, мудрого монарха и его правительства.

И. Т. Посошков (1653 – 1726 гг.)

Развитие промышленности, ремесла и торговли, ускоренное реформами Петра I, привело к заметному росту числа и влияния на общественно-политическую жизнь промышленников и купцов, складывающихся в буржуазию. Одним из первых идеологов русской буржуазии был Иван Тихонович Посошков. Посошков занимался предпринимательством и торговлей. Он написал несколько произведений, в которых излагались взгляды автора на развитие общественно-политической жизни петровской Руси. В числе их была и **«Книга о скудности и богатстве»**, вышедшая в 1724 году. В ней предлагалась программа действий русского абсолютизма, какой её хотело видеть купечество и предприниматели.

Все надежды на положительное развитие русской действительности, Посошков возлагает на царя Петра I, держась традиционнотеологического обоснования власти: **«Мы же монарха своего почитаем как бога»**.

Посошков – сторонник тотальной государственной регламентации производства, труда, других сторон быта с целью увеличения общественного богатства. По мнению Посошкова, царь своими указами должен заставить всех работать **«жить бережно и ничего напрасно не тратить»**.

Много внимания Посошков уделял положению сословий и политике государства по отношению к каждому из них. В духе эпохи петровских реформ сословное деление общества он объяснял разделением труда, причем на государство возлагалась задача заставить каждое сословие работать с полной отдачей в отведенной ему сфере материальной или духовной жизни.

Возлагая все надежды на царскую власть, Посошков был далек от мысли о всемогущести царских указов: **«Сколько новых статей издано, а не много в них действия, ибо всех их древностная неправда одолевает»**. Резко осуждая устаревшее законодательство, он предлагает начать подготовку проекта нового Уложения, как основного кодекса законов Российской империи. Этот проект должно готовить Собрание представителей

всех сословий и чинов (не мене 3-х от каждого), в том числе и от класса крестьянства. В проекте должны быть собраны и согласованы положения старых и новых указов. Предлагалось использовать иноземные правовые сборники и уставы, взяв те статьи, которые **«будут к нашему правлению пригодны»**.

Подготовленный проект следует передать на обсуждение всех сословий и даже всенародное обсуждение: **«всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением»**. Предоставление каждому возможности свободно высказываться, по замыслу Посошкова, являлось главной предпосылкой авторитета будущего нового Уложения: **«Того ради и дана свобода, дабы потом не жаловались на сочинителя той новосочиненной книги»**.

Предлагаемый порядок принятия нового Уложения, по мнению инициатора, никак и ничем не ограничивает царской власти: как царь решит, так оно и будет; проверка проекта **«многонародным советом»** имеет целью лишь устранение ошибок, пробелов, боле совершенное воплощение **«правды»**. Правовую силу Уложению придаст лишь царское одобрение и утверждение.

Наряду с проблемой обновления законодательства Посошкова тревожит проблема обеспеченности его исполнения, создания в стране прочного правопорядка.

Важное место в системе обеспечения правопорядка должен занять суд. Одной из причин отсталости страны Посошков называл **«закоренелую древнюю неправду»**, другими словами неправосудие, волокиту, взяточничество. Для наведения порядка в правосудии он предлагает, уличенного в третий раз во взяточничестве судью наказывать смертной казнью или пожизненной каторгой в сибирских рудниках.

Посошков предложил провести радикальную реформу судеустройства в России. Реформа суда в первую очередь должна была сделать его доступным по составу для всех сословий: **«Суд устроити един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому... И чтоб суд учинить близостный, чтоб всякому и низкочинному человеку легко было его достигать»**.

Большое внимание Посошков уделял такой гарантии правопорядка, как обучение народа грамоте. Для этого он предлагал принудительно обучать крестьянских детей грамоте, включая и нерусское население.

Совершенствование права и его гарантий Посошков считал составной частью и основой государственной политики. **«Без насаждения правды нельзя и народ обогатить».**

Политико-правовое учение Посошкова явилось заметной вехой в истории развития русской общественно-политической мысли XVIII века. Посошков был первым идеологом ранней русской буржуазии, выразившим её интересы со всеми присущими ей особенностями: верноподданность, надежды на помощь монарха, мечта о сколько-нибудь прочном правопорядке, попыткой мирно ужиться с пережитками старого феодального строя.

10.4. Политические и правовые учения в России в период начавшегося разложения феодализма

Расширение внутренней и внешней торговли, рост мануфактур во второй половине XVIII века привели к возникновению капиталистического уклада в экономике послепетровской России: в стране началось разложение феодализма. Развитие промышленности, рыночных отношений при сохранении феодально-сословной структуры общества вело ко все большему обострению классовых противоречий. Дворянство, превратившееся в своей основе в чисто паразитическое сословие, продолжало требовать расширения полномочий на землю, должности в государственном аппарате, и особенно на исключительное право собственности на крепостных крестьян. Слабая русская буржуазия, купцы и владельцы мануфактур в своих пожеланиях не шли далее предоставления им права покупать крепостных, приписывая их к фабрикам и заводам. В таких условиях в государстве усиливалась эксплуатация и угнетение крепостного крестьянства, все чаще вспыхивали его волнения, в России нарастала крестьянская война. На страже старых феодальных отношений стояло самодержавие.

В 1762 году, в результате очередного дворцового переворота, на российском престоле оказалась жена Петра III Екатерина II. Период её правления вошел в историю России под названием периода **«просвященного абсолютизма»**. Он характеризовался активной деятельностью самодержавного государства, направленной на законодательное закрепление крепостного права, усиление привилегий дворянства, расширение границ государства, покровительство развитию промышленности и торговли, жестокое подавление народных волнений. В это же время резко обострилось противоречие

между либеральной, **по сути, демократической**, официальной идеологией и реакционной феодально-крепостнической политикой.

Необходимо отметить, что политико-правовая идеология основных классов и социальных групп российского общества второй половины XVIII века находилась под сильным влиянием идей Просвещения Западной Европы, а в конце века – Великой Французской буржуазной революции 1789 – 1794 гг.

В таких условиях, продолжая защищать самодержавную власть, политическое и экономическое могущество дворянства, консервативная идеология отживающего строя вынуждена была приспособливаться к новым условиям и как только можно защищать политику абсолютизма, отвечающую интересам дворянства. Это была идеология феодальной аристократии.

Однако не всегда политика абсолютизма соответствовала настроениям и пожеланиям части верхушки класса феодалов. Родовитая знать была недовольна самодурством отдельных самодержцев, заносчивостью и произволом фаворитов-временщиков.

Особенностью феодально-аристократической идеологии этого периода были попытки использовать передовую европейскую идеологию Просвещения для критики становящегося реакционным абсолютизма с еще более реакционных позиций. Ссылки на естественность свободы и равенства причудливо соединялись с обоснованием крепостничества и привилегий родовой знати.

М. М. Щербатов (1733 – 1790 гг.)

Наиболее видным идеологом родовитой аристократии был князь М. М. Щербатов – депутат Уложенной Комиссии, автор многих политических трактатов, близкий к императорским кругам человек. В своих печатных выступлениях он резко критикует идеи Просвещения, стремится доказать **«химеричность равенства сословий»**, о котором пишут **«новые философы»**. Особенное внимание Щербатов уделял положению дворянства. Он делает упор на наследственность дворянского звания, на неприкосновенность и святость их прав и привилегий. Щербатов выступил против предоставления купечеству прав на покупку крепостных крестьян и приписке их к фабрикам и заводам. Он энергично оспаривал возможность предоставления крепостным права, на какое бы то ни было имущество: **«Собственности у рабов быть не может»**. Наделение же крестьян зем-

лей и предоставление им свободы, по мнению Щербатова, нарушило бы **«основательные права естественного правосудия, те самые права, на которых основаны все общества»**.

Щербатов отрицательно относится к просвещению народа, которое, по его мнению, ведет к духу неповиновения.

Отношение Щербатова к самодержавию было сложным. Там, где речь шла о защите феодального строя, Щербатов всячески поддерживал власть монархов. Однако там, где ставилась проблема привилегий родовитого дворянства, недостаточного участия, на его взгляд, феодальной знати в управлении обществом и государством, Щербатов очень резко критиковал самодержавие.

Самовластие монарха, произвол его фаворитов можно сдерживать только участием родовитой знати в высших органах государственной власти.

Порицая абсолютизм с тираноборческих позиций, он предлагал передать законодательную власть дворянскому сословному собранию и ограничить власть монарха **«основательными законами»**.

Но время и история работали не на идеи Щербатова. В условиях, когда самодержавие, надев маску **«просвещенности»**, укрепляло и расширяло феодально-крепостнические отношения, критика этих порядков и отношений с позиций гуманизма и Просвещения противостояла официальной идеологии, идейно подготавливала возникновение в России революционного демократизма.

Д. А. Голицин (1734 – 1803 гг.)

Одним из первых критиков крепостничества как экономически невыгодной для крупных земледельцев системы был представитель дворянского либерализма Д. А. Голицин, богатый помещик, дипломат и посол. Голицин считал, что для России необходимо быстрее перевести всю работу промышленности, сельского хозяйства, торговли на рельсы свободного труда. **«Пока существует крепостное право, Российская империя и наше дворянство, предназначенные к тому, чтобы быть богачейшими в Европе, останутся бедными»**. Ссылаясь на историю Франции, Англии, Голландии, Голицин писал, что **«искусства, ремесла развивались и нравы улучшались лишь в странах, где крестьяне пользовались правом собственности и свободы»**. Он предлагал освободить крестьян за

выкуп и без земли. Имелось в виду, что землю они могли приобрести после освобождения на условиях рынка.

Политические взгляды Голицина реакционны. Он не понял исторического значения Французской революции конца XVIII века, призывая монархов Европы выступить на борьбу с «беспорядками и анархией», охватившими Францию.

Идеология дворянского либерализма выражала настроения и интересы тех крупных землевладельцев, которые выступали за создание условий для развития капитализма в России при сохранении таких устоев феодализма, как самодержавие и помещичья собственность на землю.

С. Е. Десницкий (1710-1789 гг.)

Одним из первых представителей буржуазного либерализма в России был профессор Московского университета Семен Ефимович Десницкий. Десницкий связывал развитие человеческого общества, возникновение государства и права не с договорной теорией, а с хозяйственным бытом народов, способом добывания средств к существованию.

История человечества, по его модели, делилась на четыре этапа (состояния) – охотничий, постушеский, земледельческий, коммерческое состояние. С переходом народов от одного состояния к другому связаны возникновение (с переходом к земледелию) и изменения государства и права. В коммерческом состоянии земледелие, ремесло и искусство достигают совершенства, большое развитие получают торговля, купечество и право собственности. Все это предопределяет необходимость ряда изменений в области институтов государства и права.

В коммерческом состоянии **«превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ перед другими»**. Коммерция обуславливает развитие права – у простых народов законов мало, чем выше народ в развитии, тем больше законов ему нужно. Богатство – причина и основание разделения властей.

Поскольку развитие коммерции требует все большего количества законов, для их подготовки при монархе безотлучно должно состоять специальное законотворческое учреждение. Им должен стать Сенат. Сенат должен был состоять из 600-800 человек, избираться на 5 лет на основе высоко-го имущественного ценза.

Учреждение **«судительной власти»** мыслилось как упорядочение системы профессиональных судей и организация суда присяжных. Десницкий – сторонник гласности судопроизводства, публикации в печати реше-

ний судов, учреждения института адвокатуры, законодательного закрепления принципа состязательности.

Лучшей формой организации власти Десницкий считал конституционную монархию, в которой реализуется разделение властей.

Законодательная власть осуществляется монархом совместно с Сенатом. Эта власть, рассуждал Десницкий, является первой, однако исполнение законов зависит от организации и деятельности других властей.

Исполнительная власть также вручалась монарху и многочисленному аппарату подотчетных ему чиновников.

Высшей судебной инстанцией являлся Сенат. Он рассматривает в апелляционном порядке обжалованные судебные приговоры и решения нижестоящих судов.

Низшая судебная инстанция определена в проектах Десницкого в виде всесословного судебного органа при местной администрации. Здесь проявилась определенная непоследовательность Десницкого в плане реализации принципа разделения трех ветвей власти.

Воеводам, назначаемым императором, на местах отдавалась **«наказательная власть»**. В их задачу входила борьба с преступностью, поддержание правопорядка в общественных местах, исполнение приговоров, содержание тюрем, судов, а также сбор земельных пошлин. Применять эту власть Десницкий советовал осторожно, **«чтоб строгость за предел не выходила»**.

В дополнение к наказательной власти Десницкий присовокупляет еще и гражданскую власть, которой он наделяет выборные органы местного самоуправления. От деятельности этих властей **«всё блаженство подданных состоит»** – заявлял Десницкий.

В правовой сфере Десницкий разработал институт классификации права: государственное (лицо и государство), гражданское (родители, дети, супруги, опекуны), уголовное (преступления против общества и государства) и судебное (отношения между лицами).

Исполнение своих проектов Десницкий ожидал от просвещенного монарха и прогрессивных слоев дворянства в добровольном порядке.

А.Н. Радищев (1749 – 1802 гг.)

Наиболее значительным событием истории русской политико-правовой идеологии второй половины XVIII в. было возникновение революционно-демократической теории развития общества и государства, у истоков которой стоял Александр Николаевич Радищев. Его книга «Путеше-

стве из Петербурга в Москву» и ода «Вольность» как раз и положили начало революционному демократизму в России.

Его теоретической основой были идеи естественного права и общественные договоры, а также наиболее радикальные концепции европейского Просвещения.

Содержащаяся в «Путешествии» характеристика крепостного права впервые называет этот институт **«зверским обычаем поработать себе подобного человека»**, оценивает его как систему, до предела унижающую личность крестьянина, делающую его беззащитным бесправным в окружающем мире.

«Крестьянин в законе мертв» – писал Радищев о законодательстве самодержавной России.

В своих работах Радищев доказывал несостоятельность крепостничества с позиций теории естественного права. По природе все люди равны, и если одни поработают других, то **«тут никакой не может быть связи, разве насилие»**. Крепостное право противоестественно, потому оно является не правом, а насилием, которому поработенные могут противопоставить силу. Оно же противоречит общественному договору, поскольку общество создано для обеспечения интересов всех и каждого, а не для порабощения одной его частью другой.

Радищев раскрывает экономическую несостоятельность крепостничества, его противоречие интересам развития сельского хозяйства, низкую производительность подневольного труда. У крепостных нет стимулов к труду: чужое поле, урожай с которого им не принадлежит, крестьяне обрабатывают без прилежания и заботы о результатах труда. **«Нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан»**.

Не менее резко Радищев выступал против самодержавия. Ода «Вольность» (1781 – 1783гг) **осуждает монархию** и содержит концепцию народной демократической революции.

Особое место в критике Радищевым самодержавия занимает проблема **«просвещенного абсолютизма»**. Само положение монарха, утверждал Радищев, таково, что он недоступен просвещению, потому что союзниками монарха в угнетении и подавлении народа под прикрытием «общего блага» являются церковь и духовенство. Они же никогда не были приверженцами науки и просвещения. Критика идеи **«философ на троне»** у Радищева органически связана с опровержением надежд на реформы **«просвещенного монарха»**. Он доказывает, что монарху нет выгоды ограничивать свой собственный произвол.

Впервые в истории русской политико-правовой идеологии Радищев выдвинул концепцию народной революции. **«Русский народ очень терпелив, – писал Радищев, – и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость».**

Народную революцию против гнета дворян и самодержавия Радищев обосновывал теорией естественного права и концепцией общественного договора. В оде «Вольность» красочно описывается суд над царем и его казнь.

Для грядущей революции необходима позитивная программа, призванная заменить в сознании народных масс царистские иллюзии: эту программу Радищев разрабатывает в революционно-демократическом духе.

В будущей России должен установиться республиканский строй: **«На вече весь течет народ».** Радищев примерами из истории России доказывает, что русский народ даже в период средневековья имел опыт республиканского правления. Мыслитель говорит: **«Известно по летописям, что Новгород имел народное правление».** В Новгородской республике Радищев видел воплощение радикальных идей непосредственной демократии.

Экономической основой будущего государства будет частная собственность, которую Радищев считал важнейшим естественным правом человека. **«Собственность – один из предметов, который человек имел в виду, вступая в общество».** Но Радищев – решительный противник феодальной собственности на землю. Он один из первых в России выдвинул принцип – земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

Разработанная Радищевым революционно-демократическая программа была теоретическим выражением интересов крепостного крестьянства, борющегося против феодального строя и самодержавия.

Демократические положения содержатся также в рукописях Радищева по вопросам права «Опыт о законодательстве», «Проект Гражданского Уложения»). В этих документах Радищев последовательно отстаивает естественные права личности: право на жизнь, свободу, собственность, честь, достоинство, безопасность.

Политико-правовые идеи Радищева оказали огромное влияние на развитие политических учений России в XIX веке.

Над чем подумать, что обсудить, на какие вопросы дать ответы.

1) В чем заключались основные идеи, изложенные в летописях Древней Руси?

2) Назовите основных идеологов становления и укрепления Русского централизованного государства;

3) Назовите имя автора, внесшего основной вклад в обоснование теории «Москва – третий Рим». В чем суть этой концепции?

4) Назовите имена основных идеологов Российского государства периода становления абсолютизма. Кто из них, на ваш взгляд, наиболее энергично способствовал обоснованию концепции неограниченной власти монарха?

5) Почему политико-правовое учение А. Н. Радищева положило начало революционно-демократическому этапу в развитии общественно-политического движения?

Изучите следующие первоисточники:

1. «Повесть временных лет».
2. В. Мономах – «Поучение детям».
3. И. Пересветов – «Большая челобитная».
4. А. Радищев – «Путешествие из Петербурга в Москву», Опыт о законодательстве

Литература:

Основная:

1. История политических и правовых учений. Домарксистский период./Под ред. О.Э.Лейста, – М.,1991 г.
2. История политических и правовых учений России./ И.А. Исаев, Н.М. Золотухина, – М., 2003 г.
3. История политических и правовых учений./ Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004 г.
4. История политических и правовых учений. Учебник для юрид. ВУЗов./ Под ред. В.С. Нерсесянц, – М., 1993 г.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений./ А.А. Акмалова, В.М. Капицин./ Учеб. Пособие .– М., 2002 г.
2. История политико-правовых учений. / Под ред. А.Н.Хорошилова, – М., 2002 г.
3. История политических и правовых учений. Древний мир./ Под ред. В.С. Нерсесянца.
4. История политических и правовых учений. Античность./ Под ред. А.А. Чанышева, – М., 2000 г.

ТЕМА 11. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

- 11.1. Проекты государственных преобразований М. М. Сперанского.
- 11.2. Политико-правовые взгляды и конституционные проекты декабристов. П. И. Пестель, Н. М. Муравьев.
- 11.3. Политико-правовые идеи славянофилов и западников. Аксаков, Анненков, Чичерин.
- 11.4. Политико-правовые идеи русских просветителей 30-40-х гг. XIX века. Чаадаев, Грановский.
- 11.5. Политико-правовые учения русских революционных демократов второй половины XIX века. Герцен, Белинский, Чернышевский.
- 11.6. Политические и правовые учения революционного народничества. Лавров, Ткачев, Бакунин.

11.1. Проекты государственных преобразований М. М. Сперанского

Все направления политико-правовой мысли первой половины XIX века так или иначе были связаны со все усиливавшимся разложением феодального строя и развитием капиталистических отношений. Эти процессы происходили медленно, ввиду безраздельного господства крепостнической системы, но вопросы о крепостном праве и охраняющем его царском самодержавии уже встали как основные общественные вопросы времени.

Антифеодальными направлениями политико-правовой мысли в России первой половины XIX века были: либерализм (дворянский и буржуазный), революционная идеология Радищева и декабристов, просветительство, а с середины века и революционный демократизм. При всем их различии и разнообразных формах проявления эти направления выросли на общей почве российской действительности, по-своему отражая и ее социально-экономические процессы.

Не стояла в стороне от них и передовая политико-правовая мысль России. Она проявляла большой интерес к порядкам и событиям в Западной Европе, США, других странах, поскольку они демонстрировали более динамичное развитие нового строя, свободного от крепостничества и уже обретшего конституционные формы правления.

Воздействие западноевропейских идей и порядков на политическую мысль России было весьма разнообразным: одних оно приводило к жела-

нию «следовать Западу», других наоборот, к стремлению не допустить перемен и сохранить старые, патриархальные порядки. Все это явно наложило отпечаток и на содержание раннего русского либерализма, имевшего весьма умеренный ограниченный «полукрепостнический» характер. Его идеологи отстаивали компромисс и сосуществование буржуазно-либеральных учреждений с феодально-крепостническими порядками.

Виднейшими представителями идеологии раннего буржуазного либерализма в России в начале XIX века были Н. С. Мордвинов и М. М. Сперанский.

М. М. Сперанский (1772 – 1839 гг.)

Проекты государственных преобразований М. М. Сперанского имели более глубокий либеральный характер по сравнению с предлагаемыми реформами других мыслителей Российской империи начала XIX века.

В 1808 – 1811 гг., по поручению царя Александра I, Сперанский, занимавший высокий пост государственного секретаря, разрабатывает один за другим три проекта государственных реформ, вызывающих большое неудовольствие помещиков-крепостников.

Политическая доктрина М. М. Сперанского опиралась на глубокие познания в политических теориях, как античных, так современных ему мыслителей. В разработке своих концепций он широко использовал рационалистическую, естественно-правовую аргументацию. Происхождение государства он объяснял договорной теорией.

Россия, по мнению Сперанского, в своем историческом развитии прошла три ступени: в Средние века – удельное государство, в Новое время – абсолютная монархия, а в настоящий период – промышленное состояние, которое требует конституционного ограничения верховной власти и предоставления политических и гражданских прав всем подданным. Россия, полагал он, ждет перемен, но не революционным путем, как в странах Запада, а исключительно эволюционным «через правильные законы», жалованные императором народу.

В обширных планах государственно-правовых преобразований Сперанского на первый план были выдвинуты два главных общественных вопроса времени – о форме верховной политической власти в стране и о крепостном праве.

Сперанский выступает за переход к конституционной монархии, которая бы позволила «правление доселе самодержавное учредить на непре-

менном Законе». Законность форм осуществления власти Сперанский связывал с необходимостью разделения властей. Законодательная власть должна быть вручена двухпалатной Думе, которая обсуждает и принимает законы, для чего собирается сессионно. Глава исполнительной власти – монарх – участвует в деятельности Думы. По мнению реформатора «никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается в Думе». Мнение Думы свободно, и по этому монарх не может «ни уничтожить законов, ни обезобразить их».

Уделяя большое внимание институту разделения властей, Сперанский предоставлял право принятия «коренных» законов (гражданских и уголовных) исключительно законодательному органу – Думе. От «коренных» законов он отличал ряд других нормативно – правовых актов – уставов, регламентов, постановлений, в которых определялись деятельность административных органов, порядок взимания налогов, внешняя политика, открытие заводов, добыча горных пород и полезных ископаемых. Эти акты он относил к сфере исполнительной власти. Тем самым ставился вопрос о подзаконности правотворческой деятельности исполнительного аппарата и вносился весомый вклад в теорию и практику разделения властей.

Однако необходимо подчеркнуть, что конституционные проекты Сперанского носили компромиссный и ограниченный характер, что выступало сразу же, как только он начинал рассматривать модель организации каждой «власти» на практике. Даже в самом либеральном из проектов, где предусматривалось создание Государственной Думы как законодательного органа, император объявлялся главой исполнительной власти, а Сенат – высшим судебным орденом. Царь мог не подписать законопроект, даже после утверждения последнего Думой. Исходя из этого Сперанский именовал императора уже не просто главой государственной власти, а соучаствующим во всех ветвях власти, держащим в своих руках все ее нити.

Императору предоставлялось право распускать государственную Думу. Выборы в нее должны были проводиться на основе высокого имущественного ценза и при посредстве многоступенчатой системы.

Судебная власть должна была реализоваться профессиональными судьями, вводился суд присяжных, самым высоким судебным органом объявлялся Сенат.

Сперанский в своих проектах предусматривал и возможность объединения усилий различных ветвей власти для согласного их действия в Государственном Совете. Госсовет формировался из лиц, назначаемых монархом, а частично избранных по избирательным законам. Работает Госсовет под представительством царя, обсуждает предлагаемые законопроекты, устраняет разногласия в ходе этих обсуждений, обладает и сам законодательной инициативой. Утверждается законопроект непременно и исключительно Государственной думой. Последнюю точку в этом процессе ставит монарх.

Организация местной власти, по Сперанскому, предполагала введение коллегиального управления сверху через систему представительных органов – дум: губернских, уездных и волостных, избираемых на многоступенчатой основе.

Порядок и благополучие в устроенном таким образом государстве охраняются законами. Одним просвещением народа и деятельностью просвещенных монархов невозможно достичь политической и общественной стабильности. На помощь должны придти разумные законы. Именно законы, а не люди, согласно Сперанскому, должны управлять государством.

Конституционная монархия, основанная на законе, должна опираться, кроме представительных органов, на квалифицированный чиновничий аппарат, обеспечивающий ее функциональную деятельность. Для осуществления такого проекта Сперанский предложил два закона о чиновниках: «О придворных званиях» (1809 г.) и «Об экзаменах на чин» (1809 г.). В этих правовых актах вводились необходимые требования для занятия должностей и получения служебных чинов работниками государственного аппарата. Придворные звания не являлись более основанием для продвижения по службе.

На сословный строй общества Сперанский в целом не покушался, но предлагал произвести его правовое оформление с закреплением прав и обязанностей сословий.

К крепостному праву Сперанский относился отрицательно. «Крепостничество – писал он – несовместимо с цивилизованной государственностью. И нет никакого основания считать, что в России оно не могло бы уничтожиться, если будут приняты к тому действительные меры».

Однако немедленной отмены крепостного права Сперанский опасался, полагая, что россияне, получив свободу, обратятся «к кочевому образу жизни».

Проекты Сперанского содержали ряд прогрессивных, в условиях тогдашней России идей, за что и вызвали резкое противодействие со стороны правящей элиты империи. На него посыпались обвинения в «возжигании бунтов» и даже в «способствовании истребления дворянства». В конечном итоге судьба «великого чиновника» была решена и он был отстранен от службы и отправлен в ссылку. Только в 1820 г. Сперанскому было позволено возвратиться в Петербург, а в 1826 г. Император Николай I поручил ему составление Свода законов Российской империи. Этот Свод формировался четыре года и составил 45 томов, имеющих большое историко-хронологическое значение. Кодификационная деятельность Сперанского, с точки зрения юридической техники, и в наши дни представляет профессиональный интерес.

11.2. Политико-правовые взгляды и конституционные проекты декабристов

Возникновение движения декабристов и характер их политико-правовой идеологии отражали общий ход тогдашнего исторического развития России и специфику ситуации, сложившейся в первой четверти XIX века. Несмотря на некоторый рост крестьянских волнений, в то время в стране еще не было массовых революционных сил. Декабристы сочувствовали народу и ставили своей задачей освободить его от крепостного гнета. Но этот революционный переворот они планировали осуществить без широкого участия самого народа. В этом, как раз, и сказалась ограниченность их программных преобразований.

Особую роль в формировании мировоззрения декабристов сыграла Отечественная война 1812 года. Война обнажила и углубила противоречия феодального строя, а подъем патриотизма вызвал у передовой части общества антикрепостнические и антицаристские настроения. «Мы дети 1812 года», – писал позже М. Муравьев – Апостол, член Южного общества и участник войны.

Многосторонним оказалось воздействие событий в странах Запада на политико-правовые взгляды декабристов. Изучая опыт буржуазных революций в Англии, Франции, США, а также исследуя структуру конституционных учреждений в странах Западной Европы и США, декабристы

все больше убеждались в необходимости коренных государственных преобразований в России. Продолжая традиции А. Н. Радищева и других отечественных мыслителей XVIII века, декабристы стремились в своих проектах учесть и положительные стороны, и недостатки тех стран, которые освободились от абсолютизма и феодализма и вступили на новый, т.е. буржуазный путь развития.

В политической идеологии декабристов различаются два основных течения – более умеренное, отражением которого явилась «Конституция», созданная Н. М. Муравьевым и радикальное, знаменем которого стала «Русская Правда» П. И. Пестеля.

П. И. Пестель (1793-1826 гг.)

Над своей «Русской Правдой» П. И. Пестель, участник войны 1812г., работал много лет, в течение которых его политические взгляды эволюционировали в направлении всё большей радикальности, демократичности, решительных действий.

При разработке общетеоретических понятий П. И. Пестель пользовался естественно–правовой аргументацией и ссылками на единую человеческую природу с ее стремлением к своему и общему благоденствию.

Государство П. И. Пестель отождествлял с гражданским обществом «Устроенным и приведенным в порядок». Его составными частями он называл правительство и народ, рассматривая их взаимоотношения как совокупность разумных и ответственных прав и обязанностей. Все это направлялось к доказательству необходимости реализации обязанности правительства служить своему народу. По его мнению, правительство имеет обязанность «распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для достижения Благоденствия всем и каждому... Народ имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общему и частному Благоденствию».

Критика абсолютной монархии как формы правления сопровождается у Пестеля гневным осуждением крепостного права, которые он считал несовместимым с понятием Благоденствия государства и его подданных. «Русская правда» предлагает план социальных и политических преобразований в России, а также совокупность средств его реализации.

Социальная программа П. И. Пестеля радикальна. Он требует отмены крепостного права и безвозмездного наделения всех крестьян землей.

Земля по естественному праву является достоянием всех людей, а следовательно, каждый человек должен иметь в ней свою долю, так как

земля – главный источник «пропитания человечества». План Пестеля состоял в превращении всех россиян в собственников земли. П. И. Пестель создал необычный аграрный проект, предусматривавший создание двух фондов земли – общественного и частного. Земля первого из них в отличие от второго не могла ни продаваться, ни покупаться. Общественная (волостная) земля разделяется на участки, которые раздаются безземельным членам волости. Таким путем в «Русской правде» предполагалось, и освободить крестьян от зависимости от помещиков и обеспечить ликвидацию обнищания масс – «уничтожить в России нищих».

План будущей организации государственной власти охватывает систему высших и местных государственных органов, реорганизацию армии, полиции, органов правосудия, сферу прав и свобод граждан, определения государственного устройства страны и во всех своих частях отличался последовательным республиканизмом и глубокой демократичностью.

П. И. Пестель провозгласил в «Русской правде» идеи народного суверенитета и «неоспоримое право каждого участвовать в государственных делах».

Политическим идеалом П. И. Пестеля является республика. В организации верховной власти в государстве Пестель различает Верховную законодательную власть и Управление (исполнительную власть). Верховная власть вручается вече, исполнительная – Державной Думе. Надзор за их деятельностью предполагалось поручить Верховному Собору, как высшему органу блюстительной власти в государстве.

Действия законодательной и исполнительной властей, формирование Верховного Собора, а также административное государственное устройство определяются Конституцией, которую Пестель называет Государственным заветом.

В своих проектах Пестель настаивает на устранении имущественного ценза для права избирать и быть избранным в органы государственной власти.

Однопалатный законодательный орган Народное Вече избирается на двухстепенных выборах сроком на 5 лет, с ежегодным обновлением (ротацией) его пятой части. Народному Вече вручалась вся полнота законодательной власти.

Державной Думе из 5 человек, избираемых Вечем на 5 лет, и тоже с ежегодным обновлением одного из членов, вручалась верховная исполнительная власть, т.е. руководство министерствами и ведомствами.

Верховный Собор в составе 120 избираемых пожизненно «бояр» должен служить обеспечению законности и особенно охране Конституции Республики.

Структура органов государственной власти у Пестеля строилась по принципу разделения властей, но со многими новшествами. «Отвергается правило равновесия властей, – утверждал он – но принимается правило определенности круга действия». Из этой формулы выводилась необходимость четкого определения компетенции каждого органа и вместе с тем подконтрольность исполнительных органов законодательному.

Отсутствие ответственности исполнительной власти перед представительными органами Пестель осуждает.

Таким образом, в «Русской Правде» Пестеля был разработан наиболее прогрессивный, республиканский вариант разделения властей.

Россия представлена в проекте Пестеля унитарным государством, лишь с предоставлением права на создание самостоятельной республики Польше как государству, способному обеспечить свою независимость. Согласно проектам Пестеля все пространство России делится на 10 областей и 3 удела. Каждая область в свою очередь состоит из 5 губерний или округов, губернии из уездов, а уезды – из волостей. Местные органы власти строились по образцу центральных, т.е. состоят из представительной и исполнительной властей.

В своих трудах Пестель большое внимание уделяет теоретическим проблемам права. Все законы он делит на три вида: духовные, естественные и гражданские.

Духовные законы известны из Священного Писания: «они связывают духовный мир с естественным». Естественные законы вытекают из требований природы и нужд естественных и «никто не в силах их низвергнуть».

Государственные законы представляют собой постановления государства, которые ставят себе задачей достижение общественного Благоденствия, и поэтому они должны издаваться в полном соответствии с законами духовными и естественными. Такое соответствие является непременным условием их действительности.

Другим условием, определяющим содержание государственных законов, служит приоритет общественных интересов. Гражданские законы составляются таким образом, чтобы интересы отдельного индивида не противоречили интересам всего общества в целом.

В своих работах Пестель пытается внести новизну в разработку принципов права, основных понятий, включая специальные, как понятие вины,

умысла и многих других в уголовном праве. Вслед за Конституцией и на ее основе Пестель проектировал выработку новых правовых норм во всех отраслях права, рассчитывая создать в России полный Свод ее законов.

Средством достижения предполагаемых преобразований Пестель считал военно-революционный переворот с немедленной ликвидацией монархии и физическим уничтожением членов царской семьи в целях предотвращения попыток реставрации монархии.

Проведение всех необходимых для установления «нового строя» мероприятий поручается Временному Верховному правлению во главе с диктатором, учреждаемым сроком на 10-15 лет.

П. И. Пестель создал проект Республики, но осуществление его поставил в зависимость от революционной диктатуры, вводимой на довольно значительный срок. Ратуя за строгую законность, вместе с тем он был за установление революционной диктатуры, которая, как подтвердила история, обычно не связывает свою деятельность со строгим исполнением законов государства.

Н. М. Муравьев (1796 – 1843 гг.)

Никита Михайлович Муравьев является, как и многие декабристы, участником Отечественной войны 1812 г., был офицером, вышедшим в отставку. Он один из организаторов декабристских обществ – Союза Спасения, Союза Благоденствия, и, наконец, Северного общества.

Эволюция политических и правовых взглядов Муравьева отразилась в трех разных вариантах его Конституции.

Для обоснования выдвигавшихся им проектов государственных преобразований Н. Муравьев широко использовал передовые идеи естественного права. Он был решительным противником крепостного права и записал в своей Конституции: «Раб, коснувшийся земли русской, становится свободным». Вместо сословного строя в Конституции Муравьева вводилась равенство всех перед законом. Все жители России объявляются равноправными, «гражданские чины и классы уничтожаются». Учреждается единая система налогов, которые платят все россияне с 18-ти и до 60-летнего возраста, провозглашаются свобода слова, совести, передвижения и занятия любым ремеслом. Частную собственность Муравьев объявляет «священной» и «неприкосновенной».

Н. М. Муравьев внес большой вклад в разработку революционных планов введения конституционализма в России, несмотря на определенную ограниченность его Конституции. Во всех трех его вариантах преду-

сма­тривался переход от царского самодержавия к конституционной монархии.

В этих проектах и других своих произведениях Н. М. Муравьев развивал общедемократические идеи народного суверенитета, называя народ источником верховной власти.

Конституционная монархия, как наилучшая форма правления для России, должна быть основана на принципе разделения властей, которое создает необходимые гарантии для взаимоконтроля высших властей в государстве.

Высший представительный орган – Народное Вече – должен был состоять из двух палат: Палаты народных представителей и Верховной думы как органа, представлявшего области, на которые делилось федеративное государство.

Только Вечу принадлежало право принимать законы, объявлять войну, заключать мир, избирать правителей областей России. Муравьев вводил принцип ежегодного частичного обновления представительных органов.

Он был сторонником системы имущественных цензов при выборах в местные и высшие органы власти.

Верховная исполнительная власть, согласно Конституции Муравьева, предоставлялась наследственному императору, который лишался прежних титулов и привилегий и получал статус «верховного чиновника правительства». Монарх обязан был отчитываться перед Вече о состоянии страны, он единолично не мог изменять законы, равно, как и присваивать себе функции законодательной власти. Но полномочия императора были довольно значительны: он обладал правом отлагательного вето на законопроекты, контролировал всю исполнительную власть в стране, являлся верховным военачальником всех сухопутных и морских сил, назначал и смещал министров, представлял Россию в переговорах с иностранными державами.

Ряд статей в последнем варианте проекта Конституции был посвящен ликвидации феодальной политики и тюремной системы, введению гарантий неприкосновенности личности.

Конституция Муравьева предусматривала также организацию местного управления на выборной основе.

Судебная (Судная) власть по проектам была отделена от административной и осуществлялась централизованной и довольно сложной системой судебных органов. В уездах предлагалось учредить «совестные» суды.

Все предусмотренные Конституцией Муравьева гражданские и политические права, по замыслу автора, устанавливаются немедленно. Проект Пестеля, предлагавший введение Верховного правления на 10-15 лет с Диктатором во главе, Муравьев гневно осуждал. «Весь план Пестеля – писал он, – был противен моему рассудку и образу мыслей». Муравьев называл его «варварским и противным нравственности».

Декабристы внесли в политико-правовую мысль своего времени много ценного и оригинального. Они развили прогрессивные идеи и тенденции политико-правовой мысли своих предшественников и как бы передали эстафету от А. Н. Радищева мыслителям России второй половины XIX века.

11.3. Политико-правовые идеи славянофилов и западников

В 40-60 – е годы XIX века в общественном движении России приобрели значительный вес два противостоящих друг другу политических течения – славянофилов и западников. Их разделяло решение вопроса в путях развития страны.

Первые выступали против того, чтобы Россия следовала Западу, отстаивая тезис о ее самобытности. Вторые, напротив, призывали перенять общеевропейский путь, отвергая специфику российского будущего. Славянофилы идеализировали прошлую историю России, западники – западноевропейские буржуазные ценности.

Особенности политико-правовых взглядов каждого из течений выявлялись, однако, не только в этом. И те и другие были вовлечены в рассмотрение коренных общественных вопросов того времени – о крепостном праве и царской самодержавии.

К славянофилам принадлежали писатели К. С. Аксаков, А. С. Холяков, И. В. Киреевский. Их позиции особенно ярко прослеживаются в творчестве Константина Сергеевича Аксакова (1817-1860гг.), – русского литератора и историка, сына известного писателя С. Т. Аксакова.

Политические взгляды славянофилов были тесно связаны со специфической религиозно-философской и социологической концепцией. Перспективы будущей России они стремились обосновать ссылками на ее исторический опыт и на особенности русского народного характера. Во внимание принималась история допетровских времен, т.е. реформ, принесших, по их мнению, в государственность России западное влияние.

Исконными чертами русского народа провозглашались: единство его сословий, приверженность к православию как основе нравственного здоровья общества и «негосударственность». Государство, по мнению Аксакова, есть воплощение «правды внешней», «принудительного закона». Оно противоречит самому духу русского народа и всего славянства в

целом. Аксаков утверждал, что славянские племена сами «составить» государственное устройство «не могли по существу их, не могли и не хотели обратиться сами из общины в государство». Другими словами – государственность на Русь принесена извне.

Представления о «негосударственности» русского народа выразилась у славянофилов в поддержке норманистской теории происхождения государства в России, особенно в своеобразных трактовках проблемы взаимоотношений правительства и народа. С одной стороны, по теории славянофилов, народ и правительство в России едины. С другой стороны, народ и правительство в России – две разные сферы общественной жизни. Русский народ, считали славянофилы, в отличие от западных народов не интересуется, вопросами государства, его интересы находятся вне области политики. В своих статьях Аксаков отстаивает идею «автономности» внутренней жизни русского народа, о его правах на свободу слова, собраний, личного мнения, называя эти права неполитическими и поэтому не подлежащими контролю правительства. Отсюда же – призывы славянофилов возродить Земские Соборы, но не для ограничения царского самодержавия, а для выражения все тех же начал «народности».

Славянофилы стояли за сохранение царского самодержавия и стремились представить монархический идеал как идеал народный, делающий неприемлемыми в России и революцию, и Конституционализм, не говоря уже о республике. Боязнь революции и демократических преобразований привела славянофилов к негативной оценке программ декабристов, яростной борьбе против революционно – демократической идеологии. Конституция, по определению Аксакова, – это ложь и лицемерие государственных начал, республика – самая вредная правительственная форма. Монархический идеал делал политическую теорию славянофилов не только консервативной, но и реакционной. Западники – П. В. Анненков, И. В. Вернадский, Б. Н. Чичерин и другие публицисты, писатели занимали по отношению к проблемам конституционализма и путей развития России противоположную славянофилам позицию. В пропаганде конституционных учреждений и других прогрессивных, в сравнении с Россией, основ западноевропейской политической жизни и состояла заслуга западников.

Конституционализм западников, как правило, укладывался в схему буржуазно–либерального ограничения царской власти, негативного отношения к революции и демократии, разрабатывался в расчете на реформы «сверху».

Буржуазный либерализм западников нашел свое отражение в лекциях по истории политических учений, прочитанных Б. Н. Чичериным в Московском университете. Он знакомил научную общественность, студентов с близкими ему по духу либеральными, конституционно – монархическими доктринами, с идеями утопического социализма, экономическим учением К. Маркса. Последние доктрины он подвергал критике. Уже после своей вынужденной отставки Б. Н. Чичерин писал, что видит свой долг в защите права и законности в стране, утверждение которых в обществе зависит от его членов и является обязанностью каждого гражданина.

В целом же, требуя реформ по западному образцу, западники считали целесообразным скорейшее установление конституционной монархии, парламентского строя, введение гражданских свобод.

11.4. Политико-правовые идеи русских просветителей 30-40-х гг. XIX века

В отличие от умеренных буржуазных либералов начала и середины XIX века просветительство в России представляло более решительную антифеодальную политико-правовую идеологию, не поднимавшуюся, однако, до признания революционного пути преобразований.

Одним из виднейших просветителей в середине XIX в. стал Петр Яковлевич Чаадаев (1794 – 1856 гг.). Он был тесно связан с движением декабристов, а после его поражения в течение четырех лет написал семь «Философических писем». В них Чаадаев с горечью признавал застой в развитии России, резко осуждает крепостное право, деспотизм, официальное православие, освящавшее угнетение людей, бессилие простого человека перед государственной властью.

Новый путь развития России – это идея единения России и Европы, ибо последняя – «наследник, наблюдатель и хранитель всех предшествующих цивилизаций». «Письма» Чаадаева имели политическое значение в годы николаевской реакции, первыми разбив лед наступившего, после казни декабристов, молчания. В его статьях и выступлениях все смелее звучала мысль о силе русского народа, его основополагающей роли в историческом развитии страны. Возлагая надежды на распространение просвещения как основной способ преобразований в обществе, П. Я. Чаадаев в последние годы своей жизни продумывал возможности регулярных и эффективных обращений с прокламациями к широким народным массам.

Ряд других просветителей, в том числе в среде представителей университетской науки, в своих лекциях и докладах остро ставили вопрос о том, что крепостное право изжило себя, и что дух времени требует изменения существующих политических и правовых институтов. Они ставили во главу угла своей политико-правовой теории задачи просвещения масс, распространения культуры и введения в России основных начал конституционализма и твердых порядков законности. Главное внимание при этом уделялось судьбам народа.

К числу таких просветителей относился и Тимофей Николаевич Грановский (1813 – 1855 гг.). Работая профессором Московского университета, в своих лекциях по всеобщей истории, он раскрывал тяжелое положение крепостных крестьян, критиковал институт крепостного права в целом, оправдывал крестьянские войны в Европе и России, как правомерные акты угнетенных в ответ на насилие феодалов и самодержавного государства. Вместе с тем в революциях и восстаниях Грановский усматривал угрозу культуре и правильному решению насущных общественных вопросов. Все надежды он возлагал на просвещение народа, монарха, аппарата чиновников, спокойные и разумные реформы «сверху».

11.5. Политико-правовое учения русских революционных демократов второй половины XIX века

Революционный демократизм в России являлся идеологическим выражением интересов угнетенного крестьянства и других слоев трудящихся масс империи. Эта идеология имела свои особенности на разных этапах развития России XIX века.

Революционный демократизм А. Н. Радищева начала века носил в основном антифеодальный характер. С 40-х годов XIX в. Он ставится значительно радикальнее, шире по содержанию. Его представители – А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и другие – развертывают критику не только феодального, но и буржуазного государства и права, которые активно набирали силу в государствах Западной Европы, они отрицают всякий эксплуататорский строй и соединяют революционный демократизм с утопическим социализмом.

Это было вызвано нарастанием кризиса всей феодальной системы крепостнической России, углублением противоречий и обострением классовой борьбы между трудом и капиталом во многих европейских государствах.

Большое значение для формирования мировоззрения революционных демократов имело усвоение ими идейных достижений своих предшественников. От Радищева и декабристов они унаследовали подход к оценке существующих политико-правовых порядков с позиции защиты интересов народа, гневного осуждения, угнетения и оскорбления человеческой личности, республиканские традиции в вопросах будущего политического устройства России. Что же касается западноевропейской общественной и политико-правовой мысли, то наиболее ценным для них были идеи французского и английского утопического социализма конца XVIII – начала XIX века.

А. И. Герцен (1812 – 1870 гг.)

Александр Иванович Герцен был одним из первых русских революционных демократов XIX века. Именно он воспринял сельскую общину как главный элемент в здании будущего русского социализма. «Община спасла русский народ от монгольского варварства, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожидается до развития социализма в Европе». Так писал А. И. Герцен. В общинных хозяйственных и административных началах он усматривал зародыш и черты социалистического коллективизма. Однако Герцену были видны и негативные стороны общинных порядков – поглощение личности миром (т.е. общиной), первоначальная неразвитость «коммунизма». Выход он видел в быстром просвещении народа, использовании достижений западной науки, способной в положительной мере оказать влияние на материальную сторону жизни населения. К приобщению русского крестьянина к позитивным результатам цивилизации и науки Запада должны быть призваны передовые представители русской науки, литературы, искусства, «прошедшие через западную цивилизацию» и впитавшие ее исторический опыт и социалистические представления.

Герцен развернул широкую критику современного ему государства и права, разоблачая бесправие народа в России, зверства помещиков, злоупотребления чиновников и ближайшего окружения монарха, призывал к скорейшей ликвидации крепостного строя и монархического режима.

1 ноября 1861 г. Герцен выдвигает лозунг «В народ», ставший на десятилетия призывом для патриотически-настроенных слоев общества к деятельному участию в освободительном движении.

Критикуя капитализм, как социально-экономическую систему, Герцен в тоже время признавал преимущества буржуазной демократии перед феодально-абсолютистским режимом.

Вопросы конкретного революционного перехода к социализму Герцен решал неоднозначно в разные периоды жизни и применительно к России и Западу. Несколько раз менялась позиция по вопросу о том, где раньше может произойти революция и кто кого приобщит к социализму – западноевропейский пролетарий или русский крестьянин. В конце концов, их революционные возможности он стал оценивать в равной мере.

Развивая республиканские традиции прогрессивной политической мысли России, Герцен проявил себя как принципиальный противник сохранения монархических форм. Стремление соединить социализм и демократию отразилось в его лозунге борьбы за «социальную республику». При этом был сделан важный шаг к постановке и решению проблемы ликвидации отчуждения политической власти от народа. Герцен стремился к созданию такой государственности, где бы народ непосредственно и через своих представителей решил все вопросы социальной и политической жизни. Он выступал за всеобщую выборность органов власти, подотчетность должностных лиц народу, возможность политических решений «всем миром».

Идеализация порядков сельской общины у Герцена, тем не менее, сочеталась с признанием необходимости государства при социализме, с призывами к борьбе за создание демократической республики.

Будущее наступление безгосударственного устройства Герцен связывал с победой социализма в мировом масштабе, с уничтожением милитаризма, свойственного буржуазным государствам, а также с длительным перевоспитанием самого человека.

В. Г. Белинский (1811 – 1848 гг.)

Виссарион Григорьевич Белинский принадлежал к новому поколению деятелей освободительного движения в России. Его литературная деятельность заметно усилила критическое направление в общественно – политической мысли страны.

Идейные искания Белинского никогда не меняли его крайне отрицательного отношения к крепостному праву, особенно ярко отразившегося еще в юношеской драме «Дмитрий Калинин», из-за которой он был исключен из университета.

Главная заслуга Белинского в разработке политико-правовых проблем состояла в критике современной ему действительности. В «Письме к Гоголю» Белинский дал потрясающую картину России как страны, где «Люди торгуют людьми», и «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и политического порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Самыми неотложными вопросами считал Белинский, являются уничтожение крепостного права, запрет телесных наказаний, наведение элементарного правового порядка в государстве. Одновременно с острой критикой крепостничества и царского абсолютизма Белинский, как и Герцен, осуждает буржуазные порядки. «Горе государству, когда оно в руках капиталистов», – писал Белинский.

Переход к социализму, который Белинский называл «Идеей идей», «бытием бытия», «альфой и омегой веры и знания», он связывал прежде всего с народной революцией.

Заслугой Белинского было также требование республики, вера в светлое будущее России, которая, писал он, через сотню лет встанет во главе всего прогрессивного человечества.

Белинский оказал огромное воздействие на развитие революционного демократизма России во второй половине XIX века.

Н. Г. Чернышевский (1828- 1889 гг.)

Николай Гаврилович Чернышевский возглавил лагерь революционной демократии в 60-ые годы, в период подготовки и проведения крестьянской реформы. К революционно-демократическим взглядам он пришел еще в молодые годы и развил свою теорию в ряде социальных научных работ, а еще более – в злободневных статьях журнала «Современник».

Проблема происхождения государства и права рассматривается Чернышевским в ряде работ. В статье «Экономическая деятельность и законодательство» он объяснял возникновение законов – политических, гражданских, уголовных – прежде всего несоразмерностью между потребностями людей в материальных благах и средствами их удовлетворения. Второй источник появления законов – «дисгармония в самой человеческой природе», проистекающая, однако из первого, коренного источника.

Чернышевский связывал появление государства и права с частной собственностью, вначале «поземельной», сменившей общинную собственность, при которой земля принадлежала обществу, а не частным лицам. С появлением частной собственности и развитием имущественного

неравенства происходит, по мнению Чернышевского, отстранение все большего числа людей от управления общественными делами.

Во всех высказываниях Чернышевского прослеживается мысль об историческом и преходящем характере государства, о связи его возникновения и будущих судеб с экономическими процессами, особенно имущественным неравенством. Очень глубокой была мысль Чернышевского о специфических признаках государства, состоящих в создании особого аппарата управления, армии, полиции, суда.

Называя в подцензурной печати царское самодержавие «азиатством» Чернышевский показывает картину произвола, беззакония, подавления и ограбления народа в России.

Лозунгом Чернышевского в годы реформы 1861 года были слова одного из героев его романа «Пролог»: «вся земля мужицкая, и выкупа никакого». После первых шагов по осуществлению крестьянской реформы Чернышевский приходит к выводу о неспособности самодержавно – бюрократического аппарата к реформированию и начинает ориентироваться на крестьянскую революцию.

Характеристика буржуазного государства и права занимает большое место в работах мыслителя. Он видел антагонистические классы в западной Европе, хотя и проводил различие между ними главным образом по имущественному признаку, а не по их месту в системе общественного производства. Он указывает на формальный характер буржуазного равенства и прав личности, провозглашенных в буржуазных странах.

Основным выводом, который сделал Чернышевский и другие революционные демократы, из критики феодального и буржуазного государства и права, был вывод о необходимости народной революции и перехода к социализму. Чернышевский, как и Герцен, мечтал, чтобы Россия миновала стадию капитализма, и связывал возможности этого с наличием в ней традиционной общинной жизни.

Вопросам государства при социализме Чернышевский также уделял большое внимание. Прежде всего он писал, что власть должна будет перейти к реальному большинству народа – земледельцам, поденщикам, рабочим. Вслед за Герценом Чернышевский разъяснял необходимость широкого демократизма в государстве будущего – республиканских форм, выборности, связи с народом и осуществления власти при его непосредственном участии, развитии самоуправления. Именно такое государство, по его мнению, имеет возможность построить социализм. Чернышевский различал два периода в развитии социализма – первый, начальный, свя-

занный с распределением по труду, второй, когда оно осуществляется по потребностям членов общества. С наступлением второго периода произойдет переход к безгосударственному устройству. Таким образом, получила дальнейшее развитие проблема ликвидации отчуждения политической власти от народа и создания реального общественного самоуправления.

В правовой идеал Чернышевского вошли требования строгого обеспечения прав и свобод граждан, строгого исполнения требований закона. «Где нет закона, – писал мыслитель, – там произвол, произвол сам по себе есть стеснение».

Наряду с Герценом, Белинским, Чернышевским в политическую и правовую мысль России внесли свой вклад Н. П. Огарев, Н. Д. Добролюбов, другие представители революционно- демократического направления.

11.6. Политические и правовые учения революционного народничества

Народничество – движение демократической русской интеллигенции, возникшее в 60-х гг. XIX века. У истоков движения стояли А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский. Главным стимулом к этому движению явилось крайняя неудовлетворенность большинства населения России итогами реформы 1861 г., формально давшей крестьянам свободу, но без земли. Именно в 1861 году Герцен обратился к русскому студенчеству, передовой интеллигенции с призывом идти в народ, чтобы воспитывать его и готовить к сознательной борьбе за свои интересы. В 1861 – 1864 гг. действовала подпольная организация, так называемая первая «Земля и воля», созданная Н. П. Огаревым и его единомышленниками. Однако она была раскрыта и запрещена, так и не успев развернуть реальной работы.

Расцвет революционного народничества приходится на 70-ые годы XIX века. Весной и летом 1874 г. началось массовое «хождение в народ» демократической интеллигенции. Однако в конце 1875 г. «хождение в народ» было разгромлено полицией, его участники арестованы и осуждены.

«Хождение в народ» выявило организационную слабость народнического движения и определило необходимость единой, централизованной организации. Такая организация была создана в 1876 г. и вновь получила название «Земля и воля». Однако надежды поднять крестьянство на революцию не оправдались. Внутри организации обострились разногласия по во-

просу дальнейших форм и методов работы с народными массами. Большинство революционеров убеждалось в необходимости перехода к непосредственной политической борьбе с самодержавием. Одним из основных средств такой борьбы они избрали террор. Остальная часть народников осталась на прежних позициях, предпочитая вести агитационную работу среди крестьянства. В августе 1879 г. в результате конфликта «политиков» с «деревенщиками» произошел раскол «Земли и воли» на две самостоятельные организации – «Народную волю» и «Черный передел».

«Народная воля» ещё больше усилила принципы централизации, конспирации и окончательно избрала тактику политического террора. 26 августа 1879 г. исполком «Народной воли» вынес Александру II смертный приговор, который народовольцы исполнили 1 марта 1881 года.

Теоретическое обоснование революционного народничества 70-х гг. было дано в трудах его главных идеологов: П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачёва, М. А. Бакунина.

По многим политическим и в особенности тактическим проблемам теоретики народничества спорили друг с другом. В конечном итоге разнообразие их взглядов и позиций по вопросам тактики и дальнейшего развития общественно-политических институтов России привело к формированию трёх течений движения: пропагандистского (Лавров), заговорщического (Ткачёв) и бунтарского (Бакунин).

П. Л. Лавров (1823 – 1900 гг.)

Пропагандистское течение в революционном народничестве связано с именем Петра Лавровича Лаврова. Лавров рано выдвинулся как подающий большие надежды учёный – математик. Однако он предпочёл академической карьере полную опасностей жизнь революционера.

В своих трудах Лавров пытается доказать решающую роль интеллигенции в истории развития человеческого общества. Задаваясь вопросами, как шла история, кто её двигал, Лавров отвечал: «Одинокие борющиеся личности».

В эпоху, когда «народ безмолвствовал», признание могущества личности не могло не затронуть чувств революционно настроенной интеллигенции. Работа Лаврова «Исторические письма», где он говорит о решающей роли мыслящей личности в историческом процессе, стали «Евангелием» русской революционной молодёжи.

Для свержения самодержавия, Лавров призывал молодёжь идти в народ, «вооружившись основательным знанием и усвоив народные потребности». Главное в хождении в народ принести ему «выработанную мысль, накопленное знание», придать «его порывам цельность и организацию», вызвать «из его среды представителей интеллигентного революционного крестьянства», а затем сойти со сцены «отдав народное дело в руки народа». Революционная интеллигенция, по Лаврову, должна выступить застрельщиком, инициатором и организатором социальной революции. Он справедливо отмечал, что успех может быть связан лишь с широким участием в революции народных масс, осознающих причины своих бедствий и выступающих против существующего строя.

Важнейшим условием подготовки революции Лавров считал создание партии революционной интеллигенции. Это союз единомышленников, для «которых критическая мысль нераздельна от дела».

Партийные группы «как естественные руководители всех разделяющих их убеждения» после победы революции станут основой социалистического государства в виде «народной федерации русских революционных общин и артелей». Сразу же новая власть должна взять в свои руки «общественное достояние, находящееся в руках государственных и частных хищников», организовать «всеобщий труд на общую пользу», оборону от внутренних и внешних врагов, обеспечить безопасность граждан внутри страны, укрепив законность и правопорядок.

Государство, по Лаврову, сохраниться и на втором этапе социальной революции – переходном периоде для построения рабочего социализма. В своей работе «Государственный элемент в будущем обществе» (1876 г.) Лавров обосновывает тезис о необходимости государства для решения внутренних и внешних задач переходного периода. Однако это государство будет постепенно отмирать при социализме: его сохранение в виде диктатуры большинства – мера временная. Зрелый социализм, по Лаврову, не знает государственности, управления человека человеком «в смысле принудительной власти одной личности над другой». Образец социалистического государства он видел в Парижской Коммуне. Признавая необходимость революционного насилия в социальной революции, Лавров требовал сведения его к минимуму.

П.Н. Ткачёв (1844 – 1885 гг.)

Идеологом заговорщического (бланкистского) направления в народничестве стал Пётр Никитич Ткачёв. Он не верил в успех революционной пропаганды в крестьянских массах России, и все надежды возлагал на ско-

рейшее использование революционерами государственной власти. Он горячо убеждал своих сподвижников, что крестьянская революция, которую давно ожидают русские революционеры, пока не наступает. В то же время самодержавие в стране не имеет прочной социальной базы, «висит в воздухе». Ткачёв доказывает, что в таких условиях даже сравнительно небольшая группа заговорщиков может, устранив самодержавие и его окружение, захватить политическую власть и осуществить революцию. Он убеждал русских социалистов: «Наша единственная задача – терроризировать правительственную власть, весь вопрос сводится к приобретению силы власти, которая теперь направлена против нас».

Общие контуры своей тактики революции применительно к российской действительности Ткачёв изложил в «Открытом письме господину Фридриху Энгельсу». В нём он доказывает, что, несмотря на забитость и невежество русского народа, он обладает такими преимуществами, которые свидетельствуют о том, что Россия «стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы». К этим преимуществам он относил отсутствие в России «средних классов», наличие общинного владения землёй и народа, который вследствие этого якобы представляет собой коммуниста по традиции.

В ряде статей журнала «Набат» Ткачёв завершил формирование своей политической теории. Он определил ближайшую цель революции как захват политической власти путём государственного заговора и создание революционного государства. Эту цель осуществляет революционное меньшинство. Социальная революция в полном объёме осуществится со временем революционным государством, которое предварительно должно подготовиться для этой миссии.

Во-первых, государство должно укрепить свою власть, окружив себя органами народного представительства и «санкционировать их волей свою реформаторскую деятельность».

Во-вторых, революционное государство, по Ткачёву, должно широко развернуть революционную пропаганду и благодаря ей втянуть в революционный процесс широкие народные массы, перевести тем самым политический переворот в социальную революцию.

Душой революции, её организатором и вождём у Ткачёва выступает революционное меньшинство. Широким народным массам он отводит только разрушительные задачи. Это вполне согласовалось с его пониманием степени консервативности русского крестьянина.

Орудием захвата власти, по Ткачёву, является подпольная организация революционеров, а главным средством осуществления преобразований – революционное государство.

М.А. Бакунин (1814 – 1876 гг.)

С именем Михаила Александровича Бакунина связано зарождение и распространение так называемого коллективистского анархизма – одного из распространенных движений ультрареволюционного социализма.

Происхождение государства Бакунин рассматривает с идеалистических позиций. Природа человека двойственна. Лучшие ее черты и инстинкты – зародыш вольной безгосударственной организации общества будущего. Худшие – основа для возникновения государства.

Государство означает «насилие, государство посредством насилия, замаскированного, если можно, и, в крайнем случае, бесцеремонного и откровенного». «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или замаскированного, невысказанного, невысказанного, невысказанного».

Вместо государства Бакунин помышляет создать после социальной революции новый строй, основанный на «идее свободы».

Свобода индивида, по определению Бакунина, есть не что иное, как «отражение его человечности или его человеческого права в сознании всех свободных людей, его братьев, его равных».

Анархизм Бакунина имеет коллективистские корни. Он стремится к организации общества и коллективной собственности снизу вверх посредством вольного объединения, ассоциирования людей, которые во взаимоотношениях друг с другом будут руководствоваться нормами нравственности.

Свобода нужна для полного развития индивидом всех своих способностей и полного пользования ими. Этому способствуют воспитание, научное образование и материальное благополучие.

Свобода никогда не уживается с политической властью, поэтому все властное, все построенное на принуждении должно безоговорочно отвергаться.

Суть всякой государственной власти, всякого правительства – в порабощении народа. Для народа, для трудящихся государство всегда остается тюрьмой.

Вред государства проистекает, согласно Бакунину, из его эксплуататорской роли по отношению к обществу и личности.

Принципиально тот же подход характерен и для правовых взглядов Бакунина. Все юридические законы являются внешне навязанными, а поэтому деспотическими установлениями. Они порабощают человека и развращают самих законодателей. Они враждебны свободе и противоречат естественному (человеческому) праву.

Свои мечты в свободном безгосударственном обществе, основанном на социальной справедливости, Бакунин надеялся осуществить посредством народного бунта, носящего массовый, а практически стихийный характер. В этом главная особенность бакунинской тактики, специфики бакунистского направления в народном движении.

Перед грядущим бунтом Бакунин ставил две задачи: в экономической сфере – социальная революция, в политической – разрушение государства.

Политическая борьба, выставление общедемократических требований не нужны, ибо в русских условиях такое направление борьбы выгодно одной буржуазии. Социальный переворот, бунт – автоматически и немедленно приносят с собой политические свободы.

Задача интеллигенции – вызывать эти бунты, не ожидая, когда пропаганда социалистических идей приведет к благим результатам и сознание мужика окончательно просветится. В действительности народникам – бакунистам не удалось поднять не только «все деревни», но хотя бы один отдельный уезд Российской империи. Бакунизм не смог из теории стать революционной тактикой и привести к победе революции, хотя популистское влияние анархизма в России сохранялось еще долго

Над чем подумать, что обсудить, на какие вопросы дать ответы.

1. В чём состояла новизна проектов М. Сперанского в области государственного устройства России? Почему они вызвали такое сопротивление со стороны политической элиты Империи?

2. Почему конституционный проект П. Пестеля, на ваш взгляд, был более радикальным по сравнению с проектом Н. Муравьёва?

3. Раскройте основное содержание политико-правовых концепций русских революционных демократов второй половины XIX в.

4. Назовите основные течения революционного народничества в России в 70-х годах XIX в. Кто был их идеологами?

Изучите следующие первоисточники:

1. М. Сперанский: «Введение к уложению государственных законов»;
2. П. Пестель: «Русская правда»; «Конституция, Государственный Совет»;

3. П. Чаадаев: «Апология сумасшедшего»; «Письма В.А. Жуковскому»;
4. М. Бакунин: «Государственность и анархия».

Литература

Основная:

1. Акмалова А. А., Капицин В.М. История политических и правовых учений. Учебное пособие, – М., Юриспруденция, 2002.
2. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. Учебник, – М., 2003.

Дополнительная:

1. История политических и правовых учений. Учебник для юрид. вузов. Под ред. В. С. Нерсеянца, – М., 1995.
2. Проникин Д. И. Основные доктрины классического анархизма. Учеб. пособие, – М., 1995.
3. История политических и правовых учений. / Под ред. О.В. Мартышина, – М., 2004.
4. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. / Под ред. В.П. Малахова, – М., 2002.

ТЕМА 12. ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ СТРАН ЗАПАДА КОНЦА XIX-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

- 12.1 Общая характеристика политической и правовой мысли Запада конца XIX – первой половины XX вв.
- 12.2 Реалистическая теория права. Р. Иеринг.
- 12.3 Юридические и политические идеи классиков социологии. Солидаризм. Е. Эрлих, Р. Паунд, Л. Дюги, М. Вебер.
- 12.4 Теория элит. Г. Моска, В. Парето.
- 12.5 Школа психоанализа. К.Г. Юнг, Э. Фромм.
- 12.6 Фашизм и нацизм. Б. Муссолини, А. Гитлер, К. Хаусхофер.

12.1. Общая характеристика политической и правовой мысли Запада конца XIX – первой половины XX вв.

Конец XIX – начало XX в. ознаменовались обновлением правовых концепций. Юридический позитивизм – главное направление теоретиче-

ской юриспруденции эпохи свободной конкуренции, сводящий право к воле суверена (в континентальных странах – к закону), утратил господствующие позиции и в значительной мере был вытеснен социологическим позитивизмом.

Переходное явление представляет собой творчество крупнейшего немецкого юриста второй половины XIX в. Р. Иеринга, создавшего, по собственной оценке, «реалистическую теорию права». Иеринг согласился бы с Марксом, что право не может быть понято из самого себя. И в этом смысле он – полная противоположность идеологу юридического позитивизма XX в. Г. Кельзену с его «чистой теорией права». Кельзен хочет «очистить» право от всего внешнего, неправового, вывести право исключительно из права, для чего он прибегает к юридической фикции «основной нормы». Иеринг выводит право из жизни, из борьбы противоречивых интересов. Для него право – это юридически защищенный интерес. Иеринг делает шаг от правовой догмы; от законов к реальной жизни, из коей они, по его убеждению, проистекают. Тем самым он подготовил почву для новых поисков в теории права.

Социологический позитивизм обновил юриспруденцию за счет социологии, психологии и других наук. Как говорил противник этого течения Кельзен, современная юриспруденция оказалась смешанной с психологией, биологией, этикой, теологией; трудно найти науку, которую не стремились бы соединить с правом.

Социологическое направление в юриспруденции можно толковать в узком (как социологическую школу права, представленную ее основателем Е. Эрлихом и др. в Европе, Р. Паундом, К. Ллевеллином, Дж. Фрэнком и др. в США) и широком плане, когда в нее включаются теория солидаризма Л.Дюги, психологическая теория права Л. И. Петражицкого и его последователей, ряд других правовых теорий.

Для всего этого направления характерны плюрализм в понимании права и (у большинства теоретиков социологической юриспруденции) отрицание нерасторжимой связи между правом и государством. Закон, по мнению юристов этой школы, представляет собой лишь незначительную часть права. Свободное право, живое право, объективное право (Л. Дюги), или право в жизни, противопоставляется законодательству, или книжному праву. Право в жизни далеко не всегда сопровождается государственным принуждением. Оно характерно для многочисленных объединений (союзов), в которых люди осуществляют свои интересы, а также для отдельных лиц, сознающих, независимо от закона, а нередко и не зная его, свои обя-

занности по отношению к другим лицам. Это право творится самой жизнью в ходе общественной, экономической и иной деятельности людей, оно пребывает в постоянном движении, а его кодификация и превращение в закон были бы вредны, ибо прекратили бы развитие живого права.

Как считают представители англосаксонской ветви социологической юриспруденции, «право в жизни» творится судьями. Крупнейший теоретик социологической юриспруденции в США Р. Паунд признает связь права в целом с государством, что не характерно для ряда европейских представителей этой школы. Все приверженцы социологической школы права, в широком смысле слова, убеждены, что в случае расхождения между законом и правом в жизни руководствоваться нужно именно последним. В соотношении с позитивным правом живое право у юристов-социологов выполняет роль критерия истинности и оценки, которую прежде играло естественное право (согласно Г. Гроцию только естественное право, т. е. веление здравого рассудка, является правом в полном смысле этого слова). Юристы-социологи согласны и в том, что признаком подлинного права служит возможность его осуществления и что, следовательно, нормы, которые не реализуются и не могут быть реализованы, вовсе не относятся к праву, в каком бы законодательном акте они ни декларировались.

Социологическая школа существенно обогатила юриспруденцию, расширила ее горизонты, содействовала разработке таких важных теоретических и практических проблем, как правосознание, правотворчество, реализация права.

Наряду с социологической школой позиции юридического позитивизма подрывали, и получившие значительное распространение концепции возрожденного естественного права (в России — П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский).

Социология оказала мощное воздействие не только на правовую, но и на политическую теорию. В конце XIX в. возникает новая отрасль научного исследования – политология, или политическая наука. Она значительно расширила традиционную сферу политической мысли, сводившуюся в основном к сущности, происхождению и формам государства и права. Политологи, провозгласившие своими далекими предшественниками Аристотеля и Макиавелли, обращались не к идеалам, а к практике, они не искали совершенства, а изучали действительность, стремясь раскрыть технологию политики и власти. Такие важнейшие темы, как политическая система, политический процесс, политическая борьба, политические партии, политическая культура, политическая психология, лидерство и т. п., были привнесены в теорию именно политологами. Для них характерна тесная связь с со-

циологией (не случайно политологию называют иногда политической социологией), экономикой, историей, психологией, культурологией и многими другими науками. Политологи часто выходят за рамки политики в узком смысле слова, смело вторгаются в смежные области и научные дисциплины, тем самым наглядно демонстрируя зависимость политики от жизни общества в самом широком понимании, причем не только в национальном, но и в международном преломлении.

Социология и политология представлены в настоящем издании с точки зрения развития политической мысли несколькими крупнейшими фигурами и школами М. Вебер, теория элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и др.) и достаточно условно отнесенная к этому разделу школа психоанализа (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Г. Юнг).

12.2. Реалистическая теория права. Р. Иеринг

Рудольф фон Иеринг (1818—1892 гг.) – один из крупнейших немецких юристов XIX в. В начале своей ученой карьеры он находился под влиянием исторической школы права и догматической юриспруденции (юридического позитивизма), сводящей правоведение к логическому толкованию понятий и норм. В 50 – 60е гг. в мировоззрении Иеринга происходит существенный сдвиг. Историческая школа с ее идеализацией народного духа, защитой феодальных устоев и представлениями о гармоничном и бесконфликтном формировании права в ходе длительной эволюции народа, а также формально-логический подход к праву, характерный для юридического позитивизма, перестали его удовлетворять.

Следуя новым веяниям в европейской науке середины века (возникновение социологии благодаря трудам О. Конта, Г. Спенсера и др.), Иеринг стремится рассматривать право не изолированно, а в контексте социальной жизни. Научные интересы Иеринга совпали с настоятельной общественной потребностью. Образование германской империи в результате объединения страны, осуществленного канцлером Бисмарком, создало условия для бурного развития промышленности, укрепления экономических позиций капитала. Возрастала роль банков, трестов, синдикатов, картелей, прибирающих к рукам основные отрасли экономики. На арену общественной жизни все больше выдвигается экономический интерес буржуа, который требует своего удовлетворения, а вместе с тем теоретического обоснования и защиты со стороны государства и права. В учениях о государстве и праве начинают доминировать идеи силы, борьбы.

Взгляды Иеринга формируются в то время, когда все более широкое распространение получает государственное вмешательство в сферу частной деятельности. Необходимо было юридически обосновать это вмешательство, придать ему легальную форму.

Обстоятельства требовали не только создания единой национальной системы права, но и модернизации во многом архаичных принципов и норм, на которых строилось право немецких государств до объединения. Без существенного обновления арсенала юридической науки не могли быть решены проблемы, поставленные самой жизнью.

Иерингу удалось внести заметный вклад в объективно наметившиеся процессы благодаря созданию системы взглядов, которую он назвал «реалистической теорией права». Она изложена в его основных трудах: «Дух римского права на различных ступенях его развития» (1852 – 1865), «Борьба за право» (1872), «Цель в праве» (1877 – 1883).

Иеринг исходит из философии позитивизма. Он полагает, что в природе действует закон причинности, закон механического свойства, в обществе же действует целевой закон, закон психологического свойства, который гласит: «нет деяния без цели».

Стремление, желание, по Иерингу, есть внутренний процесс образования воли, не подчиненный закону причинности. Основанием этого процесса служит не причина, а цель. Его трактовка позволяет сделать вывод, что Иеринг стоит на субъективистских позициях. Считая внутренней стадией проявления воли, способность к размышлению, он пишет, что причина размышления, а также возможность первого побуждения к деянию обусловлены индивидуальностью субъекта и в индивидуальности субъекта заключено главное основание побуждения к действию.

Закон причинности, действующий в природе, по Иерингу, не имеет никакой власти над волей. По отношению к природе воля свободна, не подчинена ее законам, она (воля) определяется лишь своим целевым законом и обозначается как способность к собственной причинности, существующей независимо от явлений внешнего мира. Воля, по Иерингу, «должна быть признана поистине творческой, т. е. из самой себя зиждущей силой в мире – такова она в Боге, такова по подобию его в человеке».

В этих рассуждениях Иеринга очевидны два слабых пункта. Во-первых, причины целеполагания находятся не в самом субъекте, а в объективном мире. Человеку только кажется, что цели его от мира независимы. Во-вторых, он возводит стену между природой и обществом и отри-

цает, что в обществе, как в природе, независимо от воли и сознания людей действуют определенные закономерности.

Истолковав происхождение воли и цели с субъективистских позиций, Иеринг переходит к выяснению факторов, обуславливающих человеческую деятельность.

Сохранение и поддержание человеческого рода Иеринг считает необходимыми условиями для достижения цели природы. Она вербует человека для осуществления целей, затронув в нем его собственный интерес. Этот интерес, по плану природы, заключается для человека в получении наслаждения и устранении страдания. Посредством наслаждения и страдания природа вынуждает людей идти по надлежащему пути, ими связывает она человеческие интересы с собственными целями. Здесь у Иеринга обнаруживается телеология, учение о цели, которое приводит его «к сознательно мыслящей и сознательно действующей природе».

С помощью телеологии Иеринг стремится объяснить и целый ряд социальных явлений. Он пишет, что нельзя себе представить существование человека, как бы оно ни было бедно, бессодержательно, ничтожно, которое не было бы до известной степени полезно, нужно для существования другого. Никто не существует только ради самого себя, никто не может обойтись в жизни самим собою, всякий живет сознательно или бессознательно с помощью и вместе с тем для других. Признаки существования людей друг для друга Иеринг отыскивает во многих сферах их отношений. По его мнению, примерами являются «слуги и господ, мастер и подмастерья, работники и хозяин, община и ее члены, государство и граждане, общество и индивид». Так происходит подмена социальных отношений телеологическими.

Цели человеческого существования Иеринг подразделяет на две группы: индивидуальные и общественные. При первых личность имеет в виду исключительно себя. Это эгоистические цели, направленные на поддержание собственной жизни. Деятельность индивида для достижения целей второго рода именуется Иерингом социальной. Она имеет место, во-первых, в результате осознания субъектом этического назначения бытия, т. е. понимания того, что бытие существует не только для субъекта, но и для служения обществу; во-вторых, в результате сознательного самоотречения индивида на благо общества.

Признавая основным мотивом человеческой деятельности эгоизм, Иеринг считал, что, достигая эгоистических целей, индивид одновременно результатами своей деятельности способствует удовлетворению неко-

торых потребностей других членов общества и тем самым содействует достижению общественных целей, направленных на поддержание жизни других индивидов.

Таким образом, социальная деятельность обеспечивается двумя факторами (Иеринг их называет двигателями социальной деятельности) — эгоизмом и самоотречением.

Но цели общества для индивидов, действующих в своих интересах, имеют второстепенное значение, а потому деятельность каждого человека исключительно ради собственного интереса могла привести и приводила к нежелательным для общества последствиям. Иеринг пытался указать способ преодоления такого противоречия. Этим объясняется его призыв к самоограничению эгоизма, самоотречению индивидов и к этическому осознанию бытия. Все это, по его мнению, может содействовать достижению целей общества и каждого отдельного индивида. Но такой призыв не может служить надежным средством достижения обозначаемых Иерингом целей. Этому препятствует разобщенность интересов, ведущая к борьбе между индивидами.

Для приведения действий эгоистического индивида в соответствие с целями общества Иеринг предлагает два старых средства: вознаграждение и принуждение (наказание). Вознаграждение осуществляется в сфере гражданского оборота, наказание государством.

В основе вознаграждения лежит возмездность услуг, оказываемых друг другу участниками гражданского оборота. Возмездное вознаграждение составляет сущность гражданского оборота, функционирующего в двух основных формах: мены, основывающейся на различии интересов, и товариществ, строящихся на совпадении интересов. Обе формы возмездны: в первой – за услугу предоставляется эквивалент, во второй – сотрудничество вознаграждается обеспечением интересов участников товарищества. Оборот функционирует сам по себе, свободная конкуренция является общественным регулятором эгоизма.

После исследования отношений и фактов, вызывающих социальную деятельность индивидов, Иеринг переходит к анализу происхождения, функций и социального назначения государства и права. Он полагал, что государство и право должны обеспечить спокойное существование общества.

Учение Иеринга о праве тесно связано с понятием интересов и их обеспечением посредством силы.

Интересы суть жизненные потребности в широком смысле. Интерес есть основной мотив целесообразной деятельности человека.

Поведение человека соотнобразуется с его интересами, оценка которых происходит с позиций основной цели человека – поддержания и сохранения жизни.

Формирование права Иеринг представляет следующим образом. С того момента, когда природа перестала доставлять без всяких усилий со стороны человека достаточное количество средств для поддержания его существования, возникла первая причина для приобретения имущества с целью обеспечения собственной жизни. А без права «нет обеспечения ни для жизни, ни для имущества». Гарантом права первоначально выступает сила отдельного индивида, посредством которой он в случае столкновения с себе подобным решал борьбу в свою пользу благодаря физическому превосходству. И только на высших ступенях человеческого развития право, утверждал Иеринг, есть правильно понятая политика власти, своего рода опыт, который учит адекватному применению силы и власти. И в этом случае право охраняется посредством силы, превосходящей силу каждого отдельного индивида, а именно государственной властью.

Признавая наличие в обществе классов, Иеринг считал извращением истины понимание права как средства обеспечения и защиты интересов экономически господствующего класса. «Право, – писал он, – имеет целью условия существования всего общества».

При этом Иеринг вовсе не отрицает, что гражданское общество всегда характеризуется отношением господства разных слоев и классов, из которых оно состоит. В гражданском обществе могущественнейшее сословие выразит свое превосходство в юридических учреждениях точно так же, как делает народ-победитель над народом побежденным, включая его в состав своего государства.

Но, по мнению Иеринга, неравное право служит в таком случае условием совместного существования сильнейшего и слабейшего. Последний заинтересован в его сохранении. Право, которое ему предписывает сильнейший, как бы сурово оно ни было, является для слабейшего благодеянием в сравнении с тем положением, которое он мог бы получить, если бы не было и такого права.

Право осуществляет необходимое принуждение и обеспечивает выполнение обязательств в гражданском обороте. Оно позволяет, по Иерингу, ввести в осуществление эгоистических целей индивидов известный порядок, дать расчетливому эгоизму гарантию практического успеха и одновременно защитить интересы общества. На место необузданного эгоизма

право ставит усовершенствованный, дисциплинированный эгоизм индивида, способного даже к жертве.

В произведениях Иеринга содержится несколько определений права. В соответствии с одним из них право есть «совокупность действующих в государстве принудительных норм». Иеринг подчеркивает, что это определение содержит два момента: норму и осуществление ее посредством принуждения.

Появление нормы, утверждает Иеринг, обусловлено тем, что она, заменяя индивидуальные веления, приносит эгоизму значительные выгоды, заключающиеся в экономии силы, облегчении труда при осуществлении индивидом своих целей. Выгоды эти столь очевидны, что они побуждают государственную власть заменить менее совершенную форму индивидуального веления абстрактной нормой и тем самым заставить эгоизм «вступить на путь права».

В других местах Иеринг пишет, что право есть система общественных целей и совокупность жизненных условий общества, обеспечиваемых внешним принуждением, т.е. государственной властью, или что право есть юридически защищенный интерес. При защите чьего-либо интереса решается вопрос: противоречит ли он целям общества или нет. Общий интерес всегда одерживал верх над частным. За общий интерес вступятся все, за частный – лишь один индивид. Поэтому основной идеей права и стоящего за ним государства является обеспечение общих всем интересов. Примечательны в связи с этим следующие слова Иеринга: «Смотреть на экспроприацию, как на захват собственности, как на ненормальность, противоречащую идее ее, – значит совершенно не понимать значения экспроприации». Иеринг считает излишним применение принуждения там, где собственный интерес отдельных лиц фактически обеспечивает и общественные цели. Если же этого нет, то призвано вмешаться государство.

Жизненные условия индивида (в их круг Иеринг включает не только материальные условия физического существования человека, но и другие блага, придающие жизни, по мнению субъекта, настоящую ценность), отождествленные Иерингом с интересами, являются целью борьбы людей. Эти интересы, обеспечиваемые и гарантированные государственной властью, и есть, по Иерингу, субъективные права или, иначе, юридически защищенные интересы.

Два элемента, пишет Иеринг, образуют понятие права:

1) субстанциональный, в котором заключается практическая цель права, а именно: польза, благо, ценность, которые должны быть защищены

правом; и 2) формальный, который относится к цели как средство. Первый момент есть «зерно» права, фактическое состояние пользования, которое в любое время может прекратиться. Второй момент – защищающая право «кора», «скорлупа», которая состояние пользования оберегает от случайностей. Оно перестает быть случайностью, потому что закон берет его под защиту. Тогда это пользование становится правом.

Средством обеспечения права является государство. Именно оно осуществляет организованное принуждение, без которого существование права невозможно.

Цели государства и права совпадают. Классовый подход к этим явлениям Иеринг отвергает. «Основной идеей государства, – пишет он, — представляется обеспечение общих всем интересов против угрожающего им частного интереса».

Важнейшее свойство государства – способность применять принуждение. Иеринг – сторонник сильной государственности, устанавливающей в обществе порядок и единство. Он приветствовал жесткую систему власти, складывавшуюся в Германии, и одобрял территориальную экспансию, видя в ней признак здоровья нации. В то же время он полагал, что государство должно самоограничиваться правом, что принудительные меры должны носить законный характер и не представлять угрозы для субъективных прав или юридически защищенных интересов.

Однако, придавая большое значение самообузданию власти правом и борьбе за утверждение субъективных прав граждан, Иеринг не абсолютизирует эти явления, не приносит им в жертву стабильность и дееспособность государства. Так, он не делает фетиша из воли большинства и полагает, что государство должно препятствовать враждебному ему временному и нестойкому большинству. При этом выдвигаются два аргумента: 1) если бы государственная власть была подвержена резкому влиянию этого большинства, то она была бы обречена «на постоянное колебание и шатание», следовательно, не была бы стабильной и крепкой, а это плохо для общества; 2) любое государственное состояние, любая форма государства и тем более крепкая государственная власть лучше безгосударственного состояния, которое приводит к потере права, а возврат к нему является легким путем.

Но благодаря Богу, пишет Иеринг, дело поставлено иначе. Прочность государственной власти зиждется на том, что противостоящее ей численное большинство подавляется двумя факторами. «Факторы эти —

организация средств власти и нравственный момент государственной власти».

Для устранения противоречий между временным большинством и государством он считал достаточным постоянное усовершенствование механизма власти с тем, чтобы она успешно противостояла угрожающим ей силам. При этом он не выявлял ни тех социальных слоев, которые скрывались за термином «народ» и «большинство населения», ни тех причин, которые вызывали их «минутные» выступления против государственной власти, вторым фактором, обеспечивающим прочность государства, Иеринг считал нравственные моменты, т. е. сознание необходимости государственного порядка, уважение к праву и закону.

Учение Иеринга в целом отражало потребности развития германской буржуазии и вполне соответствовало ее стремлениям создать сильное национальное государство, обеспечивающее условия для успешной экономической деятельности.

В теоретическом плане «реалистическая теория права» представляет собой существенный шаг вперед. Ее оригинальность – в выходе за рамки догматической юриспруденции, в обращении к таким явлениям реальной жизни, как цели и интересы. Эти методологические новшества Иеринга прокладывали путь к социологической юриспруденции, возникшей и получившей значительное распространение в начале XX в.

12.3. Юридические и политические идеи классиков социологии.

Солидаризм. Е. Эрлих, Р. Паунд, Л. Дюги, М. Вебер

На рубеже XIX – XX вв. на смену формально-догматической юриспруденции приходит социологическая школа права – широкое направление в юридической науке, включающее в себя самые разнообразные теории. Но их роднит позитивистская методология и использование социологического подхода в исследовании права.

Характерной особенностью социологической школы права было и остается стремление изучать право как прикладной, функциональный институт, тесно связанный с другими социальными явлениями (экономикой, политикой, межнациональными отношениями и т. д.).

В Европе социологический позитивизм нашел свое наиболее яркое воплощение в так называемой школе свободного права. Ее представителями в Германии и Австро-Венгрии были Е. Эрлих и Г. Канторович, во Франции – Ф. Жени.

Евгений Эрлих (1862 – 1922) родился в городе Черновцы в семье адвоката. После окончания Венского университета (1886) он некоторое время занимался адвокатской практикой, а с 1900 г. начал преподавать в университете Франца-Иосифа в Северной Буковине (с 1901 г. – декан юридического факультета, с 1906 г. – ректор). Несмотря на то что Эрлих в основном жил в Австро-Венгрии, почти все его работы были изданы в Германии, в связи с чем он признается представителем и немецкой правовой науки.

Наиболее полно теоретические взгляды Эрлиха изложены в работе «Основы социологии права» (1913).

Главную задачу своей социолого-правовой теории Эрлих видит в том, чтобы на основании эмпирических исследований показать непосредственную связь права с обществом, доказать, что помимо законодательства существует подлинное, «живое» право, коренящееся в самих общественных отношениях. С этой целью он выделяет право союзов, право юристов (адвокатов, судей, ученых) и право государства (законодательство). Если право союзов состоит из организационных норм (устанавливают права и обязанности индивидов), то право юристов состоит из «норм решений», регулирующих рассмотрение споров. «Нормы решений» по своей природе вторичны, они призваны защищать более фундаментальные организационные нормы, направлены на их реализацию.

Центральным, основополагающим правовым ядром выступает, (по Эрлиху) – право союзов, которое формируется внутри общественных союзов (семья, род, церковь, политические партии, хозяйственные объединения и т. п.). Праву союзов Эрлих отводит ведущую роль, поскольку оно возникает спонтанно, снизу, из гущи народной жизни, по инициативе самого населения. Тот социальный порядок, который фактически устанавливается внутри союзов, в дальнейшем постепенно трансформируется в право. Для Эрлиха право представляет собой формализованный социальный порядок, и в этом смысле он понимает под правом не систему норм или систему законодательства (как у сторонников юридического позитивизма), а организацию, совокупность социальных связей, определенным образом структурированных. Право есть некое качественное состояние общества, формализованное проявление общего потока человеческой жизни. Иначе говоря, применительно к праву союзов Эрлих отождествляет право и социальные отношения, право и правопорядок.

Право юристов, по Эрлиху, возникает как практика по защите социального порядка, по созданию и обобщению «норм решений». Несмотря на

то, что право юристов состоит из вторичных, непосредственно с жизнью не связанных «норм решений», оно все же довольно чутко улавливает общественные настроения и потребности. Поэтому Эрлих весьма высоко оценивает право юристов. Важнейшую его задачу он видит в том, чтобы быть связующим звеном между общественным правом и правом государства.

К праву государства Эрлих настроен критично. Законы, по его мнению, – это самый верхний слой социального порядка, они зачастую не отражают реальной жизни. Государство, по Эрлиху, есть один из общественных союзов, оно является необходимым фактором организации социального порядка. Но в отличие от других общественных союзов государство возникает как институт, строящийся на силе, предназначенный для ведения войны и не имеющий никакого отношения к праву. Первоначально нормотворчество государства сводилось к изданию военных приказов, и лишь по мере роста государственного аппарата (в том числе судов) приказы стали приобретать свойства права, распространяющегося только на органы государства и должностных лиц. Такая историческая особенность возникновения права государства должна, по Эрлиху, доказывать его строго ограниченную применимость. Эрлих пытается также опровергнуть тезис нормативистов о том, что воля государства является источником всего права: поскольку государственная воля едина, она не в состоянии отразить в законодательстве многообразие общественных явлений, законы всегда будут оставаться только частью плюралистического по своей природе права.

Проведя различие между правом союзов, правом юристов и правом государства, Эрлих делает важный для него вывод о том, что в системе взаимодействия всех трех видов права основной регулятор общественных отношений – «живое право». Под «живым правом» он понимает совокупность таких норм, которые отвечают насущным потребностям людей и складываются независимо от государства. «Живое право» выступает своеобразным стержнем, формирующим общественные союзы и таким путем устанавливающим стабильность и порядок в обществе.

Главную трудность, встающую на пути установления полного господства «живого права» в обществе, Эрлих усматривает в наличии значительных противоречий между правом союзов и правом государства, а в конечном счете – между обществом и государством. Он отмечает, что исторически государство, монополизировав власть и подчиняя себе общественные союзы, заставляет их согласовывать свои интересы с интересами всего общества. Исходящее от государства насилие, первоначально неизбежное и оправданное, в дальнейшем приводит к разрушительному конфликту

права союзов и законов, вносит дестабилизацию в общество. Такое положение дел Эрлих оптимистично считает переходным этапом к состоянию всеобщей социальной гармонии, когда интересы общественных союзов будут сбалансированными, а государство станет общественным, утратит монополию на власть.

В этом случае право союзов вытеснит право государства. В качестве первоочередной задачи в деле преодоления диктата законов Эрлих предлагает отделить судопроизводство от государства с тем, чтобы дать возможность юристам (судьям, адвокатам) более эффективно участвовать в реализации «живого права». Попытки государства усилить свое влияние на общество посредством законов (для эпохи империализма это типичная практика) Эрлих расценивает как регресс в праве, а следовательно, и в общественном развитии.

Эрлих стремится доказать, что нормы «живого права» качественно не отличаются от других социальных норм. Нормам права, подчеркивает он, как и нормам трудовой деятельности, этики, этикета, моды, не свойственна принудительность, они реализуются в силу привычки, в силу устоявшихся стереотипов поведения. Важнейшим фактором соблюдения правовых и других социальных норм является зависимость личности от мнения общественного союза, к которому она принадлежит. Страх индивида потерять признание внутри общественного союза, угроза быть изгнанным из него воздействуют эффективнее, чем государственные санкции.

Непосредственным источником «живого права», по Эрлиху, является правовой факт, т. е. такой факт жизни, с которым сознание человека связывает возникновение юридических (а в контексте его теории – социальных) отношений. Он различает четыре типа правовых фактов: 1) обычай (ведет к установлению внутреннего порядка общественных союзов); 2) господство (формирует отношения между работодателем и работником, приводит к принятию трудового законодательства); 3) владение (устанавливает порядок в области имущества, выражается в праве собственности); 4) волеизъявление (переходит в правовые сделки). Очевидно, что введением понятия «правовой факт» Эрлих пытается подчеркнуть сознательно-волевой и психологический аспект права, еще раз подвести к мысли о независимости организационных норм от государства.

Значительное внимание Эрлих уделяет способам нахождения норм «живого права». Основную роль в этом деле он отводит не законодателю, а судье в процессе рассмотрения им конкретного юридического случая. В принципе, не отказываясь от использования формально-юридических кон-

струкций и уважительно относясь к закону, Эрлих тем не менее стремится значительно ослабить влияние юридического позитивизма на судебный процесс. Он полагает, что формально-логическая обработка юридических понятий есть лишь оторванная от жизни умозрительная спекуляция, сама по себе неспособная привести к верному решению. Особенно резко критикует он юридико-догматический метод аналогии, который, по его мнению, способен отыскать только «мертвую норму закона», оставив участников процесса без удовлетворения их интересов. Поэтому Эрлих предлагает пересмотреть многие положения юридической догматики, отказаться от понимания «общих принципов права» как вечных и неизменных схем и взглянуть на них сквозь призму материальных и политических запросов общества.

Отсюда вытекает один из главных тезисов Эрлиха: судья, чтобы принять правильное решение по делу, должен найти норму «живого права» и применить ее. В данном случае судья фактически легализует нормы «живого права». Вместе с тем Эрлих подчеркивает, что «свободный» поиск судьей «живого права» жестко ограничен организационными нормами (судья не может создавать нормы, которых еще нет в самой жизни) и общественными потребностями. Судья, оставаясь связанным социальным порядком, лишь юридически подтверждает требующие своего удовлетворения интересы. Гарантиями правильного нахождения «живого права» выступают, по Эрлиху, отлаженный механизм судопроизводства и личность судьи, который должен понимать суть общественных явлений и социально-историческую обусловленность права.

Возникшая в Европе социологическая юриспруденция нашла многочисленных последователей в США, где прецедентная правовая система и широкое распространение прикладной социологии создавали для нее благоприятные условия. Признанным главою социологической школы права в США был Роско Паунд (1870 – 1964), создавший большое количество трудов по теории права, цивилистике и криминалистике. Началом его научной деятельности можно считать 1906 г., когда он сделал свой знаменитый доклад «Причины неудовлетворенности общества отправлением правосудия» перед американской ассоциацией адвокатов. Паунд преподавал в крупнейших университетах США, был деканом Гарвардской школы права, занимал должность президента Международной академии сравнительного правоведения. Его основной теоретический труд – пятитомная «Юриспруденция».

Методологической базой правовых воззрений Паунда (как и многих других американских юристов) стала субъективно-идеалистическая философия прагматизма, возникшая в США в конце XIX в. и оказавшая огромное влияние на всю духовную жизнь страны в первой половине XX столетия. Главная идея прагматизма заключается в том, что научная истина сводится к индивидуальному опыту и проверяется только практической полезностью. Следуя данной философии, Паунд полагает, что право во всех его проявлениях – это всего лишь наш субъективный опыт, из которого невозможно вывести общие законы. Подлинная цель и задача права, отмечает он, непознаваемы, а различные ценностные суждения, включенные в нормативные акты, изначально противоречивы. Единственным объективным критерием оценки права Паунд считает его полезность, практическую значимость. Право познается только в той степени, в какой открываются результаты его воздействия на общество. Поэтому основное внимание Паунд уделяет прикладной, функциональной стороне права, он предпочитает изучать реальный правопорядок, судебный и административный процесс, где эмпирическое, «инструментальное» проявление права особенно заметно. К праву, отмечает он, надо подходить с позиции той цели, которую оно способно достичь.

По глубокому убеждению Паунда, право необходимо приблизить к общественной практике, следует преодолеть его самодовлеющий формализм и повернуться лицом к интересам индивидов – подлинной основе юридических отношений. Теория права должна вобрать в себя элементы социологии, философии, психологии, политологии и других наук, ей необходимо стать действительно инструментальной дисциплиной. В этом смысле Паунда можно назвать прагматиком-инструменталистом.

Согласно Паунду, важнейшей задачей теории права является создание «социальной инженерии», т. е. системы средств, с помощью которых устанавливаются социальный контроль и баланс интересов. Он полагает, что в людях существуют два взаимоисключающих инстинкта – агрессивный и социальный, борьба которых и составляет содержание общественной жизни. Чтобы эта борьба не уничтожила цивилизацию, необходим социальный контроль над инстинктами. Если раньше (античность, Средневековье, Новое время) социальный контроль осуществлялся в основном благодаря религии и морали, то в XX в. данную функцию реализует прежде всего право. В современных обществах, поясняет Паунд, интересы отдельных индивидов достигли высокой степени дифференцированности, социальная жизнь крайне усложнилась, возросло количество дестабилизирую-

щих факторов. В этих условиях только право с его разработанным понятийным инструментарием и подчиненным ему мощным организационным аппаратом способно уравновесить человеческие интересы и на этой основе стабилизировать и гармонизировать общество. Право – высшая форма социального контроля, особенностью которой является принудительность, систематическое применение силы. Поскольку в праве более чем в религии и морали, присутствует волевое, активное начало, оно обладает лучшими адаптивными способностями, может в высшей степени органично совмещать в себе стабильность и динамизм, быть одновременно основой социального порядка и средством его изменения. Право в качестве формы социального контроля должно защищать, как полагает Паунд, «основные ценности и вечные начала цивилизации», под которыми он понимает принципы, нормы и институты либерального правопорядка. В этой связи он ставит перед правом задачу классифицировать интересы в зависимости от их социальной ценности и определять пределы их удовлетворения. Так, Паунд выделяет интересы публичные (государства), индивидуальные (права и свободы человека, семейные отношения) и общественные (поддержание режима безопасности общества и его институтов, защита общественных ресурсов от расточительства, охрана жизни и прогресса).

Отталкиваясь от идеи социального контроля и конкретизируя свое понимание права, Паунд выделяет три его значения. Во-первых, право – это совокупность правовых предписаний, которые применяются судебными и административными органами в данном политически организованном обществе. Во-вторых, право – это правопорядок, режим упорядоченной человеческой деятельности, поддерживаемый систематическим применением силы политически организованного общества. В-третьих, право – это судебный и административный процесс. Последние два значения права наиболее предпочтительны для Паунда, именно эти его проявления, как он полагает, составляют суть социального контроля. Реально функционирующий правопорядок, судебный и административный процесс представляют собой подлинные средства «социальной инженерии».

Как и другие представители социологической школы, Паунд считает необходимым разграничивать «право в книгах» (законодательство) и «право в действии» (правапорядок, судебный и административный процесс). В пользу такого разделения он приводит ряд аргументов. Так, всегда существует различие: 1) между текстом закона и его применением; 2) между нормой права и фактическим поведением людей; 3) между целью закона и фактическими последствиями его применения. Кроме того, нормы закона

имеют тенденцию к абсолютизации общих положений, не учитывают особенности конкретного дела, отстают от постоянно меняющихся общественных потребностей и правоотношений,

они зачастую либо противоречат интересам и морали больших социальных групп, либо нейтральны по отношению к ним. В любом случае законодательство не реализуется или далеко не полностью реализуется в жизни, т. е. не в состоянии быть действенной формой социального контроля.

Отсюда становится понятной ориентация Паунда не на нормы права, а на их реализацию, на правоприменительную практику, где право в полной мере обнаруживает свою эффективность. Однако он критикует традиционный для стран Запада судебный и административный процесс за его неспособность быстро реагировать на изменяющиеся социальные условия. Поэтому вместо «механической юриспруденции» предлагается ввести так называемую «юстицию без права», т. е. судопроизводство, не привязанное жестко к законодательству. Чтобы в той или иной мере остаться на почве законности, Паунд делит отрасли права на две группы. К первой он относит отрасли (гражданское, коммерческое право), нормами которых следует руководствоваться строго и, безусловно, во вторую группу входят главным образом уголовное и административное право, нормы которых должны иметь относительное значение для судей. Свою позицию Паунд объясняет тем, что поведение людей в сфере частноправовых отношений проще подвести под общие правила (благодаря преобладанию диспозитивных норм), тогда как область уголовных и административных правоотношений, где господствуют императивные нормы, плохо приспособлена для юридической квалификации разнообразных и очень индивидуальных человеческих поступков.

Поскольку право (как совокупность норм), согласно Паунду, не в состоянии отразить всю полноту общественной жизни, необходимо расширить полномочия правоприменительных органов. Активную роль в этом процессе должно сыграть правосознание судей и других должностных лиц. Очевидно, что правосознание, ставшее одним из главных критериев правоприменительной деятельности, существенно раздвигает границы законности. Паунд подчеркивает, что судебный и административный процесс это искусство, где преобладают интуиция и опыт. При рассмотрении дела судья должен идти не от абстрактной нормы к конкретному случаю, а, напротив, жизненные обстоятельства должны указывать ему на необходимую норму. Норма права отыскивается в первую очередь с позиций целесообразности, законность остается на втором плане. Только такой гибкий и

чуткий к потребностям жизни судебный процесс, подводит итог Паунд, способен быть эффективным средством социального контроля.

Теория солидаризма. Л. Дюги.

Леон Дюги (1859—1928) родился в Либурне близ города Бордо в семье юриста. Большая часть его университетской и преподавательской карьеры связана с юридическим факультетом в Бордо, одном из крупнейших университетских центров Франции. Здесь он работал в течение 42 лет, с 1886 г. до конца своей жизни. В 1919 г. Дюги стал деканом юридического факультета (согласно французским традициям на этот пост выбирается самый выдающийся член педагогического коллектива).

Из литературного наследия Дюги нужно выделить его первый капитальный труд «Государство, объективное право и позитивный закон» (1901), а также «Курс конституционного права», первое издание которого, вышедшее в 1911 г., состояло из двух томов, второе (1921 – 1926) – из пяти.

Дюги порывает с юридическим позитивизмом и ставит цель внедрить в юриспруденцию «истинную» науку, т. е. позитивистскую социологию. Познание имеет своим объектом только внешние проявления фактов и отношений, т. е. «явления», так как только они доступны опыту и доказыванию. Все, что находится за пределами опыта и явлений, есть предмет религии и метафизики, но отнюдь не позитивной науки.

Центральной категорией учения Дюги стала идея социальной солидарности – «основополагающий факт всякого человеческого общества», заключающийся в том, что люди не жили и не могут жить изолированно друг от друга, в так называемом «естественном состоянии». Человек может жить только в обществе, т. е. в тесной связи с себе подобными. Этот факт общности отражается в сознании и формирует особое чувство солидарности. Следуя за французским социологом Э. Дюркгеймом, Дюги говорит о двух видах солидарности. Первый вид – «солидарность по сходству» вызван совпадением интересов людей. Второй вид – солидарность, вытекающая из разделения труда. В несовершенной форме она существовала в древности, а в современных обществах становится основным видом солидарности, ибо они отличаются высоким уровнем разделения труда. Солидарность, происходящая из разделения труда, есть прежде всего «солидарность экономическая».

Социальная солидарность в ее двух формах, продолжает Дюги, есть факт естественный. И поскольку индивиды, составляющие общество, есть существа сознательные, факт социальной солидарности порождает опре-

деленную норму поведения. Это и есть «социальная норма», требующая укрепления единства людей и составляющая базис всего «объективного права».

Социальная норма складывалась постепенно. Первый вариант социальной нормы требует от любого индивида уважать всякий волевой индивидуальный акт, продиктованный интересами социальной солидарности, не препятствовать его реализации и по мере возможности сотрудничать в его реализации. Такое понимание социальной нормы характерно для всех без исключения обществ, даже самых примитивных. Оно является следствием самосознания индивида как социального существа.

В дальнейшем социальная норма вследствие разделения труда приобретает более развитую форму. От индивида она требует теперь не только уважать всякое действие, отвечающее запросам солидарности, но и воздерживаться от любого действия, цель которого противоречит солидарности. Его эволюция как существа индивидуального и социального ведет к осознанию обязанности совершать активные действия, нацеленные на увеличение солидарности. Социальная норма получает следующую формулу: «Не делать ничего, что уменьшает солидарность по сходству и солидарность через разделение труда; делать все возможное, чтобы увеличить социальную солидарность по сходству и солидарность через разделение труда; делать все возможное, чтобы увеличить социальную солидарность в обеих ее формах». «Социальная норма, – пишет Дюги, – в своей совокупности охватывает экономические нормы, нормы моральные и нормы юридические, которые являются самой высокой частью социальной нормы».

Социальная экономическая норма регулирует действия, относящиеся к производству, обмену и потреблению богатств. Это правила экономической жизни. Она представляет первую ступень социальной нормы. Ее нарушение приводит к негативным последствиям (перепроизводство, повышение цен, промышленные кризисы и др.).

Моральная норма, как вторая ступень социальной нормы, также вытекает из социальных фактов, но регулирует внешнее поведение людей в обществе в соответствии с требованиями нравов. Она, как и экономическая норма, обязательна, и ее нарушение служит поводом к определенной социальной реакции, заставляющей нарушителя уважать требования морали. По Дюги, однако, в отличие от традиционных этических доктрин эта норма не содержит в себе никакого морального критерия добра и зла в связи с каким-нибудь верховным принципом, сформулированным априори. Она не содержит абсолютного предписания. Это норма нравов, указывающая ин-

дивиду, как себя вести и как действовать в определенной социальной среде. Это норма обыденной жизни, этикет, норма практического поведения, затрагивающая манеру одеваться, быт, светские отношения и связи, религиозные обряды.

Юридическая норма является самой высокой ступенью, верхним «пластом» социальной нормы. В отличие от других социальных норм она не имеет собственного содержания. Если экономические и моральные нормы можно определить по их содержанию, по предмету регулирования, то юридическую норму таким образом определить невозможно. Она является по своему содержанию или экономической, или моральной, но не всякая моральная или экономическая норма является юридической.

Юридической норме сопутствует более сильная социальная реакция в случаях ее нарушения, чем экономическим и моральным нормам в их чистом виде. Дюги пишет: «Только один-единственный социальный момент может сделать из определенной экономической или моральной нормы норму юридическую. Этим моментом может быть только социальное принуждение». Признак юридической нормы – социальное принуждение.

Норма начинает действовать как юридическая в момент, когда масса индивидов придет к выводу, что для ее обеспечения необходимо применение силы. На определенном уровне развития цивилизации эта сила обеспечивается государством, поскольку оно является практически монопольным исполнителем функции общественного принуждения. Именно возможность принуждения, а не его фактическое применение, является обязательным элементом юридической нормы.

Дюги не согласен со сторонниками юридического позитивизма, которые указывали ему, что он отрывает право от государства, что социальная норма может превратиться в юридическую только посредством вмешательства государственной воли. Он пишет, что история знает общества, в которых отсутствовало государство. Но в этих обществах, например у эскимосов, существуют нормы поведения, составляющие «социальную дисциплину», которые обеспечиваются самой группой. Это правовые нормы, утверждает Дюги. Их санкция не вполне организована, она чаще всего спонтанна, но тем не менее она существует. Следовательно, право не связано с государством. Оно даже ему предшествует.

Дюги возражал и сторонникам естественно-правовых воззрений, которые допускали существование права вне и до государства, но при условии признания некоего высшего принципа, открывающегося человеку рациональным путем или путем откровения. Этот принцип представляет со-

бой основу негосударственного, естественного права. Такое теоретическое построение было для Дюги чисто метафизическим, т. е. недоказуемым, не подтверждаемым опытом, наблюдением. С позиций позитивистской методологии он такой подход отвергал. Негосударственное «объективное право» могло быть обосновано только социологически. Нормы поведения в догосударственных обществах, имевшие жизненное значение для поддержания солидарности и поэтому обеспеченные организованной санкцией группы, могли быть только юридическими. Существование какого-либо высшего трансцендентного морального принципа как опоры этих норм исключалось.

Чтобы сила не выглядела источником права, Дюги подыскал дополнительное основание объективного права. Им стала справедливость, точнее, чувство справедливости. Подобно представителям психологической школы он выводит право из сознания людей: «Именно состояние сознания... является в конечном счете созидательным источником права. Два существенных фактора способствуют его формированию. Два факта, которые я называю чувством социальности и чувством справедливости».

Дюги понимает справедливость не как абсолютную неизменную идею (что свойственно представителям школы естественного права и теологии), а как меняющееся в зависимости от времени и обстоятельств чувство, присущее человеческой природе и подлежащее наблюдению. Таким образом, он хотел остаться на позициях позитивизма. Справедливость он, следуя за Аристотелем, подразделяет на два вида: распределяющую и уравнивающую.

Итоговая формула превращения социальной нормы в юридическую приобрела у Дюги следующий вид: «Определенная моральная или экономическая норма становится правовой в момент возникновения единодушного или квазиединодушного чувства составляющих данную социальную группу индивидов, что социальная солидарность будет резко подорвана, если уважение этой нормы не будет гарантировано применением социальной силы. Теперь я добавляю, что для возникновения нормы права необходимо, чтобы санкция социальной нормы посредством применения коллективной силы находилась в соответствии с чувством справедливости уравнивающей и справедливости распределяющей, чтобы отсутствие санкции этой нормы противоречило чувству справедливости, так как действие, нарушающее данную норму, есть действие, посягающее на одну из этих форм справедливости. Сознание в массе индивидов определенной группы, что данная моральная или экономическая норма является существенной

для поддержания социальной солидарности, и сознание, что будет справедливо ее санкционировать, вот два существенных элемента формирования и трансформации нормы права».

Чтобы лучше понять учение Дюги о праве и полностью выяснить характеристику объективного права, нужно остановиться на связи последнего с источниками права, в которых юридический позитивизм видел реальное право. Дюги считал, что право в истинном смысле слова – это то, что рождается в обществе, вне государства. Но, как позитивист, Дюги не мог уйти от фактов: существовало множество нормативных актов, а также юридических обычаев, которые издавались или санкционировались государством и применялись судьями как право. Каково соотношение между объективным правом и положительным правом, содержащимся в этих источниках? Дюги признает существование позитивного закона, но подчиняет его объективному праву. В этой связи важное значение имеет установленное Дюги деление норм права на нормативные и конструктивные.

Это деление Дюги наметил еще в 1901 г., но развил его в полной мере только в 1921 г., во втором издании «Курса». Нормативное юридическое правило – это и есть сама норма права в собственном смысле слова. Оно предписывает каждому человеку, живущему в обществе, определенное действие или воздержание от действия. Нормативное правило есть конкретизация всеобщей социальной нормы, оно порождается социальной солидарностью и спонтанным образом вырисовывается в сознании людей. Индивид понимает, что, если он не соотносит свое поведение с этим правилом, социальная группа будет реагировать против него и могут быть установлены правила с целью обеспечения исполнения нормы. Эти последние как раз и являются конструктивными или техническими юридическими правилами.

Конструктивное юридическое правило устанавливается для обеспечения уважения и применения нормативного правила. Оно предусматривает меры, создает предписания, фиксирует компетенции, статусы, одним словом, техническая норма создает правовые средства, способные обеспечить санкцию юридической нормы. Юридическая норма (нормативное правило) не уточняет способ и интенсивность социального принуждения – это функция конструктивного правила.

В отличие от нормативных правил, которые формируются спонтанно, конструктивные создаются более или менее сознательно. Они предполагают существование государства, хотя бы и в его неразвитой, эмбриональной, форме. Они присущи обществу, в котором уже есть политическое

разделение и, как его следствие, – монополия на принуждение, которая является одним из существенных признаков государства. В неполитических обществах социальная реакция на нарушение нормы спонтанна и приобретает иногда форму линчевания или кровной мести.

Связывая конструктивное правило с существованием государства, Дюги спешит, однако, оговориться, что конструктивная норма получает свою обязательную силу не от государства, а от юридической нормы. К тому же она не всегда формируется государством, примером чего служит обычай. Как следствие этого, конструктивное правило не является обязательным, если юридическая норма, которая должна служить его опорой, не существует или в недостаточной степени проникла в сознание индивидов, т. е. сама не приобрела еще обязательной силы.

Нормативные правила («объективное право») существуют независимо от конструктивных. Именно они заставляют законодателя, действуя через сознание большинства людей, придать им форму закона и обеспечить их конструктивными нормами. Законодатель не может издавать нормы, обязательные для всех, ибо он есть не что иное, как лишь определенная группа людей, воля которых никоим образом не может обязывать волю других людей. Это было бы возможно и в случае признания, что воли некоторых индивидов опираются на некую сверхъестественную или трансцендентную силу, что отвергается позитивной наукой. Если законодатель издает закон, не покоящийся на норме права, этот закон будет на деле мертвой буквой.

Объективное право Дюги — это совокупность множества конкретных, «нормативных» правил, рождающихся в условиях взаимозависимости людей. Будучи необходимыми для поддержания жизни общества, эти нормы признаются и охраняются им. Охрана организуется конструктивными или техническими нормами, издаваемыми чаще всего государством. Конструктивные нормы суть нормы юридические, поскольку опираются на нормы объективного права. Они не являются юридическими, если за ними нет этих норм. В правовой системе преобладают технические правила, а нормативных не так много в сравнении с конструктивными.

С позиций солидаризма Дюги призывает буржуазию «стать поистине существом общественным», уплатить «социальный долг». К декларации прав нужно прибавить декларацию обязанностей. Дюги согласен с Контом, который отрицал за людьми их субъективные права и писал, что «каждый имеет долг, и притом по отношению ко всем, но никто не имеет прав в собственном смысле слова».

Права человека – метафизическое понятие, которому нет места в юридической науке и практике. В этой связи предпринимательская деятельность изображается как некая полезная для общества «социальная функция», где собственность перестает быть субъективным правом, как было в римском праве и в Кодексе Наполеона.

Для сохранения и выживания общества плодотворна не конкуренция свободных частных собственников, а их «социальная интеграция». «Собственность не является субъективным правом, – подчеркивает Дюги. – Она есть социальная функция обладателя имущества». «Индивид – не цель, а только средство», он есть не более чем колесо той огромной машины, какой является социальный организм, смысл существования которого «заключается только в выполнении известной работы в деле социального строительства».

Дюги не соглашается и с теми, кто юридизировал государство, представляя его как правопорядок, правовое государство. Власть есть социальный факт, а не право. Она становится правом лишь в меру соответствия норме солидарности. Все акты государственных органов имеют силу лишь постольку, поскольку они соответствуют этой норме.

Дюги полемизирует со сторонниками классовой трактовки государства, уверяя, что все социальные группы общества смогут принимать участие в управлении. Для этого необходимо децентрализовать власть и привлечь к ее деятельности синдикаты, представляющие рабочих и капиталистов. Новое синдикалистское государство будет надклассовым. В таком государстве он видел гарантии против злоупотреблений и коррупции, «против всемогущества правящих лиц», средство против политических катаклизмов, «насильственного революционного скачка». «Классовое господство должно кончиться. Мы отвергаем господство пролетарского класса, как и господство класса буржуазии». Со временем синдикалистское государство перестанет быть политическим институтом, роль властвующих сведется к функциям управления, надзора и контроля в едином корпоративном обществе, основанном на эффективном разделении труда. «Благодаря развитию синдикализма все остальное отойдет от государства».

Дюги негативно относился к системе парламентаризма, к «божественному праву парламентов», якобы выражающих волю народа, а на деле подменяющих его. Не все слои общества представлены в парламенте. Дюги стремится этого избежать, сочетая принципы парламентаризма и синдикализма: «Следует, чтобы власть осуществлялась в сотрудничестве с представителями всех социальных сил, существующих в стране, каковые пред-

ставители будут ограничивать друг друга самим своим существованием и своим сотрудничеством».

В конце концов государство в его традиционных формах должно исчезнуть, а его место займет корпоративное государство как «более гибкое, более гуманное, более защищающее индивида». Оно будет строиться на базе синдикатов и социальной нормы, что позволит, по мнению Дюги, гармонизировать социальные отношения, вывести общество в качественно иное состояние, отличное от прежнего, буржуазного.

В этих целях предлагался ряд преобразований в государственном строе Франции. Палата депутатов должна избираться на основе пропорционального представительства, чтобы в ней полнее были представлены все политические партии. Вторая палата парламента – Сенат – должна стать собранием синдикатов, высшим трибуналом, «составленным из представителей всех классов поровну и призванным судить о законности закона». Отношения между классами должны регулироваться договорами, конвенциями, корпоративным правом, санкционированным государством. Как и законопроекты, принимаемые Палатой депутатов, эти отношения должны полностью соответствовать социальной норме солидарности. Программа Дюги перекликается с анархо-синдикализмом, возникшим на базе учения Прудона.

Как и последний, Дюги – реформист. Он решительно отмежевывается от революционного синдикализма, ставшего весьма популярным во Франции в начале века и замешанного на учении о классовой борьбе. Учение Маркса для него «колоссальное заблуждение», «отвратительная доктрина». «Преступлением является проповедовать борьбу классов, – писал он, – и я думаю, что никоим образом мы не идем к уничтожению одного класса другим, а, напротив, к режиму координации и иерархии классов».

Капиталисты столь же необходимы обществу, как и рабочие. Всеобщая забастовка, захват фабрик и заводов пролетариями, насилие по отношению к буржуазии, к чему призывали революционные партии и профсоюзы, грозят, по Дюги, гибелью обществу. Так же, как Прудон, он враждебно относился к государственному социализму. «Если бы восторжествовала коллективистская доктрина, она бы даровала государству власть еще более могущественную, чем та, которой одарила его революция; это было бы равносильно уничтожению личности и возврату к варварству».

– Дюги не состоял ни в какой политической партии и подавал этот факт как доказательство своей объективности. О нем говорили как о человеке с независимым характером. И действительно, он не раз критиковал

политику государства в различных областях, выступал в защиту прав простых, небогатых людей. Во время процесса над Дрейфусом, отношение к которому в то время было индикатором политических убеждений партий и граждан во Франции, Дюги был на стороне Э. Золя и «дрейфусаров».

Его университетские лекции и сочинения отличались, в особенности до Первой мировой войны, полемическим задором по отношению к классическим доктринам, к существующему строю. Все это, как и его заявления, что он не принадлежит ни к какой церкви, настораживало официальные круги. Среди правых его считали ученым левых убеждений, «анархистом на кафедре». За его отрицательное отношение ко «всяким тираниям», стремление подчинить государство праву, отстаивание многих демократических принципов его называли «либералом» или «полулибералом». Представители левых сил, наоборот, видели его в правом стане, а выступления Дюги против революционных синдикатов, всеобщей стачки и права на забастовку подтверждали эти оценки.

С возрастом консервативные черты в позиции Дюги усиливались. Когда большевики взяли власть в России, а революционное движение в Европе и во Франции приняло угрожающий для буржуазии размах, «беспартийный» Дюги осудил советскую революцию, коммунистов, требуя решительной борьбы с ними. Итальянский фашизм, однако, он не осудил, хотя и не испытывал к нему расположения и смотрел на его первые шаги с настороженностью.

Идеи Дюги использовались иногда в целях, противоположных личным убеждениям их творца. Фашизм, например (главным образом итальянский), считал отдельные положения этой доктрины (солидаризм, корпоративизм) составными частями своей теории и в деформированном виде пробовал их применять на практике. Фашисты видели в них и оправдание отказа от парламентаризма.

Хотя в настоящее время интерес к доктрине Дюги не столь велик, как в период между двумя мировыми войнами, она все еще в почете в зарубежном правоведении, а отдельные ее положения воплощены в политико-правовую практику. На торжествах по случаю 100летия со дня рождения Дюги отмечалось, что ряд идей автора «Курса конституционного права» воплотился в ныне действующей французской Конституции.

Дюги указывал правящим кругам путь социального реформаторства для преодоления тех конфликтов, которые одолевали Францию в первой половине XX в.

Его идеи способствовали постепенному смягчению социальных противоречий, учету интересов народа, становлению социального государства.

Теория М. Вебера

Макс Вебер (1864 – 1920) родился в городе Эрфурте в буржуазной семье, находившейся в центре политической и культурной жизни Германии. Взгляды его складывались в последние годы эпохи Бисмарка. Они определялись, как не раз подчеркивал сам Вебер, принадлежностью к буржуазии и поддержкой бисмарковской политики силы и национального величия. Но Вебер полностью отдавал себе отчет в том, что, создавая условия для экономического процветания буржуазии, Бисмарк лишал ее политической власти и влияния. Вебер настаивал на изменении политической системы, приобщении буржуазии к власти и в то же время признавал всю сложность этой задачи, так как страна не обладала достаточным опытом парламентаризма и демократии. Пороки политической системы кайзеровской Германии стали особенно очевидны, когда в 1890 г. «железного канцлера» сменили заурядные государственные деятели. Ситуация в Германии (необходимость демократизации и отсутствие политических предпосылок для нее) сближала ее с Россией.

С 1882 по 1891 г. Вебер изучает право в университетах Гейдельберга, Геттингена и Берлина. Одновременно он овладевает разносторонними профессиональными знаниями как экономист, историк и философ.

С начала века в исследованиях Вебера все больший вес приобретают проблемы социологии, методологии социальных исследований. Он основывает теоретический журнал «Архив социальных наук и социальной политики», участвует в издании «Архива социального законодательства и статистики», организует исследовательскую работу в созданном в 1909 г. Германском социологическом обществе.

На протяжении всей жизни в Вебере сосуществовали, порой соперничали и влияли друг на друга два интереса – к науке и к реальной политике. Он был членом ряда националистических организаций (в частности, Пангерманской лиги), хотя и не разделял их крайностей, Национал-социального союза, присоединился к «катедер-социалистам», выступавшим за усиление государства и проведение социальных реформ, после создания Веймарской республики вступил в Германскую демократическую партию, которая в 1919 – 1920 гг. входила в правящую коалицию. Вебер не добивался власти и политического влияния, надеясь получить их в знак признания своих заслуг. Поскольку этого не произошло, ему при-

шлось в основном сконцентрироваться на научной деятельности. Однако иногда он откликался на предложения принять участие в решении практических задач. Так, Вебер вошел в германскую делегацию на Версальской мирной конференции и служил в комиссии по подготовке первого проекта Веймарской конституции.

В 1918 г. Вебера приглашают возглавить специально созданную для него кафедру социологии в Венском университете, в 1919 г. он принимает кафедру политической экономии в Мюнхенском университете.

Среди общесоциологических работ Вебера наиболее известны «Протестантская этика и дух капитализма» (начал печатать по тетям в 1904 г.), статья «О некоторых категориях понимающей социологии» (1913), а также опубликованные посмертно «Очерки по социологии религии» (1922 – 1923 гг.) и главное, оставшееся незаконченным теоретическое сочинение «Хозяйство и общество» (1925) преимущественно проблемам государства и политики посвящены: доклад «Национальное государство и экономическая политика» (1895), серия статей, опубликованных летом 1917 г. во «Франкфуртер цайтунг», появившихся позже в виде брошюры под названием «Парламент и правительство в реконструированной Германии», и лекция «Политика как профессия», которую Вебер прочел 1918 г. в Мюнхенском университете.

Вебер не признавал предопределенности, неизбежности в историческом развитии. Стрелы его критики направлены в первую очередь против идеи объективной закономерности Маркса, с призраком которого, по выражению немецкой исследовательницы Илзе Дронбергер, автора книги «Политическая мысль Макса Вебера», он всю жизнь спорил. Вебер – противник попыток свести все многообразие связей и взаимовлияний в истории человечества к какой-то одной основной причине. Образец такого рода монокаузальной интерпретации – марксистский исторический материализм. Версия, согласно которой экономический фактор является определяющим, представляется Веберу совершенно дискредитировавшей себя с научной точки зрения. Он стремился продемонстрировать связь экономического фактора с религиозным, политическим, географическим и культурным, не придавая ни одному из них решающего, монопольного характера. В «Протестантской этике» Вебер замечал, что он вовсе не стремился доказать, будто капитализм как хозяйственная система всецело является продуктом Реформации, но он отвергал и взгляд на Реформацию как результат экономических изменений. Монокаузальная интерпретация истории уступает место полифакторной, учитывающей все многообразие причинно-следственных связей.

Второй важный момент социально-исторической методологии Вебера – признание борьбы, господства и насилия основой общественной жизни. В его представлении определяющие черты общества – не узы и ценности, связывающие людей, а конфликты, противоречия, конкуренция. Мир – это арена борьбы между индивидами и нациями. До Первой мировой войны Вебер пользовался дарвинистскими понятиями борьбы за существование и естественного отбора. Конфликт – основа социальных отношений. Он вечен и неизбежен. Судьба человека трагична. Скрывать это, пытаться сконструировать гармоническое, справедливое общество, рассчитывать внедрить в общество дух согласия, компромисса, этические принципы наивно. Надо принимать жизнь такой, как она есть. Ее закон – борьба, насилие, власть, давление, а отнюдь не согласие и солидарность. Конфликт порождается интересами. Вебер не питает иллюзий относительно светлого будущего, но полагает, что применительно к настоящему человек способен предвидеть развитие событий и попытаться его изменить.

При анализе эмпирического материала Вебер пользуется понятием «идеальный тип». Идеальность означает в данном случае не совершенство и не нормативный характер, а схему, абстракцию, упрощение. Идеальный тип – это сочетание или набор почерпнутых из действительности элементов и свойств, характерных для изучаемых явлений, позволяющий их классифицировать и сравнивать.

Отвергнув представления об объективной закономерности, Вебер ищет в поведении человека разгадку социальных явлений и рассматривает его как исходный пункт социологического анализа. Все более сложные феномены, в том числе государство или нация, могут быть объяснены лишь исходя из индивидуального поведения и тех целей, которые ставят перед собой люди. Волевые, политические факторы представляются Веберу наиболее существенными. Воля человека не связана закономерностями движения абсолютной идеи, как у Гегеля, или способа производства, как у Маркса. Отсюда действенный и в значительной степени волюнтаристский характер методологических установок и политической платформы Вебера. Человек, по его мнению, не должен обуздывать свою волю исходя из представлений о неизбежности исторического процесса.

Взяв за основу механизм формирования мотивов поведения, Вебер выделяет четыре типа социальных действий: традиционный, аффектуальный, ценностно-рациональный и целерациональный. На ранних этапах общественного развития доминируют традиционный и эмоциональный (аффектуальный) механизм мотивации поступков, впоследствии они все в

большей степени вытесняются рациональным подходом. На протяжении веков рационализация представляет собой определяющую тенденцию развития во всех сферах общественной жизни на Западе. Такова своего рода историческая закономерность, признаваемая Вебером, главная идея его философии истории. Рационализация вытесняет магию и интуицию. Она ведет не только к позитивным, но и к некоторым негативным последствиям (о которых речь пойдет ниже), но в целом представляется Веберу путем прогресса. Капитализм и бюрократия, т. е. экономическая и политическая структура западного общества, – продукт рационализации. Будучи далекими от совершенства, они несут в себе разумные и вечные начала.

Придавая решающее значение в социологии индивидуальному поведению, Вебер не игнорирует и социальную стратификацию. Его представления о структуре общества расходятся с марксизмом. Для Вебера класс – прежде всего экономическая категория. Принадлежность к классу определяется способом экономической деятельности, связанным с собственностью. Вебер говорит о владельческом классе (рантье), коммерческом классе (предприниматель) и социальном классе, для которого характерны подвижность, обращение к разным способам обеспечения средств существования. Но класс в экономическом смысле для Вебера не единственная форма определения социального положения. Наряду с классом он говорит об общественном статусе или статусных группах. Эта особая социальная общность определяется разными факторами: стилем жизни, происхождением, политическим или духовным влиянием. Принадлежность к экономическому классу вовсе не всегда определяет статус. Наблюдается и противоположная тенденция. Вебер отмечал, что со времен древних греков на Западе, Древней Индии и Китая на Востоке общество противилось притязаниям собственности на монополию при определении социального ранга.

Комбинируя понятия экономического класса и статусной группы, Вебер выделяет в современном ему обществе четыре «социальных класса»: рабочий класс, мелкую буржуазию, интеллигенцию и класс людей, привилегированных благодаря собственности и образованию.

Основные расхождения Вебера с Марксом сводятся к тому, что принадлежность к социальному классу не определяется исключительно положением в процессе производства, что классовая структура вовсе не является основой всей общественной жизни, в том числе характера государственной власти. Вопреки Марксу Вебер утверждал, что капитализм ведет не к поляризации, а к диффузии классов. В данном случае он опи-

рался на реальные изменения, происходившие в социальной структуре Западной Европы с середины XIX до начала XX в.

Вебер – противник классовой борьбы. Он поддерживал усилия по улучшению экономического и культурного положения рабочих, но призывы к революции, попытки радикальных перемен считал глупыми и опасными. По его мнению, будущее рабочего класса связано с капитализмом. В крестьянстве, мелкой буржуазии и постоянно растущем слое административных служащих он видел надежное препятствие для осуществления пролетарской революции в Центральной Европе. Вебер иронизировал над слабостью германской социал-демократии и, конечно, не разделял марксистских представлений о мессианской роли пролетариата. С его точки зрения, речь следовало вести не о классовых, а о национальных интересах и ни один класс сам по себе не способен осуществлять руководство страной в соответствии с национальными интересами: юнкеры (помещики) превратились в капиталистических предпринимателей и лишились необходимого для политической деятельности досуга, буржуазия восхваляла государство только как орудие борьбы с рабочим классом, а пролетариат возглавляли люди с мелкобуржуазными идеалами.

Наука, по мнению Вебера, должна быть свободна от ценностей. От социологии не следует ожидать разработки универсальной шкалы ценностей, потому что различные ценности часто вступают в конфликт друг с другом. Это относится и к этическим принципам. Вебер убежденный макиавеллист. «Тому, кто стремится к спасению души, своей и других людей, не следует искать его на дорогах политики, потому что совершенно иные задачи, которые ставит перед собой политика, могут быть решены только посредством насилия, – писал он. – Гений или демон политики пребывает во внутреннем напряжении с богом любви, так же как с христианским богом, как его понимает церковь. Это напряжение способно в любой момент привести к непримиримому конфликту».

Не признавая марксистские представления о классовой обусловленности науки об обществе и ее призвании преобразовывать мир, Вебер во все не приписывал исследователям беспристрастие, отсутствие политических целей, совпадающих с интересами тех или иных социальных групп. Функция науки заключается в том, чтобы предоставить человеку объективный анализ действительности, служащий ориентиром при определении задач и способов их решения. Научное творчество самого Вебера в огромной мере определялось причастностью к политике, четко выраженными политическими интересами и симпатиями.

Политику Вебер определяет как «усилия, направленные на то, чтобы участвовать во власти или повлиять на распределение власти между государствами или между группами в рамках государства». Веберу принадлежит четкое определение власти: это «возможность для одного из субъектов общественного отношения осуществить свою волю вопреки сопротивлению других участников независимо от того, на чем эта возможность основана». Социальное отношение рассматривается как конфликт, оно предполагает навязывание воли одной стороны и сопротивление другой или других сторон. Таким образом, идея власти ассоциируется у Вебера с пересиливанием. Выделяется особая форма власти господство. Под ним понимается способность обеспечить порядок и послушание путем применения или угрозы применения физического или психического насилия. В структуре господства различаются три элемента: господствующее меньшинство, аппарат управления и подчиненные господству меньшинства массы.

Государство представляет собой форму политического господства, неотъемлемым признаком которой служит насилие. Отличительное свойство государства – монополия на применение законного насилия на определенной территории.

В типологии государства Вебер прежде всего социолог. Формально-юридические характеристики уступают место анализу специфических форм обеспечения политического господства.

Стабильность государства, рассуждает Вебер, зависит от умения власти внушить массам сознание того, что существующий строй является в данных обстоятельствах лучшим или приемлемым. Признание власти народом Вебер называет ее легитимностью. Это понятие не следует отождествлять с законностью. Речь идет именно об одобрении власти подданными. Всякая новая власть сразу сталкивается с проблемой легитимации, т. е. обеспечения поддержки народа.

Легитимность достигается властью (или приписывается ей массами) следующими четырьмя путями:

- 1) в силу традиции, веры в легитимность того, что всегда существовало;
- 2) посредством эмоционального отношения, легитимирующего новое явление или предлагаемый образец для подражания;
- 3) посредством рациональной убежденности в абсолютной ценности той или иной власти;

4) в силу того, что власть была установлена в форме, которая признается законной (добровольное соглашение заинтересованных сторон или постановление власти, которая признается легитимной).

Четыре названных пути легитимации власти положены Вебером в основу типологии государства или, точнее, анализа природы власти. Он говорит о трех типах легитимной власти: рационально-правовом, традиционном и харизматическом.

Большинство современных государств являются рационально-правовыми. В них повинуются нормам, а не лицам. Власть легитимирована системой рациональных норм, и она законна лишь в той мере, в какой она соответствует этим нормам. Здесь легитимность совпадает с законностью. Для рационального государства характерна бюрократия, профессиональный аппарат управления, структура и полномочия которого определены правовыми нормами.

Традиционный тип власти, опирающийся на веру в незыблемость древних установлений, подразделяется Вебером на патриархальный и сословный.

Греческое слово «харизма» означает благодать, божественный дар. Харизматическая власть основана на вере в необыкновенные качества вождя, действительные или мнимые. Важно, что героизм, святость, непогрешимость или образцовый характер вождя, справедливость и убедительность выдвигаемой им программы или идеала признаются его последователями. Харизма иррациональна. Харизматический лидер вызывает желание слепо повиноваться и жертвовать собой. Он способен осуществлять власть без бюрократического аппарата и принуждения. Их заменяет культ героя и вера в его откровения.

Харизма противопоказана рационализму и бюрократии современного индустриального общества. Зато ее с готовностью принимают народы, переживающие периоды крушения традиций, расшатывания ценностей. Процесс рационализации рано или поздно приведет к торжеству бюрократии, к подчинению системе. Но пока этого не произошло, харизма бросает вызов бюрократии и посредственности, становится способом осуществления эффективной политики даже в условиях демократии. Она революционна. Подлинное творчество человеческого духа проявляется в харизматических формах.

Выявив три вида государственной власти по способу обеспечения поддержки и признания народа, Вебер реалистически замечает, что все известные истории правительства основывались на смешении разных типов легитимности. Границы между этими типами условны и подвижны,

всякая власть эволюционирует и постепенно меняет свой характер. Так, Вебер говорит о процессе «рутинизации харизмы», который приводит к замене харизмы вождей харизмой институтов или должностей. Тем не менее новые инъекции харизматического элемента возможны на разных ступенях развития политической системы, и они представляют собой движущую силу исторического процесса, источник обновления.

Вебер выдвигал следующие политические цели: обеспечение национального, величия Германии (создание мощного государства, занимающего почетное место в мире), установление в стране демократии и основ парламентаризма, гарантии свободы личности и частной собственности. Эти цели неравнозначны и способны вступать в противоречие друг с другом. Известный французский социолог Р. Арон справедливо говорил о синтезе либерализма и империализма в системе ценностей Вебера и подчеркивал, как и другие исследователи Вебера, что превыше всего он ставил национальные интересы, национальное величие, все же остальное превращалось в средство для достижения этих целей. Человек, по Веберу, обязан не руководствоваться стремлением к личному счастью и благополучию, а неукоснительно выполнять свой долг перед нацией.

Заметно противоречие и между политической и научной сферами в деятельности Вебера: на практике он придерживался в основном либеральных позиций, но для его политического мировоззрения характерна склонность к консерватизму.

Вебер не скрывал своих социальных симпатий и убеждений: «Я член буржуазного класса, чувствую себя таковым и воспитан в его воззрениях и идеалах». Афишировать свою буржуазность Веберу позволяло отсутствие сектантской узости и нетерпимости. Этот буржуа стремился к сотрудничеству с социал-демократами. Но в вечности и разумности частной собственности он был убежден. Приход большевиков к власти в России и угроза революции в Германии побудили Вебера четко определить свою позицию. В докладе «О социализме» (июль 1918 г.) он отождествляет это понятие с государственно-бюрократическим капитализмом, с диктатурой бюрократии. В ноябре 1918г. Вебер характеризует большевизм как главную опасность для немецкой нации и призывает силой подавить революционные выступления рабочих в Германии.

В 1895г. в докладе «Национальное государство и экономическая политика», произнесенном во Фрайбургском университете, Вебер раскрывает социальный смысл своей политической программы: во имя обеспечения национальных интересов на мировой арене политическое руководство страной должно перейти к буржуазии. В связи с этим Вебер четко

формулирует трудности, с которыми связано решение этой проблемы в Германии: «...опасно и в длительной перспективе несовместимо с интересами нации, если экономически умирающий класс удерживает господство в своих руках. Но в еще большей степени опасно, если классы, к которым переходит экономическая власть, а вместе с ней и право на политическое руководство, оказываются политически незрелыми для управления государством. В настоящее время Германии угрожают обе тенденции, которые являются ключевыми моментами современной критической ситуации». В этих словах нашли очень четкое выражение особенности и исключительные трудности хода политических преобразований в Германии, и не только в Германии. России те же тенденции были свойственны в еще большей степени. Вся политическая программа Вебера – попытка найти выход из этих трудностей и противоречий.

Вебер симпатизировал монархическому принципу, что не мерцало ему осуждать внутреннюю и внешнюю политику кайзера. До начала революции в Германии (осень 1918 г.) для своей страны он предпочитал конституционную монархию британского образца, хотя и признавал, что в Германии это нереально из-за отсутствия согласия в обществе. Республиканцем, сторонником демократии и парламентаризма в период подготовки Веймарской конституции он стал не по убеждению, а из-за бесперспективности монархии в Германии. Одним из первых Вебер констатировал банкротство кайзеровского режима, оказавшегося неспособным обеспечить национальное величие, и проанализировал его причины. Рассматривая бюрократию наряду с капитализмом как проявление рационализации в эволюции общества, Вебер в то же время признавал все пороки бюрократической системы. Бюрократия становилась неконтролируемой, свободной от ответственности, замкнутой, и все это превращало ее в тормоз развития. Бюрократические методы господствовали и в сфере политики. Политические фигуры назначались кайзером, а не выдвигались в ходе борьбы. Это делало их инертными и зависимыми. Система исчерпала свой потенциал, деградировала. Вебер связывал это со всемогуществом и привилегиями юнкеров, класса крупных землевладельцев. Их призвана была заменить на политической арене и в государственном аппарате буржуазия. Капитализм должен был вытеснить патриархально-военные отношения и психологию. Это становилось возможным лишь в ходе демократических преобразований.

Итак, распад монархии делал демократизацию необходимой. Демократия представлялась Веберу в этих условиях единственной альтернативой авторитарному германскому государству. Только борьба партий в

парламенте способна была выделить талантливых лидеров и обеспечить режим управления позволяющий добиваться осуществления национальных целей.

Выдержки из этого доклада, как и ряд других материалов, заимствованы из книги: Ожиганов Э. Н. Политическая теория Макса Вебера. Рига, 1986.

Но признав необходимость демократии, Вебер далек от ее абсолютизации и идеализации. Демократия должна выполнить определенную миссию: встряхнуть прогнивший режим и создать почву для появления талантливых лидеров. К самостоятельной роли масс в политическом процессе Вебер относился скептически и выражал серьезные опасения относительно будущности демократии в Германии. Он предсказывал наступление реакции против Веймарской конституции. Зыбкость демократических институтов в Германии Вебер связывал с особенностями ее исторического развития, с отсутствием благоприятных условий и предпосылок: «...демократия не пришла к нам в результате успешной борьбы, как это произошло в Нидерландах, Великобритании, Америке и Франции, или, как мы надеялись, в сочетании с почетным миром; вместо этого она пришла по пятам поражения. Позорное банкротство старого режима представляет собой дополнительное бремя, сужающее перспективы политического успеха» (еще одна черта, сближающая Германию после Первой мировой войны с Россией 1917 г. и 90х гг.). Вебер полагал, что в России весной 1917 г. установилась поддельная, или бутафорская, демократия, ибо в стране произошла не подлинная революция, а смещение неспособного монарха. В условиях банкротства старого правящего класса и незрелости нового, буржуазного, исключительное значение для утверждения демократических принципов приобретало политическое воспитание народа. «У нас не может быть долга более важного, – обращался Вебер к своим ученым коллегам, – чем осознание каждым в своей сфере этой задачи: сотрудничать в деле политического воспитания нашего народа». Задача эта выдвигалась на первый план в связи с тем, что «экономическое развитие в переходные периоды грозит разрушить естественные политические инстинкты».

Учет противоречивых обстоятельств приводит Вебера к оригинальной модели политической системы – плебисцитарной республике, сочетающей некоторые принципы парламентаризма и демократии с сильной исполнительной властью.

Олицетворением этой власти становится президент, избранный непосредственно народом. При монархии Вебер настаивал на избрании гла-

вы исполнительной власти парламентом. Когда монархии не стало, его позиция изменилась. Президент должен избираться непосредственно народом. Он независим от парламента и в случае разногласий между парламентом и правительством имеет право обратиться непосредственно к народу. Влияние партий тем самым ослаблялось. Веберовские представления о президенте в какой-то мере воплотились в Веймарской конституции. Статья 41 закрепляла прямые выборы, а ст. 48 объявляла главу государства единственным гарантом конституции.

Президент призван был обеспечить и единство нации. Вебер стремился ослабить влияние прусской бюрократии в германском государстве. С этой целью он настаивал на федерализме, децентрализации, возрастании роли земель. Но сильный президент рассматривался как надежный противовес эксцессам федерализма. В период подготовки конституции Вебер говорил: «Должно быть столько унитаризма, сколько возможно в федеративном государстве».

Историческое оправдание сильной президентской власти Вебер находил и в традициях протестантства, которое, по его мнению, «полностью легитимировало государство как божественное установление, а следовательно, и насилие в качестве применяемого им средства». «Протестантство, – замечал Вебер, – в особенности легитимировало авторитарное правление».

Элементы демократии в плебисцитарной системе – избрание лидеров, наличие парламента и контроль над бюрократией. Но подлинный, последовательный парламентаризм представлялся Веберу анахронизмом. Он не говорит о роли большинства и оппозиции (за исключением признания права парламентского меньшинства проводить самостоятельные расследования, чтобы покончить с всевластием бюрократии). В парламенте власть принадлежит лидерам партий, а большинство депутатов слепо им подчиняется. Народ непосредственно избирает президента и обязан ему повиноваться, сохраняя за собой право сместить и даже осудить его в случае плохого исполнения своих полномочий.

Такая система позволяет, по Веберу, обеспечить стабильность и в политическом (сочетание представительных учреждений и сильной власти), и в социальном смысле (Вебер рассчитывал на сотрудничество в парламенте как с предпринимателями, так и с социал-демократами). С ней связывал Вебер надежды на избавление от иррационализма толпы как в левом, так и в правом варианте.

– Для Вебера характерен политико-социологический, а не узкоюридический, догматический подход к праву. Право определяется как леги-

тимный порядок, внешне гарантируемый возможностью принуждения со стороны особого штата людей, уполномоченного обеспечить соблюдение порядка путем применения силы и наложения наказаний за его нарушения. Право, по Веберу, важный элемент в системе господства, причем вовсе не обязательно господства, осуществляемого непосредственно государством. В качестве групп, обладающих возможностью принуждения, могут выступать и род, клан, секта, корпорации, всевозможные сообщества и объединения. Но в современных обществах, подчеркивал Вебер, гарантом права является государство. В этом существенное отличие взглядов Вебера от различных вправлений социологической юриспруденции, которая, по его мнению, способна вызвать деградацию рационального правового порядка. Поскольку право рассматривается как часть системы политического господства, в основе его лежат не незыблемые правовые принципы и постулаты, не категорический императив, а интересы. Органы, определяющие нормы права, руководствуются политическими целями.

Вебер не преувеличивает значение права и не считает, что вся жизнь общества подчиняется правовым нормам. По его мнению, право – важный, но не решающий мотив поведения людей, в ряде случаев оно вообще устраняется из социальных отношений. Факторы реальной власти и контроля действуют сами по себе и нередко вопреки праву. К тому же, отмечает Вебер, ряд общественных отношений не урегулирован правом, и эти пробелы объясняются в значительной мере интересами власти, сохраняющей таким путем свободу действий.

Вебер выделяет иррациональный и рациональный типы права. История права представляет собой процесс его рационализации.

В оценке права Вебер реалист и в немалой степени скептик. Его не увлекают идеалы вроде правового государства. Насилие и борьба интересов – вот что, по его мнению, определяет общественную жизнь, в том числе и в правовой сфере.

Вебер разделял основные положения теории элит. Отсюда его пессимистическая оценка перспектив демократии. Для Вебера «воля народа» – лишь фикция, участие народа в принятии решений неосуществимо. Народ в лучшем случае может лишь сделать выбор между элитами. Фактически господствующее меньшинство с аппаратом управления и подчиненные им массы составляют необходимые элементы структуры господства.

Одним из первых Вебер обратился к изучению политических партий, распознав в них важный фактор распределения власти. Партии отра-

жают интересы социальных классов и статусов и испытывают их воздействие. Вебер делил партии на патронажные и идеологические в зависимости от того, что служило основой объединения, а по структуре и способам обеспечения власти внутри партии – на формально-правовые, харизматические и традиционалистские.

Макс Вебер обогатил политическую мысль XX в. рядом важных идей, возникших в лоне социологии и политологии и фокусирующихся вокруг технологии и психологии власти. Он предвидел такие характерные явления в политической жизни, как демократизация и в то же время укрепление и активизация бюрократии. По мнению Вебера, эти тенденции предрасполагают к формированию в странах, не обладающих большими демократическими традициями, плебисцитарных президентских республик с сильными авторитарными тенденциями.

Вебера не раз упрекали в том, что его идея харизматического лидера, обращающегося непосредственно к народу, подготовила немцев к признанию власти Гитлера. В самом деле, наследие Вебера могло быть использовано в этом плане, но сам он не несет ответственности за такую интерпретацию. В послевоенной Германии он выступил с хорошо продуманной программой умеренной либерализации, предусматривающей отказ от монархии и юнкерских привилегий, введение парламентской процедуры. Вебер не исключал опасности авторитаризма в Германии, но стремился этого избежать путем сочетания в конституции элементов парламентаризма, демократии и сильной исполнительной власти.

Умеренность отличала Вебера и в социальном вопросе. Будучи убежденным противником социализма, он вовсе не хотел установления буржуазной монополии на власть. Вебер помышлял о сотрудничестве в парламенте с социал-демократами и об активизации рабочих ради обеспечения политической стабильности и национальных интересов.

12.4. Теория элит. Г. Моска, В. Парето

В конце XIX – начале XX в., когда на Западе расширялось избирательное право и демократия получила широкое признание, возникла школа, для которой характерно скептическое отношение к демократическим институтам. Ее представители подчеркивали, что демократия фактически привела к манипулированию голосами избирателей, к концентрации государственной власти в руках отдельных групп общества. Эти явления про-

возглашались естественными, так как при любой форме правления власть принадлежит активному меньшинству – правящей элите.

Основы теории элит заложили итальянские социологи и политологи Г. Моска и В. Парето. Одним из первых их последователей стал немецкий историк, социолог и экономист Р. Михельс, принявший итальянское гражданство.

Гаэтано Моска (1858 – 1941 гг.) впервые опубликовал свое важнейшее сочинение «Основы политической науки» в 1886 г. Термином «элита» он не пользовался, предпочитая говорить о «политическом классе» или «правлящем классе».

Честь введения в социологию и политологию понятия «элита» принадлежит Вильфредо Парето (1848 – 1923 гг.). Его политические взгляды получили систематическое выражение в «Трактате по общей социологии» (1916). Парето полагал, что наряду с политической сферой свои элиты возникают в экономике, науке, искусстве.

Роберт Михельс (1876 – 1936) применил основные положения теории элит к анализу политических партий, этой теме посвящена его книга «Социология политических партий в условиях современной демократии» (1911). В партиях, подчеркивает Михельс, господствует железный закон олигархии, приводящий к формированию узкой группы руководителей, подчиняющих себе всю организацию. Михельс участвовал в немецком и итальянском социалистическом движении, порвал с ним перед Первой мировой войной и в последние годы жизни поддерживал фашистов.

В конце 30х – начале 40х гг. в теории элит возникли новые тенденции. Немецкие социологи К. Манхейм и И. Шумпеттер стремятся примирить идеи активного правящего меньшинства и плюралистической демократии. На этой основе складываются концепции неозэлитизма, получившие распространение в Европе и США (Т. Дай, Х. Цайглер, Х. Ласвел, Дж. Сартори, Ч. Р. Миллс и др.).

Основоположники теории элит рассматривают учение о плюралистической демократии как совершенно беспочвенную идеализацию фактических отношений власти. Согласно учению элитистов в любом обществе существует правящее меньшинство, обладающее монопольным правом принятия решений. Это меньшинство (правлящая элита, правящий класс, политический класс, в работах современных элитистов – истеблишмент и др.) занимает свое положение не в силу выборов, а в результате постепенного завоевания господствующего положения в политической сфере. Выборы лишь оформляют фактически олигархическую власть правящей эли-

ты и никогда не могут создать механизм, контролирующей ее деятельность. Правящее меньшинство, учат элитисты, всегда избегает контроля со стороны большинства, вне зависимости от наличия демократических процедур, которые формально должны обеспечить такой контроль. Михельс писал: «Историческая эволюция смеется над всеми профилактическими мерами, которые применяются для предупреждения олигархии. Если принимаются законы для контроля над господством вождей, то от этого слабеют законы, а не вожди». Английский приверженец концепции элиты Дж. Перри дает еще более суровую оценку демократического контроля над властью: «Видимость демократического контроля большинства над господствующим меньшинством обманчива. Меньшинство занимает положение, позволяющее ему манипулировать избирательным процессом в своих собственных интересах с помощью широкой совокупности средств – от прямого насилия над избирателями через подкуп или изоциренное применение пропаганды до подбора кандидатов. Свободный избирательный корпус избирает своих вождей только из числа тех лиц, которые приемлемы для элиты».

Элитисты убеждены, что правящая элита господствует над обществом при любой форме государства, при любом режиме и при любой официальной идеологии, что элита есть органическое порождение человеческого общежития. Она обеспечивает свое господствующее положение благодаря таким качествам, как групповое сознание, внутреннее сцепление, общая воля к действию. Элита – это не просто совокупность высокопоставленных лиц, а органическое единство, связанное корпоративным духом. Она самодовлеюща. Доступ в нее возможен лишь на условиях, диктуемых самой элитой. В то же время жизнестойкость элиты определяется ее приспособляемостью и умением обновлять свой состав, если обстоятельства к этому понуждают.

Элита, или, по терминологии Моски, «правлящий класс», представляет собой сплоченное компактное меньшинство, которое полностью монополизирует власть, осуществляет все политические функции и пользуется благами, доставляемыми доминирующим положением в обществе. Ключ к власти, учат элитисты, лежит в способности меньшинства к организации. Один человек, как и вся масса, править не может. Этой способностью обладает только организованное меньшинство. Хорошая организация и сплоченность меньшинства обеспечивается такими атрибутами, как собственность, образование, военная выучка, доступ к государственным благам, положение в религиозной иерархии, приверженность определенной идео-

логии и т. д. Огромным преимуществом правящего меньшинства является то, что внутренние каналы связи и информации просты и безотказны, члены его легко общаются. Все это дает возможность быстро принимать решения и осуществлять их. Отсутствие всех названных качеств у большинства превращает его в аморфную массу, не способную к самоорганизации, поэтому оно всегда пребывало и будет пребывать в положении управляемого. Элитисты считают разделение людей на правителей и подвластных вечным. При этом они подчеркивают, что власть обладает кумулятивным свойством, она накапливается и возрастает по мере своего осуществления. Власть открывает доступ к еще большей власти.

Теория элит представляет значительный научный интерес, так как привлекает внимание к некоторым важным и вполне реальным явлениям политической жизни, которые делают демократические институты и процедуры в немалой степени иллюзорными.

Если существует большое имущественное неравенство, то при любой форме правления власть и влияние всегда находятся главным образом в руках богатых людей хотя бы потому, что только они имеют возможность дать своим детям дорогостоящее образование, необходимое для того, чтобы занимать руководящие посты.

Оппозиционные и угнетаемые массы действуют на политической арене непосредственно лишь в короткие периоды революций, да и то, повинувшись призывам лидеров. В сравнительно спокойное время от их имени выступают вожди, трибуны, партийные функционеры.

Руководящие деятели, сколь бы ни было скромным их социальное происхождение, вскоре перенимают поведение и честолюбивые стремления представителей привилегированных слоев и теряют контакт с рядовыми гражданами.

Власть и влияние в большей мере зависят от информации, а богатым легче, чем бедным, получать информацию и контролировать ее распространение.

Демократия оборачивается обманом потому, что при ней число лиц, избранных в законодательные органы власти, а также на высшие должности исполнительной власти, значительно уступает числу лиц, занимающих государственные посты по назначению. Мало того, чем выше пост, занимаемый выборным лицом, тем больше обычно число его избирателей и тем слабей, следовательно, его непосредственная ответственность перед избирателями, тем меньше непосредственное влияние оказывают избиратели на него.

Для повышения эффективности демократических институтов общества важно, чтобы гражданин обладал независимыми политическими суждениями. Экономическая и социальная зависимость, политическое, организационное и идеологическое манипулирование ведут к переходу власти от больших групп к малым и от лиц, осуществляющих ее от случая к случаю, к тем, для кого это является непосредственным делом, к должностным лицам, к профессионалам.

Поскольку государства с представительной демократией являются фактически большими политическими системами, там, утверждает Михельс, в полную силу действует железный закон олигархии, уничтожающий их демократический характер или значительно подрывающий его. Ясно, что при представительной демократии нет и речи о том, чтобы страной управляли широкие массы. Олигархия ослабляет, если не уничтожает полностью ответственность выборных должностных лиц перед своими избирателями. Все это ведет к формированию правящей элиты.

Правящая элита, обладая внутренней сплоченностью и организованностью, вовсе не является однородной. Согласно учению элитистов сама элита делится на высший и низший слой. Оба эти слоя являются органическими частями элиты и друг без друга существовать не могут. Высший слой элиты состоит из правителей в собственном смысле слова, т. е. из тех людей, которые имеют право принимать решения, подлежащие исполнению. Высший слой составляет динамическое ядро элиты.

Низший слой элиты, несравненно более многочисленный, служит опорой для высшего слоя, связующим звеном между ядром элиты и всем обществом. Он играет роль посредника между правителями и управляемыми. Он обеспечивает обратную связь и двусторонний обмен информацией. На него возлагается обязанность не только проводить в жизнь решения правящего класса (элиты), но и оправдывать его решения перед массой.

Таким образом, низший слой играет двоякую роль. С одной стороны, он представляет собой тот резервуар, из которого пополняет свои ряды ядро элиты. Каждый новый член элиты попадает сначала в низший слой и затем уже начинает в силу своих способностей и связей продвигаться по иерархической лестнице. С другой стороны, низший слой элиты фактически играет роль исполнительного аппарата по отношению к ее правящему ядру. Иными словами, низший слой элиты – это бюрократия. Здесь, впрочем, мнения элитистов расходятся. Одни считают, что низший слой элиты и бюрократия по своему составу совпадают. Другие учат, что бюрократия представляет собой лишь часть низшего слоя элиты. Москва низшим слоем

считал весь средний класс общества. Парето настолько расширил понятие элиты, что предлагал делить ее на правящую (политическую) и неправящую (экономическую, культурную).

Элитисты придают низшему слою элиты особое значение. Так, Моска считал, что стабильность любой политической системы зависит прежде всего от качества низшего слоя элиты, а не от «нескольких дюжин лиц, которые контролируют государственную машину». В подтверждение своей мысли он сравнивал элиту с армией: если армия утратит сразу всех генералов – это жестокий удар, но армия быстро от него оправится, так как генералитет можно в короткое время заменить; если же армия утратит весь офицерский корпус, то это крах, армия как таковая перестанет существовать.

Представительным учреждениям и выборам отводится чисто декоративная роль. Моска считал, что ядро современной элиты, а под таковой он понимал партийных боссов, определяет поведение избирательного корпуса и подбирает кандидатов. «Народные представители», по его словам, не избираются населением, а подбираются элитой, поэтому они играют роль марионеток в руках партийных боссов.

Михельс утверждает, что большинству «суждено подчиняться господству незначительного меньшинства, и оно должно удовлетвориться тем, чтобы служить фундаментом олигархии». Михельс стремится доказать, что «общество не может существовать без «господствующего» или «политического» класса; хотя его элементы часто подвергаются частичному обновлению, тем не менее, сам по себе он представляет постоянный фактор в истории человечества. С этой точки зрения государство может быть только организацией меньшинства. Цель меньшинства – навязать остальному обществу «законный порядок». Большинство должно удовлетворяться ролью фундамента олигархии.

Ч. Р. Миллс под властвующей элитой имеет в виду политически активное меньшинство. К нему он относит лидеров или творцов политики. Будучи связаны друг с другом, они не освобождаются от индивидуальной ответственности перед народом за те политические решения, которые принимают. Члены «властвующей элиты» не составляют общественного класса в марксистском значении этого слова, хотя многие из них рекрутируются из богатых семей. Они не защищают классовых интересов и не несут ответственности перед каким-либо общественным классом. Это люди, которые занимают высшие посты в трех больших иерархиях: в правительстве, крупном бизнесе и вооруженных силах.

Общим для всех элитистов является то, что они рассматривают большинство общества, массы, в качестве объекта управления, а меньшинство, элиту, в качестве носителей реальной власти.

И тем не менее в их представлениях есть и существенные особенности не только в понимании элиты, но и в определении ее роли в государстве. Не полностью совпадают, а подчас и принципиально расходятся политические пристрастия элитистов.

Распространенный взгляд, будто все пропагандисты теории элит являются принципиальными противниками демократии, не совсем точен. Они сходятся не в том, что народовластие плохо, а в том, что оно нереально, что при самой демократической конституции действительная власть принадлежит меньшинству. Для них это – констатация факта, а не идеал.

Что же касается представлений о лучшем государственном устройстве, они весьма различны. Моска, хотя и служил при Муссолини, вряд ли симпатизировал фашизму. Смешанный режим, где аристократические тенденции сочетались бы с медленным, но постоянным обновлением правящего класса путем допущения в него представителей менее развитых слоев населения, представляется ему наиболее разумным и стабильным. Парето вообще считал наивными представления о наилучшем строе, предполагающие возможность его сохранения. Будучи сторонником концентрации власти в периоды кризисов, он тем не менее отказался от сотрудничества с Муссолини. Михельс поддержал фашистское движение.

Манхейм, Шумпеттер и неоэлитисты видели свою цель в примирении элитизма и демократии. Они настаивают на плюрализме и конкуренции политических элит. Арбитром в их соревновании выступают рядовые граждане, избиратели, отдающие предпочтение той или иной элите. Открытость и обновление элит также рассматриваются как важный фактор воздействия народа на политически активное меньшинство.

Критика элитистами современных им демократических институтов представляет собой своеобразную реакцию на падение роли представительных учреждений на определенных этапах общественной эволюции.

Концепция политически активного меньшинства представляет значительный интерес, раскрывая механизм реального осуществления власти. Для многих сторонников элитизма характерны недоверие и презрение к массам, уверенность в их неспособности участвовать в управлении. Тем не менее творчество неоэлитистов продемонстрировало и возможности использования теории элит в интересах защиты и совершенствования демократических учреждений.

12.5. Школа психоанализа. К.Г. Юнг, Э. Фромм

Карл Густав Юнг (1875 – 1961 гг.) – выдающийся швейцарский психолог и философ культуры, представитель психоанализа. Он родился в семье протестантского священника, дед и прадед его (по происхождению немцы) были врачами.

По окончании медицинского факультета Базельского университета Юнг занимался врачебной практикой и исследованиями в области психологии и психиатрии. Большое влияние на творчество Юнга оказала его встреча с З. Фрейдом. В 1911 г. Юнг по рекомендации Фрейда избирается первым президентом Международного психоаналитического общества.

К установлению национал-социалистического порядка в Германии Юнг поначалу отнесся довольно терпимо и даже с некоторой симпатией. Так, по предложению нацистов он согласился возглавить (1933 – 1939 гг.) Международное медицинское общество психотерапии со штаб-квартирой в Цюрихе, совместно с М. Г Герингом (двоюродным братом рейхсмаршала Геринга) редактировал психологический журнал, инициировал обсуждение вопросов о различиях в расовой психологии. Но постепенно Юнг перешел в оппозицию к нацизму, полностью отвергнув его идеологию и практику. После окончания войны и вплоть до своей смерти Юнг в основном занимался научной работой.

Юнг (как и Фрейд) практически не создал произведений, специально посвященных вопросам политики, власти, государства, права. Однако, стремясь раскрыть и аргументировать свои теоретические положения, он часто прибегает к анализу социально-политических событий прошлого и современности, высказывает в связи с этим глубокие и оригинальные суждения. Главным же в психологической теории Юнга (применительно к истории политической мысли) является то, что она дает новый взгляд на факты политико-правовой реальности. В этом плане наиболее показательны такие работы Юнга, как «Проблемы души нашего времени», «Современность и будущее», «Очерки о современных событиях. Психология нацизма».

Центральное понятие аналитической психологии Юнга коллективное бессознательное, под которым понимается неосознаваемая людьми психическая энергия, предстающая в виде наследуемых от поколения к поколению инстинктов и стереотипов восприятия и поведения. Коллективное бессознательное включает в себе накопленный опыт всего человечества, содержит некий генетический код, который определяет индивидуальную психологию. Важнейшим элементом коллективного бессозна-

тельного является архетип – это своеобразный идеальный кристалл, чистая форма, которая структурирует чувственный и интеллектуальный опыт человека по своему образу и подобию. Согласно Юнгу, архетип имеет нематериальное и доматериальное происхождение, его природа никогда не может быть постигнута, он постоянно обнаруживает себя в виде символических образов в снах, бреде психически больных, мифах, религиозных текстах, магических ритуалах, искусстве и т. п. Именно архетипы «отвечают» за специфику социокультурных форм (государство, право, религиозные и национальные отношения) у различных народов, так как у каждого этноса в зависимости от обстоятельств его появления и развития может преобладать тот или иной архетип.

Начертанные Юнгом схемы коллективной и индивидуальной психологии находят свое отражение в его рассуждениях об обществе, политике, государстве.

Юнг полагает, что развитие культуры, формирование индивидуального сознания повлекло за собой отрыв человека от природы и коллективного бессознательного. Особенно показательным в этом отношении является Запад, где за последние 400 лет рационализация сознания достигла опасной гипертрофии. Высочайшие достижения науки и техники создали колоссальное напряжение между индивидуальной и коллективной психикой, столкнув в разрушительной борьбе сознание с бессознательным и погрузив человека в глубокое невротическое состояние. Современный человек Запада с его строго рационалистической установкой убежден в том, что мир, и прежде всего политические отношения, подчинен детерминистской зависимости и может быть изменен внешними механическими средствами. Однако жизнь, полагает Юнг, в своей основе иррациональна, попытка подчинить ее рациональной воле приводит к краху культуры, символов, индивидуальности, и личность оказывается во власти коллективного бессознательного. Хотя коллективное бессознательное и является источником жизни и творчества, человек и общество, не научившись им управлять, рискуют подпасть под влияние разрушительных свойств архетипов и тем самым погубить себя. Ярким примером прорыва бессознательных сил, сокрушающих привычные рациональные социальные формы, был, по мнению Юнга, XX в.

Юнг является одним из мыслителей, которые проанализировали такой феномен XX в., как общество массовой культуры и его следствие – тоталитаризм.

Характерной чертой общества массовой культуры является, по Юнгу, всеобъемлющая политизация общественной жизни. Политическая идеология рождается как компенсация за потерю гармонии сознания с бессознательным, как результат подавления и игнорирования бессознательного, как сублимация иррациональных влечений. Полный отказ от контакта с бессознательным, тотальная рационализация общественных отношений привели к засилью политической идеологии, суть которой состоит в идентификации индивидуального сознания с коллективным. Растворение личности в группе, потеря индивидуального лица порождает «массового человека» и «массовую душу». Основной потребностью «массового человека» является участие в политике, что диктуется бессознательным ощущением глубокой внутренней дисгармонии, стремлением снять свой невроз внешним активным поведением. Соответственно, чем сильнее невроз, тем больше политическая активность. Массовый невроз приводит к массовому психозу и массовой психической эпидемии, т. е. к созданию политического движения. Концентрируя в себе силы коллективного бессознательного и в то же время не управляя им (рационализм их не признает), политические движения сосредоточивают внутри себя огромный психический заряд, который при любом выводящем из равновесия событии взрывается разрушительным поведением масс.

Механизм образования тоталитарного общества Юнг рассматривает с использованием понятий «психическая инфляция» и «психическая дефляция». Психическая инфляция – это результат идентификации носителей власти (индивида или социальной группы) с силами коллективного бессознательного. Вследствие психической инфляции тот или иной субъект политической жизни ошибочно открывает в себе действие архетипов (с объективной точки зрения этого не происходит), что придает ему колоссальную силу и уверенность в себе. Отправной точкой психической инфляции выступает комплекс неполноценности. Индивид (или социальная группа), ощущая свой внутренний изъян и стремясь его компенсировать, наделяет себя сверхчеловеческими качествами, что, в свою очередь, еще более подчеркивает ничтожность данной личности и требует новой сверхкомпенсации. Получается порочный круг: растущее чувство неполноценности приводит к страху потери власти, развивает параноидальную подозрительность ко всем возможным политическим конкурентам, что требует еще более энергичного укрепления личной власти. Так устанавливаются тирания и тоталитаризм.

При психической дефляции чувство неполноценности принадлежит уже подвластным, которые переносят силы бессознательного на вождя. Ощущая себя бессильными, далекими от политики, массы тем не менее скрывают в себе бессознательную жажду власти, которая находит свое утолнение посредством идентификации с вождем. Чем сильнее чувство неполноценности, тем более могущественной власти будут хотеть подвластные. Тираническая власть, стимулирующая с помощью насилия комплекс неполноценности масс, создает тем самым почву для еще большего насилия. Потенциальная устремленность масс к власти выливается в восстание против тирании, если процесс идентификации с вождем заканчивается.

Наряду с психической инфляцией и дефляцией Юнг выделяет такие феномены, как манна-личность и манна-движение, т. е. такие личности или движение, которые действительно овладели тем или иным архетипом и сплачивают на его основе все общество. Так, например, к манна-личности он относил Наполеона и Лао-Цзы. Но Юнг так и не смог выработать ясного отношения к этому вопросу. Он признается, что практически отличить психическую инфляцию (или дефляцию) от манна-личности и манна-движения крайне трудно. Действительно, если психическая инфляция – это только ошибочное предположение о связи с архетипом, то как тогда объяснить устойчивость и мощь тоталитарных режимов. Ведь с позиций самого Юнга появление тоталитарных обществ и есть результат действия коллективного бессознательного.

Особую роль в обществе массовой культуры играет Тень – непризнаваемая негативная сторона расы, нации, социальной группы. Для массового общества характерно отрицать в себе зло, оправдывать себя и возлагать ответственность за проявление социальной патологии на другие государства и нации. В массовом обществе Тень инстинктивно вытесняется в подсознание, что делает его психически больным: такое общество постоянно создает себе внешнего врага, с маниакальной энергией стремится к конфликтам и разрушению. Свой невроз массовое общество изживает с помощью войн и революций.

Наиболее ярко массовое общество проявляет себя, по Юнгу, в современном государстве (как тоталитарном, так и правовом), которое стало самоценным и превратило личность в свою функцию. Взаимоотношения современного государства и человека находятся во власти архетипа Отца (Матери): индивид подобно ребенку со страхом и благоговением относится к государству, что говорит об отсутствии у него зрелости и от-

ветственности. Государство, подавляя влечения человека, делает его психопатичным и толкает к насилию (например, к террористическим актам). Как полагает Юнг, основная тенденция современности — стремление к тирании, наглядно проявившееся в коммунистической России и нацистской Германии. Не жалуется Юнг и западную демократию, которая, по его мнению, опирается на обезличенных людей, готовых отдаться любому из своей среды. Тем не менее демократия, на его взгляд, предпочтительнее, чем тоталитаризм, и вот почему. Он признает, что для человека естественным является состояние войны (с природой, своими влечениями, обществом), достижение полного и абсолютного мира (в том числе социального) невозможно и даже вредно. Попытка установить окончательный мир приведет к сильнейшему подавлению влечений человека, накопит огромный отрицательный заряд, что рано или поздно закончится всеобщей войной. Демократия как раз и является эффективным способом преобразования и уравнивания агрессивных инстинктов. В этом смысле Юнг характеризует демократию как хроническое состояние умеренной гражданской войны и анархии.

Крайним проявлением деградации западных обществ стал, по Юнгу, германский национал-социализм, который дал негативный пример пренебрежения коллективным бессознательным. Несмотря на то что Юнг начал анализировать психологию немцев еще со времен Первой мировой войны, он долго не мог определить свое отношение к национал-социализму: то ли это манна-движение, сознательно управляющее архетипами, то ли проявление психической инфляции.

Воинствующий расизм в Германии был вызван, по Юнгу, двумя основными факторами: во-первых, комплексом неполноценности немцев и, во-вторых, пробуждением архетипа Вотана германского языческого бога.

Как отмечает Юнг, комплекс неполноценности у немцев имеет историческую основу. Немцы слишком поздно появились в Дунайской долине, они опоздали с основанием империи и захватом колоний. Когда немцы образовали единое государство и увидели, что богатства уже распределены, они обиделись и стали завистливыми. Германские племена, перебравшись с Востока на Запад, так и не стали полными европейцами, они далеко еще не оторвались от варварских корней, их уровень развития соответствует подростковому возрасту. Подростковая психология немцев — источник их чувства неполноценности и предрасположенности к психопатии. Германия, утверждает Юнг, всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. В соответствии

с подростковой ступенью развития для немецкой нации характерен скрытый гомосексуализм, частичное устранение Анима (женский архетип в психике мужчины), что провоцирует невротическую агрессию. У немцев, как и у подростков, крайне неразвита эмоционально-чувственная сфера жизни. Данный недостаток компенсируется, с одной стороны, пристрастием к изощренным интеллектуальным построениям (философия), а с другой – антисемитизмом, так как евреи, будучи чувственно развитыми, невольно подчеркивают неполноценность немцев. Немцы – люди с бессознательно заниженной самооценкой, неуверенные в себе, откуда происходит их мания величия, стремление стать нацией господ, желание продемонстрировать миру свою взрослость. В этом плане организованное уничтожение людей можно рассматривать как подростковый эпатаж, попытку обратить на себя внимание и таким образом возвыситься в глазах других народов. К разряду подростковых комплексов относится и повышенная внушаемость немцев, неосознанное желание найти себе авторитет в лице вождя.

В состоянии психопатии, вызванной комплексом неполноценности, немецкая нация, полагает Юнг, идентифицировала себя со сверхчеловеком, подключив тем самым механизм регрессии к архаическим глубинам своего бессознательного. Непосредственным представителем коллективного бессознательного немцев стал архетип Вотана – языческого бога бури и неистовства, культивирующего страсть к войне. В частности, архетип Вотана прочитывается в нацистской свастике – вращающийся крест, образующий вихрь с направлением движения в левую сторону (в буддистской символике – к подсознательному). Проснувшийся Вotan прорвал тонкую пленку христианской этики и увлек немцев в бездну хаоса и разрушений. Сознание немцев не смогло выдержать напор Вотана, оказалось неспособным подчинить себе силы коллективного бессознательного и было ими поглощено. Итог действия неуправляемых сил бессознательного – всеобщая катастрофа.

Весьма неоднозначно отношение Юнга к Гитлеру. С одной стороны, он, видимо, подчиняясь общепринятой морали, видит в феномене Гитлера типичный пример психической инфляции: роль фюрера играет мелкий и слабый человек, у которого на фоне собственной бездарности развилась психопатия в форме истерии. Но, с другой стороны, исходя из рассуждений Юнга можно сделать вывод, что Гитлер – все-таки манна-личность, возглавившая манна-движение. По его собственному признанию, поначалу Гитлер произвел на него сильное впечатление. По мнению

Юнга, Гитлер – орудие сил бессознательного, он, как всякий подлинный вождь, не ведет, а ведом. Гитлер олицетворяет собой Тень немецкой нации, но в то же время является символом ее лучшего будущего; он – зеркало бессознательного немцев, его рупор. Власть Гитлера не политическая, а магическая, он не управляет Германией, а лишь истолковывает общее направление событий, он – пророк, которого трудно обмануть в политике. В личном плане Гитлер нечестолюбив и асексуален. Вытесненная сексуальность Гитлера по отношению к женщине оборачивается любовью к Германии, которая и является его единственной и подлинной страстью. И, наконец, Юнг делает вывод, вызывающий, как минимум, недоумение: поскольку Гитлер выражает бессознательное немцев, он и есть сама Германия, сам немецкий народ.

После окончания войны Юнг был весьма определен и категоричен в оценке «германской катастрофы». Он полагал, что, хотя немцы – это скорее больные, чем преступники, они все до одного несут ответственность за содеянное. Поскольку коллективное бессознательное объединяет немцев в единое целое, они должны признать за собой именно коллективную вину, а не только вину отдельных военных преступников. Любая попытка кого-то простить или преуменьшить злодеяние должна признаваться как жажда реванша. Психическое здоровье немцев может быть достигнуто только путем искреннего покаяния. Но Юнг на этом не останавливается: так как национал-социализм есть проявление общеевропейской болезни, вину за случившееся должны разделить все народы Европы.

В связи с «немецким случаем» Юнг высказывает некоторые мысли о нации, которые обращают на себя внимание. Напуганный действием сил коллективного бессознательного, он видит в каждой нации потенциальный источник опасности. Нация, по Юнгу, это монстр, который в своем поведении руководствуется низшими животными инстинктами, обладает внушаемостью пещерного человека, подозрительностью и злобностью дикаря. У нации не может быть чести, она не в состоянии держать слова. Нравственность ее государственных деятелей не превышает (за редким исключением) уровня животноподобной нравственности масс. Поскольку большие нации предполагают большие катастрофы, то Юнг за малые нации.

Как полагает Юнг, социальные катаклизмы XX в. подорвали доверие западных обществ к способности человека строить политические отношения на рационалистической основе и заставили их обратиться к своему бессознательному. Поэтому Юнг считает необходимым использовать

созданную им аналитическую психологию (он называет ее «западной йогой», «алхимией XX века») в качестве идеологической базы социального реформаторства. Но представляется, что при всей оригинальности учения швейцарского психолога оно выглядит слишком мифологизированным.

Видным представителем психоанализа является немецко-американский социолог, философ и психолог Эрих Фромм [1900 – 1980 гг.). Он родился в религиозной семье, его отец занимался торговлей вином, а дед и прадед по отцовской линии были раввинами. Сначала во Франкфуртском, а затем в Гейдельбергском университете Фромм изучал философию и социологию. Постепенно он приобщается к учению Фрейда, проходит учебный курс психоанализа и начинает заниматься лечебной практикой.

1930е гг. Фромм – сотрудник известного Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне с (1933 по 1949 г. институт находился сначала в Париже, затем в Нью-Йорке), где занимался социальной психологией. С 1933 г. Фромм – в США работает в Институте психиатрии им. У. Уайта, преподает в Колумбийском и Йельском университетах. В 1951 – 1967 гг. жил в Мексике, возглавлял Институт психоанализа при Национальном университете в Мехико. В 1974 г. Фромм переселился в Швейцарию.

Фромм один из крупнейших неопрейдистов (наряду с К. Хорни, Г. С. Саливаном, А. Кардинером). Его учение «радикального гуманизма», представляющее собой соединение идей Фрейда и Маркса (в этом сказались влияние франкфуртской философской школы), широко известно и популярно на Западе. Им написано большое количество книг и статей, среди которых выделяются «Бегство от свободы», «Душа человека», «Концепция человека у Маркса», «Анатомия человеческой деструктивности», «Иметь или быть».

Одна из главных задач Фромма (как и других неопрейдистов) — показать связь общественных институтов и отношений с бессознательным человека, рассмотреть зависимость социальной и индивидуальной патологии. Фромм стремится показать общество и его проявления через призму психологии отдельного человека.

Отправной точкой в концептуальных построениях Фромма является его понимание природы человека, а значит, и общества. В отличие от Фрейда, который видел в человеке исключительно злое начало («человек – потенциальный преступник, враг культуры»), Фромм придерживается более спокойной позиции. Он полагает, что, поскольку человек одновремен-

но является телом и душой, ангелом и зверем, его сущность состоит в конфликте добра и зла, берущем свои истоки в социальных условиях. Отдельный индивид и человечество в целом потенциально содержат в себе две равновеликие, но взаимоисключающие тенденции «синдром распада», ведущий к гибели, и «синдром роста», обеспечивающий прогрессивное развитие жизни. Оттого, каким путем пойдет человечество, какую потенцию реализует, зависит его будущее. Очевидно, что «синдром роста» и «синдром распада» напоминают Эрос и Танатос Фрейда, но механизм образования этих сил и перспективы их борьбы у двух мыслителей различны.

Соответственно, все творческое наследие Фромма условно можно свести к двум основным составляющим: 1) анализ «синдрома распада», рассмотрение индивидуальной и социальной патологии в современных странах Запада (особенно в Германии и США) и 2) конструирование собственной идеальной социальной модели, доказывающей реальность перспективы «синдрома роста».

Борьбу «синдрома роста» и «синдрома распада» Фромм пытается рассмотреть исторически, отводя при этом основную роль процессу индивидуализации человека. Как он полагает, около четырех тысяч лет назад у человека начало пробуждаться личностное сознание, он становится на путь самостоятельности и независимости от рода, выделения себя из косной и инертной массы своих соплеменников. Данный процесс, развиваясь особенно быстро на Западе в эпоху Возрождения и в Новое время, достигает своего пика в XX в. Итогом индивидуализации стало приобретение человеком свободы, которую индивид с «пещерной» психологией воспринял как невыносимое бремя, парализовавшее его сознание и волю и поставившее перед ним альтернативу: либо избавиться от свободы путем новой зависимости и подчинения, либо нравственно дорасти до полной реализации свободы. А поскольку индивидуализация необратима, то первый путь ведет к гибели, распаду человека и общества (реализация «синдрома распада»), тогда как второй – к расцвету человеческих сил (осуществление «синдрома роста»).

Обратимся к «синдрому распада». Фромм полагает, что современные общества Запада и Россия страдают патологией, больны, тенденция распада приобрела у них катастрофический характер. Патология стала универсальной, она обнаруживает себя как в форме демократии, так и в виде тоталитаризма. Диктатуры Сталина и Гитлера Фромм оценивает как крайнее проявление деградации. С позиций психоанализа Фромм выделяет следующие элементы механизма образования социальной патологии:

1) нарциссизм; 2) инцестуальные влечения; 3) садомазохизм; 4) деструктивность; 5) конформизм.

По Фромму, высший тип социального характера – революционный. Он поясняет, что речь идет не о бунтарях, всегда недовольных властью, а о личностях, исповедующих идею радикального гуманистического переустройства мира. Западные общества, стоящие на грани саморазрушения, нуждаются в новом человеке, революционере-гуманисте, который свободен от уз почвы и крови, ощущает себя гражданином мира, относится критически к своему государству, нации, классу, партии, религии. Революционер – это человек, любящий жизнь, стремящийся к свободной творческой самореализации, его деятельность – залог успеха в борьбе с социальной патологией. Только революционный характер, делает вывод Фромм, может подчинить себе технику, сделать ее основой прогрессивных политических форм.

Нельзя не признать оригинальным, а местами и весьма глубоким учение Фромма, но его эклектический характер очевиден. Попытка американского психолога соединить психоанализ и марксизм представляется, мягко говоря, не вполне успешной и в значительной мере носит поверхностный характер.

12.6. Фашизм и нацизм. Б. Муссолини, А. Гитлер, К. Хаусхофер

Фашизм – родовое имя массового политического движения, сложившегося в Западной Европе в условиях острейшего социального кризиса и угрозы революции после Первой мировой войны. Он открыто бросил вызов гуманистическим и демократическим идеалам, считавшимся общепринятыми. Диктат, воля к власти, насилие, завоевание, подавление личности – таковы основные принципы фашизма.

Фашизм получил широкое распространение. Под его властью находились Италия, Германия, Австрия и Испания. В Португалии, Венгрии и Румынии установилась диктатура правых сил, родственная фашизму. Во Франции и Бельгии возникли сильные фашистские движения. Немногочисленные последователи фашизма появились даже в Великобритании и Скандинавских странах.

Наибольший размах, резонанс и тщательную идеологическую разработку это течение получило в двух своих образцах – итальянском фашизме и германском национал-социализме.

Основатель фашизма – Бенито Муссолини (1883 – 1945 гг.). Отец его – кузнец, анархист, участник социалистического движения, не чуждый радикализма, по его собственной оценке, он перешел на марксистские позиции. Мать – деревенская учительница, ревностная католичка. Получив диплом учителя, Муссолини отправился искать удачу в Швейцарию. Его «университеты» оказались нелегкими. Муссолини служил чернорабочим, познал нужду и голод, арестовывался за бродяжничество. Тяготы жизни обостряли социальное сознание. Муссолини становится секретарем профсоюза каменщиков, приобщается к марксизму. В частной собственности он видел коренную причину экономического неравенства, а в государстве – орудие классового подавления. Муссолини отстаивал в то время теорию классовой борьбы и был убежден, что основные принципы марксизма незыблемы, хотя в ряде второстепенных вопросов прогнозы Маркса не подтвердились. Ранний Муссолини настроен резко антирелигиозно, объявляет религиозную практику несовместимой с членством в Социалистической партии. Его первый памфлет назывался «О том, что бога нет».

Установление социализма виделось Муссолини лишь в ходе острой и суровой борьбы: «Социализм – это война, а на войне горе милосердным. Они будут побеждены». Культу насилия способствовало восхищение Фридрихом Ницше (Муссолини пишет о нем очерк «Философия силы») и лидером радикального крыла французского анархо-синдикализма Жоржем Сорелем.

Муссолини вел борьбу против реформистского крыла социалистов, одно время редактировал газету «Классовая борьба». Перед войной он стал одним из заметных представителей революционного, или синдикалистского, направления Социалистической партии.

Во время пребывания в Лозанне Муссолини несколько месяцев обучался в летней студенческой школе под руководством В. Парето. Став диктатором, он предложил одному из творцов теории элит пост сенатора. Парето отказался.

С началом Первой мировой войны Муссолини, как и все социалисты, выступил против вступления в нее Италии. Но затем его взгляды резко переменились: пацифизм был чужд его бурному темпераменту. Поддержка правительства, втянувшего Италию в войну, привела к исключению Муссолини из Социалистической партии. Он отправился добровольцем на фронт, служил солдатом и был ранен.

После войны Италия переживала значительные социально-экономические трудности. Росло число безработных, в том числе среди

вчерашних солдат. Рабочие бастовали. В контексте Октябрьской революции в России и ожидания мирового пожара красная угроза представлялась очень серьезной. Капиталисты были сильно встревожены. Социальное неблагополучие обостряло националистические чувства. Италия выражала недовольство Версальским договором, считала, что ее обманули, нарушили секретные соглашения. Складывалась взрывоопасная ситуация.

В марте 1919 г. Муссолини основывает фашистское движение и приступает к вербовке безработных из бывших солдат в свои отряды. Соперничество политических партий усиливало нестабильность. И капиталисты, и военные стремились к установлению прочной власти. Генералы готовились к государственному перевороту. Фигура Муссолини, возглавившего массовое фашистское движение, их устраивала в качестве дуче – вождя. В октябре 1922 г. фашистские отряды во главе с армейскими генералами двинулись на Рим. Муссолини стал премьер-министром и управлял Италией до ее разгрома во Второй мировой войне. Он был казнен в апреле 1945 г. по приговору Военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии.

Фашизм захватил значительные массы итальянцев в условиях крушения традиционного уклада жизни и представлений после Первой мировой войны. Он опирался на эмоции, психоз, мобилизацию, действия и по самой своей природе был антиинтеллектуален. Он был порожден необходимостью действовать, а не вырос из заранее разработанных концепций. Это не способствовало формированию теории. «Наша программа очень проста, – говорил Муссолини. – Мы хотим управлять Италией». Моя программа – действие, а не разговоры, утверждал Муссолини и противопоставлял по этому принципу фашизм большевизму: «Фашизм основан на реальности, большевизм – на теории».

Идейная платформа фашизма складывалась путем отрицания коммунизма, либерализма, демократии.

От заигрывания с марксизмом, свойственного ему в начале общественной деятельности, Муссолини полностью отошел. Фашизм, писал Муссолини, полная противоположность материалистическому пониманию истории, представляющему собой основу так называемого марксистского, или научного, социализма. Согласно этой доктрине история человеческой цивилизации может быть объяснена просто противоречиями интересов между различными социальными группами и изменениями в развитии орудий и средств производства. «Фашизм же верит в святость и героизм, т. е. в действия, обусловленные вовсе не экономическими мотивами. Фашизм

решительно отрицает, что классовая борьба может стать преобладающей силой общественного преобразования. С отказом от этих двух основных концепций социализма от него ничего не остается, кроме сентиментальных устремлений, столь же старых, как и само человечество, к социальной системе, в которой печали и страдания низших классов были бы утолены и облегчены. Но и здесь фашизм отвергает концепцию «экономического» счастья, которую призван осуществить социализм, обеспечивая каждому максимум благосостояния. Фашизм отвергает возможность осуществления материалистической концепции счастья и оставляет ее на совести ее изобретателей. Фашизм отрицает правомерность отождествления благосостояния и счастья, которое низвело бы человека на уровень животного, помышляющего только о сытости и не поднимающегося над чисто физическим существованием».

От социализма в фашизме остались только синдикалистские идеи, сложившиеся под влиянием Ж. Сореля. Но они парадоксально приспособились к всевластию государства в форме так называемой теории корпоративного государства.

Важным компонентом теоретической платформы итальянского фашизма стало правое гегельянство. Синтез практического опыта Муссолини с реакционными течениями философского идеализма осуществил крупнейший профессиональный идеолог фашизма Джованни Джентиле (1875 – 1944), профессор философии в Пизе и Риме, директор Института фашистской культуры. Джентиле, убежденный гегельянец, видел в государстве олицетворение всех добрых начал, средство дисциплинирования граждан, обеспечивающее им не только благосостояние, но и свободу и подлинное развитие личности.

Культ государства – центральный пункт идеологии итальянского фашизма. Ранние заявления Муссолини в марксистском духе относительно того, что государство – это инструмент классового господства, были забыты. Государство рассматривалось как духовный и нравственный факт, как законное воплощение нации. При этом не имелись в виду гармония, совпадение целей всех граждан. Наоборот, речь шла о подчинении индивидуальных и групповых интересов интересу публичному, т. е. государственному. В комментарии к «Государю» Макиавелли (написанном в 1924 г. в связи с присвоением степени почетного доктора в Болонье) Муссолини пишет, что только государство способно контролировать «эгоистический атомизм» граждан (один из гегельянских мотивов), который поощряется и

высвобождается либерализмом. Именно поэтому народ и государство не должны противопоставляться.

«Если XIX в. был веком индивидуализма, – рассуждает Муссолини, – можно ожидать, что этот век станет веком коллективизма, а следовательно, веком государства». «Фашизм понимает государство как абсолют, в сравнении с ним все граждане и группы относительно, их следует рассматривать только в их отношении к государству. Фашистское государство само по себе сознательно, оно обладает волей и индивидуальностью и, таким образом, может быть названо этическим государством». «Это сила, которая одна только может найти решение драматических противоречий капитализма и вывести из того состояния, которое мы называем кризисным».

Государство выступает в качестве арбитра между различными группами и классами. Фашисты осуществили идею «корпоративного государства», в котором представлены профсоюзы и предприниматели, и они решают свои проблемы под эгидой государственных и партийных чиновников.

«Фашистское государство включает в себя даже экономическую деятельность нации и через созданные им корпоративные социальные и образовательные учреждения его влияние распространяется на все сферы национальной жизни и включает все политические, экономические и духовные силы нации». Государство, проникающее во все поры национальной жизни, это и есть тоталитарное государство. Говорят, что слово «тоталитарный» впервые употребил Джентиле в 1925 г., а в 1930 г. Муссолини ввел выражение «тоталитарное государство».

Муссолини утверждает, что фашистское государство не уничтожает личность, а, наоборот, как бы умножает ее, подобно тому как солдат в батальоне не уничтожается, а как бы разрастается благодаря наличию большого количества своих товарищей. Но индивид «лишается всех бесполезных и, возможно, вредных свобод и сохраняет только то, что существенно. Решающей силой в этом вопросе не может быть индивид, но только государство».

Фашистское государство «требует дисциплины, координации всех сил и глубокого чувства долга и самопожертвования. Это объясняет необходимость суровых мер, которые должны приниматься против тех, кто противостоял бы ему», используя изжившую себя идеологию XIX в.

Фашистское государство – это воплощенная воля к власти и управлению. Для него характерен один институт, который Муссолини считал

совершенно новым в истории, не знающим параллелей, – «партия, которая всецело управляет нацией». Он явно преувеличивал в этом отношении уникальность фашизма. «Партия, которая всецело управляет нацией», уже была известна истории. Она впервые возникла в Советской России.

После прихода фашистов к власти принципиально изменилось отношение Муссолини к религии. От его воинствующего атеизма ничего не осталось. «Фашистское государство, – рассуждал дуче, – небезразлично к факту религии вообще или к той особой и положительной вере, каковой является итальянский католицизм. Государство не исповедует никакой теологии, но только нравственность, и в фашистском государстве религия рассматривается как одно из глубочайших проявлений человеческого духа, она не только уважается, но и защищается и охраняется. Фашистское государство никогда не пыталось создать своего собственного бога, как некогда пытался сделать Робеспьер, и не стремилось тщетно вытравить религию из сердец людей, как делает большевизм».

По мнению Муссолини, «современный метод политического представительства недостаточен». Взамен предлагается возврат к корпорациям, позволяющий учесть экономические требования национальных профсоюзов. Фашисты решительно отвергли систему парламентаризма и демократии, видя в ней проявление упаднического либерализма, поощряющего стремление к личному комфорту и распушенности. Фашисты, по словам Муссолини, «отвергают всю сложную систему демократической идеологии». Кое в чем их критика совпадает с коммунистической критикой буржуазной демократии. Так называемые демократии, рассуждает Муссолини, являются обманом, так как жизненно важные вопросы, например войны и мира, решаются не народом. Кстати, никто не определил, что такое народ. Демократический режим время от времени дает народу иллюзию суверенности, тогда как на деле суверенитет находится в руках других, скрытых и безответственных сил.

Однако совпадение ряда тезисов коммунистической и фашистской критики демократии поверхностно. Два движения исходят из разных посылок и преследуют различные цели. Фашизм отвергает не классовую природу демократии, не ее ограниченность, а самый принцип. Джентиле пишет: «Фашизм отрицает в демократии нелепую общепринятую ложь о политическом равенстве, облаченную в одежды коллективной безответственности (суверенности), а также миф о счастье и безграничном прогрессе».

Фашизм не признает, что большинство, просто потому что оно большинство, может править обществом, и утверждает неизменное и бла-

годетельное неравенство людей, которое никогда не удастся уравнять посредством такого механического процесса, как всеобщее голосование.

В 1923 г. Муссолини писал: «Либерализм – не последнее слово, он не дает конечной и решающей формулы в искусстве управления. Наиболее поразительные послевоенные явления, происходящие у нас на глазах, отмечены поражением либерализма. События в России и Италии демонстрируют возможность управления вне идеологии либерализма и прямо противоположного ей. Коммунизм и фашизм не имеют ничего общего с либерализмом». «Правда, очевидная каждому, кто не ослеплен догматизмом, заключается в том, что люди устали от свободы. Они пресытились ею, – говорит Муссолини. – Свобода – это уже не непорочная и суровая дева, за которую в начале прошлого века боролись несколько поколений. Для бесстрашных молодых людей, представших на этой новой заре истории, существуют другие слова, которые волнуют их глубже, чем свобода, это Порядок, Иерархия, Дисциплина... Богиня свободы мертва, и труп ее уже разлагается». Цивилизация противоположна свободе. Работать, бороться, повиноваться – вот лозунги дня.

Однако, как и большинство тоталитаристов, фашисты не могли полностью отказаться от идеи демократии, но не в смысле формы правления, а в смысле влияния народа на государственные дела. Джентиле писал, что фашизм это и есть «организованная, централизованная, властная демократия». Фашистская «демократия» сочетается с пренебрежением к народному представительству, которое рассматривается как механическая, а не нравственная система. По мнению фашистов, никогда не было и не будет правительства, основанного на согласии, идея народного суверенитета – трагическая шутка.

В конституционных взглядах фашистов превалирует идея руководства государственной воли, воплощенной в дуче. «Государство – как скрипка в руках маэстро», – писал Муссолини. В связи с этим к формам государства проявляется безразличие. «Фашизм превосходит противопоставление монархии и республиканизма». Все зависит от истории, традиций. Муссолини, однако, подчеркивает, что фашизм не призывает вернуться к прошлому, к временам до 1789 г. Не будет никакой абсолютной монархии, слепой приверженности церковной теории, не будет феодального сословного общества.

Идеологи фашизма подчеркивают, что осуществление его целей – это процесс суровой борьбы, применения силы, а отнюдь не следствие консенсуса. Нетерпимость к врагам, борьба с ними, отождествление ина-

комыслящих с врагами – характерная черта фашистской идеологии и практики. Это относится и к отдельным людям, чья природа, как писал Муссолини, не изменилась со времен Макиавелли и оправдывает пессимизм, и к партиям, движениям. Принцип один: нельзя править, основываясь только на согласии.

«Фашизм монолитен. Когда группа или партия пришла к власти, она обязана укрепляться и защищать себя от всех, – заявляет Муссолини и далее описывает меры, принятые фашистами с этой целью. – Все оппозиционные газеты были запрещены, все антифашистские партии распущены. Специальная полиция уже работает. Создано политическое бюро тайных расследований. Создан специальный трибунал, он действует замечательно».

Идеи борьбы, применения силы, воля к господству распространяются и на межгосударственные отношения. «Фашизм не верит ни в возможность, ни в полезность вечного мира. Он отрицает доктрину пацифизма, порожденную отказом от борьбы. Одна только война доводит до высшего напряжения всю человеческую энергию и налагает печать благородства на народы, имеющие мужество пойти на нее».

Для фашизма характерны этическое оправдание войн и империалистической политики, осуждение интернационализма и пацифизма. Пацифизм – трусость, отказ от борьбы. «Слово «мир» износилось. Под солнцем идет кровавая борьба, и одна только кровь вращает жернова истории». Воспоминания о величии Римской империи подогревали стремление фашистов к экспансии.

Фашистское государство, по Муссолини, должно рассматриваться как «империя, т. е. нация, которая прямо или косвенно правит другими нациями...». «Экспансия нации – проявление ее жизнеспособности, а противоположность экспансии – признак упадка. Поднимающиеся народы... всегда империалистические... Фашизм – доктрина, лучше всего приспособленная к тому, чтобы представлять устремления такого народа, который поднимается после многих веков упадка и иностранного господства».

Отношение фашистов к праву вытекает из их стремления к господству, культа государства и его отождествления с вождем. Джентиле писал, что фашизм рассматривает государство как источник всех прав и ценностей для входящих в него индивидов. Никакие естественные права, никакая связанность государства правом не признаются. Государство творит право. Муссолини подчеркивал, что обязанности важнее прав.

Для понимания природы фашизма очень важна и его экономическая программа. В 1919 г. она включала налог на капитал, конфискацию собственности религиозных ассоциаций, распределение помещичьих земельных владений среди крестьян, участие рабочих в управлении промышленностью. Впоследствии от этих требований остался лишь последний пункт, но и он изменился принципиально. Участие рабочих в управлении подменило корпоративное государство, т. е. создание корпораций рабочих и предпринимателей в каждой административной единице по основным отраслям промышленности и государственных органов, регулирующих их отношения, во главе с министром корпораций и дуче. Таким образом, ни о каком перераспределении богатств и изменении социального строя речи уже не было. Зато утверждались государственный контроль и регулирование экономической жизни. Стачки запрещались (отход от синдикалистских идей раннего Муссолини), но и свобода предпринимательской деятельности подвергалась некоторым ограничениям.

В немецком национал-социализме, или нацизме, идеи фашизма получили дальнейшее развитие, кое в чем оригинальное и притом более масштабное, последовательное и жестокое. В сравнении с нацизмом итальянский фашизм казался порой мягким, домашним.

В биографиях Гитлера и Муссолини есть некоторое сходство. Оба вышли из низов и испытали тяготы жизни. Адольф Гитлер (наст. фамилия Шикльгрубер, 1889 – 1945 гг.) родился в Австрии. Отец его был сапожником, потом таможенным служащим. Из-за ранней смерти родителей Гитлер не окончил среднюю школу и стал подмастерьем у маляра. Переехав в Вену, он влачит там жалкое существование. Пробудившийся интерес к политике побуждает его посещать галерею для публики в парламенте. Чувствуя себя униженным, Гитлер испытывает возмущение тем, что в разноплеменной Австрии славяне и евреи пользуются такими же правами, как и немцы. В Вене начали складываться его убеждения: антисемитизм, враждебность к марксистской идеологии, пангерманизм. В 1913 г. Гитлер покидает Вену, по его словам, «воплощение расового кровосмешения», и переезжает в Мюнхен. В 1914 г. он добровольцем идет на фронт и служит до 1918 г., когда он подвергся газовой атаке. В ноябре 1918 г. Гитлер решает посвятить себя политике. Вернувшись в Мюнхен, он делает сержанем своей пропаганды неуважение к вчерашним солдатам. В 1919 г. революция в Германии терпит поражение. Среди ее лидеров было немало евреев, мимо чего не мог пройти Гитлер. Наряду с еврейской темой видное место в его выступлениях занимает несправедливость Версальского дого-

вора, пренебрегшего экономическими требованиями Германии. К тому же Гитлер был буквально одержим «коммунистической угрозой». Организацию стачек он воспринимал как удар ножом в спину нации.

В 1920 г. с участием Гитлера создается Национал-социалистическая партия германских рабочих. В 1923 г. нацисты пытаются вооруженным путем установить свою власть в Баварии. Мятеж проваливается, но он делает Гитлера национальной фигурой. Приговоренный к тюремному заключению, он проводит несколько месяцев в замке Ландсберг – привилегированной тюрьме для осужденных за политические преступления, где пишет первую часть «Моей борьбы». В 1925 г. партия восстановлена. 30 января 1933 г. президент Гинденбург назначает Гитлера как руководителя партии, одержавшей победу на выборах, канцлером.

Официальным идеологом немецкого фашизма считается Альфред Розенберг (1893 – 1946), последователь Ницше, расистов Чемберлена и Гобино. Теорию национал-социализма он разработал в 1930 г. в книге «Миф двадцатого века».

Считается, что одним из существенных отличий нацизма от итальянского фашизма явилось то, что нацизм ставит во главу угла принцип и понятие расы, нации, народа, тогда как в фашизме в качестве основы всей системы и главного объекта лояльности выступает государственность. Приоритет нации, народа над государством прослеживается в «Моей борьбе» Гитлера: «Долг государства состоит в том, чтобы использовать свою силу во имя свободного развития нации, осуществления ее судьбы, предначертанной Провидением. Высшая цель существования человека не в том, чтобы поддерживать государство или правительство, а в сохранении их национального характера». «Для нас, – пишет Гитлер, – государство — только форма, существенно то, что оно включает, а именно нация, народ».

Все это не более чем демагогические тонкости, если учесть, что государство у нацистов всесильно, хотя Розенберг и возражал против применения к нему итальянского термина «тоталитарное». Но они обнаруживают последовательно националистический, расистский характер национал-социализма, не выраженный столь ярко в итальянском фашизме. Народ, нация, раса превращаются в национал-социализме в главный элемент политического сознания не только в ущерб личности, права которой объявляются менее важными, чем поддержание расы, но и в ущерб государству, отодвинутому как бы на второй план.

Народ, раса – это главное содержание истории, которая предстает как борьба наций и рас за самосохранение.

Две идеи пронизывают расовые представления нацизма и лежат в основе его политики, идеологии и пропаганды. Это превосходство арийской расы и угроза, исходящая от еврейской расы, постоянно строящей заговоры, чтобы подорвать высшие культуры и достигнуть мирового господства.

Ради обеспечения верховенства арийцев следует исключить их смешение с другими расами. В животном мире смешение видов исключается. Среди людей оно ведет к вырождению. Центральная и Южная Америка обладают низшей культурой в сравнении с Северной, и это результат большего расового смешения.

Высшая раса не должна стремиться к миру со своими соперниками, ей надлежит бороться с ними во имя сохранения своей чистоты и власти. Не следует думать, что цивилизацию можно распространять путем пропаганды передовых идей среди различных рас. Высокие идеалы осуществляются только тогда, когда высшая раса господствует. Всеобщий мир может стать действительностью при условии, что высшая раса станет единственным хозяином на земном шаре.

Только арийцы являются создателями культуры. Другие расы могут стать носителями культуры (культуртрегерами), когда ими руководят арийцы, или разрушителями культуры. Японцы под влиянием арийцев стали носителями культуры. Если это влияние прекратится, их культура погибнет. Именно арийцы создавали очаги культуры среди других народов, но эти очаги сохранялись до тех пор, пока соблюдалась расовая чистота. Стоило арийскому ядру раствориться в местном населении, как от культуры оставались лишь отдельные памятники да единицы белокурых людей, в которых можно было признать потомков арийцев. Только новые контакты с арийским центром способны возродить очаги цивилизации.

Превосходство арийцев Гитлер видит не в особой интенсивности их воли к жизни, не в интеллектуальной силе, а в готовности трудиться и рисковать своей жизнью во имя блага нации, в идеализме, противопоставляемом эгоизму.

Как раз этих качеств нет, по Гитлеру, у евреев, представляющих противоположный полюс среди рас. Евреи объединяются только в случаях общей опасности или общей выгоды. Гитлер утверждает, что у них никогда не было своей культуры, но стойкая жажда жизни позволяла им паразитировать на культуре других народов, которую они, как всякие пара-

зиты, в конце концов разрушают. Евреи, продолжает Гитлер, пытаются добиться популярности путем филантропии и политического либерализма, они поддерживают демократию и гуманитарные усилия, профсоюзы, организуют совместные предприятия и биржевые спекуляции. Евреи разрабатывают марксистскую философию, подрывающую устои нации посредством проповеди интернационализма, пацифизма и классовой борьбы. Международный финансовый капитал и международный коммунизм – два главных средства ослабления арийской расы.

Нация превратилась в руках Гитлера и его сообщников в тот миф XX в., которого, по их мнению, так недоставало буржуазной и рабочей Германии и который делает страну готовой к борьбе. «Здоровый народ, – писал Розенберг, – не признает ни индивидуализма, ни универсализма». Арийская раса – носитель цивилизации, она призвана утвердить свое превосходство над низшими расами и народностями, в том числе славянами.

Государство носит прежде всего расовый характер. Это инструмент в руках утверждающей себя расы. «Ошибочно думать, что государство заслуживает уважения просто потому, что оно государство, – рассуждает Гитлер, – или думать, что его главная функция – обеспечение права и порядка или содействие определенной экономической системе, скорее функция государства состоит в том, чтобы способствовать развитию человеческой культуры путем сохранения творящей культуру арийской расы и обеспечения ее господствующих позиций».

Германской нации прежде всего необходимо жизненное пространство, территория, которая причитается ей на земле. Обеспечению этой цели подчинена вся внешняя политика нацистского государства. Требование восстановить границы 1914 г. представлялось Гитлеру глупым и недостаточным. Речь шла о том, чтобы германская нация заняла в мире подобающее ей место. В воспаленном воображении Гитлера это было равнозначно мировому господству. Средство к его достижению – война. Она объявлялась естественной и справедливой. Идея пацифизма, говорил Гитлер, может оказаться приемлемой лишь после того, как «человек, находящийся наверху» (арий или император) подчинит себе весь мир. До этого момента свободные нации руководствуются только одним принципом: выгодна им та или иная акция или, наоборот, она причиняет им ущерб. Презрение к нормам международного общения и права – логическое следствие провозглашения политики завоеваний. Для ее обоснования широко применялась сравнительно новая в то время (возникла в годы Первой мировой войны) наука – геополитика. Ее крупнейший представи-

тель в Германии генерал Карл Хаусхофер (1869 – 1946 гг.), издававший с 1924 по 1944 г. «Журнал геополитики», был близок к руководству нацистской партии и оправдывал ее агрессивный курс необходимостью обеспечить «жизненное пространство» для немцев.

В плане территориальной экспансии у Гитлера были две главные цели. Во-первых, решающая победа над Францией, «непримиримым врагом» немецкого народа. В оценке Гитлера, французы – угроза для существования европейской белой расы, они все более смешиваются с неграми. Ну а затем серьезные территориальные приобретения на Востоке – Россия и ее «вассальные» пограничные государства. «Для нас подарок судьбы, – рассуждает Гитлер, – что ныне евреи контролируют Россию, так как, будучи разрушителями, а не строителями культуры, они в конце концов не смогут сохранить единство империи. Международное еврейство, которое правит Россией через большевиков, стремится завоевать и Германию путем большевизации».

Внешняя политика нацизма, по Гитлеру, будет оправдана, если через 100 лет 250 миллионов германцев – крестьян и рабочих – просторно расселятся по Европе, а не будут стиснуты на небольшой территории, выполняя роль фабричных кули для всего остального мира.

Нацизм – это философия насилия. Оно восхвалялось, поощрялось, объявлялось долгом и доблестью человека. Одним из предшественников Гитлера в культе насилия был знаменитый немецкий философ Освальд Шпенглер (1880 – 1936 гг.), автор книги «Закат Европы». Он считал чувство симпатии беззубым, а человека хотел видеть «хищным зверем, храбрым, хитрым и жестоким». Хищный зверь для Шпенглера – образец высшей формы жизни. Человек должен походить на льва, который не потерпит в своем логове равного себе, а не на корову, которую гонят куда угодно.

– Насилие – основной постулат нацизма как во внешней, так и во внутренней политике. Оно применяется ко всем несогласным. Один из нацистских теоретиков профессор права Карл Шмитт в очерке «О понятии политического» (1927) полагал, что различие между другом и врагом является ядром политики и столь же важно, как противопоставление добра и зла в морали, прекрасного и уродливого в эстетике. Розенберг доказывал, что у нации должна быть одна политическая вера, а отсюда право национал-социалистов на нетерпимость во имя обеспечения единства нации в мыслях и действиях. «Мировая теория (а именно на этот ранг претендовал нацизм) нетерпима, – рассуждает Гитлер, – и не согласна на ста-

тус одной из партий среди ряда других. Политические партии всегда готовы к компромиссу... Мировые теории никогда».

Среди врагов нацизма на первом месте наряду с евреями фигурировал коммунизм. Гитлер был одержим идеей антикоммунизма и доказывал, что он спасает Европу от коммунизма.

Политическая система, рассчитанная на борьбу с врагами, строится на антидемократической основе. «Так же, как высшая раса призвана управлять низшими расами, – пишет Гитлер, – так же и в рамках высшей расы власть должна быть предоставлена высшим личностям; решающее значение должно иметь не большинство, а личные достоинства. Марксизм и парламентские государства делают ударение на массах и на большинстве, игнорируя различия между людьми. Вместо этого следует установить иерархию лидеров по военному образцу, каждый из них обладает абсолютной властью над подчиненными и несет абсолютную ответственность перед высшими начальниками. Должны быть и парламент, и советы на разных уровнях, но их назначение — просто советовать соответствующим лидерам, а не принимать решения большинством голосов. Только лидер на каждом уровне принимает решения».

Важнейший элемент структуры, обеспечивающей диктаторскую власть лидера, – нацистская партия. «Подлинно национальное германское государство должно быть создано на практике боевой партией, которая не желает оставаться одной из партий среди других, но требует полного переустройства национальной жизни в соответствии со своими идеями. Она должна использовать все доступные средства, чтобы сломать существующие порядки. Она должна объединить наиболее энергичные и мужественные элементы нации в компактную боевую группу».

Члены партии не должны знать всех замыслов руководства. Достаточно, чтобы они овладели несколькими идеями и отличались фанатической преданностью им. Проводится различие между симпатизирующими и активными членами партии, которые действуют и рискуют. С приходом к власти рекомендуется еще строже ограничить членство в партии, чтобы позволить ее первоначальному ядру безраздельно управлять всеми процессами. Партия формируется вокруг вождя (фюрера). «Только через руководство одного человека может быть обеспечено необходимое единство программы и реальной борьбы, – заявляет Гитлер. – Необходимо, чтобы кто-то руководил, и человек подтверждает свое право на руководство, достигая или устанавливая его». Лидер обладает особыми качествами. «Искатель истины может сформулировать возвышенные общие идеи, но

вождь, чувствующий ограниченность и страсти народного мышления, должен свести идеал к особой программе и обеспечить ей безусловную верность боевой партии». «Сочетание теоретика, организатора и вождя в одном лице – редчайшая вещь на Земле. Это сочетание делает человека великим».

Идеи вождизма получили в нацизме очень яркое выражение. Культ фюрера — важнейший компонент нацистской веры. «Мы, нацисты, – говорил Геринг, – верим, что в политических делах Гитлер непогрешим, так же, как католики верят, что в религиозных вопросах непогрешим папа. Его воля – закон для меня».

Обожествление фюрера сочетается с презрением к простому народу и с беззастенчивым манипулированием им с помощью всего карательного и пропагандистского аппарата тоталитарного государства. «Из-за примитивной простоты их (т. е. народных масс. – О. М.) сознания, – откровенничает Гитлер, раскрывая секреты своего политического искусства в худших традициях макиавеллизма, – они легче становятся жертвой большой, чем малой лжи, так как сами они врут по незначительным вопросам и устыдились бы слишком большого обмана. В таких случаях опровержения никогда не достигают полностью своей цели, и какая-то часть самой наглой лжи всегда остается и пристаёт. Факт, известный всем великим лжецам и широко ими используемый».

Пропаганда, разъясняет Гитлер, должна быть рассчитана на народ и приспособлена к восприятию наименее интеллектуальными лицами из тех, к кому она обращена. Поэтому ради эффективности ее следует свести к нескольким пунктам. Одна из важнейших задач политика состоит в том, чтобы сделать свои предложения понятными «стаду глупых баранов» и заручиться их поддержкой. Это достигалось не только доходчивостью лозунгов и аргументов, но и тоталитарным контролем над средствами массовой информации. «Я намерен играть на печати, как на фортепиано», – говорил Геббельс.

В плане экономической политики нацизм напоминает итальянский фашизм, сочетавший филиппики в адрес капитализма с охраной основ этого строя. Гитлер говорил о соединении национализма с чувством социальной справедливости. Нельзя, утверждал он, гордиться нацией, половина которой живет в бедности. Но клеймя и проклиная богачей и спекулянтов, он не посягал на их могущество, ограничиваясь государственным контролем. Дальше ликвидации еврейского капитала (по мотивам расовым, а отнюдь не социальным) дело не пошло.

Основные черты политической идеологии фашизма, выводимые в качестве общего знаменателя из двух его наиболее развитых форм, — итальянского фашизма и германского национал-социализма, сводятся к следующему: культ нации на расистской основе (Германия) или национального государства (Италия); прямые призывы к насилию и войне ради завоевания и удержания власти, а также для обеспечения империалистических притязаний; презрение к демократии, свободе, равенству, правам человека, законности, гуманизму; концентрация власти в руках фашистской партии и вождя; тоталитарное государство; искоренение инакомыслия и плюрализма; сохранение существующего социально-экономического строя при введении сильного государственного контроля и регулирования. Политическая платформа фашизма — оправдание открытой и террористической диктатуры. [В основу текста положены материалы учебника: История политических и правовых учений/ Под общ. ред. Проф. О. В. Мартышина. — М.: Норма, 2004. — Авторы материалов: Н. М. Азаркин, В. Н. Жуков, Ю. С. Завьялов, О. В. Мартышин]

ТЕМА 13. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

13.1 Политическая и правовая мысль религиозных философов. С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев.

13.2 Монархическое направление в правовой и политической мысли. И. А. Ильин, И. Л. Солоневич.

13.3 Евразийство как политическое учение и общественное движение. Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, Л. Н. Гумилев.

13.4 Юридический позитивизм. Г.Ф. Шершеневич.

13.5 Социологический позитивизм. С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский.

13.6 Теория возрожденного естественного права. П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский.

13.7 Психологическая школа права. Л. И. Петражицкий.

13.8 Анархизм. П. А. Кропоткин.

13.9 Буржуазный либерализм. П. Б. Струве.

13.10 Марксизм и советская правовая теория. В. И. Ленин, М. А. Рейснер, П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис, Д. Я. Вышинский.

13.1. Политическая и правовая мысль религиозных философов. С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев

Сергей Николаевич Булгаков (1871 – 1944), религиозный философ, богослов, экономист, публицист и общественный деятель, родился в семье потомственного священника. Первоначально он учился в Орловской духовной семинарии, но, испытав кризис веры и став атеистом, продолжил свое образование сначала в гимназии, а затем на юридическом факультете Московского университета. Окончив его в 1894 г. по кафедре политической экономии и статистики, Булгаков начинает преподавать в Московском техническом училище и интенсивно занимается наукой (в основном политэкономией). В 1890е гг. Булгаков – один из видных теоретиков легального марксизма. Однако на рубеже веков его воззрения эволюционировали от атеизма и марксизма к идеализму, православию и либерализму. Он стоял у истоков создания партии кадетов, избирался депутатом II Государственной думы, редактировал ряд либеральных журналов. Его антиреволюционная, консервативно-либеральная позиция отразилась в статьях сборников «Вехи» и «Из глубины».

В 1918 г. Булгаков стал священником; он принимал активное участие в работе Поместного собора Русской православной церкви (1917 – 1918). В 1922 г. Булгаков был выслан советским правительством в Турцию. В эмиграции он сначала занимал должность профессора церковного права и богословия на юридическом факультете Русского научного института в Праге (1923 – 1925), а затем, вплоть до своей кончины, был профессором богословия и деканом Православного богословского института в Париже. Заметной была деятельность Булгакова в экуменическом движении (деятельность по объединению христианских конфессий).

Творчество Булгакова развивалось под заметным влиянием идей Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева и П. А. Флоренского. Теоретической базой его религиозной философии была православная догматика в изложении отцов Восточной церкви. Политические идеи Булгакова, являющиеся составной частью его религиозно-философского учения, наиболее полно представлены в сборнике «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (1911) и книге «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» (1917).

Булгаков создал религиозно-философскую систему, в наибольшей степени (по сравнению с другими русскими религиозными философами) приближенную к ортодоксальному православию. Исходя из библейских

догматов, он пытался рационалистически обосновать связь Бога, мира и человека. Будучи сторонником апофатического богословия (установление абсолютной трансцендентности Бога путем последовательного отрицания всех его атрибутов), Булгаков полагает, что Бог, создав мир, остался от него бесконечно далек, а факт первородного греха погрузил мироздание во зло. Но первородный грех принес с собой не субстанциональную, а функциональную порчу мира: мир лежит во зле, но не есть зло. Более того, Творец постоянно обнаруживает себя в мире, который представляется Булгакову как становящийся Бог. Творя мир, Бог тем самым и себя ввергает в творение, создавая мироздание по своему образу и подобию. Отсюда у Булгакова возникает уверенность в том, что мир и человек снова придут к Богу. Поэтому историю мироздания он понимает как процесс воссоединения мира с Богом. Центральная роль в этом деле отводится человеку. Поскольку именно человек, совершив первородный грех, обрек весь сотворенный мир на страдание, то только ему, обладающему свободой, творческими способностями и религиозным чувством, под силу восстановить утраченную связь с Богом. Но человек показал свою несостоятельность на этом пути, что потребовало от Бога нового акта творения – боговоплощения: Христос («новый Адам»), заменив собой «ветхого Адама», является единым и универсальным всечеловеком, соборным человечеством. Таким образом, богочеловек Иисус Христос задает человечеству ориентир его развития максимально приблизиться к Творцу и стать Богочеловечеством.

История человечества, стремящегося к своему религиозному идеалу, протекает, по Булгакову, в различных социальных формах (искусство, хозяйство, государство, право и т. д.). Как он полагает, подлинную, мистическую природу общества можно понять только через призму христианства. Все человечество представляет собой единый организм – тело Христово, в которое можно войти только через церковь. Для Булгакова понятия «тело Христово», «Вселенская церковь», «религиозная общественность» (т. е. общество) тождественны. Отдельный человек становится членом общества по существу, а не формально лишь тогда, когда приобщается к церкви Христовой и становится церковным человеком. Организация «религиозной общественности» строится не только на принципах свободы и равенства, но также на началах иерархичности и принудительности. Такой изначально заложенный антагонизм между свободой и принудительностью, равенством и иерархичностью должен разрешаться на основе любви к Богу и ощущения братства всех во Христе. Реальное общество всегда потенци-

ально содержит в себе идеал «религиозной общественности» и стремится к нему на пути восхождения к Богочеловечеству.

В контексте такой историософской и богословской схемы Булгаков рассматривает власть, государство и право. С его точки зрения, власть имеет религиозную природу; она мистична, темна и иррациональна. Булгаков говорит даже о религиозном инстинкте власти. Он задается вопросами, почему власть, как темная тень, является всюду, где только возникает сообщество людей, почему «аморфное и студенистое тело общественности выделяет из себя кристаллы власти, из которых затем образуется ее костяк». Ответы на них Булгаков находит в структуре Божественного мироздания. Основой отношения Бога к миру и человеку является всемогущество Творца, его абсолютная власть, которая и структурирует миропорядок по принципу иерархичности. Власть, идущая от Бога, создает религиозную норму иерархического построения мира. Общество, будучи элементом мироздания, также существует на иерархических началах. Власть в обществе становится таковой потому, что она представляет собой образ и символ всемогущества Бога, а также потому, что только Бог дает человеку силу власти. Библия далеко не случайно, отмечает Булгаков, определяет и «град небесный», и «град земной» как царства, а Иисуса Христа называет «Царем царствующих» и «Господом господствующих». В этой связи Булгаков критикует концепцию общественного договора, согласно которой власть возникает по воле людей. Рационалистически и утилитаристки понимаемая власть, по его мнению, не просуществовала бы и дня. И монархия, и республика держатся на мистическом восприятии власти (пусть часто даже неосознанно). Эпоха европейских революций Нового времени, когда, с его точки зрения, проявился глубочайший кризис власти, как раз и показала всю пагубность утилитарно-рассудочного политического сознания.

Булгаков (вслед за Блаженным Августином и Мартином Лютером) отмечает двойственный характер власти, ее одновременную греховность и благодатность. Земные человеческие учреждения власти устанавливаются после грехопадения Адама и Евы, когда взаимоотношения людей на основе любви оказались невозможны. Греховность человека, толкающая его на путь преступления, сделала необходимым появление внешней сдерживающей силы – государственной власти. Булгаков подчеркивает, что власть несет на себе печать богоотчужденности, воспринимается как «тягота и плен», «беспощадная принудительность». Но, с другой стороны, феномен власти отражает Божью благодать, т. е. стремление Творца защитить жизнь человека на земле с помощью государства.

Булгаков дает и психологическое объяснение власти. По его мнению, властеотношения слагаются из властвования и подчинения, мужского (активного) и женского (пассивного) начал. Если мужскому началу соответствует стихия насилия, то для женского начала характерны любовь и сострадание. Осуществление властеотношений в реальности, во внешних своих проявлениях всегда означает борьбу власти и подвластных, мужского и женского начал. Однако внутренняя природа мужского и женского начал ориентирует их не столько на борьбу, сколько на любовь. Таким образом, глубинной основой властеотношений является любовь, «эротический союз» власти и подвластных, который, по Булгакову, наиболее явно ощущается во время войны (патриотический подъем, массовый героизм на фронте). В обществах бессознательно живет стремление к «эротическому союзу» между властью и подвластными, что постоянно стимулирует, по Булгакову, мыслителей создавать теории, обосновывающие идею социальной гармонии (Платон, славянофилы).

Много внимания Булгаков уделяет такой традиционной для русских религиозных философов теме, как соотношение нации и государства. Как он полагает, нация есть «творческое живое начало», «духовный организм, члены которого находятся во внутренней живой связи с ним». Основой нации, ее ноуменальной сущностью является национальный дух, мистически пронизывающий и объединяющий индивидов. В этом смысле нация представляет собой некую мистическую реальность, которая проявляет себя в культуре и ее производных – государстве и праве. Булгаков подчеркивает, что «государства создаются не договором космополитических общечеловеков и не классовыми или групповыми интересами, но самоутверждающимися национальностями, ищущими самостоятельного исторического бытия». Нация первичнее государства, а «государства национальны в своем происхождении и в своем ядре». Даже те государства, отмечает он, которые в своем окончательном виде состоят из многих народностей, возникли в результате государствообразующей деятельности одного народа, который и является в данном смысле господствующим. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства наций – их исторической равноценности в создании и деятельности государства все же не установить.

Полемизируя с Марксом, Булгаков проводит мысль о том, что национальное чувство сильнее классовой солидарности: если пролетариями и капиталистами люди становятся, то принадлежность к нации дается от рождения. Классы существуют внутри нации, не рассекая ее на части. Осо-

бенно ярко это проявляется во время войны, когда пролетариат инстинктивно тянется к союзу со своей национальной буржуазией, а не к рабочим враждебной страны. Случаи разрушения национального государства классовыми конфликтами Булгаков считает патологическими. Государство, делает он вывод, есть надклассовый орган, выражающий волю всей нации. Эмпирическое государство существует только потому, что на интуитивно-мистическом уровне, в недрах национального правосознания оно уже возникло и живет. Создавая государство, мистически понимаемая национальная воля формирует тот фундамент ценностей и приоритетов, который предопределяет характер и содержание всех социальных отношений (в том числе классовых).

Обращает на себя внимание попытка Булгакова теоретически разрешить конфликт между интересами национальных государств на основе христианских принципов. С одной стороны, Булгаков прямо заявляет, что деятельность всякого государства основана на «здоровом национальном эгоизме», «чувстве национально-государственного самосохранения». В современную империалистическую эпоху, отмечает он, когда обостряется борьба между странами, укрепление государственного могущества становится объективной необходимостью. Но вместе с тем Булгаков полагает, что «Бог выше нации, и единение в Боге – выше национального единства». Противоречие между национальными интересами и религиозными нормами он решает в пользу последних. В противном случае, с его точки зрения, внешняя политика государства может стать международным разбоем.

Право, как и государство, по Булгакову, является результатом грехопадения человека, представляет собой некую необходимость, которая может в чем-то противоречить нормам религии и морали. Естественное право, наиболее приближенное к религии и морали, есть идеал для права позитивного. Хотя право не совпадает (и не может совпадать) с моралью и религией, в его основе лежат религиозно-моральные императивы. Христианская нравственность обязана быть судьей права (идеального и позитивного). Если право перестает соответствовать правосознанию и отвечать общественным потребностям, оно должно быть изменено, но не революционно, а путем реформ.

Одним из центральных элементов политических воззрений Булгакова является проблема теократии. Поскольку власть коренится в богоустановленном миропорядке, «онтологическим ядром» государства является идея боговластия, потенциально в нем заложенная Творцом и стремящаяся к реализации в действительности. Иначе говоря, государственная власть имма-

нентно содержит в себе тенденцию перерасти свои земные, относительные формы и прийти к боговластию. А после появления Иисуса Христа, истинного царя царствующих, ожидания теократии стали еще более сильными. Но Булгаков специально оговаривается, что вопрос о практическом переходе к теократии в основном остается темным, на уровне «смутных предчувствий». В принципиальном же плане речь идет у него о преодолении реальной политики и замене ее Божьим откровением; общество должно изжить в себе политико-правовые нормы и прийти к непосредственному богообщению. Единственным связующим звеном между существующим историческим государством и грядущей Божественной теократией (иначе говоря, Царством Божьим) Булгаков считает церковь.

Отсюда во многом богословская тема теократии переходит у Булгакова в более конкретную и предметную проблему соотношения государства и церкви. Истоки данного вопроса восходят, по его мнению, еще к дохристианскому миру. Языческим народам (особенно в Древнем Египте, Древнем Риме), имевшим обостренное религиозное чувство, было свойственно отождествлять государственную и божественную власть, относительное и абсолютное. Обладая религиозным видением и неосознанно стремясь к теократии, они из земных царей делали идолов и тем самым устанавливали лжетеократию. Учение Христа разделило в сознании людей земную власть и теократию. В практическом отношении это означало, что государство перестало быть предметом религиозного поклонения и приобрело характер греховности, ущербности, брэнности. В то же время идеал теократии стал считаться недостижимым в реальной человеческой истории, а его реализация связывалась со вторым пришествием Иисуса Христа, Страшным судом и установлением Царства Божия. В итоге идеология раннего христианства выразилась, по Булгакову, в желании верующих быть независимыми от государства в религиозном отношении, но политически оставаться лояльными к власти.

Основные трудности во взаимоотношениях между государством и церковью начались, как полагает Булгаков, со времени возведения христианства в ранг официальной государственной идеологии. Вопрос о соотношении государства и церкви был по-разному решен в Западной и Восточной церквях. В римско-католической церкви осуществился принцип папозаризма, согласно которому высшая церковная власть подчинила государственную, а папа превратился в «универсального харизматика» наподобие египетского фараона. Булгаков подчеркивает, что в данном случае произошла «чудовищная подмена», попытка внедрить абсолютный теокра-

тический идеал в земные политико-правовые формы привела к грубому искажению христианства и установлению лжетеократии. Принципиально иной была картина в Восточной церкви (прежде всего в Византии и России), где отношения между государством и церковью строились на основе «симфонии» (согласованность и гармоничное соответствие элементов целого). Согласно данной теории церковь и государство независимы друг от друга, сферы их компетенции строго распределены, монарх является членом церкви, подчиняется религиозным нормам, но политически самостоятелен. Симфония государства и церкви обеспечивала чистоту вероучения, создавала благоприятные условия для религиозного совершенствования как самой власти, так и общества в целом. Отдельные проявления цезаропапизма (церковь подчиняется государству, монарху принадлежит государственная и церковная власть) в Византийской империи не смогли, по Булгакову, нарушить принцип симфонии.

Несмотря на то что в лоне православия было найдено верное, с точки зрения Булгакова, соотношение государства и церкви, он не считает возможным механически переносить опыт Византии и России в условия XX в. Во-первых, он предлагает отказаться от того мнения, будто православие обязательно предполагает монархическое правление. Здесь Булгаков фактически развивает идеи Всероссийского Поместного собора 1917 – 1918 гг., который вынужден был выработать новую политическую стратегию после краха российской монархии и установления советской власти. Булгаков полагает, что между православием и тем или иным политическим строем не существует никакой «внутренней и нерушимой» связи, а потому «православные могут иметь разные политические взгляды и симпатии». Во-вторых, он выступает за отделение церкви от государства, что дает церкви, по его убеждению, свободу беспрепятственного развития, освобождает от ответственности за политическую власть. Церковь, не отказываясь от влияния на общество и государство, должна осуществлять свою деятельность не путем принуждения сверху, а на основе свободы — «снизу, из народа и через народ». Выдвигаемый Булгаковым принцип отделения церкви от государства носит подчеркнуто формальный характер, так как по существу в измерении христианской догматики он остается сторонником теократии.

В этой связи представляет интерес взгляд Булгакова на светское государство. Начало секуляризации государства было положено, по его мнению, римско-католической церковью. Низведя идеал теократии до уровня практической политики, папоцезаризм фактически лишил власть ореола

святости. Эпоха Возрождения и гуманизма завершила этот процесс, заменив религиозное сознание утилитарно-рационалистическим и поставив человека на место Бога. Замена религии Богочеловечества на религию человеко- и народобожества привела к абсолютизации ценности государства. Народная воля, правовое государство становятся культом в религии демократического человекобожия. В конечном итоге секулярное правовое государство превращается в своеобразную лжецерковь, а общество отрывается от Бога. Секуляризация власти, считает Булгаков, ввергает правосознание современных обществ в глубокий и длительный кризис.

Но Булгаков отмечает также и позитивные результаты секуляризации государства. Во-первых, утилитарно-рассудочное отношение к власти привело к ее гуманизации, а государство сделало правовым. В практике светского государства ярко проявились связанность власти правом и естественно-правовые основы законодательства. Правовое государство, защитив права и свободы человека, выполнило свой «религиозно-этический минимум». Во-вторых, в результате процесса секуляризации, обмирщения власти в сознании людей произошло четкое разграничение земного, реального государства и Божественной теократии. Это создало необходимые предпосылки для возрождения идеи теократии. Таким образом, выход из кризиса современного либерального правосознания Булгаков видит на пути возвращения к религиозным ценностям и развития идеи теократии.

По своим политическим убеждениям Булгаков – монархист. Но следует при этом отметить нетвердость и непоследовательность его монархических воззрений, которые окончательно сложились лишь к 1917 г. Чем более нарастала революционная волна в России, чем более Булгаков сближался с Русской православной церковью, тем заметнее проявлялся в нем консерватизм. Установление диктатуры большевиков заставило его окончательно отказаться от идей социализма и демократизма в пользу монархических ценностей.

С христианской точки зрения, по Булгакову, монархия является лучшей формой правления, поскольку она в наибольшей степени отражает установленную Богом иерархию и выражает духовное религиозно-монистическое начало мира. Под свободой подданных он понимает не внешнее формальное равенство, а христианский «подвиг смирения и самоограничения». Булгаков выступает против абсолютизма монарха, полагая, что помазанник Божий есть только человек, имеющий слабости и способный ошибаться. Он предлагает рассматривать монархическую власть как

дело всего народа, в котором политическая инициатива и ответственность распределены между подданными.

Россия, по Булгакову, представляет собой страну с преобладающим монархическим правосознанием. Любовь к царю была стихийным чувством русского народа, на котором строилась российская государственность. Национальное правосознание, всегда стремившееся к теократии, наиболее рельефно проявилось в воззрениях Ивана IV (царь получает власть непосредственно от Бога и ответствен только перед ним). Поскольку установление подлинной теократии Булгаков связывает со вторым пришествием Иисуса Христа, то любые попытки (в том числе и Ивана IV) реализовать теократическую идею в условиях греховного мира видятся ему вредными. Поэтому он позитивно оценивает реформы Петра I, положившего начало разделению функций государства и церкви, формированию светской политической власти. Однако в последующие два столетия самодержавие в России все более утрачивало свой мистический характер, что в корне подрывало монархию. Апогеем секуляризации монархической власти стало царствование Николая II, которое было «непрерывным самоубийством самодержавия» (агрессивная внешняя политика, жестокость к собственному народу, государственная бездарность и прирожденное безволие монарха) и соответственно гибелью России.

Николай Александрович Бердяев (1874 – 1948) родился в аристократической семье, учился в Киевском кадетском корпусе. В 1894 г. Бердяев становится студентом естественного факультета Киевского университета, а через год переходит на юридический факультет. В студенческие годы он приобщается к марксизму и вступает в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За участие в революционной пропаганде его арестовывают (1898), исключают из университета и приговаривают к ссылке на три года. Постепенно Бердяев переходит на позиции либерализма (примерно с 1903 г.), работает в «Союзе освобождения» (прообраз будущей партии кадетов). В этот же период формируется его религиозное мировоззрение; он сотрудничал в религиозных журналах, был одним из учредителей и активных членов «Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева». Бердяев – участник сборников «Вехи», «Из глубины». Свержение самодержавия Бердяев восторженно приветствовал. Октябрьская революция вызвала у него сугубо негативную оценку. После двух арестов он был выслан из России. В эмиграции Бердяев жил преимущественно в Кламаре под Парижем, занимался в основном философским творчеством, культурно-общественной и редакционно-издательской деятельностью. В период Вто-

рой мировой войны, чувствуя себя русским патриотом, он открыто выступал в поддержку Советского Союза. В 1947 г. Бердяеву было присуждено звание доктора Кембриджского университета.

Творческое наследие Бердяева огромно: 43 книги и около 500 статей. Бердяев – один из самых известных и читаемых русских философов на Западе. Своими идейными предшественниками он считал средневекового философа Д. Скота, немецкого мистика Я. Беме, И. Канта и Ф. М. Достоевского. Большое влияние на него оказало учение К. Маркса. Будучи по преимуществу философом, Бердяев сравнительно много писал о политике, считая ее важной составной частью социального бытия человека. Наиболее полно его политические воззрения представлены в таких сочинениях, как «Судьба России» (1918), «Философия неравенства» (1923), «Царство Духа и царство Кесаря» (изд. 1949).

Христианская философия Бердяева персоналистическая (признание личности первичной реальностью и первоэлементом бытия) и экзистенциальная (осмысление человеком мира через призму своего индивидуального существования). Бердяева отличает стремление пересмотреть многие догматы православной церкви. Он полагает, что церковь исказила учение Христа, придав ему «садистический» характер (церковь насилует свободу человека). Бердяев критикует «рабью» идею смирения, выступает против аскетизма (в том числе в вопросах пола), отвергает положение о вечном аде. Он противник того, чтобы рассматривать связь Бога и человека как отношения судьи и подсудимого, а христианство – в качестве насильственной и карательной системы мировоззрения. Учение Христа, по его мнению, глубоко персоналистично, поскольку считает человека высшей ценностью мира и направлено на раскрепощение его жизненных сил. Отсюда вытекают две главные темы его религиозной философии – обоснование свободы и творчества.

В созданной Бердяевым персоналистической картине мира свобода и творчество приобретают онтологический характер, становятся своеобразной основой мироздания. Серьезно отступая от догматов христианства, Бердяев рассматривает Бога как результат свободного творчества некоего первобытного хаоса, добытийного ничто. Свобода и творчество, будучи неотъемлемыми качествами ничто, переносятся на Бога, который, в свою очередь, воплощает эти начала в создаваемых им мире и человеке. Таким образом, свобода и творчество не только существуют в Боге и исходят от него, но и не могут быть ограничены им. Свобода, по Бердяеву, это и есть Бог, и отречение от нее означало бы богоотступничество. Философ полага-

ет, что быть свободным есть своего рода долг человека перед Богом. Творчество также диктуется человеку Богом. Переживание личностью своей греховности должно вести не к самоуничтожению и подавленности, а к творческому подъему, желанию преобразить себя и мир на пути к Богу.

Бердяев различает мир Духа, где господствует Бог, свобода и творчество, и мир Кесаря, т. е. земной мир греха и страданий. Такой довольно традиционный для религиозных мыслителей взгляд на мироздание (два града Августина и т. п.) он дополняет идеей объективации. Мир Духа абсолютен, реален и первичен, является основой эмпирического, конечного и потому иллюзорного мира. Земной мир есть лишь «частный случай» в развитии духа, его объективированная (т. е. внешне выраженная и застывшая) форма. Объективация духа, претворяясь в культуру, общество, государство и право, сковывает свободу и творчество человека, делает его заложником «социальности» и «коллективности». Поэтому задача экзистенциальной личности сводится к тому, чтобы устранить господство социальных форм, восстать против власти объективированной действительности и осуществить прорыв в царство Духа. Господство объективированного мира должно закончиться со вторым пришествием Иисуса Христа, что будет означать конец человеческой истории. Желая полного освобождения личности, Бердяев с нетерпением ждет этого конца. Религиозно-экзистенциальный максимализм Бердяева делает его своеобразным революционером духа, видящим в социальных формах (прежде всего государстве и праве) злое начало.

Политические воззрения Бердяева, эклектичные и часто противоречивые, отличаются парадоксальным соединением консерватизма и радикализма, либерализма и социализма, национализма и космополитизма. Чтобы привести идеи философа к какой-то системе, следует разграничить религиозно-философский и политический пласты его творчества. В основе религиозной философии Бердяева лежит ярко выраженный эсхатологизм (учение о конечных судьбах мира и человека, ожидание близких катастроф), что делает его революционно настроенным по отношению ко всему земному и преходящему. В качестве революционера духа он отвергает не только общество, государство и право, но и весь падший во грех мир, желает его скорой гибели во имя будущего воскресения во Христе. Но, с другой стороны, и в России, и в эмиграции Бердяев, рассматривая вопросы практической политики, в основном стоял на консервативно-либеральных позициях, признавал ценность социального порядка, власти и права. При этом, конечно, надо иметь в виду, что у Бердяева религиозно-философские

и политические идеи не существуют автономно, а взаимообуславливают друг друга, их разделение весьма относительно.

Ведущими, базовыми мотивами его политических воззрений были консерватизм и аристократизм. Как полагает Бердяев, в человеческом обществе борются две силы: Бог и первобытный хаос. Если хаос направлен на деструктуризацию и деградацию общества, стремится ввергнуть его в первоначальное небытие, ничто, то Бог, напротив, иерархически организует людей, что освобождает их от власти хаоса. Таким образом, организованность есть социальная и божественная ценность, дающая людям свободу и проявляющаяся в консервативном и аристократическом началах. Консерватизм, по Бердяеву, олицетворяет «первичную» связь Бога-Отца и Бога-Сына, соединяет будущее с прошлым, сохраняет и воскрешает вечное и нетленное. Консерватизм наделяет общество способностью сопротивляться насилию над его органической природой, тогда как безудержная социальная революционность ведет к хаосу и обрекает народ на гибель. Но консерватизм должен соединяться с творческим началом, он не вправе задерживать жизнь. Аристократизм, по Бердяеву, есть также один из вечных божественных принципов общественной жизни. Любое общество выделяет в себе правящее меньшинство, т. е. аристократию. Аристократизм представляет собой качество врожденное, а не приобретенное. Бердяев даже говорит о том, что существование «белой кости» есть неопровержимый антропологический факт, это предполагает благородство, щедрость и терпимость. Бердяев понимает аристократизм (в том числе в лице дворянства) как служение, а не как право и привилегии. Только аристократии, делает он вывод, доступно истинное понимание свободы и творчества, присущи подлинными способностями к созиданию.

Если консерватизм и аристократизм организуют общество, выводя его из плена хаоса, то анархизм, по Бердяеву, в своем стремлении свергнуть все авторитеты ведет общество к гибели, к небытию. Анархизм отстаивает предельную автономизацию и атомизацию, приводит к оторванности личности от Бога и, как следствие, к ее распаду. Психология анархиста основана на чувстве обиды, жизненной неудаче и злопамятстве, он не обладает материальной и духовной собственностью и поэтому считает себя обездоленным. Бердяев обращает внимание, что в практической политической жизни анархизм всегда сменяется деспотизмом.

Подобно многим другим христианским мыслителям оценивает Бердяев и государство. Оно, по его мнению, глубоко мистично и не поддается рациональному объяснению. Государство представляет собой особую реаль-

ность, не выводимую из интересов или рассудка; оно не может создаваться и разрушаться по человеческому произволу. Подчеркивая иррациональный характер власти, Бердяев отмечает, что покорность масс есть своего рода безумие, состояние гипноза. В этой связи он критикует теорию общественного договора Руссо, в основе которой, по его мнению, лежит утопическое представление о способности людей создать государство по своей воле и на разумной основе. Для него очевидно, что государственная власть исходит как от Бога, так и от дьявола. Государство возникает в результате грехопадения мира, как ответная реакция на появление зла, как внешнее силовое средство, направленное против звериного начала в человеке.

По воле Бога выступая в качестве организатора первичного человеческого хаоса, государство принудительно поддерживает минимум свободы, добра и справедливости. Но делает оно это не из любви к добру и свободе, а в силу необходимости установления порядка. Вместе с тем государство, борясь со злом, неизбежно несет с собою зло, поскольку преобладающим началом в нем является насилие. Возникнув как следствие акта насилия одного человека над другим, государство в дальнейшем стремится постоянно наращивать свою мощь. Власть часто губительно действует на правящих и на подвластных, она деморализует, развращает, расковывает страсти и бессознательные инстинкты. Государственная власть всегда стремится перейти свои границы и стать абсолютной.

Бердяев выступает решительным сторонником ограничения власти государства. С позиций экзистенциально-персоналистической философии, считающей человека высшей ценностью земного мира, такой подход выглядит естественным и оправданным. Определить границы государственной власти стало возможным, как он полагает, только с возникновением христианства, которое, разделив миропорядок на царство Духа и царство Кесаря, сделало свободу человека неподвластной государству. Права и свободы человека имеют субстанциальный, вечный характер, они первичны и фундаментальны по отношению к государству, которое по своим свойствам вторично, функционально, отражает бренность конечного мира. Государство находит материальный предел в правах человека, нарушение которых будет означать попытку изменения богоустановленного порядка. В этой связи Бердяев отводит праву хотя и ограниченную, но позитивную роль. Несмотря на то, что право порождено грехом, относится к сфере объективированного мира и калечит человека своим унифицированным подходом, оно также и охраняет его свободу от произвола других лиц. Тем не менее в перспективе право, по Бердяеву, должно быть преодолено в Боге.

Важнейшая тема творчества Бердяева – анализ и критика с позиций эсхатологизма и религиозного экзистенциализма современной ему эпохи, культуры и сознания народов Запада и России в XX в. Он полагает, что так называемый цивилизованный мир (прежде всего европейские общества) закончил длительный этап своего развития (XVI—XIX вв.), основанный на идеях рационализма, гуманизма и индивидуализма, и вступил в эпоху тьмы и иррационализма. Бердяев характеризует современность как начало нового Средневековья, цивилизованного варварства, как время катастроф и обостренной борьбы Бога и дьявола. Основная тенденция в развитии современного мира – дехристианизация и дегуманизация культуры и человека, что ставит человечество на край гибели. Войны и революции начала века показали всю эфемерность теории прогресса и культурных завоеваний человечества, пробудили древнейшие инстинкты (расы, власти, насилия, мести) и полностью обесценили личность. Человек XX в. оказался обобществленным и национализированным, растворенным в обществе, государстве, классе, нации, расе. Лишившись личной жизни, свободы и творчества, современный человек потерял ценность и самобытность, превратился в социальную функцию. На авансцену истории вышли огромные человеческие коллективы, массы, которые исповедуют новые ценности (аморализм, жестокость) и активно осуществляют их.

В массах, массовой культуре для Бердяева сосредоточено все мировое зло, в них он видит основной источник опасности для личности. Силы первобытного хаоса, взорвавшие европейскую цивилизацию и сбившие привычные жизненные ориентиры, заставили человека отказаться от свободы и искать твердой опоры и спасения в принудительной социальной организации, массовых коллективах. Бытие личности начинает проявляться исключительно в социальных, а не индивидуальных формах. Бердяев резко критикует массовое сознание, психологию и культуру. У масс, по его мнению, воля к правде заменяется на волю к могуществу, личная совесть парализуется и заменяется коллективной, бесчеловечность возводится в принцип и становится признаком героизма. Массы легко поддаются внушению и быстро переходят в состояние бессознательной агрессивной одержимости, они принимают лишь простую, элементарную символику. Идеалами нового средневековья, которым поклоняются современные народы, являются техника, нация, раса, государство, класс. Отрекшись от свободы, массы ищут вождя, который поведет их за собой и принесет им избавление от социальных тягот и проблем.

Разложение и упадок цивилизованного мира, его дехристианизация и антиперсоналистическая направленность проявляются во всем: в капиталистическом хозяйстве и технике, революциях и войнах, либеральных и демократических режимах, коммунистических и фашистских диктатурах.

Капитализм, как полагает Бердяев, представляет собой разительный показатель глубокой греховности мира, где осуществляется принцип «человек человеку волк». Свобода труда, провозглашенная в Новое время, сначала обернулась эксплуатацией труда, а затем превратилась в свободу безработных. Экономическая зависимость, отсутствие гарантированного материального достатка лишают человека свободы. Отождествляя человека с товаром и вовлекая его в общественное производство, капитализм обобществляет и унифицирует личность. Огромную роль в деперсонализации человека играет техника, которая абстрагируется от индивидуальности и уподобляет его машине. Капиталистические общества, накопив неисчислимые страдания, злобу и ненависть, породили Первую мировую войну.

В представлении Бердяева война есть проявление разрыва связи Бога и человека, «безбожной автономии самоутверждающихся мировых и человеческих сил». Бердяев подчеркивает, что война имеет метафизические, духовные основы. Поскольку греховный мир представляет собой борьбу Бога и дьявола, постольку в известном смысле мир всегда находится в состоянии войны. Война опасна тем, что кровь всегда порождает кровь, непрекращающееся насилие, ведущее к перерождению людей. Война есть зло, прежде всего, потому, что она является крайней формой господства общества, государства и нации над личностью. Люди могут воевать лишь при ослаблении личного сознания и усилении сознания группового. Вместе с тем Бердяев отмечает, что в падшем мире война может быть средством противостояния злу (например, освободительная или оборонительная война). Позитивный смысл войны раскрывается также в том, что она выводит народы из состояния мещанского застоя, заставляет их острее почувствовать трагизм жизни, создает предпосылки для возвращения к Богу. Первая мировая война, по Бердяеву, как раз и стала таким «трагическим фактом» во всемирной истории. Мир вступил в эпоху, когда борьба против войны становится великой этической и христианской задачей. Прекращение войн Бердяев связывает с религиозным преображением людей, созданием всемирной федерации народов и преодолением национализма.

Глубокий скепсис и негативизм проявляются у Бердяева в оценке либерализма и демократии. Различая эти два понятия, с первым он связывает торжество свободы, со вторым – господство равенства. Поскольку либера-

лизм и демократия есть формы объективированного мира, ограничивающие свободу личности, Бердяев критично настроен к обоим политическим режимам. Но если применительно к либерализму, провозгласившему пускай урезанную, но свободу, его высказывания часто благосклонны, то демократию он воспринимает резко отрицательно.

Либерализм, по Бердяеву, есть мирозерцание культурных слоев общества, духовной аристократии; ему свойственны консерватизм, умеренность, компромиссность. Либерализм аристократичен, а не демократичен, так как свобода обращена к личности, а не к массам. Массы не доверяют свободе, не умеют увязывать ее со своими интересами, они всегда стремятся к равенству, а не к свободе. Важнейшим аргументом в пользу либерализма является его принцип защиты прав человека. Вместе с тем у Бердяева много претензий к теории и практике либерализма. Основной «грех» либерализма он видит в его оторванности от Бога, в стремлении построить общество и государство исключительно на рационалистических началах и вывести права человека из его естественной природы. Общество, в котором первичной реальностью считается не Бог, а человек, лишено фундамента. В рационалистически устроенном обществе свобода, не имея прочной основы в Боге, содержит тенденцию перерасти либо в деспотию, либо в анархизм.

Оторванность от Бога привела к крайнему формализму в понимании прав человека. Формальное понимание свободы ограничило полноту человеческого духа и привело к несвободе в действительной жизни: в экономике – к эксплуатации, нищете и безработице, в политике – к оторванности от реального участия в управлении общественными делами. Классическому либерализму была свойственна утопическая идея о гармоничном сочетании свободы и равенства. Но, как полагает Бердяев, свобода и равенство несовместимы, свобода есть право на неравенство. Либерализм, допустив в себя принцип равенства и поставив тем самым свободу под угрозу уничтожения, повсеместно деградировал к режиму демократии.

Демократия, по Бердяеву, строится на безбожии, бездуховности и скептицизме, на господстве масс и подавлении творческой свободы личности. В демократии верховным началом жизни является воля народа, ставшая предметом религиозного поклонения, предельно формализованная и оторванная от своего содержания (она может нести как зло, так и добро). Народная воля стремится превратить частную жизнь в публичную, сделать человека существом исключительно общественным. «Самодержавие народа, – подчеркивает Бердяев, – самое страшное самодержавие, ибо в нем человек зависит от темных инстинктов масс». Использование всеобщего избира-

тельного права приводит к власти демагогов, сумевших польстить толпе. Истина, отмечает он, не добывается голосованием. Как полагает Бердяев, демократическое состояние общества знаменует собой распад национально-го единства, патологические изменения в народе. В этом смысле демократия есть своеобразная попытка чисто механическими средствами собрать народ воедино и выявить его волю. Но это оказывается невозможным в силу того, что нация уже лишена органичности, целостности, всеобщей связующей идеи.

В своем предельном диалектическом развитии демократия, по Бердяеву, неизбежно перерастает в коммунистические и фашистские диктатуры, представляющие собой крайнюю степень объективации мира. Свобода, формализованная и ограниченная в условиях демократии, полностью исчезает при тоталитарном режиме, а личность, ее духовное начало превращается в ничто, небытие. С точки зрения социальной морфологии (механизм осуществления диктатуры, отношение к человеку) коммунизм и фашизм сходны, но есть и существенные различия. Говорит Бердяев также и о «жизненной правде» как коммунизма, так и фашизма, что парадоксальным образом противоречит его исходным теоретическим установкам. Диктаторские режимы хороши, по его мнению, тем, что справедливо восстают против формальной демократии, ликвидируют многопартийность, основанную на лживом словоблудии, создают корпоративное государство, выражающее подлинную волю народа, устанавливают сильную власть, способную проводить глубокие социальные реформы.

Отношение Бердяева к коммунизму – теории (прежде всего в лице марксизма) и практике (опыт СССР) – в основном негативное. В марксизме он видит своеобразную светскую религию, отличающуюся экстремизмом и претендующую на монополию. Такие понятия марксистской идеологии, как класс, классовые мораль и культура, буржуазия, пролетариат, диктатура пролетариата, коммунистическое общество – фантомы, прививающие массам иллюзорное сознание. Ценности коммунизма (требование высокого уровня материальной обеспеченности для всех) – по сути своей буржуазны. Начатое при капитализме обобществление человека заканчивается в социалистическом обществе; коллективизм социализма претендует уже на всего человека. При социализме личность исчезает, действуют только экономические категории. Коммунистическое государство, избрав религиозную, по сути, идеологию, становится теократичным: борется с инакомыслием, признает права только тех, кто исповедует его веру. В то же время Бердяев при-

знавал справедливость коммунистической критики бедственного материального положения основных слоев населения.

Фашистский режим (особенно в форме германского национал-социализма) для Бердяева также неприемлем. Он осуждает процветающий в нацистской Германии расизм и антисемитизм, считая эти явления формой коллективного помешательства. В связи с практикой фашизма Бердяев много внимания уделяет национализму. Если нация, национальность и национальная культура, отмечает он, есть естественный факт действительности, то национализм, превращающий нацию в абсолютную ценность и проповедующий замкнутость, экспансию и ненависть к другим народам, представляет собой патологию, с которой надо бороться. Современный национализм охватывает, как правило, все общество с опорой на деклассированные, маргинальные элементы и стремится создать «тотальное» государство. Национал-социализм в Германии – яркий тому пример.

Религиозно-экзистенциальные воззрения Бердяева определяют его отношение к России и русской революции. Как он полагает, Россия – страна христианского Востока, но подвергшаяся сильному влиянию Запада. По своему характеру русский народ, историческая судьба которого была несчастной и страдальческой, религиозен, догматичен, аскетичен, женственен, склонен к экстремизму. Русскому народу свойственно совмещать антиномические начала: он одновременно государственно-деспотический и анархическо-свободолюбивый, националистический и универсалистский, жестокий и человечный. В России политическая деспотия соединялась с «широкой свободой жизни». Бердяев видел в российской монархии силу, которая авторитарным способом оберегала культурный слой общества от стихии «темного мужицкого царства». Вместе с тем старая монархическая Россия накопила огромное количество зла, что сделало революцию неизбежной. Бердяев, как и многие другие религиозные философы русского зарубежья, рассматривает русскую революцию (и революцию вообще) в качестве проявления Божьего промысла. Страдания, причиненные революцией, следует принять как искупление греха, в котором повинны все – народ, власть и интеллигенция. Большевизм – не привнесенное явление, он вырос из глубин русского национального духа. В этом смысле Бердяев считает советскую власть действительно народной. Русская революция и большевизм, где отрицаются ценности свободы и творчества, подавляется и гибнет личность, должны быть внутренне изжиты народом. Поскольку русская революция есть проявление мирового кризиса, начало конца старого мира (объективированного зла), она принесла с собой и положительный результат – показала

богооставленность и упадок современной цивилизации и послужила делу религиозного возрождения народов.

13.2. Монархическое направление в правовой и политической мысли. И.А. Ильин, И.Л. Солоневич

Иван Александрович Ильин (1883 – 1954), религиозный философ и политический мыслитель, родился в дворянской семье. Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил на юридический факультет Московского университета, где проявились его блестящие способности к научным исследованиям. После завершения обучения он был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию, а с 1912 г. начал преподавать в Московском университете. В эти годы политические воззрения Ильина постепенно эволюционировали от увлечения идеями социал-демократии к монархической позиции.

Октябрьскую революцию 1917 г. Ильин встретил враждебно и навсегда остался идейным врагом советской власти. Подвергшись неоднократным арестам за участие в организации белого движения, он в результате был выслан из России 26 сентября 1922 г. на знаменитом пароходе «Обер-бургомистр Хакен» в Германию вместе с другими русскими учеными, философами и литераторами. Проживая в Берлине, Ильин (по матери он имел немецкие корни) участвовал в политической жизни русской эмиграции, был профессором и деканом Русского научного института. В 1934 г. за отказ вести занятия в соответствии с программными установками национал-социалистов Ильину было запрещено заниматься преподавательской деятельностью, а его печатные труды были арестованы гестапо. С большими трудностями ему удалось в 1938 г. перебраться в Швейцарию, где он до конца жизни занимался в основном научной работой, а также писал публицистические статьи на политические темы.

Ильин – один из крупнейших русских мыслителей XX в., внесший значительный вклад в развитие отечественной философии права. Им написано свыше 40 книг и брошюр, несколько сот статей, более ста лекций и большое количество писем. Среди наиболее значимых его сочинений — «Общее учение о праве и государстве», «О сущности правосознания», «О монархии и республике» (труд писался свыше 40 лет и остался незавершенным). Непосредственными его учителями были П. И. Новгородцев и Е. Н. Трубецкой – выдающиеся русские юристы и философы. Политико-правовые воззрения Ильина развивались в рамках идеологии консерва-

тивного либерализма (соединение традиционной монархической государственности с либеральными ценностями), которая была сформулирована в XIX в. К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным, а в начале XX в. обосновывалась П. Б. Струве, С. Л. Франком и др. В его произведениях ощущается заметное влияние Г. В. Ф. Гегеля (он написал одну из лучших работ на русском языке, посвященную Гегелю).

В основе концепции Ильина лежит православное вероучение и идеалистическое понимание человека, государства и права. Как полагает Ильин, подлинным фундаментом социальных институтов (прежде всего государства и права), культуры в целом является человеческий дух, объединяющий в себе искусство, науку, философию, нравственность, право, религию. Последнему элементу Ильин отводит ведущую роль, так как, по его мнению, религиозное чувство, соединяя личность с Богом, наполняет человеческий дух содержанием и смыслом. Правосознание, являясь источником реального государства и права, на зрелой стадии своего развития неизменно приобретает религиозный характер. Таким образом, религиозное сознание, по Ильину, конституирует правосознание и правопорядок: христианская этика ведет к утверждению самоценности личности, патриотизма, солидарности, взаимного уважения и доверия, т. е. тех принципов, на которых должна строиться зрелая государственность. Современное человечество, с точки зрения Ильина, «отпав от Бога», оказалось в глубоком кризисе (мировые войны, антимонархизм, большевизм, фашизм). Выход из него возможен лишь на пути возвращения к религиозным истокам, что должно повлечь за собой, по его мнению, политическое обновление.

В качестве основных форм государства Ильин традиционно различает монархии (неограниченную и конституционную) и республики, которые могут быть демократическими, аристократическими и олигархическими. Выделяя юридические признаки монархии (верховная государственная власть передается по наследству, монарх осуществляет свою власть пожизненно и не несет ответственности за свои действия) и республики (верховная государственная власть избирается на определенный срок, ее носители формально ответственны за свои действия), он считает их недостаточными для четкого разграничения этих форм. Поэтому Ильин считает необходимым перевести анализ форм государства из формально-юридической плоскости в сферу религии, нравственности и психологии, что фактически означало исследование не столько юридической

конструкции форм правления, сколько монархического и республиканского типов правосознания.

Давая характеристику монархического правосознания (а значит, и монархии как формы правления), Ильин выделяет в нем довольно длинный перечень черт и свойств, в основе которых лежит «иррационально-интуитивное» и мистическое восприятие действительности. Всемирная история, общество, государство, право, человек понимаются монархическим правосознанием как развертывающийся во времени и пространстве промысел Божий. Монарх представляет собой священную особу, связанную с Богом, что является источником его «чрезвычайных обязанностей и чрезвычайной ответственности». Религиозное восприятие власти, объединяя монарха и народ, пробуждает в них «дальнозоркость, мудрость и жертвенность», а также формирует стремление к самовоспитанию и самоограничению. Основанное на любви к Богу «внутреннее духовное делание» создает правовые основы общества и власти, ведет к осмыслению юридических обязанностей как религиозных. Религиозное единство монарха и народа определяет такую важную черту монархического правосознания, как семейственность, патриархальность. Подданные должны чувствовать себя членами одной семьи, свою «родовую принадлежность», кровную связь через общего предка. Патриархальность, проникнутая духом истории и возвращающая человека к своим истокам, несет с собой консерватизм и традиционализм. Монархист, по Ильину, не склонен к «скорому и легкому новаторству», он неохотно решается на радикальные реформы и берется за них только тогда, когда они назрели.

Важной чертой монархического правосознания Ильин считает потребность персонификации власти, государства, народа, родины в конкретной личности – монархе, который становится духовным центром, «живым тождеством, преодолевающим раздельность и личностно воплощающим искомое единство нации». Отсюда вытекают присущие монархическому правосознанию центростремительность, интеграция и аккумуляция, проявляющиеся на психологическом, политическом и экономическом уровнях. В условиях монархии Ильину представляется естественным собирание в единый центр всех людских, материальных и иных ресурсов страны, аккумуляции национальной энергии в «духовной, волевой и политической мощи Государя». Монархическая государственность видится ему как некое органическое целое, которое в духовном и эмоциональном порыве способно решать великие задачи.

Отличительным признаком монархии является «культ ранга», под которым Ильин понимает построение государства и общественных отношений в целом на основе иерархии человеческих достоинств. В монархии господствует авторитет лучших. На высшей ступени такой этико-политической организации стоит монарх, обладающий превосходными во всех отношениях качествами. Важнейшие свойства подданного – достоинство и честь, которые состоят, по Ильину, в добровольном подчинении свободно признанному правовому авторитету. Служение государю означает для подданного не покорность и раболепное безволие, а активный и творческий процесс. К важнейшим элементам монархического сознания Ильин относит доверие и любовь к монарху, верность ему, а также начала дисциплины и субординации.

Основную практическую трудность и опасность для монархии Ильин усматривает в проблеме установления пределов верности и повиновения подданных. В конечном счете он выступает за то, чтобы сам человек как религиозная, моральная, свободная и правовая личность самостоятельно решал данный вопрос с позиций естественного права. Жизнеспособность монархии Ильин тесно связывает со степенью зрелости индивидуального и общественного монархического правосознания. Он полагает, что организация и функционирование монархического государства специфичны для каждой страны и требуют соблюдения ряда условий, касающихся размера территории, численности и плотности населения, его национального и социального состава, державных и хозяйственных задач, религиозного исповедания и психологии народа, уровня культуры и правосознания.

Республиканское правосознание, согласно Ильину, по всем основным позициям противоположно монархическому. В республике преобладает утилитарно-рассудочное восприятие власти; государство, политика и право считаются делом рук человеческих, а не Божьего провидения. Государственная власть, понимаемая как воля народа, имеет безличный характер и растворяется в коллективе, а само государство представляет собой некий конгломерат, механическое соединение лиц («уравнительное всесмешение»). Психология республиканца предполагает культ независимости, личного успеха, карьеры, отвержение авторитетов и критическое восприятие власти. Соответственно одним из основных принципов организации республики является недоверие к власти, необходимость установления контроля над ней и гарантий против возможных деспотиче-

ских поползновений со стороны главы государства. Формальный демократический механизм, использующийся в республике, направлен, по Ильину, на избрание «несамостоятельных, угодливых и уклончивых нырял», никому не угрожающих своим превосходством. Республиканское правосознание отличается центробежностью, стремлением к всевозможной дифференциации, новаторством и радикализмом, что в практическом плане выражается, по Ильину, в процессах автономизации и федерализации страны, приводящей в результате к распаду государства и анархии.

С позиций монархического правосознания Ильин рассматривает историю и государственность России. Русская история, с его точки зрения, развивалась как борьба между порывом к свободе и жесткой государственной необходимостью, между склонностью к анархии и инстинктом национального самосохранения. Он делает вывод, что в России может быть либо единовластие (в виде монархии или тирании), либо хаос. Российская монархия, выросшая из коренных потребностей русской души, гармонично сочетала в себе авторитаризм и самоуправление, являла собой пример взаимной верности, уважения и любви царя и народа. В основе такого единства лежала способность русского человека воспринимать государство не формально-юридически, а религиозно и нравственно, как живое органическое целое.

Иван Лукьянович Солоневич (1891 – 1953) – выходец из белорусских крестьян. Хотя Солоневич постоянно подчеркивал этот факт и даже бравировал им, его отец, в детстве свинопас, уже принадлежал к образованному слою общества (был народным учителем, чиновником, редактором и издателем ряда газет). С 1910 г. под влиянием своего отца и деятельности П. А. Столыпина он приобщился к политической жизни, сотрудничал в правой печати. В 1916 г. Солоневич окончил юридический факультет Петроградского университета. Довольно рано став убежденным монархистом, Солоневич и Февральскую, и Октябрьскую революции 1917 г. воспринял как трагедию для России. Он активно участвовал в белом движении, но после его разгрома эвакуироваться не смог, заболев сыпным тифом. Делая успешную карьеру в советских профсоюзах в области организации спорта (он опубликовал немало книг и статей на эту тему), Солоневич не оставлял мысли о побеге из России. Первый неудачный побег закончился для него заключением в Соловецком и Свирском лагерях, откуда в 1934 г. ему все-таки удалось бежать в Финляндию. За границей, пропагандируя идеи возрождения российской монархии и изда-

вая ряд газет соответствующего направления, Солоневич занимал свою особую позицию, враждебную как по отношению к русским либералам, так и ко многим эмигрантским монархическим организациям. Живя с конца 1930 х гг. в Германии, он увлекался идеями фашизма. Попытка Солоневича убедить немецкие власти отказаться от войны с Россией закончилась установлением за ним наблюдения со стороны гестапо. После окончания Второй мировой войны Солоневич перебрался в Аргентину, где стал издавать монархическую газету «Наша страна» (выходит до настоящего времени), занимался литературной деятельностью.

Воззрения Солоневича, сформировавшиеся под влиянием консервативных идей славянофилов и особенно Л. А. Тихомирова, представляют собой биологизированный вариант монархической концепции. Его основные сочинения — «Белая Империя» и «Народная Монархия» — текстуально не повторяют друг друга, но посвящены одной теме — обоснованию русской монархии. Если в «Белой Империи» (хронологически первой работе) Солоневич высказывается более откровенно и публицистично, то «Народная Монархия» уже претендует на академичность и фундаментальность изложения. Стараясь изобразить «смирение», которое «паче гордости», Солоневич постоянно настаивает на том, что он «простой крестьянский мужик» (что выглядит крайне фальшиво), нелюбящий профессоров и приват-доцентов, теорий и абстракций. У него вызывает недоумение, почему цвет русской интеллигенции (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве) не создает развернутой монархической теории. Поскольку такое положение дел ему кажется неудовлетворительным, задачу идеологического обоснования российской монархии Солоневич берет на себя. Обращает внимание его вызывающая манера изложения, нарочитая резкость выражений, желание иногда просто быть скандальным. Приводимые им аргументы из всемирной и русской истории часто не выдерживают даже поверхностной критики. В его концепции чувствуется идеологическая заданность, желание подогнать исторические факты под умозрительные схемы.

Солоневич полагает, что человеческая история не имеет никаких законов, каждый народ (особенно великий) находит свой неповторимый путь развития. Однако одну, но главную закономерность (не историческую, а биологическую) он находит: все нации стремятся создать свою культуру, государственность и, наконец, империю (сильное государство, активно влияющее на формирование международных отношений и ход мировой истории). Если нации этого не делают, то не потому, что не хо-

тят, а потому, что не могут. Основой созидательных сил народа Солоневич считает инстинкты, а биологию и психологию — «твердыми опорными точками для всякого исследования об обществе». Ни экономика, ни религия, ни климатические и географические условия, а инстинкты рожают социальные формы (семью, нацию, государство). Нацию он рассматривает как единый биологический организм, «сверхиндивидуальное целое», развивающееся по законам отдельного человека. Если индивид, подчиняясь инстинктам продолжения рода, создает семью и накапливает ценности для своего потомства, то и нация поступает таким же образом. Конкретный народ, живя благодаря труду предшествующих поколений, в свою очередь сам, отказывая себе, заботится, прежде всего, о будущих поколениях. Инстинкты в нации могут ослабляться и усиливаться. В первом случае народ оказывается на краю гибели и заканчивает свою историю, во втором — он копит силы и территорию для неродившихся еще поколений. Цель жизни нации определяется не разумом, а инстинктом и, соответственно, единственной задачей разума является «вооружение древнего инстинкта самыми современными оружиями борьбы за жизнь».

Инстинкт продолжения рода, по Солоневичу, создав семью, далее воплощается в государственный инстинкт, который и способен создать государство и империю. Мифы, легенды, обряды, традиции, право, политические учреждения выступают как внешнее оформление государственного инстинкта. Любое государство несет на себе отпечаток своеобразия нации, ее психологии и характера государственного инстинкта: степень воли к жизни и борьбе напрямую влияет на силу государства.

Солоневич предлагает оригинальную трактовку взаимосвязи культуры и государства. С его точки зрения, национальная культура не имеет единства, она распадается как минимум на четыре не связанных между собой компонента — материальную (техника), художественную (литература, искусство), духовную (религия, наука) и государственную (правительство, армия, суд и т. п.). Отсюда Солоневич делает вывод, что нации с сильным государственным инстинктом, создавая совершенные образцы государственной культуры (в виде государств-империй) могут не иметь больших достижений в других областях культуры. Поэтому он выступает против того, чтобы страны со слаборазвитой наукой и техникой, но крепкой государственностью, называть отсталыми.

Государственная власть, по мнению Солоневича, конструируется тремя способами: наследованием, избранием и захватом, что соответству-

ет рождению монархии, республики и диктатуры. Он делает важную оговорку о том, что лишь монархию и республику можно назвать формами правления, а диктатура есть только средство использования власти в исторически ограниченный переходный период. Отдавая предпочтение монархии, Солоневич отвергает как диктатуру, так и республику. Он полагает, что диктатура, особенно ее большевистский вариант, себя дискредитировала. Что касается республики, то она, на его взгляд, отражает, как правило, слабый государственный инстинкт нации: чем примитивнее государство, тем сильнее в нем республиканские тенденции.

Стремясь показать монархию как лучшую форму государства, Солоневич приводит ряд доводов. Монархия является наиболее естественной формой правления, так как в наибольшей степени отражает биологическую природу людей. Именно поэтому история человечества, с его точки зрения, есть по преимуществу история монархий. Биологическая сила, создавая семью, род, племя, нацию, приобретает вид монархической власти сначала как воля сильнейшего, затем как воля сильнейших и, наконец, как воля всех членов общества. Солоневич отвергает религиозное обоснование монархии. Религиозные ценности, на его взгляд, бесконечно удалены от политики, власти и государства (ценностей относительных). Религия не предназначена для того, чтобы непосредственно вмешиваться в политическую жизнь; в противном случае это ведет к искажению как государственной власти, так и самой религии. Так, если помазание Божие считать основой власти монарха, тогда следует оправдать многих царей-убийц, ставших впоследствии с благословения церкви монархами (например, Екатерина II, Александр I). Солоневич придает религии лишь опосредованное значение: она формирует нравственные идеалы, которые могут стать действенным фактором реальной политики.

Важнейшим аргументом, правда, довольно туманным, в пользу монархии Солоневич считает так называемую биологическую случайность рождения наследственного монарха. Если избрание и захват являются, по его мнению, рационалистическими (основаны на доводах разума) способами организации власти, то наследование престола носит биологический, а потому бесспорный характер. Понятно, что Солоневич здесь делает явную натяжку, так как такого рода «бесспорность» очевидна только для убежденного монархиста. Тем не менее, только такая основа, по его мнению, способна обеспечить стабильность и устойчивость государства. В частности, он пытается доказать, что наследнику престола в силу бес-

спорности его будущей власти нет необходимости за нее бороться, он растет в атмосфере добра и, следовательно, став монархом, будет стремиться строить свою политику на принципах добролюбия. Наивность (или лицемерность?) такого взгляда очевидна.

Великое преимущество монархии Солоневич видит также в том, что вероятность появления гениального человека на престоле близка к нулю. Он полагает, что если гений в науке и искусстве – это дар Божий, то гений в политике – это чума. Деятельность гения – человека, изобретающего нечто принципиально новое и внедряющего свою новацию в общественную жизнь, «неизбежно нарушает ее органический рост» и сопровождается морями крови. С точки зрения Солоневича, общественный прогресс проявляется в спокойном эволюционном развитии, тогда как революционные изменения, влекущие за собой «голод, озверение, распад и разгром», означают подлинную реакцию. Монархический строй более других приспособлен для того, чтобы верховной властью обладал «средний нравственно-разумный человек», не стремящийся к глобальным переменам. По логике Солоневича, сам народ как органическая и биологическая целостность способен найти свои социальные формы и пути исторического бытия, а монарх должен лишь помогать ему в этом.

Необычным выглядит мнение Солоневича о видах монархии. Он отвергает традиционную классификацию монархий на неограниченные и ограниченные, полагая, что власть монарха не может быть абсолютной, прежде всего, с технической, организационной стороны. Воля монарха всегда находит «жесткий предел» в пассивном сопротивлении как правящих, так и подвластных слоев населения, в потенциальной возможности цареубийства. Монархическая власть всегда опирается на какие-либо общественные силы и может действовать только через них. Поэтому власть монарха представляет собой, по Солоневичу, «некоторую равнодействующую всех общественных сил, имеющихся в данное время в данной стране». Весьма критически он оценивает термин «конституционная монархия», который, на его взгляд, «может обозначать все что угодно». Солоневич склонен понимать под конституционной монархией совокупность основных устойчивых принципов организации государственного механизма, которые находят свое отражение либо в нормативных актах, либо в самой практике. Суть монархической государственности наилучшим образом выражается, как он полагает, в понятии «соборной монархии», призванном заменить такие традиционные для юридической науки

категории, как абсолютная и конституционная монархия. «Соборная монархия», где воля монарха есть выражение воли его подданных, представляет собой идеал, потенциально заложенный и постепенно реализующийся на практике в любом монархическом государстве.

Изложенные выше положения выступают в качестве общей теоретической базы политических воззрений Солоневича, тогда как основным содержанием его взглядов является концепция именно русской монархии, а не монархии вообще. Он полагает, что русская нация, принципиально отличная от народов Европы и Азии, нашла свой собственный исторический путь развития и создала уникальную государственность. Даже Византия, наиболее близкая к России по своей культуре государство, не оказала решающего влияния на формирование российских политических учреждений. Национальную и государственную самобытность русского народа Солоневич связывает с наличием у него сильного государственного инстинкта. Техническая и научная отсталость сосуществовали в России наряду с самой передовой государственной культурой, что нашло свое отражение в создании российской монархии – явлении мировой значимости. Русскую монархию Солоневич считает классической в мировой истории, идеалом («соборная монархия»), а остальные монархии – отклонениями от него. Русский народ строил свое государство в ожесточенной борьбе с природой и другими народами. Солоневич подчеркивает, что российское самодержавие «было организовано русской народной массой», не цари собирали земли, а сам народ, повинувшись государственному инстинкту, осваивал все новые территории и стремился подчинить их центру.

13.3. Евразийство как политическое учение и общественное движение. Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.Н. Гумилев

Евразийство – наиболее заметное политическое учение и общественное движение в среде русской эмиграции. Проблема исторической судьбы и предназначения России, ставшая определяющей для духовных поисков подавляющего большинства русской интеллигенции на протяжении всего XIX столетия, нашла в евразийстве свое яркое отражение. «Философические письма» П. Я. Чаадаева, воззрения славянофилов, сочинения Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, размышления Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева о «русской идее», философско-историческая позиция «Вех» – вот та теоретическая база, на которой строилась идеология

евразийства. Но если мыслители XIX – начала XX в. создавали свои концепции в преддверии гибели монархической государственности, то учение евразийцев есть результат принципиально новой исторической эпохи – эпохи советизированной России. Для большинства интеллигентов, оказавшихся в эмиграции, большевистская революция была катастрофой, первоначально воспринималась как конец русской истории. Ощущение глобального кризиса и внутреннее нежелание смириться с мыслью о гибели России стимулировало стремление определенной части эмиграции взглянуть на большевистскую революцию как на новую своеобразную фазу развития русского народа, его культуры и государственности. В этом смысле евразийство можно рассматривать как логическое продолжение идеологии «веховцев», которые видели в русских революциях явление глубоко национальное и органическое, ни в коей мере не порывающее с прошлым России. Правда, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк ограничивались признанием естественности, закономерности революции. Евразийцы же предприняли попытку пересмотреть через призму революции всю отечественную историю, представить опыт советской России как поиск самобытного пути национального развития, способного принести позитивные плоды в будущем.

Евразийство начинает свою историю с выхода в 1921 г. сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Основными идеологами этого движения были экономист и географ П. Н. Савицкий (1895 – 1968), языковед и этнограф Н. С. Трубецкой (1880 – 1938), музыковед и литературный критик П. П. Сувчинский (1892 – 1985), философы и богословы Г. В. Флоровский (1893 – 1979), В. Н. Ильин (1891 – 1974), Л. Н. Карсавин (1882 – 1952), правовед Н. Н. Алексеев (1879 – 1964), историк Г. В. Вернадский (1887 – 1973). Центр евразийского движения находился сначала в Берлине, затем в Париже, а его отделения – в Праге, Брюсселе, Прибалтике, на Балканах. Евразийцы вели активную организаторскую, пропагандистскую, научную и издательскую деятельность («Евразийская хроника», вып. 1 – 12; «Евразийские тетради», вып. 1 – 6; «Евразия», вып. 1 – 25). Программный документ движения – «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926). Обладая с момента возникновения значительным влиянием в среде русской эмиграции, движение уже к концу 1920х гг. оказалось в кризисе и раскололось. Значительная часть евразийцев (Л. П. Карсавин, П. П. Сувчинский, Д. П. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон) начала открыто поддерживать сталинский режим и выступила за сближение с советской властью. В 1930х гг. движение окончательно распалось. Судьба многих евразийцев, либо добро-

вольно вернувшихся в Россию, либо отказавшихся эмигрировать из стран Восточной Европы после прихода Советской Армии, была трагичной: их арестовывали и отправляли в лагеря. Прямым продолжателем евразийства в Советском Союзе был Л. Н. Гумилев (1912 – 1992), также неоднократно подвергавшийся репрессиям.

Отправной точкой в логических построениях евразийцев был факт большевистской революции. Как говорили сами евразийцы, русская революция стала тем стержнем, вокруг которого двигались их мысль и воля. Они ставили перед собой две основные задачи: во-первых, объяснить новую советскую действительность и, во-вторых, попытаться изменить ее. Русская революция, по мнению евразийцев, есть глубокий процесс, который, несмотря на многие негативные черты, «открывает дорогу здоровой государственной стихии». Большевиков следует рассматривать не как вождей революции, а в качестве ее орудия. Считая большевиков наиболее примитивными и фанатичными представителями русской интеллигенции, евразийцы тем не менее признавали в них силу, оказавшуюся способной целенаправленно использовать энергию народной стихии, насильственными методами установить порядок и сохранить российскую государственность. Важнейшим позитивным практическим результатом революции стал разрыв России с европейской культурой. В ходе революции большевики инстинктивно нашли подлинно национальные формы социального бытия русской нации, освободив тем самым Россию от западного влияния.

Евразийцы развивают традиционную для русской консервативной мысли идею о «загнивающем и враждебном России Западе». «Романо-германский мир, – отмечает Н. С. Трубецкой, – наш злейший враг, мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры западных общественных идеалов». Первая мировая война показала, что западные государства – главные мировые агрессоры, смотрящие на Россию и другие страны Востока как на возможные колонии. В основе психологии западноевропейских народов лежит эгоцентризм, высокомерное превознесение своей культуры и пренебрежительное отношение к культурам других наций. Более того, сами народы Востока, страдая евро-центризмом, считают свои культуры не вполне полноценными и стремятся дорасти до «настоящих» европейцев. Такая позиция неевропейских народов лишает их твердой основы и ведет к гибели. Поэтому евразийцы призывают произвести коренной переворот в сознании этих наций и по-новому взглянуть на соотношение Запада и Востока.

В методологическом плане евразийская оценка взаимоотношений Востока и Запада непосредственно опирается на идею о самодостаточности и замкнутости национальных культур. С точки зрения евразийцев, культурные ценности есть не объективные, а субъективные категории; каждая национальная культура вырабатывает свои собственные, только ей присущие критерии совершенства. С этим смысле сравнительный анализ культур различных народов не показателен, а так называемый универсальный прогресс, присущий всему человечеству, представляет собой умозрительную фикцию. Национальные культуры существуют не иерархично и во взаимосвязи, а горизонтально и автономно. Наличие некой общечеловеческой культуры, одинаковой для всех народов, есть вредная выдумка рационалистической мысли. Отсюда евразийцы делают вывод о том, что европейская культура – лишь одна из мировых культур, которая уже во всех своих частях (кроме науки и техники) клонится к упадку и ни в коей мере не может выступать в роли идеала для других народов. Каждая нация должна создать свою собственную культуру. В современную эпоху на смену угасающей европейской культуре идет молодая культура стран Востока. Русская революция, по мнению евразийцев, как раз и знаменовала собой переход исторической инициативы от Запада к Востоку. Понятно, что под Востоком имелась в виду, прежде всего Россия.

В основе евразийской теории лежат геополитические идеи. Россия, говорят евразийцы, представляет собой особый мир, судьбы которого «в основном и важнейшем» решаются отдельно от жизни народов Европы и Азии. «Особый мир этот должно называть Евразией», под которой понимается срединный континент, включающий части Европы и Азии и территориально совпадающий с границами Российской империи и Советского Союза. Благодаря климатическим и другим географическим условиям Евразия предстает в виде замкнутого целого, сбалансированного и самодостаточного во всех отношениях (экономическом, политическом, идеологическом, культурном, национальном, религиозном). Природа Евразии толкает людей к объединению, она крайне неблагоприятна для всякого рода сепаратизма. Основным географическим фактором процесса объединения евразийского мира является степь, которая обуславливает активную миграцию населения и его интенсивное взаимодействие и перемещение.

– Евразийцы отводят России-Евразии центральную, ведущую роль в Старом Свете. По их мнению, Европа и Азия – окраины Старого Света, связанные между собой исключительно благодаря евразийскому континенту. Если устранить этот объединительный центр (Евразию), то вся система

материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) распадется. Только в той мере, делают вывод евразийцы, в какой Россия выполняет интегрирующую роль, снимается противостояние Востока и Запада.

13.4. Юридический позитивизм. Г. Ф. Шершеневич

Крупнейшим представителем юридического позитивизма был Гавриил Феликсович Шершеневич (1863 – 1912), философ, социолог, правовед. Он окончил Казанский университет, в 1888 г. защитил магистерскую («Система торговых действий»), а в 1892 г. — докторскую диссертацию («Авторское право на литературные произведения»). С 1888 по 1906 гг. Шершеневич преподавал в Казанском университете, с 1895 г. – в качестве профессора кафедры гражданского права. В 1906г. он получил кафедру торгового права в Московском университете, который покинул в 1911г. в знак протеста против действий министра народного просвещения Л. А. Кассо. Шершеневич был депутатом I Государственной думы, за участие в составлении «Выборгского воззвания», был подвергнут краткосрочному тюремному заключению. В последние годы жизни преподавал в Московском коммерческом институте и в Московском народном университете им. А. Л. Шанявского.

Научное наследие Шершеневича стало заметной вехой в развитии русской философско-правовой и социологической мысли, его сочинения по гражданскому праву внесли значительный вклад в разработку основ отечественной цивилистики. Методологической базой учения Шершеневича является позитивизм, включавший в его философии – права принцип юридического формализма, а в социологии – идеи социал-дарвинизма, экономического материализма и различных психологических школ.

При видимом разнообразии методологических подходов, воззрения Шершеневича носят цельный характер, представляют собой оригинальную социально-правовую концепцию. Шершеневич выдвигает так называемую антропологическую гипотезу, в которой за отправную точку берется умозрительно изолированный от общества человек, «имеющий и отстаивающий свое особое бытие». В основе деятельности человека лежит его биологическая организация, инстинкт самосохранения. Это подтверждается тем фактом, что приобретенные индивидом в результате социализации свойства имеют тенденцию к разрушению при ослабевающем

воздействию общественной среды, природное, первобытное начало теснит культурное. Однако общество формирует у индивида социальные потребности (общение с другими людьми), которые наряду с физическими (одежда, пища, жилище) и психическими (познание, творчество) способствуют общественному проявлению инстинкта самосохранения. По Шершеневичу, на одном из этапов исторического развития происходит появление совокупности индивидов, обладающей специфическими признаками: общий интерес, сотрудничество, организация (общество). В общественном объединении, построенном на едином для всех индивидов интересе, его сплоченность, способность к выживанию зависит от преобладания общих интересов над частными. Сотрудничество предполагает постоянную совместную деятельность по достижению целей, недостижимых единичными силами. Поскольку человеческая деятельность обусловлена целесообразностью, общество должно быть нормативно организовано. Функцию организации выполняют социальные нормы, коренящиеся в инстинкте самосохранения общества и регулирующие общественное поведение людей.

Как полагает Шершеневич, весь смысл общественной жизни заключается в установлении согласованности между обществом и личностью, взаимодействие которых проявляется по преимуществу во взаимной борьбе. Хотя первична личность, а общество есть форма ее жизнедеятельности, общественные отношения объективны. Индивид не только стремится расширить сферу своей самостоятельности и устранить вмешательство общества, но также и тянется к нему. На протяжении истории человек все более социализируется, у него образуется наследственная зависимость от общества, социальное существование становится его второй природой. Однако равновесие между индивидуальным и социальным никогда не может быть найдено. Поэтому Шершеневич рассматривает прогресс как постепенное устранение препятствий на пути к счастью (полное удовлетворение индивидуальных потребностей), которое недостижимо. Важнейшее место в системе отношений «личность – общество» занимают государство и право. Как считает Шершеневич, исторически и логически государство предшествует праву. Зарождающаяся первоначально в целях обеспечения внешней безопасности, государственная власть затем переходит к внутреннему управлению. В результате судебной практики, осуществляемой вождем военно-политической организации, выделяется осо-

бая группа норм, выполнение которых гарантируется государственным принуждением. В дальнейшем государство не только поддерживает существующие нормы, но и устанавливает новые.

В основе соблюдения права, понимаемого Шершеневичем формально-позитивистски, как закон и требование государства, лежит страх перед угрозой наказания. Данный фактор определяет остальные мотивы правового поведения (совесть, чувство законности, сознание собственного интереса), представляющие в виде трансформированной модификации человеческого эгоизма. Право всегда есть выражение интереса властвующих, но также и итог борьбы эгоизма власти и подвластных. Из соотношения общественных сил вытекает структура государственного устройства, определяется место власти в обществе. Влияние государства, определяемое как соединение людей под одной властью в пределах данной территории, зависит от сплоченности и самоорганизованности гражданского общества (слабая сплоченность сильная власть, и наоборот).

Государственная власть должна быть сильнее всякой другой в обществе, но когда она становится сильнее самого общества – это опасная гипертрофия. Сила государственной власти, имеющей несколько источников (инерция сложившегося порядка, материальное богатство властвующих, мощь государственного аппарата, сочувствие населения), ограничена, с одной стороны, нравственным сознанием и эгоизмом властвующих, с другой – возможностью противодействия подданных. Инстинкт самосохранения одновременно заставляет подвластных повиноваться (ввиду опасения негативных политических перемен), а государство – сдерживать свою власть.

Шершеневич отстаивает тезис, что государство не связано правом, стоит над правом, государственная власть есть сила, а не право. Так, восстание населения против власти – факт жизни, не относящийся к праву, борьба двух сил (государства и восставших), где победившая сторона творит собственное право. Тем не менее, государственная власть, по Шершеневичу, отлична от произвола. Государство, установив нормы, обязано само их соблюдать или фактически считаться с ними, что необходимо для поддержания относительной стабильности политического режима. Но закон – не субстанция, а функция, его соблюдение носит производный характер, зависит от первичных факторов (государство, общество). Поэтому государство, нередко возникнув из произвола, способно снова

снова сменить право на произвол. Относительную гарантию от подобной метаморфозы Шершеневич видит в обще культурном прогрессе, в ходе которого чувство законности все более глубоко проникает в психологию человека, а подчинение закону становится неотъемлемым свойством современных обществ.

13.5. Социологический позитивизм.

С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский

Среди сторонников социологической интерпретации права и государства на рубеже веков наиболее видными фигурами были С. А. Муромцев и М. М. Ковалевский. Оба они вели активную идейно-просветительскую работу в земском движении и в объединениях юристов. Уже на первом съезде русских юристов в Москве (1875) звучали требования проведения законодательных реформ. Последовательную агитацию за политические свободы вело Московское юридическое общество и его печатный орган «Юридический вестник». Председателем общества с 1880 по 1892 г. (вплоть до закрытия общества) постоянно избирался С. А. Муромцев. Редактором «Юридического вестника» был М. М. Ковалевский.

Сергей Андреевич Муромцев (1850 – 1910) родился в Петербурге в старинной дворянской семье. Учился он на юридическом факультете Московского университета.

По окончании в 1871 г. факультета Муромцев готовится к профессорскому званию и с этой целью уезжает в Германию, где слушает лекции видного немецкого юриста, основоположника реалистической теории права Р. фон Иеринга и становится приверженцем его взглядов. После защиты в 1875 г. магистерской диссертации «О консерватизме римской юриспруденции» Муромцев занял кафедру римского права на родном факультете. К тому времени на факультет пришли ученые «нового направления», движущие вперед развитие юридической науки и выступавшие за конституционно-либеральные преобразования в России.

Муромцев внес заметный вклад не только в изучение римского права, но и в философию права, создав такие фундаментальные труды, как «Определение и основное разделение права», «Очерки общей теории гражданского права», где он выступил против превращения юриспруденции в формально-догматическую дисциплину. В 1884 г. Муромцев был лишен кафедры за политическую неблагонадежность. С конца 90х гг. – активный участник земского движения, с октября 1905г. – член ЦК кадетской пар-

тии. Он был председателем I Государственной думы. После ее роспуска за подписание «Выборгского воззвания» был приговорен к трем месяцам тюремного заключения и отстранен от участия в политической деятельности.

Основной целью деятельности Муромцева было продолжение реформ, создание конституционного строя. Собственно, этой цели отвечало и его понимание права как живого правопорядка, создаваемого правотворческой деятельностью судей и администраторов, практической жизнью и потребностями самого общества часто в противовес и вопреки «мертвой» норме, выраженной в законе.

Концепция права как живого правопорядка отвечала земским чаяниям и являлась теоретическим выражением либерально-реформистских взглядов российской оппозиции.

Методологической основой творчества Муромцева был социологической позитивизм.

В отличие от представителей юридического позитивизма, он не ограничивался познанием догмы права, а стремился решить проблему возникновения и функционирования права («динамика» права) во взаимосвязи с другими многообразными социальными факторами, отношениями и т. п.

Догма права, рассуждает Муромцев, «составляет отрасль юридического искусства», а не науку в «объективном» и «строгом смысле». Наука права, по Муромцеву, представляет собой прежде всего социологическое изучение юридических явлений, а теория права выступает как часть социологии в широком смысле, т. е. совокупности наук об обществе и человеке, в которую входят общая социология и частные социологические науки (правоведение, этика, психология и т. д.).

Исследуя право эмпирически, во взаимодействии с другими социальными явлениями, Муромцев исходит из господствовавшей среди позитивистов теории множественности факторов, отрицая в пику марксизму определяющую роль экономики по отношению к праву. Сама его теория – база для создания прикладной дисциплины – политики права, задача которой заключается в том, чтобы выработать «предложения об исправлении недостатков существующего строя». Последующая деятельность Муромцева в партии кадетов была попыткой реализовать на практике сформулированное им в конце 70-х годов юридическое кредо земского либерализма.

Рассмотрение права Муромцев начинает не с нормы и статьи, а с лежащей в их основе простейшей социальной связи – общественного отношения. Господствующие в обществе отношения нуждаются в защите, которая может быть организованной и неорганизованной. Организованная защита

это юридическая форма защиты, осуществляемая при помощи специальных (государственных) органов и заранее установленным способом. Тем самым общественные отношения включают два компонента: фактические отношения и юридические отношения защиты. Вместе они составляют субъективное право, право в субъективном смысле. Совокупность всех прав, существующих в определенное время в данном обществе, есть правовой порядок, или «право в собирательном смысле». Для Муромцева право – прежде всего порядок общественных отношений, в основу понятия права положена не юридическая норма, а правоотношение. Норма для него есть лишь «некоторый атрибут порядка» и «один из факторов образования правового порядка».

Фактический правопорядок в данной теории и есть реальное право, которому должны соответствовать юридические нормы. Если норма не соответствует праву как порядку общественных отношений, то она становится «мертвой». Когда же такое соответствие существует, то норма становится «действующей». Фактический правопорядок – критерий действительности законодательства как совокупности юридических норм. Зная «действительные фактические интересы», суд и администрация должны применять только те нормы, которые соответствуют этим интересам. Если норма противоречит праву («справедливости»), то юристы должны уклоняться от ее применения или (как преторы в Древнем Риме) «искусственно интерпретировать» ее применительно к новому содержанию. Отсюда, считал Муромцев, не законодателю, а суду и администрации предназначена роль действительных творцов правовых норм.

Теория Муромцева резко расходилась с господствовавшими в пореформенную эпоху воззрениями на право как на совокупность установленных государством норм и предвосхитила основные положения новейшей буржуазной социологии права. Ее политический смысл – трансформация абсолютистской России с полуфеодальными пережитками в буржуазное правовое государство. Воспитанные в либеральном духе государственные чиновники и судьи должны были постепенно превратить в «мертвые» те юридические нормы, которые противоречили «господствующей» в обществе идее справедливости, т. е. правосознанию земских либералов.

Широкое понимание права с позиций социологического позитивизма в противовес юридическому позитивизму царских чиновников демонстрирует и другой активный участник земского движения Максим Максимович Ковалевский (1851 – 1916). Родился он в Харькове в состоятельной дворянской семье. Научную карьеру начал в родном городе, где в 1872 г. бле-

стяще окончил юридический факультет университета и представил работу «О конституционных опытах Австрии и чешской национальной оппозиции». Эта работа послужила основанием, чтобы оставить Ковалевского при университете на кафедре государственного права европейских держав. Подготовку к магистерским экзаменам он проходил в высших учебных заведениях Берлина, Парижа, Лондона.

Докторскую диссертацию Ковалевский защищает в Московском университете в 1880 г., читая там курсы государственного права европейских держав и истории иностранных законодательств. Лекции Ковалевского отражали его свободолюбивые настроения. Постепенно вокруг Ковалевского сложился кружок юристов, историков и экономистов, отличавшийся, по словам его участника, крупного историка Н. И. Кареева, «более либеральным, чем у старой профессуры, конституционализмом, дополненным социальным реформаторством». В этом кружке была задумана и написана «Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 года», представленная М. Т. Лорис-Меликову. В ней фигурировали требования созыва центрального земского представительства и гарантий демократических свобод.

Оппозиционность Ковалевского привела к тому, что он был уволен из университета за «отрицательное отношение к русскому государственному строю». Ковалевский вынужден был уехать в 1887 г. за границу, превратившись надолго в «полуэмигранта», изредка наезжавшего в Россию. В 1905 г. он возвращается в Россию, становится идеологом либеральной Партии демократических реформ, депутатом Государственной думы, членом Госсовета, преподает в Петербургском университете.

Исследуя исторические и этнографические проблемы, Ковалевский широко использует сравнительный метод. Среди его работ – «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879); «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1890); «Происхождение современной демократии» в четырех томах (1895 – 1899); «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» в трех томах (1906).

На формирование взглядов Ковалевского повлияли наследие просветителей, прежде всего Вольтера, Монтескье, Руссо, «Курс положительной философии» О. Конта, труды его современников – видных социологов и юристов Дюркгейма, Дюги и др., общение с Марксом и Энгельсом. Его подход противостоял неогегельянским и неокантианским теориям государства и права, и особенно российскому юридическому позитивизму с его защитой монархии. Для Ковалевского характерны стойкое стремление рас-

сма­тривать политические явления в тесной связи с социальными факторами и процессами, а также исторический подход к государству и праву.

Беря за основу контовское понимание социологии как науки, примиряющей принципы порядка и прогресса и ее деление на статику и динамику, Ковалевский конкретизирует эти положения, заменяя «порядок» понятием «организация», а «прогресс» – «развитием», «эволюцией». Суть этой замены в том, что «порядок» присущ лишь правильно и гармонично организованному обществу, основанному на началах «солидарности», образующему «замирённую среду».

Развитие многих обществ протекало не идеальным путем, они были охвачены конфликтами различных групп населения, подавляемыми силой государственной власти. Последняя вносит в общество необходимую организацию, которую никак нельзя назвать «порядком». Примером такой «организации» была Россия.

Такие же причины лежат в основе замены термина «прогресс» более широким понятием «эволюция». «Прогресс, пишет он, – предполагает усовершенствование, изменение к лучшему, тогда как эволюция говорит о всяком изменении». Русское общество, продолжает Ковалевский, развивалось в пореформенную эпоху, но это «развитие» не было прогрессивным, так как его результатом стало обострение противоречий в обществе, подавляемых полицейской силой.

Основным принципом социологического подхода к государству и праву Ковалевский провозглашает «солидарность». Противоречие как факт действительности не отрицается, но оно оценивается как препятствие поступательному движению общества. На место борьбы противоположностей как источника развития вводится «замирённая среда». Она возникает на ранних ступенях эволюции человечества, в родовом обществе, обеспечивает условия для гражданского оборота, а затем играет решающую роль в возникновении государства.

Идея «солидарности» в концепции Ковалевского отражала интересы передовой русской буржуазии, мечтавшей о «плавном историческом процессе», без социальных конфликтов и взрывов классовой борьбы. С позиций солидаризма не только осуждалась классовая борьба, но и выдвигалась программа социально-политических преобразований, смягчающих социальные конфликты.

Важным средством обеспечения «солидарности» и, следовательно, «замирённой среды» Ковалевский считал право. Оно существовало еще в доклассовом обществе и менялось по мере развития общества в соответ-

ствии с модификациями требований «справедливости». Право первично по отношению к государству. Называя, как и другие позитивисты, теорию естественного права «метафизической», Ковалевский вместе с тем считает верным в научном и политическом отношениях вывод ряда представителей этой школы о том, что право возникает раньше государства. Этот вывод, по его мнению, лишь нуждается в уточнении с двух точек зрения: во-первых, априорные суждения о «догосударственном праве» и «естественном состоянии» должны быть заменены конкретно-историческим изучением реального процесса становления права (отсюда – ряд ценных размышлений Ковалевского о первобытном обществе и его чертах), во-вторых, надуманную категорию «изолированного индивида», «робинзона» следует заменить реальным понятием «социальной группы», «союза», «общества».

Одновременно острой критике подвергался «юридический позитивизм», его наиболее уязвимым звеном объявлялась невозможность обосновать «связанность» государства правом. Критикуя «юридический позитивизм» на российской почве, Ковалевский поддерживает ряд идей «школы свободного права», которая оправдывала решения судей, противоречащие закону. Он указывает на общественные отношения, не предусмотренные в русском праве, но требующие судебной защиты, на возможность использования судом «нравственных критериев» при решении ряда дел. «В каждый данный момент, – пишет Ковалевский, – нравственность опережает право и, следовательно, находится с ним в частичном столкновении. Я считаю это явление нормальным и не могу представить себе эволюцию общества без постепенной выработки новых правил, регулирующих новые общественные отношения».

Постепенно кристаллизуется дуализм в понимании права у Ковалевского. Право – это отражение требований солидарности и порождаемой ею «идеи долга», которая заставляет индивидов брать на себя обязанности с целью сохранения «интереса группы». Это право, как и естественное, предшествует государству и является основой позитивного права. Законодательство тесно связано с другими социальными регуляторами, особенно с моралью и обычаями, которые в процессе исторического развития опережают право, закрепляющее уже сложившиеся отношения. Право на стадии «всесловного» общества, по Ковалевскому, обеспечивает гражданское и политическое равенство, права и свободы лично-

сти, их юридические гарантии, выражая тем самым свой «общенациональный характер» в соответствии с «социальной солидарностью».

Не меньшую роль в обеспечении солидарности Ковалевский отводил государству.

Ковалевский видит в государстве «одну и далеко не первичную форму общежительного союза, при котором народ-племя находит возможность политического самоопределения под властью признаваемого им общего правительства». Государству предшествовали союзы, опиравшиеся на представления о действительном или мнимом родстве входящих в состав их семей. Это родовые и тотемистические союзы. Признаком, отличающим государство от этих союзов, является политическая власть, обладающая суверенитетом.

Ковалевский признает наличие классов, их борьбы, влияние этой борьбы на формы государства. Но борьба классов, по его мнению, должна завершиться неким «компромиссом», решающую роль в достижении которого призвано играть государство. Марксистский тезис об угнетении, насилии одного класса над другим в государственно-организованном обществе явно противоречил солидаристскому духу учения Ковалевского, пониманию государства как миротворца, создателя «замиреной среды» в классово-стратифицированном обществе.

Для России лучшей формой воплощения идей солидаризма и умеренного либерализма Ковалевскому представлялась «демократическая монархия», где парламент вместе с наследственным монархом призывался бы к управлению государством. Парламент в «демократической монархии» двухпалатный, подобно английскому. Верхнюю палату составляет умственная аристократия – «люди знания и практического опыта». Она назначается монархом и представляет собой нечто вроде академии. Верхняя палата не должна зависеть от правящей партии и меняться с ее сменой. Она должна будет решать вопросы, связанные с научным и техническим прогрессом.

Нижнюю палату составят различные социальные группы: промышленники, торговцы, сельские и городские рабочие. Их роль, как и представителей верхней палаты, – быть компетентными советниками при царе, сохраняющем за собой в соответствии с исторической традицией законодательную власть.

Опасаясь чрезмерного усиления нижней палаты, Ковалевский предлагает провести децентрализацию власти путем предоставления дополни-

тельных прав местному самоуправлению (земствам). Децентрализация государственных функций призвана привести к расширению подлинной демократии и устранению недостатков конституционных систем на Западе, где в парламентах, по мнению Ковалевского, отнюдь не выражается воля большинства населения страны и утвердился партийный диктат.

Ковалевский рыцарски отстаивал «солидарность классов», видя путь к ее достижению в постепенном реформировании российского государства и права, в уступках купцам и крестьянству, в улучшении экономического положения пролетариата. Между тем в России все более обострялись классовые противоречия, нарастала революционная волна. Оказать эффективное воздействие на политическую эволюцию русский либерализм не сумел. Однако это не помешало ему стать заметной вехой в развитии политико-правовой теории и культуры.

13.6. Теория возрожденного естественного права.

П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский

Признанным главою школы возрожденного естественного права в России был Павел Иванович Новгородцев (1866 –1924) – правовед, философ, социолог. Профессор Московского университета (с 1906 по 1918г. – ректор Московского высшего коммерческого института), Новгородцев принимал деятельное участие в политической жизни страны: стоял у истоков создания партии кадетов и был активным ее членом, избирался в I Государственную думу, после Октября 1917 г. включился в антибольшевистскую борьбу. Вехами его научной биографии стало участие в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Из глубины» (1918). В эмиграции (с 1920 г.) при участии чешского правительства он основал Русский юридический факультет при Пражском университете, который возглавлял до своей кончины.

Многоплановая по содержанию философия права Новгородцева наиболее полно представлена в его обобщающем труде «Введение в философию права», состоящем из трех частей: 1) статей «Нравственный идеализм в философии права» (1902) и «Государство и право» (1904, эта статья отдельно не издавалась); 2) «Кризис современного правосознания» (1909) и 3) «Об общественном идеале» (1917, работа осталась незаконченной). Стремление дополнить субъективную этику Канта отдельными положениями этики Гегеля и устранить тем самым односторонность этих систем

побудило Новгородцева создать свою оригинальную естественно-правовую философию.

По Новгородцеву, разумное начало в личности есть автономное нравственное начало. Разум является единственным источником идеи должного, морального закона, который представляет собой факт чистого сознания, независим от исторической необходимости. Сущность морали проявляется в ее критической функции по отношению к действительности и служит основой бесконечного, нравственного совершенствования. Нравственная идея в качестве идеала всегда императивна, не связана с конкретным содержанием, существует исключительно в личностном сознании, имеет абсолютную ценность. Будучи приложена к сфере социальных отношений, она, как полагает Новгородцев, приобретает форму естественно-го права, неизменной идеальной категории с меняющимся содержанием. В этом случае естественно-правовое получает значение философского воззрения, с позиций которого рассматривается возможность синтеза личного и общественного, соотношение относительного и абсолютного, разрабатываются социальные идеалы.

Абсолютная основа естественно-го права раскрывается в моральной идее личности, которая выступает идеалом и целью для самой себя и с этой точки зрения оценивает политико-правовую реальность. Автономная моральная личность представляет собой основу идеального общественного устройства, ее естественно-правовой идеал служит средством и критерием в организации правопорядка и политических институтов. А так как между идеалом и реальностью, по Новгородцеву, всегда существует разрыв, то личность как носитель естественно-правовой идеи постоянно конфликтует с действующим законом, стоит в оппозиции к государственной власти.

В этом несоответствии Новгородцев усматривает источник перманентного кризиса правосознания, который, по его мнению, в конце XIX – начале XX в. глубоко затронул классическую теорию правового государства и демократические институты Запада. В результате возникло неразрешимое противоречие между свободой и демократией, коренящееся, по Новгородцеву, в метафизической природе личности, ее вечной неудовлетворенности наличным правопорядком и стремлении к абсолютной свободе. Новгородцев призывает отказаться от традиционного формально-юридического правосознания в пользу нравственно-психологического и религиозно-метафизического понимания взаимоотношений государства и личности, что нашло отражение в его концепции абсолютного идеала.

Сконструированная Новгородцевым концепция абсолютного социального идеала, знаменующая его переход от светского философско-правового идеализма к либеральному консерватизму, умеренному славянофильству и православию, формулировалась им как принцип всеобщего свободного универсализма, где свобода, равенство и всеобщность объединения лиц сочетаются в свободной солидарности всех. Подобный идеальный социальный универсум (генетически связан с идеями Платона, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого) представляет собой развивающуюся нравственную идею (нравственный закон – естественное право – абсолютный идеал), эволюцию представлений личности от осознания ею своей нравственной природы к формированию требований нравственной организации общества, принципов оптимального сочетания государства и личности. Однако императив бесконечного нравственного совершенствования делает невозможным, по Новгородцеву, соответствие абсолютного идеала и действительности. Нереализуемый в жизни идеал становится потенциально достижимым в контексте православной догматики. Его воплощение как вневременного и иррационального образа, уже существующего, но еще не осуществленного, Новгородцев выносит за пределы человеческой истории в сферу сверхисторического.

Богдан Александрович Кистяковский (1868 – 1920), философ, социолог, правовед, учился в различных университетах России и Европы, активно занимался политической деятельностью: участвовал в украинском национальном движении, был членом социал-демократических кружков, стоял у истоков создания партии кадетов; неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Кистяковский – один из идеологов «веховства» (публиковался в сборниках «Проблемы идеализма» и «Вехи» (1909)). Он много преподавал (в том числе на юридическом факультете Московского университета), был профессором Киевского (с 1917 г.) и Украинского государственного (с 1918 г.) университетов, членом Украинской академии наук (с 1919 г.), редактировал ряд журналов.

Кистяковский, будучи даровитым ученым, приобрел известность еще во время обучения в Германии (в Берлине в 1899г. он защитил диссертацию «Общество и индивидуальность»). Главная его книга – «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (1916) представляет собой систематизацию написанных в разное время статей.

По своим общефилософским основаниям Кистяковский – неокантианец, склоняющийся к позитивизму. В целом, находясь на позициях идеа-

лизма, он отстаивает необходимость создания научной философии, предметом которой являются нормы сознания и культуры (мир должного). При этом в сферу научно-философского познания включаются лишь поддающиеся установлению данные феноменальной духовной реальности, но не религиозно-метафизические интуиции. Наукой, изучающей закономерности должноствования социальных явлений, призвана стать, по его мнению, социология.

Центральными элементами нормативной социологии Кистяковского были право и государство.

Стремясь осмыслить естественное право комплексно, Кистяковский выделяет в нем несколько аспектов: социальный (право как один из элементов феноменального мира должного); психологический (право как совокупность представлений, эмоций и волевых установок); государственно-организационный (связь с государством); нормативный (право как трансцендентно-телеологическая сущность). Нормативное свойство естественного права представляется ему главным, ведущим. Естественное право как совокупность «конститутивных категорий мышления», изначально ему присущих и имеющих метафизическую природу, обусловлено в своем развитии двумя этическими целями — свободой и справедливостью. По Кистяковскому, естественное право, внося в духовную культуру дисциплинирующее начало, делает возможным победу в ней этических и религиозных ценностей.

Суть государственной власти Кистяковский усматривает не в ее организационно-материальном (наличие вооруженных людей, органов управления) и принудительно-силовом характере, а в духовной природе. Однако государство является нормативной сущностью как бы второго порядка, имеющей свое оправдание и цель в естественном праве – подлинной основе власти. Государство, таким образом, есть не что иное, как реализованное право, осуществляющиеся в культуре свобода и справедливость. Именно поэтому власть в современном государстве, по Кистяковскому, становится правовой.

Стараясь устранить субъективизм философии права Канта (личность — единственная цель), Кистяковский предлагает возродить его естественно-правовую философию в новой формулировке: «самоцелью одинаково являются и личность, и общество». Его трактовка естественного права имеет социалистический оттенок: к природным неотчуждаемым правам личности он причисляет право человека на достойное существование (материальная гарантированность со стороны общества и государства). В итоге «наиболее

совершенным типом государственного бытия» Кистяковский признает правовое, социально справедливое государство, в котором осуществляются классовая солидарность, единение народа и власти.

13.7. Психологическая школа права. Л. И. Петражицкий

В начале XX в. складывается самостоятельное направление юридической науки — психологическая школа права. Ее основными представителями были во Франции – Г. Тард, в Германии – Рицлер, Рюмелин, Изай, в России – Л. Петражицкий, в США – Р. Вест, П. Сорокин, Н. Тимашев. На ее основе впоследствии сложились другие школы, такие, как реалистическая школа права США в 30х гг., а после Второй мировой войны — скандинавская школа права Хагерстрема – Росса.

Основателем и наиболее ярким представителем психологизма в юриспруденции был наш соотечественник Лев Иосифович Петражицкий (1867 – 1931). Родился он в Витебской губернии в родовом поместье Коллонтаево, окончил юридический факультет Киевского университета, затем продолжил образование в Берлине. Там он начал и научную деятельность.

Возвратившись в Россию в 1896 г., Петражицкий приступает к работе в Петербургском университете и в 1897 г. занимает кафедру энциклопедии и философии права, на которой работает весьма плодотворно вплоть до Октябрьской революции. Его основные произведения – «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (1905) и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907 – 1910). В этих работах он и осуществил свой синтез теории права с психологией.

Петражицкий вел активную политическую деятельность, был депутатом I Государственной думы, членом ЦК партии «Народной свободы» (кадетов). После октябрьских событий 1917 г. и декрета СНК РСФСР, объявившего кадетскую партию партией врагов народа, он эмигрирует в Польшу (по национальности Петражицкий был поляк). В Варшавском университете Петражицкий возглавляет кафедру социологии, на которой работает до 1931 г., когда в состоянии депрессии он покончил с собой.

Петражицкий понимает право как психический феномен. Право как элемент духовной жизни не вписывалось в традиционную систему психических явлений (сознание, чувство, воля). Петражицкий противопоставил ей свою классификацию. Он подразделяет элементы психической жизни на односторонне-пассивные (сознание и чувство), односторонне-активные

(воля) и двусторонние, пассивно-активные, содержащие элементы и чувства, и воли. Последнему классу явлений Петражицкий дает название эмоций.

Эмоциям он приписывает исключительную роль в жизни человека: они управляют его телом и душой, вызывая определенные действия, представления и мысли, весь психофизический аппарат перестраивается в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных эмоций.

Петражицкий подразделяет эмоции на первичные и бланкетные.

К первичным относятся голод, сон, страх, они автономны от социальной среды. Это своеобразные инстинкты, пружины поведения, имеющие особые физиологические проявления в виде течения слюны, схватывания пищи, выделения желудочного сока и т. д.

Бланкетные эмоции связаны не с биологическими потребностями организма, а с поведением человека в обществе, и они направлены на других людей или само общество. На их основе начинают действовать только в том случае, если человек общается, если к нему обращаются с просьбами, приказами, запретами. Они обладают лишь своеобразным, мистически-авторитетным характером, переживаются как внутренняя помеха свободе, как принуждение в сторону того поведения, которое соответствует содержанию соответствующей эмоции.

Бланкетные эмоции, ведущие к нравственным и правовым обязанностям, Петражицкий называет этическими. Те обязанности, которые свободны по отношению к другим, по которым другим лицам ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, являются нравственными. Те же обязанности, которые осознаются несвободными по отношению к другим, закрепленными за другими, по которым то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне как нечто должное, являются правовыми. «Наше право есть не что иное, как закрепленный за нами, принадлежащий нам как наше добро долг другого лица». То, что с точки зрения одной стороны является ее обязанностью, с точки зрения другой – ее правом, с точки зрения третьего лица представляется как правоотношение между ними.

Этические эмоции – база для формирования соответствующих социальных норм. Те нормы, которые устанавливают по отношению к другим обязанности, авторитетно предписывают нам известное поведение, но не дают другим никаких оснований к притязаниям на исполнение, Петражицкий именует чисто императивными. Это нравственные нормы. Те же нормы, которые, устанавливая обязанности для одних, закрепляют

за другими право притязания, он именуется императивно-атрибутивными. Это правовые нормы.

В качестве примера правовой нормы – эмоции – Петражицкий называет уплату установленного вознаграждения рабочему или прислуге, которая «представляется не причинением особого добра, благодеянием, а лишь доставлением того, что ему причиталось, получением с его стороны «своего», а неисполнение представляется причинением другому вреда, обидой, лишением его того, на что он мог притязать, как на ему должное». Образцами нравственной нормы эмоции являются благотворительность, милость.

Психологическая интерпретация права, по мнению Петражицкого, делает юриспруденцию подлинно научной. Право существовало задолго до появления законодательства. Петражицкий называет его не «естественным», а «интуитивным правом». Это такой регулятор человеческого поведения, который приводит к реальному исполнению прав и обязанностей без каких-либо специальных внешних средств принуждения и сформулированных норм. Интуитивное право как первичный и древнейший вид права было в истории «бессознательно удачным массовым психическим приспособлением». В нем выражалось переживание состояния «связанности» (обязанности) перед другими людьми, что позволяло приспособляться к социальному миру, сосуществовать, сотрудничать друг с другом, разрешать конфликты.

Обилие интуитивных прав (их столько, сколько существует индивидов) чревато конфликтами между людьми из-за своего права. Отсюда вытекает ценная сама по себе тенденция к позитивации интуитивного права, когда оно определяется «по однообразным для всех внешне распознаваемым признакам». К ним относятся писанные и неписанные нормы, действующие в человеческом обществе. Это и нормы, установленные государством, и нормы, действующие в асоциальных группах, и различные правила игр, этикета.

Когда интуитивное право опирается на эти нормы как на внешний авторитет, то оно превращается в позитивное право. Позитивное право – двустороннее эмоциональное состояние, вытекающее из требований какой-нибудь социальной нормы. Для Петражицкого нормы позитивного права означают внешний авторитет, внешнюю силу, которая заменяет автономность эмоций личности.

В соответствии с разнообразными нормами Петражицкий классифицировал виды позитивного права. Обычаи (и правовые, и неправовые) со-

ставляют прецедентное право. Правила игр формируют позитивное «игровое право». Правила, содержащиеся в научных сочинениях, – это «позитивное научное право». Из правил преступных организаций возникло «право преступного мира»; признавалось «светское право» и т. д.

В качестве одного из видов позитивного права выделяется официальное право, т. е. нормы, созданные государством. К этому праву относились нормативно-правовые акты («законное право»), а также судебные решения («преюдициальное право»). Официальное право Петражицкий считал наиболее эффективным.

Однако все виды позитивного права, по Петражицкому, представляют «совершенно микроскопическую величину» в сравнении с тем необъятным множеством житейских случаев, которые регулируются интуитивным правом. Это право, руководствующееся такими принципами, как «действовать по справедливости», «без лицепрятия», «по доброй совести», – весьма подвижно и гибко реагирует на веления времени. Его роль в жизни общества возрастает. Позитивное право, напротив, консервативно, шаблонно, склонно к окаменению, оно постоянно отстает от потребностей эпохи, поэтому интуитивное право должно оказывать на него влияние.

В ходе неизбежного конфликта между позитивным и интуитивным правом «осознание справедливости оказывает давление на разработку, толкование и применение права и является (мирно или революционно действующим) фактором создания, разрушения и изменения позитивного права». Отсюда следовал вывод, что позитивное право, нарушающее «аксиомы» интуитивного права, утрачивает справедливый характер и подлежит отмене.

В этих взглядах отразился критический подход к праву царской России. Для преобразования последнего Петражицкий настаивал на необходимости особой науки — «политики права». Он выдвигал план постепенных государственно-правовых реформ, воспитания, педагогики правовых эмоций, в духе Р. Иеринга призывал к борьбе за право, к формированию высокой юридической культуры чиновников и граждан. Своевременные реформы, полагал он, помогли бы избежать революционных катаклизмов.

Задачи политики права заключаются в «совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей». Действующая в каждый момент система права, по Петражицкому, является «преходящей ступенью социального воспитания» и должна быть по выполнении своей воспитательной функции заменена другой системой. Идеалом явля-

ется достижение совершенного социального характера, «господства действительной любви в человечестве».

Идеи Петражицкого вызвали волну критики со стороны известных юристов того времени, в том числе сторонников движения за возрождение естественного права. Оппоненты Петражицкого считали психологический подход к праву сомнительным с точки зрения науки, так как явления духовной жизни не имеют определенности. Однако новизна теории Петражицкого признавалась всеми. В среде либеральной интеллигенции призыв различать интуитивное и позитивное, официальное и неофициальное право прозвучал как колокол, так как просвещенная часть общества остро ощущала противоречие между существующим государственным строем и своими нравственными убеждениями.

Петражицкий содействовал обновлению правовой теории. Он критиковал юридический позитивизм за догматизм и апологетику действующего права. Определение права как явления психики, эмоции, не получило широкого признания. То, что Петражицкий понимал как собственно право, большинство современных юристов называет скорее правосознанием, индивидуальным или коллективным. Однако непреходящая заслуга Петражицкого состоит в том, что он привлек внимание к исключительной важности этого явления для правовой теории и практики, раскрыл его влияние на «официальное право».

В методологии Петражицкого много недостатков. Увидев основу права в психике, он не задался вопросом, какие же факторы формируют психику, не обратился к анализу социально-экономической структуры.

Психологический подход не привел Петражицкого к правовому нигилизму. С оригинальных теоретических позиций он отстаивал либеральные идеи реформы законодательства, создания правового государства, развития демократии.

Психологическая школа права сохраняет авторитет до сегодняшнего дня и нуждается в дальнейшей разработке. В нашей стране в последние годы преодолевается односторонне-отрицательное отношение к ней, характерное для советского периода, начиная с 30-х годов, когда нормативистское понимание права приобрело официальный характер.

13.8. Анархизм. П.А. Кропоткин

Петр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921) происходил из древнего княжеского рода, считавшего своим основателем легендарного Рюрика. Образование он получил в привилегированном Пажеском корпусе в Пе-

тербурге (1857 – 1862), где был инициатором выпуска рукописной газеты «Отголоски из корпуса», в которой доказывал «необходимость конституции для России», писал о важности правового порядка.

После окончания Пажеского корпуса Кропоткин служит в Сибири на различных государственных должностях, но, видя ограниченность царских реформ, засилье бюрократии, уходит в 1867 г. в отставку и обращается к революционному движению. Весной 1872 г. он присоединился к народническому «кружку чайковцев», который вел агитацию среди рабочих в Петербурге. В марте 1874 г. Кропоткин был арестован, через два года бежал из тюремного военного госпиталя и выехал из России. Возвратиться на родину ему удалось лишь в 1917 г.

Четыре десятилетия эмиграции были заполнены анархо-революционной борьбой и пропагандой, подготовкой разнообразных научных трудов. В эти годы он создал свои основные произведения: «Речи бунтовщика» (1885), «В русских и французских тюрьмах» (1887), «Хлеб и воля» (1892), «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902), «Записки революционера» (1902), «Идеалы и действительность в русской литературе» (1905), «Великая Французская революция 1789 – 1793» (1909), «Современная наука и анархия» (1913).

Кропоткин принадлежал к плеяде ученых-энциклопедистов, знакомых со всеми новейшими открытиями как в естествознании, так и в обществоведении. Он был географом, геологом, биологом, историком, политологом, философом, что дало ему возможность сформировать широкий взгляд на мир, признать неразрывную связь природы и общества. Кропоткин выдвинул идею общего для животного мира и человека закона взаимной помощи, который определяет процесс эволюции. Суть его в следующем. Обстоятельства жизни и борьба за существование вынуждают все виды живых существ объединяться во имя общих интересов. Тот вид, который способен организовать свою жизнь на максимально солидарных началах, оказывается в более благоприятных условиях для выживания, долголетия. Прогресс прямо пропорционален уровню организованности данного вида на началах взаимной помощи.

Однако, по Кропоткину, формы общественной жизни не всегда соответствовали началам взаимной помощи. Некоторые учреждения (особенно государство) препятствовали развитию начал солидарности, тем самым противодействуя движению человечества вперед.

Историю Кропоткин рассматривал как цикличное и прерывистое развитие. Каждый цикл проходит строго определенные фазы развития: от первобытного племени – через сельскую общину и вольный город – к государству. Государство выступает как стадия цикличности, повторяющаяся форма организации финального периода развития любой цивилизации перед ее гибелью. Вслед за кризисом и гибелью общества наступают новый виток развития, который также через определенный промежуток времени себя изживает.

Цикличное развитие человечества, по Кропоткину, непрерывно, поэтому государство зарождается у разных народов в разные исторические эпохи. Первобытнообщинный строй и Средневековье у Кропоткина в равной мере оказываются предшествующими государству. Возникновение государства он связывал с формированием централизованной структуры управления.

Государственная стадия общества, по мнению Кропоткина, является нарушением принципа взаимопомощи и разрушением солидарности людей. Государство мешает людям осуществлять свое право на свободу, а его деятельность – это «бесконечно-длинный ряд преступлений» и «поддержка эксплуатации и порабощения человека человеком».

Происхождение государства Кропоткин объяснял рядом причин. Первая из них – экономическая и классовая. «Само историческое развитие государства, – писал он, – было вызвано не чем иным, как возникновением земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который таким образом стал бы господствующим».

Важное место в генезисе государства отводилось правосудию. Судебная власть рассматривалась как первоначальная по отношению к другим ветвям власти. Идея правосудия оказала влияние «в значительно большей мере, чем военные или экономические причины, она послужила основой, на которой развилась власть королей и феодальных властителей». Возникновению государства способствовали также следующие факторы: психологическое желание господствовать над массами со стороны меньшинства воинов, законоведов, ученых и священников; «необходимость обезопасить себя против насилия чужестранцев; церковь, которая требовала повиновения власти; римское право, т. е. византийское право, которое в свою очередь происходит от восточных деспотий».

Смысл существования государства заключается в том, чтобы мешать всякому естественно складывающемуся союзу людей, чтобы пре-

пятствовать развитию местного почина и личной предприимчивости, души уже существующие вольности и мешать возникновению новых, и все это – чтобы подчинить народные массы ничтожному меньшинству. «Это – организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем на протяжении трех столетий, чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс, чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпаемых милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства».

Как анархист Кропоткин отрицательно относился к любой форме государства, поскольку все они имеют эксплуататорскую сущность. Всякое государство – «это отрицание свободы, абсолютизм, произвол, разорение подданных, казни и пытки». Он обрушился на буржуазный парламентаризм, всеобщее избирательное право, так как они служат угнетению народа: парламентаризм – специфическая организация власти, «соответствующая обществу, основанному на эксплуатации наемного труда капиталом». Основные недостатки парламентаризма Кропоткин видел в неспособности представительного правления осуществлять возложенные на него функции, в иллюзорности представительства народа.

Столь же отрицательно его отношение к идее диктатуры пролетариата: «Будет ли представительное собрание состоять из рабочих или буржуа, войдут ли в него даже социалисты-революционеры, – оно сохранит все недостатки представительного собрания, так как эти недостатки зависят не от состава данного собрания, а присущи самой системе. Рабочее государство, управляемое выборным собранием, одно из самых зловредных мечтаний, внушенных нам воспитанием, признающим власть и авторитет».

Государство как причина всех общественных зол устраняется, по Кропоткину, социальной революцией. Только она может вывести человечество из безнравственного царства насилия, созданного государством, и привести его в царство свободы. В понятие социальной революции, которая имеет закономерный, неизбежный характер, он включал не только момент разрушения, насилия, но и момент созидательный, прежде всего духовно-нравственный, «новые понятия о равенстве». «Народ – крестьяне и городские рабочие – должен будет начать сам строительную и воспита-

тельную работу на более или менее широких коммунистических началах, не ожидая приказов и распоряжений сверху».

Идеал Кропоткина – анархия, где все отношения между людьми регулируются «взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, так же свободно признанными». Последние не должны застывать, они постоянно развиваются в соответствии с новыми требованиями жизни, успехами науки. В этом обществе не должно быть никакого владычества человека над человеком, обеспечены условия для развития личности, для реализации всеобщего равенства в правах.

13.9. Буржуазный либерализм. П. Б. Струве

Ярким представителем буржуазного либерализма в России был Петр Бернгардович Струве (1870 – 1944) — экономист, философ, социолог, историк, общественный деятель. Окончив экстерном в 1895 г. юридический факультет Петербургского университета, Струве периодически читал политэкономии в различных учебных заведениях России. В 1916 г. стал почетным доктором права Кембриджского университета, в 1917 – почетным членом Российской академии наук. В 1890е гг. Струве один из виднейших представителей русского марксизма (в варианте легального марксизма). С начала 1900х гг. он переходит на позиции либерализма, был одним из активных участников создания партии кадетов, избирался во II Государственную думу. В эмиграции (с 1920 г.) Струве довольно значительное время участвовал в антисоветском движении, редактировал ряд газет и журналов. Впоследствии он занялся научной работой (возглавлял Отделение общественных наук Русского научного института в Белграде, читал курс социологии, писал сочинения по русской истории, политэкономии, философии).

Перейдя от легального марксизма к либерализму, Струве в конечном итоге сформулировал свою политическую позицию как консервативный либерализм, что означало соединение либеральных ценностей с монархическим началом. Испытывая некоторые сомнения в дооктябрьский период относительно формы правления в России (республика или монархия), после прихода к власти большевиков он становится твердым сторонником конституционной монархии.

Струве – один из лидеров правого крыла российского либерализма. Если политическая платформа одного из вождей кадетов П. Н. Милюкова

и его сторонников отличалась заметной левизной (склонность к радикализму, социализму и республиканизму), то правый либерализм Струве обладал ярко выраженными чертами консерватизма, религиозности и национализма, был враждебно настроен к социализму, открыто защищал буржуазные ценности. Наиболее показательной в этом отношении является книга Струве под общим названием «Patriotica»: политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1906 – 1910 гг.)».

Рассматривая марксизм как заключительную стадию развития позитивизма в России и отмечая положительную роль последнего в истории русской культуры, Струве на протяжении всей жизни подвергал острой критике не только марксизм, но и социалистическое учение в целом. По его мнению, социалистическое учение, представляющее собой разновидность «светской социальной и политической мифологии», в своих основных положениях было сформулировано еще в Древней Греции. Концептуальное оформление западноевропейского социализма, проходившее во второй половине XVIII – начале XIX в., означало не что иное, как болезненную реакцию на разложение старого феодального мира. Социализм возник как романтическое мироощущение, обращенное к консервативным ценностям античности и Средневековья и, следовательно, противоречащее новым либерально-демократическим экономическим и политико-правовым ориентирам. Струве усматривает сущность социализма в полной рационализации всех общественных процессов, что, по его мнению, в принципе недостижимо и взрывает социализм изнутри. Социалистическое учение, основываясь на принципе социального детерминизма, устраняет личную ответственность человека за свои поступки, а вместе с ней индивидуальную моральную и религиозную жизнь.

В «развенчании» социализма Струве видит основу для восстановления «истинно исторического облика и морально-этического смысла либерализма». Либерализм, по его мнению, в отличие от социализма «имеет подлинно религиозные корни в радикальном протестантизме различных оттенков», где зародилась идея свободы совести и веротерпимости – фундамент сформулированной позднее концепции неотчуждаемых прав человека. Религиозные истоки либерализма делают, по Струве, эту теорию подлинной базой гуманистического социального устройства.

Для обоснования либерализма Струве прибегает к теории естественного права, истолковывая ее в неокантианском духе. Естественное право, на его взгляд, соединяя в себе моральную и правовую норму, от-

четливо выявляет свободу личности как единственно возможную основу нравственного социально-политического устройства. Свобода в этом смысле не может носить исключительно субъективный характер, она с необходимостью должна выражаться вовне, в деятельности человека и, следовательно, находит свое отражение в позитивном законодательстве и государственной организации. Признание трансцендентной природы прав и свобод человека возводит индивидуализм в абсолютный принцип, побуждает рассматривать личность как главную и реальную составную часть общества и государства.

Констатируя противоречия между личностью и государством, Струве пытается найти примиряющие и объединяющие их принципы в феномене национализма и патриотизма.

Он выдвигает идею патриотического эроса – любви к родине, понимаемую как религиозное чувство и нравственное совершенствование в деле объединения «личной жизни и государственных задач». Разрешение конфликта между личностью и государством возможно, по Струве, на почве религиозного индивидуализма, который, на его взгляд, воплощает в себе элементы субъективного духа и объективного мира (в том числе социального) и соединяет в божественно-космическом синтезе «мистицизм с реализмом, личное с всеобщим».

Струве указывает на тесную взаимосвязь, существующую между государством, нацией и национальной культурой. Он полагает, что нация является первичным органическим началом, центром сосредоточения потенциальной энергии, которая затем может проявиться в возникновении великой культуры и государственности. Национальный дух находит воплощение в культуре. Она и есть та непосредственная среда, где формируется волевое и сознательное начало нации – государство. Богатство, глубина и самобытность культуры определяют силовые возможности государства, его способность подчинять себе другие нации и государства. В этом плане борьбу между нациями и государствами Струве рассматривает как борьбу культур: побеждает та культура, в которой уровень правосознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше. Таким образом, государство, по Струве, является квинтэссенцией, энергетическим стержнем национального духа и национальной культуры.

Эти теоретические положения Струве в полной мере использует для обоснования концепции Великой России. В условиях первой русской революции, активного влияния правых и левых радикалов он выдвинул

идею «революции во имя государства». На его взгляд, национальной идеей современной России может стать дело примирения между властью и «проснувшимся к самодеятельности народом», государство и нация должны органически срастись. Власть и нация обязаны найти компромисс, пойти на добровольное самоограничение с целью соединения прошлой исторической судьбы с новыми либеральными требованиями. Струве выступал за создание такой Российской империи, в которой могущество государства будет сочетаться с дисциплиной труда, правовой защищенностью и религиозной идеей.

Все творчество Струве пронизывает тема русской революции, стремление понять ее роль в судьбе России. На закате своей жизни он дает такую характеристику этому событию: «Корни русской революции глубоко заложены в исторической отсталости России... ее социалистическая революция XX века есть грандиозная реакция почвенных сил принуждения против таких же почвенных сил свободы...» Признав естественный характер Октябрьской революции, Струве оценил ее как низшую точку падения, возвращающую Россию к религиозным и национальным ценностям – основам будущего ее возрождения.

Политический и духовный опыт Струве как нельзя более характерно отражает трагический исход русского либерализма. Вся общественная и литературная деятельность Струве несет на себе печать глубокой внутренней неуверенности и сомнений. Если его приверженность идеалам свободы личности и крепкой государственности достаточно очевидна, то в водовороте конкретных событий в России Струве, по-видимому, с трудом удавалось найти необходимую точку опоры для балансирования между защитой демократии и сохранением монархии. Неосуществленность идеалов либерализма, разрушение исторического государства свидетельствовали о политической и идейной несостоятельности Струве и других русских либералов.

13.10. Марксизм и советская правовая теория. В. И. Ленин, М. А. Рейснер, П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис, А. Я. Вышинский

Владимир Ильич Ульянов (1870 – 1924) (псевдоним Ленин был взят им в 1901 г.) родился в Симбирске (ныне Ульяновск) в большой семье крупного чиновника, трудившегося на ниве народного просвещения. Несмотря на благополучие, все пять ульяновских детей, достигших зрелого

возраста, стали революционерами. В 1887 г. семья пережила трагедию. За участие в заговоре с целью убийства царя Александра III был повешен старший брат Ленина, студент Петербургского университета Александр Ульянов.

Осенью 1887 г. В. Ульянов поступил на юридический факультет Казанского университета, но через три месяца был исключен за участие в нелегальном студенческом собрании и выслан в имение своего деда Кокушкино. Находясь там под надзором полиции, он много читает. Особенно сильное впечатление произвел на него Н. Г. Чернышевский. Осенью 1888 г. Ульянову разрешают вернуться в Казань, но двери университета остаются для него закрытыми. Он вступает в революционный кружок Н. Е. Федосеева, обращается к марксистской литературе, к работам Г. В. Плеханова. К этому времени сложились его марксистские убеждения. В 1889 г. семья переезжает в Самару. После многочисленных просьб Ульянов получает разрешение сдавать экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета. В 1891 г. он оканчивает университет с отличием. Получив диплом, В. И. Ульянов работает помощником присяжного поверенного в Самаре.

В августе 1893 г. Ульянов переезжает в Петербург, устанавливает связи со столичными марксистами и занимает в их среде видное положение. Его литературная деятельность началась в русле критики народничества. Вслед за Плехановым Ульянов доказывает неизбежность становления капитализма в России, наивность попыток обойти его с помощью крестьянской общины, а также констатирует переход народничества 80 – 90х гг. с революционных позиций на либерально-реформистские («Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Развитие капитализма в России» (1899) и др.).

В 1895 г. Ульянов едет за границу для встречи с находившимися в эмиграции членами плехановской группы «Освобождение труда». Вернувшись в Петербург, он вместе со своим другом и будущим политическим противником Л. Мартовым (псевдоним Ю. О. Цедербаума) и другими объединяет марксистские группы Петербурга в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Члены Союза вели агитацию среди рабочих, готовились к забастовкам. В декабре того же года руководителей Союза арестовывают. Ульянов проводит 15 месяцев в тюрьме, затем его ссылают на три года в село Шушенское (Восточная Сибирь), куда приехала Н. К. Крупская, член Союза, ставшая его женой. В 1898 г. в Минске, в отсутст-

вие наиболее авторитетных русских марксистов, состоялся I съезд РСДРП. Он не привел к формированию действенной организации.

В январе 1901 г. окончился срок ссылки, а в июле Ульянов уезжает за границу. Главным его делом стало издание газеты «Искра». Ульянов был одним из членов редколлегии наряду с Плехановым, Засулич, Аксельродом и Мартовым, но никто не вкладывал в выпуск и распространение «Искры» в России столько энергии и страсти, как он. В газете Ульянов-Ленин видел решающее средство сплочения марксистских групп в России в единую партию, способную возглавить революцию. Ленинская концепция авангардной пролетарской партии получила обобщенное выражение в книге «Что делать?» (1902).

В 1903г. в Брюсселе, затем в Лондоне состоялся II съезд РСДРП, собравший всех ее ведущих представителей. Именно на нем партия была реально создана. Там же среди «искровцев» произошел раскол по вопросу об организационных принципах. Ленин настаивал на жесткой дисциплине, прямом участии каждого члена партии в революционной деятельности. Плеханов, Мартов, Троцкий опасались, что это приведет к ограничению свободы, к установлению диктатуры над пролетариатом. Первоначально сторонники Ленина оказались в меньшинстве, но уход со съезда представителей Бунда (Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше) изменил соотношение сил. Сторонников Ленина стали называть большевиками, а сторонников Плеханова и Мартова – меньшевиками. Возникнув по поводу устава, раскол оказался глубоким и стойким. В российской социал-демократии сформировались два направления: умеренное, принципиально близкое к большинству вождей западноевропейской социал-демократии начала века (меньшевики) и радикальное, вдохновлявшееся якобинским периодом Великой французской революции (большевики).

Расхождения между большевиками и меньшевиками полностью выявились в период первой русской революции (1905). Меньшевики, исходя из того, что первоочередные задачи революции являются буржуазными, призывали рабочих признать гегемонию буржуазии и отказаться от своих классовых целей и самостоятельных выступлений. Ленин выдвинул идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, что предполагало высокую активность и самостоятельность пролетариата, готовность довести революцию до конца вопреки колебаниям и нерешительности российской буржуазии, использование пролетарских методов борьбы, вплоть до вооруженного восстания. Сравнению платформ

большевиков и меньшевиков посвящена работа Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905).

Приехав в Россию в ноябре 1905 г., Ленин после разгрома Декабрьского вооруженного восстания вновь эмигрирует и остается за границей до апреля 1917 г.

Поражение первой русской революции не привело Ленина к пересмотру большевистской тактики. На заявление Плеханова «не надо было браться за оружие» он отвечал: «Напротив, надо было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы».

В эмиграции Ленин организационно и идейно готовил большевиков к новым битвам, ориентируя их на социалистическую революцию. Расхождения с меньшевиками усиливались. В 1912 г. Пражская конференция большевиков привела к окончательному обособлению двух фракций РСДРП, превращению их в самостоятельные партии.

Идейно-политическое размежевание шло и в рамках Социалистического интернационала. Ленин, вошедший в 1905 г. в бюро (исполком) Социинтерна, стал одним из видных представителей левого крыла социалистического движения, меньшевики тяготели к центристским силам. Противоречия между умеренными и левыми социалистами обострились с началом Первой мировой войны. Социал-демократические партии европейских стран поддержали свои правительства, предав забвению собственные резолюции предвоенных лет, призывавшие противиться вовлечению в империалистическую войну и, если понадобится, ради этого добиваться отставки существующих правительств.

В 1915 – 1916 гг. Ленин участвовал в антивоенных конференциях социалистов в Циммервальде и Кинтале. Он называл социал-демократов, поддерживавших войну, «социал-шовинистами». Их политика, по мнению Ленина, привела к краху II Интернационала, что ставило задачу создания нового международного объединения рабочих. Ленин призывал превратить империалистическую войну в гражданскую, т. е. воспользоваться мировым кризисом для осуществления революции.

В 1916 г. он пишет книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой говорится, что капитализм вступил в фазу социально-экономических, политических и военных потрясений, ведущих его к неизбежной гибели. Эпоха империализма, по мнению Ленина, представляет собой канун пролетарских революций.

После Февральской революции Ленин стремился как можно скорее вернуться на родину. Добраться из Швейцарии в Россию в условиях войны было нелегко. Однако германские власти дали разрешение на проезд Ленина и ряда его сподвижников в нейтральную Швецию, рассчитывая, что появление вождя большевиков в Петрограде активизирует антивоенные выступления и приведет к снижению боеспособности русской армии.

Прибыв в Россию в апреле 1917 г., Ленин предложил программу форсированного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. Он призывал отказаться в поддержку Временному правительству и передать всю власть Советам. В то время сторонники Ленина составляли в Советах меньшинство, но к осени ситуация стала меняться, в Советах Петрограда и многих крупных городов большевики укрепляли свои позиции, что свидетельствовало об утрате Временным правительством доверия рабоче-крестьянских масс.

До июля 1917 г. Ленин не исключал возможности мирного перехода власти в руки Советов. Подавление июльского выступления большевиков побудило его перейти к подготовке вооруженного восстания. В том же месяце Временное правительство, возглавленное А. Ф. Керенским, обвинило Ленина в подрывной деятельности в пользу Германии. Вождь большевиков переходит на нелегальное положение. К концу октября он пришел к убеждению, что в России сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка для захвата власти большевиками вооруженным путем. В ряде статей и писем Ленин внушает эту мысль своим соратникам. Он тайно возвращается в Петроград и 23 октября на заседании ЦК партии после долгих споров добивается принятия решения о восстании. 25 октября Ленин дает распоряжение арестовать Временное правительство. Почти бескровный штурм Зимнего дворца приводит к низложению правительства Керенского. Проходивший в это время в Петрограде II съезд Советов благодаря поддержке левых эсеров санкционирует переворот. Ленин возглавляет Совет народных комиссаров – коалиционное рабоче-крестьянское правительство, составленное из большевиков и левых эсеров. Основой для соглашения с левыми эсерами послужило одобрение большевиками эсеровской аграрной программы, нашедшей воплощение в Декрете II съезда Советов о земле. Однако в июле 1918 г. коалиция двух партий распалась в связи с выступлением эсеров против Брестского мира, который, по убеждению Ленина, был абсолютно необходим для спасения революции. Большевики стали единственной правящей партией. Определенным стимулом к сепар-

ратным переговорам с Германией послужил и отказ союзных держав признать советское правительство.

Как глава СНК и признанный вождь партии Ленин сыграл решающую роль в определении стратегического курса революции и претворении его в жизнь. Ленина политика отличали решительность, жесткость, готовность пойти на крайние меры во имя осуществления поставленных целей. Эти свойства особенно ярко проявились в годы гражданской войны, когда Ленин призывал к беспощадной борьбе с врагами советской власти, многократно говорил о необходимости широкого применения смертной казни не только как меры наказания, но и для устрашения. Ленин готов был принести в жертву жизни десятков и сотен тысяч людей, чтобы отстоять власть большевиков, в которой он видел залог социалистического будущего.

Однако не только пуля и штык, ВЧК и красный террор позволили большевикам в тяжелейших условиях, когда не раз судьба революции висела на волоске, выйти победителями из кровопролитной гражданской войны. Забота о пролетариате, превратившемся в господствующий класс, обеспечила поддержку рабочих. Передача земли крестьянам, несмотря на изъятие почти всего зерна в форме продразверстки, побуждала массу земледельцев в конфликте между красными и белыми склоняться в основном на сторону большевиков. Провозглашение права наций на самоопределение ослабило позиции националистов и наряду с успехами Красной Армии способствовало восстановлению территориального единства страны.

Из крупных политических событий, проходивших по инициативе Ленина и под его руководством, следует назвать разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. после того, как оно отказалось признать власть Советов, одобрение первой советской Конституции 1918 г. с лишением бывших эксплуататорских классов права голоса и неравноправием рабочих и крестьян, введение «чрезвычайной политики военного коммунизма» и переход к новой экономической политике после окончания гражданской войны, утверждение нового названия РКП(б) вместо РСДРП и программы партии, создание в марте 1919 г. III Коммунистического интернационала, приведшего к окончательному расколу международной социал-демократии и возникновению мирового коммунистического движения, формирование СССР в 1922 г., в ходе которого Ленин отстаивал идею суверенитета союзных республик вопреки сталинскому плану автономизации.

В августе 1918 г. на Ленина было совершено покушение. Он был ранен двумя пулями. С осени 1922 г. начались болезни Ленина, дававшие ему лишь редкие передышки, когда он возвращался к политической жизни. В один из таких периодов с 23 декабря 1922 г. по 4 января 1923 г. Ленин продиктовал свои последние статьи и знаменитое «завещание» – письмо съезду партии, в котором он рекомендовал сместить И. В. Сталина с поста Генерального секретаря РКП (б). Сталин занял этот пост, отнюдь не считавшийся тогда первостепенным, в апреле 1922 г. 10 марта 1923 г. очередной удар лишил Ленина дара речи и положил конец его политической деятельности. Последний этап жизни Ленина был мучительным не только в физическом, но и в нравственном отношении. Его преследовали мысли о перерождении революции, бюрократизации советской системы, он не видел в своем ближайшем окружении достойного преемника.

Ленин был прежде всего политическим деятелем. В отличие от своего кумира и учителя К. Маркса он практически не знал периодов спокойной, кабинетной литературной работы. Его теоретические рассуждения носят вспомогательный характер, они превращаются в средство осуществления политических целей, в форму политической борьбы. Однако это не помешало Ленину приобрести репутацию одного из крупнейших политических мыслителей XX в. В теории, как и в практической политике, его отличала редкая целеустремленность, уверенность в своей правоте, твердость в отстаивании намеченного курса.

Система политических взглядов Ленина представляет собой попытку приспособления марксизма к своеобразным условиям страны со средним уровнем развития капитализма, большой неравномерностью социального, экономического и культурного развития и сильнейшими пережитками феодализма и дофеодалных отношений (особенно на окраинах) во всех областях жизни.

Его важнейшие новые идеи – роль, идейные и организационные основы «партии нового типа»; перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и в этой связи революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства; власть Советов как форма диктатуры пролетариата в России; победа социалистической революции первоначально в одной стране; понимание империализма как эпохи кризисов, кануна пролетарской революции и др. Они обеспечили Ленину видное место в истории политических учений.

Советская правовая теория периода ее становления. М. А. Рейснер, П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис.

Приход к власти большевиков, необходимость создания нового социалистического государства и права стали мощным стимулом для дальнейшей разработки марксистской правовой теории России. В первые годы советской власти юридическая мысль развивалась на фоне революционного романтизма, левого радикализма (стремление максимально приблизить построение коммунизма) и явного недостатка опыта в деле социалистического строительства. В целом находясь на марксистской и ленинской политико-идеологической платформе, советские правоведы продемонстрировали довольно широкий спектр мнений и методологический плюрализм. Они попытались по-своему взглянуть на известные положения Маркса и Энгельса, открыть новые стороны правовой теории марксизма. В частности, им удалось показать, что на основе марксизма можно развивать не только нормативистские, но и социологические подходы.

По мере завершения внутривластной борьбы и формирования культа личности Сталина правовая теория все более унифицировалась, приобретала догматизированный вид и превращалась в средство оправдания репрессивного режима.

Крупнейшие представители советской правовой мысли периода ее становления – М. А. Рейснер (сочетание марксизма с психологической школой), П. И. Стучка (социологическая теория) и Е. Б. Пашуканис (меновая теория). Наиболее авторитетным выразителем официальной правовой теории эпохи Сталина стал А. Я. Вышинский.

Видным теоретиком права и государства первых лет советской власти был Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928). После окончания юридического факультета Варшавского университета (1893) он с некоторыми перерывами преподавал правовые науки в Киевском, Томском и Петербургском университетах. Рейснер рано увлекся революционной деятельностью, был близок к большевикам, переписывался с Лениным. После Октябрьской революции он работал в органах власти, в гражданскую войну был начальником политуправления фронта, участвовал в разработке первой Конституции РСФСР. Позднее Рейснер преподавал в Социалистической (Коммунистической) академии, Петроградском университете, Психоневрологическом институте и Военной академии Генерального штаба.

Рейснер считает «буржуазным предрассудком» утверждение советских юристов о том, что право возникает исключительно как результат

классовой борьбы, является волей государства и поддерживается его принудительной силой. С его точки зрения, право и власть имеют различные корни и независимы. Принцип власти – свобода, принцип права – договор. Власть проявляет себя в приказе, право – в связанности чужим правом.

В основе права, по Рейснеру, лежит справедливость, понимаемая в духе Аристотеля (уравнивающая и распределяющая). Фактическое неравенство людей и есть условие рождения и функционирования права. Право имеет идеологический характер (относится к сфере сознания) и слабо связано с материальными отношениями. Поэтому форма права может иметь любое содержание (в том числе феодальное, буржуазное, пролетарское и т. п.). Право – это всегда компромисс как между отдельными людьми, так и между классами. Отсюда следует вывод, что никакая правовая система не обладает классовым единством, всякое право есть «лоскутное» право. В частности, советское право состоит из пролетарского, крестьянского и буржуазного права. А поскольку буржуазное право, делает вывод Рейснер, наиболее ярко воплощает в себе принципы фактического неравенства и формального равенства, компромисса, советское право, построенное на тех же принципах, является буржуазным.

К советскому государству (как оно было задумано в Конституции РСФСР 1918 г.) Рейснер относился довольно благосклонно (особенно если учитывать его идею скорейшего построения коммунизма). Организация диктатуры пролетариата в виде системы Советов разных уровней устраняет, по Рейснеру, различие между обществом и государством, правом позитивным и интуитивным. Благодаря тому, что советская республика является надежным проводником интуитивного пролетарского права, не искаженного парламентаризмом, бюрократизмом и обширным законодательством, перед рабочим классом открываются огромные возможности в осуществлении эффективной политики. Советское государство, деятельность которого исходит из принципа целесообразности, нуждается не в праве (в формальном смысле), а в рациональном устройстве государственного аппарата.

Тем не менее у Рейснера имеются серьезные претензии к Конституции РСФСР 1918 г. Советские юристы, по его мнению, поспешили одеть диктатуру пролетариата в «благоприличное одеяние буржуазно-подобного права». Он считает фальшивым провозглашение советским государством, возникшим на неправовой основе, буржуазных по своей сути прав и свобод. По его мнению, следовало бы ограничиться только одним правом – правом трудящихся на социальную революцию и установление

социалистического порядка. Кроме того, поскольку деятельность Советов подчинена целесообразности (т. е. благу трудящихся), не имеет значения принцип их формирования: выборность или назначение.

Логика рассуждений Рейснера сводится к тому, что советское государство постепенно перерастает и неизбежно будет перерастать из государства диктатуры пролетариата в типично буржуазное государство, так как оно строит свою политику на основе социального компромисса и права. Чтобы избежать такой метаморфозы, следует, широко используя интуитивное право, решительно бороться за скорейшее приближение коммунистического идеала. Таким образом Рейснер выступал в качестве критика советской действительности слева.

Петр Иванович (Петерис Янович) Стучка (1865 – 1932) – один из наиболее авторитетных правоведов первых лет советской власти. После окончания юридического факультета Петербургского университета (1888) он активно включился в революционную деятельность: участвовал в организации социал-демократической партии Латвии, сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда», был юридическим консультантом фракции большевиков в IV Государственной думе. После Октября 1917 г. Стучка работал наркомом юстиции (с 1917г.), председателем советского правительства Латвии (1918 – 1920), председателем Верховного Суда РСФСР (с 1923 г.).

Несмотря на то что в основе политико-правовых воззрений Стучки лежит, конечно, марксизм, он испытал заметное влияние и со стороны социологической школы права в лице таких ее видных представителей, как С. А. Муромцев, Р. Иеринг и др. Объединение марксистского и социологического подходов к праву определили своеобразие правовой теории Стучки. По его мнению, Маркс и Энгельс не создали «новой философии права», они лишь дали метод для построения развитого и всестороннего учения о праве. Подлинное рождение марксистской юридической науки Стучка связывает с выходом книги Ленина «Государство и революция», изданием Декрета о суде № 1 (Стучка, будучи наркомом юстиции, стал инициатором и автором этого документа) и особенно с публикацией своей книги «Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и государстве» и книги Е. Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм». Последние две работы, как он полагает, вызвали «революцию в теории права».

Взгляду Стучки действительно являются интересной и оригинальной интерпретацией марксистской теории права, одним из важных эпизодов процесса становления советской юридической науки.

По мнению Стучки, объективной основой возникновения и существования права являются общественные отношения (он их понимает по преимуществу как экономические отношения, как «процесс производства и обмена») и классовый интерес. Он дает следующее определение права: «Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его». В другом месте Стучка определяет право как систему организованной защиты классового интереса. Иначе говоря, в самом общем виде право у Стучки сводится к системе общественных отношений.

Право, полагает он, имеет три формы: одну конкретную и две абстрактные. Конкретная форма права полностью совпадает с экономическим отношением. В качестве наиболее яркого примера он приводит право собственности, которое одновременно имеет экономическое и правовое содержание. В этом смысле, объясняет Стучка, право в своей основе носит не надстроечный, а базисный характер. Надстроечный же характер права, по Стучке, проявляется в двух абстрактных формах – нормах законодательства и правосознании («правовой идеологии»). Или, излагая по-другому, система общественных отношений есть содержание права, законодательство и правосознание – его форма.

В соответствии со своими методологическими установками Стучка рассматривает природу права и процесс право-образования. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс определяют право как волю господствующего класса, возведенную в закон и определяемую экономическими условиями этого класса. Таким образом, для основоположников марксизма, исповедующих классовую природу права, последнее представляет собой результат формализации воли господствующего класса. По мнению Стучки, Маркс и Энгельс, положив в основу права волю, оказались под влиянием распространенной в первой трети XIX в. «волевой теории» и впали в идеализм. Дело в том, объясняет Стучка, что воля есть проявление идеального, классовый интерес – материального. А поскольку бытие определяет сознание, классовый интерес лежит в основе воли, воля класса есть проявление классового интереса.

Евгений Брониславович Пашуканис (1891 – 1937) оказал заметное влияние на процесс становления советской юридической мысли. Он был директором Института советского строительства и права Коммунистической

академии (с 1931 г.) и заместителем наркома юстиции СССР (с 1936 г.). В 1937 г. его объявили врагом народа и расстреляли.

Правовая теория Пашуканиса базировалась на марксистском положении о том, что буржуазное право является наиболее развитым и исторически последним типом права. В «Критике Готской программы» Маркс утверждал, что формально равное буржуазное право фактически есть право неравенства. Такой вывод делался на том основании, что право выступает в качестве равной меры индивидов, от природы неравных по своим способностям и качествам. В этом смысле буржуазное право отражало несправедливость капитализма и подлежало упразднению при переходе к коммунизму. В первой фазе коммунистического общества право существует как право неравенства (т. е. как буржуазное право), во второй фазе оно отмирает. Будучи индивидуальным собственником, человек, с необходимостью должен существовать в рамках права, коллективная собственность делает право ненужным, т. е. полностью освобождает личность.

Исходя изданных теоретических посылок, Пашуканис расценил введение новой экономической политики как реставрацию капитализма, как мощный фактор воспроизводства буржуазного права и государства. Он сделал вывод, что советское государство и право по своему содержанию буржуазны, и что только с их упразднением возможно построение социализма.

В книге «Общая теория права и марксизм» (1926) Пашуканис утверждает, что подлинно марксистское понимание природы права предполагает выведение последнего из производственных отношений, а если еще более конкретно – из «товарного обмена». Именно в процессе товарообмена «юридический субъект... находит себе вполне адекватное воплощение в конкретной личности эгоистически хозяйствующего субъекта, собственника, носителя частных интересов». Право возникает там и тогда, где и когда появляются обособленные и противоположные частные интересы. Столкновение интересов, спор являются тем основным фактором, который приводит к рождению юридического отношения из экономического. Благодаря судебному процессу «юридическое абстрагируется от экономического», выделяясь в относительно самостоятельную правовую надстройку. Такая метаморфоза, согласно теории Пашуканиса, становится возможной потому, что товарные отношения изначально имели двойственный экономико-юридический характер.

Таким образом, согласно Пашуканису, право возникает, развивается и существует только на базе товарного обмена и поэтому изначально яв-

ляется буржуазным институтом. А поскольку при капитализме товарные отношения достигают своего полного развития, то соответственно буржуазное право есть своего рода идеал, высшая форма организации юридической материи. Советские юристы, по мнению Пашуканиса, рассматривая право внеисторически и отрывая его от объективных условий существования (от товарных отношений), поставили себе ложную задачу найти некое универсальное понятие права, чтобы затем наполнить его социалистическим содержанием. Отмирание буржуазного права, полагает он, приведет к отмиранию права как социального института, а не к замене его пролетарским правом.

Тезис Пашуканиса об отмирании права в условиях социалистического строительства конкретизируется в его оценке уголовного права. Такие уголовно-правовые понятия, полагает он, как вина, преступление, наказание есть «миражи» буржуазного правосознания. Использование термина «вменяемость» неоправданно юридизирует социологическую в своей основе проблему наказания, придает ей формальный, а значит, буржуазный и ложный смысл. С точки зрения «научной психологии и педагогики» даже дети и психически больные вменяемы, поскольку на их поведение можно оказывать воздействие. Потенциальная угроза, объективно исходящая от индивидов, делает каждого из них социально ответственным и деликтоспособным. Пашуканис считает необходимым отказаться от понимания наказания как «возмездия и воздаяния», так как в данном случае это предполагает принцип эквивалентности – основу права. А поскольку право – институт отмирающий, наказание следует рассматривать как «меру социальной защиты», карательное и внесудебное действие власти. В этой связи Пашуканис предлагает отказаться от Особенной части Уголовного кодекса, поскольку применение «мер социальной защиты» основано на политической целесообразности, а не на законах. Вместо Особенной части УК, делает он вывод, надо ввести «точное описание симптомов, характеризующих общественно опасное состояние» и методы, которые нужно применять в целях безопасности общества.

Пашуканис, полемизируя с советскими юристами и обвиняя их в нормативизме, отмечает, что нормы права представляют собой последнее звено в цепи образования права. Отсутствие формальной объективной нормы права совсем не означает, что права еще нет в самой жизни, в реальных правоотношениях. И наоборот, наличие нормы права вовсе не говорит о том, что есть соответствующие ей правоотношения. Право как совокупность норм становится подлинно реальным только тогда, когда ему

соответствуют правовые отношения. А вот субъекты права и правоотношения, подчеркивает Пашуканис, вполне могут существовать без норм права. Главный элемент правоотношения – субъективное право, так как оно опирается на материальный интерес частного лица, что делает его независимым от нормы права и первичным перед юридической обязанностью. В правовом отношении (поскольку оно тесно связано с экономикой), заключает Пашуканис, раскрывается суть права, тогда как норма права, принадлежа сфера должного, имеет лишь факультативное значение для понимания и обнаружения права.

Логика рассуждений Пашуканиса подводит к мысли, что право (в виде правоотношения) не является результатом деятельности государства. Право возникает помимо государства и независимо от него, правовая надстройка как минимум равноправна с надстройкой политической. Исходящее от государства правотворчество не влечет за собой автоматического возникновения правоотношений, а следовательно, не ведет к изменению общественных отношений в целом. Иными словами, Пашуканис обосновывает тезис о том, что возможности государственной власти, воли класса при проведении социальных преобразований жестко ограничены.

Взгляды Пашуканиса на государство противоречивы. С одной стороны, он, стараясь выдерживать классовые позиции, утверждает, что государственная власть есть организованное насилие одного класса над другим, государство как орган классового господства руководствуется целесообразностью и не нуждается в праве. Однако с точки зрения его правовой теории роль государства выглядит иначе. Как он полагает, в основе установления социального порядка лежит переход общества к регулярному товарообмену. Вырастающее из производственных отношений право требует охраны новой экономической системы. Данный императив права реализуется в виде власти, которая с момента образования рынка становится публичной, преследует безличный интерес порядка и имеет ярко выраженный правовой характер. Субъективное частное право товаровладельца перерастает в субъективное публичное право. В условиях буржуазного общества, где пролетарий и капиталист выступают как равноправные товаровладельцы (пролетарий продает рабочую силу, капиталист покупает), государство представляет собой не столько машину классового угнетения, сколько «власть права». Поскольку советское государство, делает вывод Пашуканис, также обслуживает рыночные отношения, постольку оно правовое и буржуазное.

Официальная правовая теория эпохи Сталина. А. Я. Вышинский.

Относительно широкая палитра мнений в области понимания права, существовавшая в первые годы советской власти, уже к середине 1930 х гг. постепенно сменяется жестким унифицированным подходом. Такая метаморфоза стала следствием завершения крайне острой внутрипартийной борьбы и развития культа личности Сталина. Юридическая наука (один из важнейших элементов советской идеологической системы) становится инструментом укрепления режима личной власти, проводником догматизированного марксизма и партийных директив.

Итогом процесса формирования официальной теории права стало первое Совещание по вопросам науки советского государства и права (16 – 19 июля 1938 г.), непосредственным организатором которого выступил Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954) (был Генеральным прокурором СССР, директором Института права). Подготовленные им на основе теоретических положений Сталина тезисы были утверждены в качестве «единственно правильной» позиции советских ученых, что обрекло юридическую науку на косность и длительный застой. Характерный для того времени разнузданный стиль Вышинского как нельзя лучше передает атмосферу, в которой «вырабатывалась» «подлинно научная» точка зрения.

Ведущей темой Совещания стало «разоблачение врагов народа», «банды от теории права», «провокаторов и предателей», к числу которых Вышинский причислил Пашуканиса, Крыленко («главари банды»), Гойхбарга, Рейснера, Ильинского, Разумовского, Архипова, Стучку и др. Всем им предъявили ряд обвинений. Во-первых, названные юристы, по мнению Вышинского, утверждали, что с построением социализма классовая борьба не обостряется, а затухает, что капитализм мирно вращается в социализм и что, соответственно, аппарат принуждения постепенно будет утрачивать свое значение. Во-вторых, им ставилось в вину, что они отрицали возможность создания социалистического права, видели в праве исключительно буржуазный институт. Данный тезис, по Вышинскому, привел многих советских юристов к идее о скором отмирании права, что подрывало его преобразующую роль и культивировало нигилистическое отношение к социалистическому праву. В-третьих, Вышинский увидел у названных правоведов попытку свести право либо к экономике, либо к политике, что искажало суть марксистского понимания права.

В центре внимания Совещания стоял вопрос о соотношении буржуазного и социалистического права. Данная проблема не была надуманной, так как действительно многие советские юристы во главе с Пашуканисом

полагали, что право по своей природе буржуазно, при капитализме наступает его полное развитие, а в условиях социалистического общества, где товарный обмен постепенно исчезает, право лишается объективной основы своего существования и должно отмереть. С точки зрения Вышинского, буржуазное право соответствует капиталистической формации и обречено вместе с ней на гибель. Возникающая вслед за капитализмом социалистическая формация рождает новое социалистическое право – право переходного периода от капитализма к «высшим ступеням коммунизма», когда государство и право отомрут. Социалистическое право имеет черты права буржуазного в той мере, в какой труд является мерилем ценностей при капитализме и социализме. Однако по мере укрепления социалистических отношений право все более будет наполняться социалистическим содержанием. В этом смысле, делает вывод Вышинский, социалистическое право есть наиболее совершенный, высший тип права, поскольку отражает самый прогрессивный тип общественных отношений. Вышинский обосновывает идею Сталина о том, что по мере продвижения советского общества к коммунизму государство и право будут все более укрепляться и накануне своего отмирания достигнут наибольшего расцвета.

На Совещании была сформулирована позиция по отношению к буржуазной правовой идеологии. Буржуазная юридическая мысль, по Вышинскому, крайне абстрактна, пытается познать правовые явления из них самих, вне связи с экономикой и классовой борьбой, а потому представляет собой «путаницу и хаос». Хотя Вышинский и призывает взять у буржуазной науки все ценное, логика его рассуждений ведет к полному отрицанию немарксистских правовых теорий. Проведение жесткой разделительной линии между марксистской теорией государства и права («подлинно научной») и всеми остальными («буржуазными», «ненаучными») должно было привести и привело к изоляции и творческому застою отечественной теории права. Использование идей немарксистских авторов, что было типично, например, для Стучки или Рейснера, рассматривалось как «буржуазный уклон».

В качестве «единственно верных» Совещание предложило следующие формулировки права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общения, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития обще-

ственных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу». А также: «Советское право есть совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества».

Новое право-понимание основывалось на двух принципах: классовом и нормативном. Рассмотрение права как «совокупности правил поведения» (т. е. норм), установленных государством и обеспеченных его принудительной силой, есть не что иное, как главный признак юридического позитивизма – «буржуазной» теории, которую критиковал сам Вышинский. Но прикладной характер нормативизма как нельзя лучше отвечал потребностям укрепления тоталитарного режима, поскольку позволял использовать право в качестве инструмента осуществления воли государства. Право, по Вышинскому, есть форма политики, форма деятельности государства.

Совещание, превратившееся, по сути, в обвинительный процесс против многих видных юристов-теоретиков, так сформулировало главное направление в развитии советского права: «Важнейшая задача, стоящая ныне перед всеми научными работниками права и государства, заключается в окончательном выкорчевывании и полной и до конца ликвидации всех остатков этих провокаторских «взглядов» и «программ», полного и до конца очищения «авгиевых конюшен» в области права, очищения нашей правовой почвы от всего хлама, всей грязи, всей гнусности вражеских «теорий», имевших у нас хождение по нашей вине, по недопустимой доверчивости нашей к их авторам, оказавшимся просто-напросто полицейскими шпионами и иностранными лазутчиками и шпионами».

На Совещании была поставлена задача завершить на основе идей Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина построение науки советского социалистического права, сделать ее действенным средством укрепления советского государства. Советская теория права, по Вышинскому, должна создаваться на базе производственных отношений и практики социалистического строительства. В этом смысле теория права есть юридико-понятийное оформление основных принципов и ценностей «социализма,

социалистической революции, социалистического государственного и общественного строя». Отсюда вытекает предмет теории государства и права: сущность и закономерности развития государства и права, советского государства и права в особенности, диктатура пролетариата и социалистическая демократия, пути укрепления советского государства и права, социалистические правоотношения и др. Если Пашуканис, Стучка или Рейснер еще позволяли себе по-своему интерпретировать Маркса и Ленина и даже критиковать их, то Совещание провозгласило курс на абсолютизацию отдельных, часто произвольно взятых положений марксизма, огрубленных и упрощенных Сталиным. Совещание открывало дорогу примитивной апологетике, делало опасным творческий и критический научный поиск. [В основу текста положены материалы учебника: История политических и правовых учений/ Под общ. ред. Проф. О. В. Мартышина. – М.: Норма, 2004. – Авторы материалов: Н. М. Азаркин, В. Н. Жуков, О. В. Мартышин]

ТЕМА 14. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США

14.1 «Чистая теория права» Г. Кельзен.

14.2 Консерватизм как политическое направление XX века. Ф.А. фон Хайек, К. Поппер.

14.3 «Новые левые». И. Миллс, Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер.

14.4 Идеология западноевропейской социал-демократии. А. Крослэнд, Дж. Стрэчи.

14.1. «Чистая теория права». Г. Кельзен

Преобладание социологических направлений в правовой мысли XX в. вовсе не означает, что юридический позитивизм, или нормативизм, полностью утратил значение. Наиболее четкое и своеобразное выражение идеи нормативизма получили в так называемой чистой теории права австрийского юриста Ганса Кельзена (1881 – 1973) – профессора государственного права и философии права в Венском университете с 1911 по 1930 г., одного из создателей Конституции Австрии 1920 г., члена Высшего конституционного суда (1920 – 1930). После прихода к власти фашистов в Германии он эмигрировал в Швейцарию, где в 1933 – 1940 гг. преподавал в Женевском университете, а затем переехал в США, где с 1942 г. был профессором Калифорнийского университета вплоть до своей смерти.

Постулаты «чистого учения о праве» обозначены Кельзеном еще до Первой мировой войны в работе «Основные проблемы государственно-правовой науки, развитые с точки зрения учения о принципе права» (1911). Последующие труды только дополняли и развивали идеи этой книги. Среди них выделяется «Чистое учение о праве» (1934), где нормативизм превращается в стройную концепцию и обретает полемическую направленность по отношению к прошлым и современным доктринам.

В эмигрантский период Кельзен пропагандирует свое учение и пытается придать ему универсальный характер, обратившись в книге «Право Объединенных Наций» (1950) к проблеме соотношения международного и национального права. Для его последних работ характерна острая идейная борьба с последователями марксизма. Таков лейтмотив «Коммунистической теории права» (1955).

Правоведение, сложившееся на рубеже XIX – XX вв., по Кельзену, не отвечает требованию юридической строгости, чистоты. Юриспруденция «расширилась» за счет психологии и социологии, этики и политической теории. Такое расширение в известной мере объясняется тем, что эти науки имеют дело с предметами, которые тесно связаны с правом. Но это не оправдание. Из смежных гуманитарных наук в теорию права привносится идеология, что не позволяет ей стать наукой в собственном смысле слова. Сущность, ценность, справедливость в праве – все это для Кельзена «метафизические» вопросы, занимаясь которыми юриспруденция теряет познавательный потенциал, становится партийной, субъективной и в результате ложным образом отражает правовые явления сквозь призму тех или иных классовых интересов.

Правоведение должно освободиться от идеологии и увлечения другими науками, перестать заимствовать у них ложные для юриспруденции методы и обратиться к формально-догматическому подходу, изучая объективное, а не субъективное право, ибо последнее вторично по отношению к первому. Использование испытанной позитивистской методологии позволило ему, как подчеркивает сам Кельзен, создать основы «чистого учения о праве как теории позитивного права», отличной и от социологической школы права, и от учения о естественном праве, переводящего нас в этическую область. Кельзен ищет «собственные закономерности права» и находит их в уяснении логического смысла объективного права.

В основе такого подхода лежит позитивизм в неокантианском варианте. Кельзен противопоставляет науки о сущем и о должном. Первые исходят из закона причинности, связывают явления как причину и следствие. Сюда относятся науки о природе и в определенной степени социология, история, психология, этнология. Вторая группа наук, в которую входят этика и юриспруденция, исследует нормативный порядок человеческих отношений, который принадлежит не сфере сущего, а сфере должного. Связь между явлениями в нормативном порядке образуется на основе формально-логического долженствования независимо от социального бытия.

Абсолютизация формально-логического подхода, в полном соответствии с намерениями Кельзена, вела к изоляции юриспруденции от политики, других социальных наук и позволяла частично решить проблему деидеологизации, превращая правоведение в «надклассовую» и «надпартийную» дисциплину.

На основе «чистого» подхода формулируется понятие права как совокупности норм, находящихся подтверждение в самих себе. Исходный пункт – только юридические нормы, только объективное право.

Совокупность всех норм образует систему права в виде их единства на базе координации и субординации, подчинения низшей нормы высшей. Иерархия различных норм, которую иногда называют «ступенчатой концепцией права», образует правопорядок, юридическим основанием которого провозглашается так называемая основная норма. Она занимает высшую ступень в иерархии правопорядка в целом. «Основная норма» есть априорное гипотетическое понятие, сродни категорическому императиву Канта. Но существенное отличие ее от последнего состоит в отсутствии какой-либо определенности. Каковы происхождение, природа, содержание «основной нормы», кто является ее творцом? На эти вопросы Кельзен ответа не дает. «Основная норма» – всего лишь логический постулат, образующий стержень «чистой теории права», без которого вся пирамида вытекающих одна из другой норм неминуемо рухнет. В отличие от «основной нормы» другие компоненты системы права у Кельзена вполне реальны.

«Основная норма» рассматривается как правовая база конституции, которая определяет не только полномочия государственных органов и процедуру законодательства, но также, в известной степени, содержание будущих законов.

«Общие» нормы, установленные законодателем или вытекающие из обычая, образуют следующий, нижестоящий по отношению к конституции, уровень иерархии права. Они подлежат применению компетентными органами – судами и административными властями. Функция «общей» нормы двояка: во-первых, она должна определить орган, который может ее применить, и процедуру своего применения этим органом; во-вторых, определить содержание правоприменительного акта.

Нижней ступенью являются индивидуальные нормы, под которыми Кельзен понимает судебные решения и распоряжения администрации по отдельным конкретным делам.

Кельзен отождествляет общие нормы и применение права, критикуя с позиций «ступенчатой» концепции «традиционную» теорию парламентской законности, где эти элементы рассматривались как разнородные явления. По Кельзену, создание правовой нормы есть применение высшей нормы, регулирующей ее создание, а применение высшей нормы есть создание низшей нормы, определенное высшей нормой. Судебное решение есть акт, которым применяется общая норма, закон, но в то же время оно

является индивидуальной нормой, создающей обязательства одной или обеих сторон в споре. Ведь законодательство есть правотворчество, но если принимать в расчет конституцию, оно является применением права. В конечном счете, создание первой конституции можно рассматривать как применение основной нормы.

Мысль о «ступенчатости» права преследует цель представить любую норму права и любое распоряжение государственного органа или должностного лица как непререкаемый и непреложный вывод из конституции и даже из постулируемой «основной нормы». «Право проистекает только из права».

Кроме того, чистая и ступенчатая концепция устраняет традиционный правовой дуализм, интерпретируя понятие субъекта права как персонификацию комплекса юридических норм, сводя обязанность и субъективное право (в техническом смысле) лишь к норме, которая с определенным человеческим поведением связывает санкцию и ставит исполнение последней в зависимость от соответствующего иска. Тем самым преодолевается волюнтаризм в праве, его толкование на адвокатский манер, с точки зрения одной из сторон, т. е. исходя из того, что право значит для индивида: насколько оно ему полезно или вредно.

С тех же методологических позиций Кельзен подходит к государствоведению. Для него государство – это «единство внутреннего смысла всех правовых положений», не что иное, как персонификация правового порядка. Идея «правового государства» как «союза людей под юридическими законами», родившаяся у Канта, находит свое логическое завершение у Кельзена, который, по сути дела, объявил понятия правопорядка и государства тождественными. Государство представляет собой урегулированную, упорядоченную, нормативную систему принуждения.

Теорию государства Кельзен сводил к государственному праву, или «учению об обозначаемом в качестве государства правовом порядке», отрицая дуализм публичного и частного права, видя в нем одну идеологию. Публичные акты и частные сделки продолжение формирования государственной воли, где происходит лишь индивидуализация общей нормы (в первом случае нормы административного права, во втором – гражданского права).

Государство – высшее понятие не в каком-либо «натуралистическом смысле», но в смысле нормативного господства. Оно не является предметом социологического изучения. Лишь нормативный смысл государства и

заклученная в нем собственная закономерность одни составляют его истинную сущность.

С позиций чистой теории права рассматривается соотношение между национальным правом отдельных государств (внутригосударственным правом) и международным правом. Кельзен допускал двойное решение проблемы: подчинение национального права международному и, наоборот, признание основой международного права принципов какой-либо одной системы национального права. Впоследствии, однако, он приходит к выводу, что такое допущение нарушает стройность всей его правовой концепции, что это «империалистично», «недемократично». Чтобы не отказаться от принципа юридического равенства государств, необходимо признать единственно возможным первенство международного права и рассматривать его в качестве исходных норм всякого национального права. Национальный правопорядок не должен противоречить международному правопорядку – таков вывод Кельзена. От правовой системы отдельного государства требуется соответствие ее основной норме международного права.

Возможные коллизии между международным правом и внутригосударственным рассматриваются как конфликт между высшей и низшей нормами. «Основные нормы различных национальных правопорядков, – пишет Кельзен, – сами основываются на общей норме международного правопорядка. Если мы понимаем международное право как правопорядок, которому все государства (а это значит – все национальные правопорядки) подчиняются, когда основная норма национального правопорядка есть не просто предположение юридического мышления, но позитивная правовая норма, норма международного права, примененная к правопорядку конкретного государства... тогда единственно истинная основная норма, норма, которая не создается правовым процессом, а предполагается юридическим мышлением, есть основная норма международного права».

С этих позиций Кельзен считает, что государство есть орган «международно-правовой общности». Отсюда и настойчивые попытки отрицания государственного суверенитета. Суверенитет Кельзен понимает чисто формалистически: не как реальную независимость государства, а как независимость одной правовой системы норм от другой.

Нормативизм несовместим с «метаюридической», историко-материалистической, классовой теорией государства и права. Уже в работе «Социализм и государство» (1920) Кельзен критикует марксистское понимание сущности государства: «Неопровержимо, что на содержание государственного принудительного порядка влияет подчинение одной группы

другой, переход от одной формы производства к другой. Но ошибочно думать, что государственный принудительный порядок не имеет иной цели, кроме эксплуатации неимущих. Обозначаемый именем государства аппарат принуждения есть основное социально-техническое средство для самых различных целей и может служить также охране общей собственности на средства производства». Кельзен не согласен и с марксистской концепцией отмирания государства при коммунизме, считая ее одним из вариантов анархизма.

Попытка очистить юридическую науку от идеологии, одна из принципиальных установок «чистой теории права», не удалась Кельзену полностью. Критика марксизма, особенно в сталинской версии, не свидетельствует об идеологической нейтральности. Сам Кельзен по своим политическим симпатиям был либералом, хотя его концепция не давала никакой опоры для обоснования прав человека или осуждения фашистского режима.

Тем не менее Кельзен содействовал разработке важной области знаний – догматической юриспруденции, воспитывающей профессионализм, культуру и способствующей развитию техники права. Это снискало ему признание в качестве одного из выдающихся юристов XX в.

14.2. Консерватизм как политическое направление XX века.

Ф.А. фон Хайек, К. Поппер

Австриец Фридрих Август фон Хайек (1899 – 1992) начинал свою ученую карьеру как экономист и именно в этой области добился самых больших достижений и известности (в 1974 г. ему была присуждена Нобелевская премия по экономике). Однако круг его интересов выходил за рамки экономической теории. Он затрагивал социологические, политологические и даже правовые проблемы. В 30х гг. Хайек поселился в Англии, работал в Лондонской школе экономики, принял британское подданство и испытал глубокое воздействие английской культуры и традиций. Знаменитым его сделала книга «Дорога к рабству», опубликованная в 1944 г. в Чикаго. Хайек доказывал, что вмешательство государства в производственную деятельность, посягательство на свободу частной собственности и инициативы ведут к тоталитаризму. В предисловии он признавал, что написал «политическую книгу».

В 1950г. Хайек переезжает в США, где в 1960 г. появилось его второе крупное политическое произведение «Конституция свободы». В нем

также доказывается, что государство должно обеспечивать соблюдение законов, а не заниматься хозяйственным управлением. Среди многочисленных сочинений Хайека отметим также выпущенную в 1989 г. книгу «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма», подводящую итог его более чем полувековому творческому пути.

Идеи Хайека еще при его жизни были широко признаны на государственном уровне в связи с волной неоконсерватизма и крахом системы «реального социализма». Эти события воспринимались как подтверждение мыслей Хайека. Говорили даже, что последнюю четверть XX в. можно признать «эпохой Хайека» в противоположность предшествующим двум с половиной десятилетиям – «эпохе Кейнса» (1883 – 1946), крупнейшего английского экономиста, еще в 30-е годы, признавшего необходимость ограниченного государственного регулирования экономики.

Хайек предпочитал называть себя не консерватором, а либералом или вигом. Консерваторов он упрекал в тоске по прошлому, боязни перемен, а также и в том, что они «восприняли значительную часть коллективистской веры».

Тем не менее поддержка Хайеком основных консервативных ценностей, стремление отвергнуть все явления государственной и общественной жизни, возникшие как отклик на обострение социальных проблем, очевидны. «Будущий историк, – пишет Хайек, будет, вероятно, рассматривать период от революции 1848 г. примерно до 1948 г. как век европейского социализма». Он предлагает избавиться от всех нововведений этого века в плане социально-экономической политики государства. В предисловии к «Конституции свободы» Хайек пишет, что на протяжении почти целого века люди стремились к «альтернативным социальным порядкам» вместо того, чтобы углублять понимание принципов нашей цивилизации и использовать их, а не подрывать. К этому привело господство рационализма. Его пагубная самонадеянность заключается в признании возможности переустройства мира в соответствии с желаниями человека, опирающегося на «законы эволюции» (Конт) или «неизменные законы общественного развития» (Маркс). Между тем не разум, а традиция, в первую очередь моральная, лежит в основе развития человечества. Хайек убежден, что «все блага цивилизации и даже само наше существование... опираются лишь на наше непрекращающееся желание нести на себе бремя традиций». Моральная традиция не может конструироваться. У нее два источника: врожденные побуждения и принципы, складывающиеся в ходе упорядочения общественной жизни. И те и другие, полагает Хайек, находятся между ин-

стинктом и разумом. Особая роль в поддержании моральных устоев отводится религии. Не связывая себя определенными теологическими концепциями («я не знаю, что следует подразумевать под словом «Бог»»), Хайек видит в религии «один из важнейших источников упорядочения жизни». Философско-исторические представления Хайека находятся в русле консервативной традиции.

Критика рационально-конструируемой морали направлена у Хайека прежде всего против попыток «заменить безличный и анонимный механизм рынка коллективным и сознательным направлением всех социальных сил к определенным целям». Рынку приписывается исключительная роль не только в экономике, но и во всей истории человечества. По Хайеку, он представляет собой единственно возможную и всеобъемлющую форму регулирования общественной жизни, и даже морали, цивилизация обязана рынку своим происхождением и сохранностью. Он расширяет сотрудничество между людьми, опирается на традиции и моральную практику. Благодаря рыночной конкуренции устанавливается спонтанный социальный порядок. В известном смысле можно сказать, что торговля предшествовала и государственной организации, так как поддержка индивидуальной инициативы требовала концентрации сил.

Обязательный атрибут рынка – частная собственность, которую Хайек в книге 1989 г. предпочитает называть «отдельной», видимо, пытаясь продемонстрировать тем самым ее общественное предназначение. Отдельная собственность, как и рынок, рассматривается как основа цивилизации, упорядоченности отношений между людьми, морали. Без нее невозможны ни справедливость, ни свобода личности. Культурное и моральное развитие требует дальнейшего утверждения отдельной собственности. Ее следует оберегать как от личных злоупотреблений, так и от механизмов ограничения конкуренции. Но в легальных формах рыночной упорядоченности отдельная собственность должна развиваться. Особенно существенно расширение сферы нематериальной отдельной собственности (технологические нововведения, патенты и т. п.), стимулирующей творческие способности человека. Отдельная собственность, по Хайеку, – основной принцип нашей морали, и наша обязанность – противостоять ее разрушению. Итак, «отдельная», т. е. частная, собственность – это не только экономическая или гражданско-правовая категория, это самостоятельная и притом высшая ценность, основа морали, гарантия справедливости и личной свободы.

Хайек противостоит всем, кто стремится не только разрушить, но и ограничить частную собственность, «заменить безликий и анонимный механизм рынка коллективным и «сознательным» направлением всех социальных сил к определенным целям». Отвергается всякий «коллективизм», все типы планируемой экономики, любые попытки осуществления «распределительных идеалов». Понятие социальной справедливости объявляется нереальным и бессмысленным. Оно препятствует экономическому росту, сковывает индивидуальную инициативу, основу прогресса. Попытки установить распределительную справедливость противоречат свободному обществу и «должны привести к уничтожению господства права».

Главный враг Хайека – социализм. Хайек признает, что в определенный период он вытеснил либерализм в качестве доктрины, которой руководствуется большинство сторонников прогресса. Социализм, сутью которого являются централизованное экономическое планирование и контроль, несостоятелен, так как он регламентирует деятельность индивида и не допускает инноваций. Осуществляемое центральными органами планирование всегда исходит из неправильных представлений о запросах и потенциале местных предприятий. План исключает возможности установления самостоятельных эффективных связей между предприятиями, спонтанность, игру интересов и цен. Социализм разрушает современную цивилизацию.

В «Конституции свободы» Хайек одним из первых заговорил о крахе социализма в западном мире, который, по его мнению, наступил еще в 50е гг. Социализм утратил интеллектуальную привлекательность, от него отходили массы. Признаком кризиса явилась попытка европейских социалистов обновить свои программы, критика социалистических установок изнутри. Речь шла не только о марксизме, который, по словам Хайека, «был убит в западном мире опытом России». Хайек выделяет три главные причины разочарования в социалистических идеях: широкое признание того факта, что социалистическая экономика значительно менее эффективна, чем частное предпринимательство; установление новой, более жесткой социальной иерархии взамен обещанной справедливости и очевидность того, что социализм ведет не к свободе, а к новой деспотии. В «Пагубной самонадеянности» Хайек получил возможность подкрепить свои рассуждения о кризисе социализма фактами поражения социалистических режимов в Восточной Европе.

Социализм понимается очень широко. Он тождествен планируемой экономике, коллективизму. Фашизм и национал-социализм также рассмат-

риваются как социалистическое течение, как вид «буржуазного социализма». И он подрывает ту индивидуалистическую инициативу, которая развивалась с эпохи Возрождения.

К стану врагов Хайек относит не только коммунистов и фашистов, но и фабианцев, умеренных социал-демократов. Их он также называет «социалистическими плановиками». В «Пагубной самонадеянности» он замечает, что для определения того, что называют «социальным государством», было бы лучше пользоваться термином «благодетельная деспотия», ибо, по его мнению, социально-экономические меры, связываемые с этим понятием, не могут быть осуществлены демократическим путем, при уважении свободы личности, как это декларируется в басне о социальной демократии. Любая попытка установить распределительную справедливость противоречит свободному обществу. «Государство благоденствия», как раньше называли «социальное государство», стремясь к социальной справедливости, становится «в первую очередь распределителем дохода». Оно «неизбежно приведет к социализму и его насильственным и в основе своей произвольным методам».

И школу Дж. Кейнса, рассчитанную на использование государственного регулирования во имя сохранения и совершенствования экономической системы, основанной на частной собственности, Хайек относит к числу разрушителей традиционной морали, представителей «конструктивистского рационализма», лежащего в основе социалистических идей.

Хайек призывает отвергнуть социализм и коллективизм во всех формах, так как они связаны с широким применением насилия, отказом от свободы, традиционно оказываются неэффективными и тем самым подрывают цивилизацию. Они противоречат главному, по Хайеку, принципу экономической жизни «свободному росту и спонтанной эволюции», – предполагающему максимальное использование возможностей общества, минимальное применение насилия, создание лучших условий для индивидуальной инициативы. Такова «единственная система идеалов, последовательно противостоящая всякому произволу власти».

Настаивая на том, что он либерал, а не консерватор, Хайек советует не путать его оппозицию планированию со «старым догматическим принципом *Laissez faire*». По его мнению, либеральная система отнюдь не означает бездействия государства. Либералы выступают за создание лучших условий для индивидуальной инициативы, но это предполагает государственное регулирование. Функционирование рыночного механизма невозможно без системы законов, без информации, которую частный предпри-

ниматель исключительно собственными силами и средствами никогда не обеспечит. Хайек согласен и на некоторые запретительные и ограничительные меры. Недопущение использования ряда ядовитых веществ или введение особых правил при их употреблении, установление пределов длительности рабочего дня, санитарных правил вполне совместимы с сохранением конкуренции. Но он категорически против попыток регулирования цен и количества товаров. Свобода покупать и продавать должна быть гарантирована.

Главный аргумент Хайека против государственного регулирования – защита свободы и формального равенства прав человека. Без свободы в экономических делах, пишет он, не существовала и не может существовать ни личная, ни политическая свобода. «Система отдельной собственности – самая важная гарантия свободы не только для тех, кто имеет собственность, но и для тех, кто ее не имеет». Экономическое неравенство не смущает Хайека. Хотя в обществе свободной конкуренции у бедных меньше возможностей, чем у богатых, замечает он, они свободнее тех, кто в ином обществе пользуется большими материальными благами.

Частная собственность представляет собой, по Хайеку, и экономическую основу демократии. Если демократия подпадет под влияние коллективистских идей, она погибнет. Чтобы лишить власть абсолютного характера, ее нужно разделить и децентрализовать. Для этого более всего пригодна система свободной конкуренции.

Отношение Хайека к демократии сродни консервативной традиции. Хайек не демократ, а либерал. Он рассматривает демократию не как одну из основных ценностей, а всего лишь как средство обеспечения общественного мира и свободы личности. При сплоченном и лишенном терпимости большинстве демократия может стать не менее угнетательской, чем диктатура. Известны случаи, когда автократические правительства обеспечивали большую культурную и духовную свободу, чем демократия. Хайек отмечает, что идея неограниченности законодательной власти вытекает из концепций народного суверенитета и демократического правления.

Современное употребление слова «демократия» в качестве похвалы вызывает неодобрение Хайека. Если демократия всегда хороша, рассуждает он, то ее расширение всегда полезно, но этого не станет утверждать даже самый догматически настроенный демократ. Пределы расширения избирательного права должны определяться целесообразностью. «Демократия — скорее средство, чем цель, и ее масштабы следует устанавливать исходя из целей, которым мы хотим служить».

Признавая ряд достоинств демократии (создание условий для мирного решения проблем, для свободы личности, для лучшего понимания задач общественной жизни и политического воспитания большинства), Хайек подчеркивает, что преимущества этого строя сказываются не сразу, а эффективность его ниже, чем при других формах правления. Мысль о том, что господство мнения большинства способствует прогрессу, по Хайеку, противоречит опыту. Наоборот, такой порядок привел бы к стагнации. Человечество идет вперед как раз благодаря тому, что немногие убеждают многих. «Хотя демократия, возможно, и лучшая форма ограниченного правления, – пишет Хайек, – она становится абсурдом, если превращается в неограниченное правление». Идеал демократии, нацеленный первоначально на предотвращение произвола власти, становится оправданием новой деспотической власти, когда доктринеры-демократы, исходя из теории народного суверенитета, утверждают, что господство большинства не может быть ограничено. Главное отличие либерала от демократа Хайек видит в том, что либерал всегда озабочен ограничением принудительных функций власти, а демократ знает только одно ограничение правительства – воля большинства. Гарантией от деспотизма и произвола служит не источник власти, а ее ограничение.

В творчестве Хайека получили последовательное и бескомпромиссное воплощение идеи экономического либерализма, ставшие стержнем консервативной политической платформы в XX в. Оправданием их служит опасность тоталитаризма, но они явно направлены против социализма, коллективизма и борьбы за «распределительную справедливость» во всех формах. Готовность мириться с неравенством, бедностью, безработицей свидетельствует о глухоте Хайека к социальным проблемам и объясняет его популярность среди защитников интересов состоятельных кругов. Весьма сдержанное отношение к демократии также представляет важный атрибут консервативной программы Хайека.

Карл Поппер (1902—1994) родился в Вене в семье юриста, убежденного либерала, почитателя И. Канта и Дж. Ст. Милля. Родители его были пацифистами. Основная сфера интересов Поппера – методология научного исследования, теория познания. Но наряду с философией его привлекала и общественная жизнь. Весной 1919 г. юный Поппер сотрудничал с Коммунистической партией Австрии, выполнял различные поручения. Но в июне того же года произошел разрыв. Поводом к нему послужил расстрел полицией безоружной демонстрации молодых людей, организованной коммунистами при участии Поппера. Были убитые. Поппер считал, что во имя

идеала он мог жертвовать своей жизнью, но отнюдь не жизнью других людей. В штаб-квартире коммунистов гибель товарищей оценивалась по-другому: революция требует жертв, смерть манифестантов не напрасна, она укрепляет ненависть рабочих к полиции, помогает им распознать своего классового врага. Сотрудничество с КПА закончилось: Поппер, по его словам, «избежал марксистской ловушки».

Научная карьера Поппера началась в Вене. С 1937 по 1946 г. он работал в Новой Зеландии, а с 1946 г. до середины 70-х годов – в Лондонской школе экономики. До конца своих дней Поппер оставался восторженным почитателем Англии и ее политической системы. Получив широкое признание, как философ и социолог, Поппер выступал с лекциями во многих крупнейших университетах мира.

Общественный темперамент и потрясения, которые переживал мир, побудили Поппера обратиться к политическим проблемам. Сам он объяснял этот поворот в своих занятиях, случившийся в 30 – 40-е годы, неудовлетворенностью состоянием общественных наук: возник тоталитаризм, а общественные науки не могут его осмыслить. Так появились два сочинения, в которых нашли выражение политические взгляды Поппера: «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги». Первая книга была задумана и в основном подготовлена еще в 1936 г., но напечатать ее (в журнальном варианте) удалось лишь в 1944 – 1945 гг. К написанию «Открытого общества» Поппера подтолкнуло вторжение Гитлера в Австрию. Книга была написана в 1938 – 1943 гг. в Новой Зеландии. Ее цель – углубить понимание тоталитаризма. В 90-е годы обе книги были переведены на русский язык.

«Я последний запоздавший приверженец просвещения, – говорил Поппер в 1958 г. – Это означает, что я рационалист, и что я верю в истину и в человеческий разум».

Рационализму противостоят иррационализм и мистицизм, «столь подлое в наши дни интеллектуальное расстройство». Поппер подчеркивает, что западная цивилизация – продукт рационального склада ума европейских народов, заимствованного у древних греков, она неразрывно связана с наукой.

Однако у Поппера, ученого XX в., заметны и существенные отличия от классиков эпохи Просвещения. Он отвергает их веру в возможность постоянного усовершенствования жизни людей, называя ее теорией (или, вернее, мифом) рационалистического оптимизма. Не разделяет Поппер и свойственной многим просветителям XVIII в. убежденности во всемогущести

человеческого разума, его способности познать истину. Попперу близка позиция И. Канта, в теории познания он придерживается принципов неокантианства, получивших широкое признание в естественных науках.

Методологии, ориентированной на познание истины (Поппер называет ее эссенциалистской, или эссенциализмом, он противопоставляет «методологический номинализм», который стремится не к постижению того, чем вещь является на самом деле, и не к определению ее подлинной природы, а к описанию того, как «вещь ведет себя при разных обстоятельствах и, в частности, к выяснению того, имеются ли в этом поведении какие-либо закономерности». Методологический номинализм, констатирует Поппер, достаточно широко распространен в области естественных наук, а вот проблемы общественных наук до сих пор решаются эссенциалистскими методами, и в этом состоит одна из главных причин их отсталости.

Задачей общественных наук «не является пророчество о будущем ходе истории». «Эта задача, скорее, состоит в открытии и объяснении менее очевидных зависимостей, имеющих место в социальной сфере. Такими являются: выявление трудностей, встречающихся на пути социального действия – изучение, так сказать, громоздкости, гибкости и хрупкости социального материала, его сопротивления нашим попыткам формировать его и работать с ним». Итак, перед общественными науками Поппер ставит не глобальные (раскрытие универсальных закономерностей), а частные, прикладные, эмпирические задачи.

Истина, по Попперу, непознаваема, мы можем приблизиться к ней, но никогда ее не достигнем, не существует окончательных, непогрешимых источников знания. Мы не можем доказать истинность наших теорий. За исключением математики, наши аргументы никогда не являются полностью убедительными. При решении тех или иных проблем нам открыт только один путь – метод проб и ошибок. Но если истину установить и доказать невозможно, ложность теорий, утверждений поддается выявлению. Мы идем к истине, отвергая концепции, ложность которых доказана. Отсюда особая роль в процессе познания отводится критике. По Попперу, критика – это «животворная кровь всякого рационального мышления». Подвергая самой суровой критике различные теории, мы в экспериментальном порядке принимаем те теории, которые лучше выдержали это испытание. Более надежного подтверждения теорий не существует.

С такими методологическими установками Поппер подходит к проблемам социально-исторического развития. Его историческая концепция строится путем отрицания ряда весьма распространенных представлений.

Прежде всего, он отвергает мысль о закономерности, направленности исторического процесса. «История смысла не имеет». «Необходимо признать одним из принципов всякого непредвзятого подхода к сфере политики, что в человеческих делах возможно все (курсив мой. – О. М.) и, в частности, нельзя исключать никакой мыслимый вариант развития на тех основаниях, что он может нарушить так называемую тенденцию человеческого прогресса, или другую из закономерностей, якобы свойственных «природе человека». «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость». «Теория, согласно которой наши мысли и идеи зависят от нашего общественного положения или национальных интересов, приводит к иррационализму».

С отрицанием закономерностей развития связано у Поппера и нигилистическое отношение к идее, что история представляет собой арену деятельности больших коллективов людей – масс, народов, социальных групп. Поппер подменяет общественные связи деятельностью индивидов, предлагая довольно редкий в XX в. образец «атомистического» подхода к социальным явлениям. «Все социальные явления, – пишет он, – следует всегда понимать как результат решений, действий, установок и т. п. отдельных людей, и поэтому никогда не следует удовлетворяться объяснениями в терминах так называемых «коллективов» (государств, наций, рас и т. п.). По Попперу, «едва ли есть хотя бы крупинка истины во всей этой болтовне о массах и элитах просто потому, что этих «масс» в действительности не существует. Они состоят из неисправимых индивидуалистов, которые поодиночке ведут борьбу против всех других в соответствии с принципом «человек человеку волк». Большинство социальных групп современного общества (за исключением некоторых счастливых семейных групп) «являются не более чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для общественной жизни» и не обладают никакой реальной функцией в жизни общества в целом. В результате возникает новый индивидуализм. Поппер иронизирует над «многими социологами, даже такими, как Э. Дюркгейм», которые так и не избавились от догматической веры в то, что общество следует анализировать в терминах реальных социальных групп.

Правда, в данном вопросе, как и в ряде других, сочинения Поппера не лишены противоречий. Так, отмечая напряжение, сказывающееся в

обществе при переходе от племенного быта к государственному (точнее, в терминологии Поппера, от закрытого общества к открытому), он связывает это напряжение с «трениями между классами, которые впервые возникли при крахе закрытого общества».

Следующий постулат исторической концепции Поппера – пагубность всяких попыток «улучшить жизнь современников». Из этого желания возникают «величайшие наши неприятности», являющиеся побочным продуктом «возможно, величайшей из всех моральных и духовных революций» – социального движения, начавшегося три века назад. «Эта революция вызвала к жизни поразительно мощные разрушительные силы, но эти силы все еще можно обуздать». Предсказание насильственной революции Поппер считает «наиболее пагубным элементом марксизма». Но и в осуждении революций Поппер не совсем последователен. Так, он мимоходом признает, что «борьба за открытое общество (его идеал. – О. М.) вновь началась только вместе с возникновением идей 1789 г.», т. е. была невозможна без общественного движения, стремившегося улучшить участь современников и подготовившего Великую французскую революцию.

Мысль о том, что в истории все возможно, распространяется Поппером не только на реальные события, но и на историческую науку, т. е. описание и интерпретацию истории. Он призывает отказаться от «бесплодной идеи научной объективности» и решиться «представить исторические проблемы со своей точки зрения». «Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели, и хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл», – рассуждает Поппер. Этой цели и служит толкование истории. Поппер предлагает «интерпретировать историю политической власти с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, справедливость, свободу, равенство и за предотвращение международных преступлений». Итак, отрицая закономерности истории, Поппер представляет ее со своей точки зрения и во имя определенных целей. Почему-то он стремится лишить такой возможности своих идейных оппонентов, которым признание объективных законов развития не помешало также подчинять свою концепцию истории вполне определенным целям.

Не сумел Поппер полностью избежать и признания некоторых закономерностей в новейшей истории. Например, он пишет, что под влиянием «эпидемического» роста технологических нововведений произошла настоящая революция. Таким образом, она, видимо, не зависела от воли людей. Вполне основательно он констатирует и другую очень существен-

ную закономерность: на смену эпохе свободной конкуренции приходит новый исторический этап – этап «политического интервенционизма» (имеется в виду вмешательство государства в экономическую жизнь), который проявился в трех разновидностях: русский вариант, фашистская форма тоталитаризма и «демократический интервенционизм Англии, США и «малых демократий», лидером которых является Швеция.

Свою наивную концепцию истории (все зависит от нас, все решат отдельные люди, над ними не довлеют никакие закономерности) Поппер противопоставляет так называемому историцизму. Под историцизмом понимается «такой подход к социальным наукам, при котором признается, что их главной целью является историческое предвидение и что эта цель осуществляется путем раскрытия «ритмов» или «образцов», «законов» или «тенденций», лежащих в основе исторической эволюции».

Поппер иронизирует над историцизмом, называя его «философией оракулов – зловредным интеллектуальным заболеванием нашего времени». Он берет обязательство никогда не выдавать себя за пророка.

Историцизм перекладывает ответственность людей за свои поступки на историю. Он ведет к фанатизму и нетерпимости, к утверждению единой и исключительной веры, превращающейся в «новый опиум народа». Историцизм ведет к тоталитаризму.

Поппер написал свои основные политические сочинения во имя разоблачения тоталитаризма. Он не дает анализа реального тоталитаризма ни в коммунистическом, ни в фашистском варианте, а ограничивается перечнем (по его же признанию, неполным и несистематическим) основных идей, роднящих современный тоталитаризм с течениями, выступавшими против свободы в прошлом. Это: а) национализм, понимание государства как воплощения духа нации или расы; б) признание войны естественной формой утверждения государством своего существования; в) освобождение государства от моральных обязательств, исторический успех – единственный судья в общественном развитии, благо коллектива – единственный принцип личного поведения; г) этическое оправдание войны, особенно войны молодых наций против старых; д) исключительная роль всемирно-исторической личности (ныне – принцип лидерства); е) идеал героической жизни («живи, рискуя») и «героического человека» в противоположность принципам мелкого буржуа.

Наличие этих признаков позволяет, по мнению Поппера, говорить о древних и новых тоталитарных движениях. Между ними есть различия, но они не столь существенны.

Каковы причины тоталитаризма? О его социальных корнях Поппер упоминает лишь вскользь. Он признает, что тоталитарные движения «пытаются ответить на вполне реальную социальную потребность», что исторические течения, ориентированные на радикальные перемены, «выражают глубоко укорененное чувство неудовлетворенности миром». Утверждение фашизма Поппер связывает с банкротством социал-демократии, ее неспособностью осуществить свою программу. Углубляться в эти сюжеты Поппер не считает нужным. Но, следуя принципу отрицания исторической закономерности, он категорически против признания тоталитаризма неизбежным явлением.

Поппер концентрирует внимание на идеологической основе или идейных предшественниках тоталитаризма. Ими оказываются историцисты. Трудно избавиться от впечатления, что именно в них Поппер видит главную причину тоталитарных режимов.

Историцизм неоднороден, ибо к нему относятся все течения мысли, признающие исторические закономерности. Несколько утрируя позицию своих идейных противников, Поппер называет это фатализмом, признанием невозможности изменить что-либо в неминуемом ходе развития. Для одних историцистов эволюция человечества – это прогресс (Гегель, Маркс). Для других – попятное движение от существовавшего некогда идеала (Платон). Именно эти три фигуры и рассматриваются Поппером как крупнейшие представители историцизма и идеологи тоталитаризма. Применительно к Платону и Гегелю, связь их политических взглядов с широким пониманием тоталитаризма в соответствии с названными выше принципами доказывается весьма основательно, прежде всего, ссылками на бесспорный приоритет государства перед личностью, ограничения прав человека и т. п. Правда, при этом допускаются натяжки. Так, без веских оснований Поппер приписывает расовую подоплеку сословному строю в Платоновском идеальном государстве. Главным и весьма уязвимым аргументом в пользу тоталитарного существа марксизма служит характер режимов, созданных людьми, считавшимися последователями Маркса.

Историцизм, по Попперу, не только бесплоден, но и чрезвычайно опасен, потому что на нем основаны попытки «утопической социальной инженерии», стремящейся преобразовать все общество в соответствии с определенным планом и носящей государственный характер. Поппер анализирует два образца утопической инженерии: Платон (статический ва-

риант, сохранение старых устоев общества или возврат к ним) и Маркс (динамический вариант с полным преобразованием основ общества). Гегель, кажется, представляет собой вариант историцизма, не связанного с утопической социальной инженерией, хотя Поппер не фиксирует на этом внимания. Утопическая инженерия, основывающаяся на всевластии государства, ведет человека только к бедствиям. Марксистский коммунизм – «самый страшный пример из всех попыток установить царствие Божие на земле».

Тон критики марксизма менялся у Поппера с течением времени. В основном тексте «Открытого общества и его врагов» (начало 40-х годов с неоднократными переработками до 60-х годов) он дает весьма объективную оценку своего идейного противника. Констатируя, что прогнозы Маркса о будущем капитализма (в первую очередь это относится к теории относительного и абсолютного обнищания пролетариата) не подтвердились и что попытки воплощения учения Маркса обернулись коммунистическим тоталитаризмом, Поппер в то же время постоянно подчеркивал сильные стороны наследия Маркса. Он писал о «поразительной моральной и интеллектуальной привлекательности теорий Маркса», о «гуманистическом импульсе», лежащем в их основе, о «глубочайшем гуманизме и чувстве справедливости», свойственных Марксу. «И хотя он заблуждался в своих основных теориях, – писал Поппер, – его труды не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже невысказано».

В 90-е годы в предисловии и послесловии к русскому изданию книги стиль критики марксизма принципиально иной. Он объявлен «совершенно ложной и весьма претенциозной теорией». Вызвано это было рядом обстоятельств. Пиетет к марксизму заметно поубавился во всем мире в связи с крушением социалистического лагеря, и Поппер поддался этому настроению. Вероятно, он учитывал и пожелания авторов проекта русского издания, которые явно стремились подорвать позиции марксизма. Задачей искоренить марксизм увлекся и Поппер. «...Марксизм погиб от марксизма, – пишет он, – однако я боюсь, что миллионы марксистов на Востоке и Западе будут и дальше возиться с ним, как делали это прежде... всегда факты можно игнорировать и подгонять под любую схему». Отсюда установка: «нельзя позволить подобным идеологиям вновь овладеть нашими умами». Она-то и лишила Поппера беспристрастности и привела к сомнительным заключениям.

Когда Поппер заявляет, «капитализм» в смысле Маркса более не существует», «общество, каким его знал Маркс, претерпело огромные и поистине чудесные превращения», с ним нельзя не согласиться, за исключением преувеличения и восторженности в конце фразы. Но Попперу этого мало, он идет дальше. Раздел предисловия к русскому изданию озаглавлен: «Капитализм» Маркса никогда не существовал» (курсив мой. – О. М.), а единственным аргументом в пользу этого утверждения является несостоятельность «закона абсолютного и относительного обнищания рабочего класса». И здесь Поппер противоречит своим же заявлениям, относящимся к более раннему времени: «Действительно, современное Марксу общество, которое он назвал «капитализмом», являлось обществом безраздельного господства капиталистов. Это была классовая диктатура буржуазии», «марксова теория государства, несмотря на ее абстрактный и философский характер, безусловно, представляет собой интерпретацию того исторического периода, в котором он жил».

Главный порок Маркса, по Попперу, в предсказании или в призыве к революции, не исключаяющей насилия. В этом марксистский вариант «утопической социальной инженерии» антагонистичен мерам, предлагаемым Поппером.

14.2. «Новые левые». И. Миллс, Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер

Зарождение идеологии «новых левых», особенно в США, связывают иногда с именем американского социолога Чарлза Райта Миллса (1916 – 1962), автора широко известной книги «Властвующая элита». Именно Миллс выдвинул тезис об утрате рабочим классом западных стран своей исторической роли и о становлении интеллигенции в качестве самостоятельной политической силы, которая должна прийти ему на смену. А осенью 1960 г. он направил письмо в журнал «Нью лефт ревью», в котором предпринял попытку сформулировать ряд программных положений «новых левых».

Большим авторитетом в этой среде пользовалось наследие Франца Фанона (1925 – 1961), выходца с острова Мартиника (французская колония), связавшего свою судьбу с национально-освободительным движением в Алжире. Его книга «Проклятьем заклейменные» (1961), воспевающая антиколониальное революционное насилие, стала одним из самых ярких воплощений идей «новых левых». Фанон не верил в помощь западного рабо-

чего класса колониальным странам, отмечал, что он извлекает выгоду из колониальной политики. Центр революционных событий в связи с этим перемещался из индустриальных стран в «третий мир», народы которого поднимаются на борьбу за независимость. Фанон полагал, что в колониальных странах рабочие представляют собой привилегированный слой, а подлинным пролетариатом, которому нечего терять и который готов взяться за оружие во имя национального и социального освобождения, является крестьянство. «Новым левым» импонировал призыв Фанона к восстанию, отрицание буржуазной цивилизации. Они распространили на Запад скептическое отношение Фанона к революционному потенциалу колониального пролетариата. Им пришлось по душе и идея об особой роли колониальной периферии в революционном процессе. Отсюда поддержка «новыми левыми» антиколониальных движений.

Видным идеологом «новых левых» считался и французский журналист Режи Дебре, автор знаменитой в свое время книги «Революция в революции?» (1967). Дебре был сподвижником выдающегося латиноамериканского революционера Эрнесто Че Гевары и обосновывал его тактику партизанской войны, согласно которой очаг вооруженного сопротивления, организованного профессиональными революционерами, способен вызвать народную революцию подобно тому, как мотор приводит в действие огромную машину. Дебре, как и Фанону, был свойствен скепсис по отношению к пролетариату и преувеличение революционных возможностей крестьянства. Он полагал, что город обуржуазивает.

Среди тех, кто внес свой вклад в формирование идеологии «новых левых», следует назвать французского писателя и философа Жана Поля Сартра (1905 – 1980). При издании книги Фанона он написал к ней сочувственное предисловие, а во время майских событий 1968 г. во Франции Сартр принимал активное участие в дискуссиях, развернувшихся среди студентов, недвусмысленно заявляя о своих идейных и политических симпатиях к Даниэлю Кон-Бендиту – одному из вождей французских леворадикалов.

Значительное влияние на политику «новых левых» оказала так называемая франкфуртская школа – группа философов и социологов левой ориентации, объединившихся еще в 30е гг. вокруг Института социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, позже Ю. Хабермас, А. Шмидт, О. Негт). Глава школы – Макс Хоркхаймер (1895 – 1973) стоял на неомарксистских позициях и руководил «Журналом социальных исследований». По-

сле эмиграции его из Германии в связи с приходом к власти нацистов центр школы расположился сперва в Женеве и Париже (при Высшей нормальной школе), затем с 1939 г. — в США при Колумбийском университете. В 1948 г. школа вернулась на родину, во Франкфурт-на-Майне.

На протяжении почти 40 лет франкфуртскую школу цементировало стремление осмыслить внутреннюю драму современного общества, резко отрицательное отношение к существующему строю. Лейтмотивом их теории стало отчуждение человека, истолкованное через призму критического подхода К. Маркса в тесной связи с неогегельянскими и фрейдистскими идеями. Активно разрабатывалась проблематика рациональности («рационализации»), восходящая первоначально к М. Веберу. У теоретиков франкфуртской школы она приобрела критическое звучание, связанное с анализом внутренних противоречий «просвещения», отождествляемого с рациональным овладением природой, и возникновением на этой основе «массовой культуры» и «массового общества».

Основная социально-политическая тема этой школы — «поздний капитализм», с характерной для него «фашизоидностью» (независимо от того, реализовалась ли она в фашистских и иных тоталитарных режимах или нет), с доминированием «авторитарной личности» и антидемократическими методами руководства.

Изучение новой реальности осуществлялось при помощи социологических исследований с позиций резкого отрицания всей «традиционной» науки, расцениваемой как основной инструмент капиталистической эксплуатации и наиболее адекватное воплощение буржуазной идеологии.

50-е и 60-е годы отмечены возрастающим влиянием франкфуртской школы на политическую жизнь Запада. Но ее критические идеи были восприняты политическим сознанием многих граждан, и особенно «новыми левыми», в вульгарной форме абсолютного негативизма. Признанные философы и социологи помимо своей воли вдруг оказались кумирами движения «новых левых», обернувшегося рецидивами политического экстремизма. В среде ученых также появились сторонники крайних идей, что обострило внутренние противоречия и привело к организационному распаду франкфуртской школы. Этот процесс ускорила смерть ее руководителей и вдохновителей Адорно и Хоркхаймера, которые в конце жизни выступили против экстремизма как в рядах «новых левых», так и среди молодых представителей франкфуртской школы. В 70-е годы распад школы стал свершившимся фактом. Однако идеи франкфуртцев продолжали ока-

зывать влияние на новые демократические движения протеста – антивоенные, феминистские, экологические и др.

Герберт Маркузе (1898 – 1979), которого на Западе величали «международным идейным вождем бунтующих студентов», принадлежал к франкфуртской школе. «Маркузе для нас – точка опоры», – заявлял Д. Кон-Бендит. Сам Маркузе проявлял сдержанность, говоря о своем отношении к «новым левым»: «Я чувствую себя солидарным с движением разгневанных студентов, но я совсем не являюсь их глашатаем. Это пресса и общественное мнение наградили меня таким титулом и сделали из меня ходкий товар».

Маркузе родился в Берлине, учился на философском факультете сначала Берлинского, а затем Фрейбургского университета. Будучи студентом, стал членом Социал-демократической партии, затем активно участвовал в социалистическом движении, враждебно относясь к постепенно набравшему в Германии силу фашизму. Ранняя научная деятельность Маркузе связана с основанием франкфуртской школы и занятиями в ее рядах современной политической философией.

Приход к власти Гитлера заставил Маркузе эмигрировать в 1934 г. в США, где в годы Второй мировой войны он работал теоретиком-аналитиком (советником) в органах американской разведки. В 1950г. Маркузе уволился с государственной службы и полностью посвятил себя преподавательской и научной деятельности в ряде ведущих университетов Америки. В 1965 г. он становится профессором Калифорнийского университета – цитадели левого студенческого движения США, работает там до выхода на пенсию в 1976 г., оставаясь почетным заслуженным профессором этого университета в отставке вплоть до своей смерти.

На его взгляды оказали большое влияние идеи Гегеля, Прудона, Маркса, Вебера, Фрейда. У Маркса Маркузе воспринимает его критическую социальную теорию, осуждение капитализма, а у Фрейда – представление о том, что психическая жизнь человека определяется столкновением антагонистических инстинктов Эроса и Танатоса. Маркузе отнюдь не сводит Эрос к сексуальному влечению. Любовь к истине, красоте, стремление к справедливости – также проявления Эроса. Танатос – тяготение к разрушению, уничтожению жизни, проявляющееся в агрессивности, жестокости, грубости, насилии. Эти два инстинкта борются за овладение психической энергией человека, и задача состоит в том, чтобы обеспечить торжество Эроса, построить «эротическую» цивилизацию, которая избавляла бы от необеспеченности, неравенства, борьбы за существование и дала бы че-

ловеку счастье в свободе, любви и в труде, приносящем радость. Маркузе неоднократно заявлял о своей приверженности марксизму, но считал необходимым модернизировать его путем соединения с экзистенциализмом и фрейдизмом.

Наследие Маркузе включает десятки томов. Его политико-правовые идеи изложены в книгах: «Разум и революция. Гегель и становление социальной теории» (1941), «Эрос и цивилизация» (1955), «Очерк об освобождении» (1969), «Критический анализ советского марксизма» (1958), «Контрреволюция и восстание» (1972), «Критика чистой терпимости» (1965). Знаменитым его сделала книга «Одномерный человек» (1964), которая и будет в центре нашего анализа.

«Критическая теория» Маркузе исходит из того, что нет принципиальной разницы между капиталистическим и социалистическим мирами, так как оба они являются модификациями индустриального общества, в котором технический прогресс способствует созданию «тотальной» системы, базирующейся на мощном развитии производительных сил, стабилизирующих ее. Эта система насыщена противоречиями, которые, однако, не могут быть разрешены радикальным путем, так как способные на революцию элементы поглощаются могущественными интеграционными силами (политическими институтами, растущей производительностью труда и др.), или вообще оказываются фатальными, неразрешимыми, как, например, противоречия между личностью и государством. Он критически анализировал ряд важных общественных проблем: права человека, возможности его свободы, гуманизм, продуктивность и деструктивность науки и техники.

К технологическому (индустриальному и постиндустриальному) обществу, по Маркузе, оказывается приложен принцип Галилея, гласящий, что если действуют исключительно гравитационные силы, то все тела движутся одинаковым образом. Поскольку в нем действуют исключительно рациональные силы, рациональные в той степени, в которой они обеспечивают четкую работу производства, то естественно, что все «тела» в нем, как чисто механические, так и биологические, двигаются одинаковым образом. Индивиды мыслят и действуют так, как этого требует от них священный Принцип Рациональности. Получаются личности, лишённые природной формы. Как вода принимает форму сосуда, так и их правосознание принимает ту форму, которой требует собственная логика технологического процесса. Маркузе называет это человеческой мимикрией.

Научно и рационально организованное массовое производство алчно требует на свой алтарь «всего индивида целиком». Его мышление лишается критической силы, оно все более подчиняется принципу операционализма, формируется так называемый одномерный человек с полной утратой критического отношения к государству. В XX в. этот тип личности стал массовым, а большинство народа – консервативным и уже не может быть носителем революционной инициативы – она переходит к «аутсайдерам»: безработным, студентам, национальным меньшинствам. Маркузе отвергает вращение человека в существующую социально-политическую систему, он призывает к «Великому Отказу» как от капитализма, так и от социализма.

Сильной стороной доктрины Маркузе является критика тоталитаризма. Он воочию наблюдал становление фашизма в Германии. Но, по его мнению, Германия – скорее правило, чем исключение, и в других странах общество становится «контрреволюционным» и неотвратно идет к фашизму. Более высокая стадия научно-технического прогресса порождает более изощренную форму фашизма. Соединенные Штаты Америки представляют собой разновидность фашизма, правда, основанного не столько на грубом насилии, сколько на «технологической рациональности». Новейшее время чревато тоталитарностью и «проявляет склонность быть тоталитарным даже там, где оно не произвело на свет тоталитарного государства».

Основной признак современного государства – поглощение индивидуальности всеобщностью (прежде всего в лице государства и освященной им культуры), примат государства над личностью, складывается «мир тотального администрирования», основанный в отличие от фашистского образца не на прямом насилии «террористически-политического управления», а на «нетеррористическом экономическо-техническом управлении, осуществляемом с помощью манипулирования потребностями». Общество превращается в некое гомогенное образование, где индивид практически исчезает, растворяясь во всеобщем – государстве и освящаемой им культуре.

Подавление свободы неизбежно в условиях быстрого развития техники, технологии. «Концентрационные лагеря, массовое уничтожение людей, мировые войны и атомная бомба не являются «рецидивом варварства», – пишет Маркузе, – а представляют собой безудержное воздействие достижений современной науки, технологии и форм господства. И это наиболее эффективное подчинение и уничтожение человека человеком происходит на высоком уровне развития цивилизации, когда материальные

и интеллектуальные достижения человечества, казалось бы, позволяют создать подлинно свободный мир».

Тоталитарное государство, «административная вселенная» XX в. – результат становления общества, лишённого свободы и многообразия. Последнее, как и его составные элементы, плоско, линейно, или, говоря словами Маркузе, «одномерно». «Одномерность» – это однородность, исключаящую какую-либо альтернативу (социальную, политическую, теоретическую, художественную и т. п.), это унифицированность, однонаправленность. «Одномерность» означает отсутствие противоборства, критики, выходящей за пределы системы существующих политических отношений, а следовательно, примирение с действительностью.

14.4. Идеология западноевропейской социал-демократии.

А. Крослэнд, Дж. Стрэчи

Социал-демократия, занимающая прочные позиции в политической жизни большинства стран Запада, сыграла важную роль в трансформации капитализма. Партии демократического социализма выдвинули концепцию государства благоденствия, предполагающую широкие социальные функции и государственное регулирование экономики; находясь у власти, они пытались, не без успеха, воплотить эту концепцию в жизнь. Ныне то, что в послевоенное время определялось как государство благоденствия, получило название социального государства.

Признавая крупные заслуги социал-демократии, отметим два обстоятельства. Во-первых, общество остается капиталистическим, благополучным на сегодняшний день, но капиталистическим, с неравномерным распределением богатства, социальным неравенством и несправедливостью, хотя и очень далеким от того, каким оно было с середины XIX до середины XX в. Мало кто среди социал-демократов утверждает, что в Западной Европе удалось построить социализм. Во-вторых, социал-демократии не принадлежит монополия на позитивные изменения капитализма. Во многом социал-демократы начинали и подталкивали их, но в основном выступали как партнеры других партий в поочередных усилиях по преобразованию общественных отношений. Когда консерваторы в Великобритании сменяли у власти лейбористов, они, как правило, не отменяли всех их реформ, проявляя готовность сохранить многое из достигнутого. Произошло то, к чему призывал Бернштейн. Из партии борьбы за конечную цель, за ниспровержение капитализма социал-демократия превратилась в одну из партий, стре-

мящихся реформировать существующее общество. В спокойные времена это – разумная, устраивающая многих политика. В периоды обострения социально-политической обстановки, а их нельзя исключать в будущем, ситуация может измениться.

После Второй мировой войны произошли существенные изменения в платформе социал-демократов. Усиливались реформистские тенденции, демократический социализм все дальше отходил от многих основных положений марксизма. Эти сдвиги нашли отражение во Франкфуртской декларации Социалистического интернационала 1951 г., где четко проводилось разделение социал-демократии и коммунизма по их отношению к демократии и правам человека, в «Новых фабианских очерках», сборнике теоретических статей, выпущенном в Лондоне в 1952 г., в Годесбергской программе СДПГ 1959 г.

Центральными фигурами в «Новых фабианских очерках» стали Р. Кроссмэн (под его редакцией книжка вышла), А. Крослэнд и Дж. Стрэчи. Они приобрели репутацию ведущих теоретиков Лейбористской партии середины XX в. В 1956 г. Стрэчи выпустил книгу «Современный капитализм», а Крослэнд — «Будущее социализма». В них развивались идеи, изложенные в коллективном издании 1952 г.

Авторы «Очерков» высоко оценивают труды своих предшественников, основателей фабианского движения. Эволюцию английского общества, политику послевоенного лейбористского правительства, заложившего основы «государства благоденствия», они рассматривают как подтверждение правоты принципов фабианства. В то же время они не разделяют безграничной веры ранних фабианцев в прогресс, в неизбежность «автоматического движения к большему богатству и большей свободе», столь характерной для XIX в. Идеологи Лейбористской партии 50-х годов отмечают, что наращивание силы и знаний не делает построение свободного общества более легким. Они могут привести к концентрации власти, эксплуатации и несправедливости. Исторический скептицизм новых фабианцев – отклик на трагические события XX в., мировые войны, политические катаклизмы, возникновение тоталитаризма в фашистском и коммунистическом вариантах. «Исторический процесс, если предоставить его самому себе, ведет к рабству, эксплуатации и войне». Торжество свободы не гарантируется действием законов исторического развития, оно возможно лишь в результате повышения уровня общественного сознания и нравственности, при этом исключительно велика роль творческого меньшинства. В XIX в. его миссию выполняли либералы, в XX в. – социалисты. Но они не достигнут своей це-

ли, если не откажутся от «материалистического заблуждения», согласно которому «экономика представляет собой определяющий фактор социальных перемен», а установление экономической справедливости автоматически обеспечивает и свободу человека. Итак, вместе с историческим оптимизмом отбрасывается и материалистическая интерпретация истории.

Центральный пункт новой идейной платформы фабианцев – принципиальные изменения, которые претерпело капиталистическое общество. По словам Крослэнда, «капитализм преобразовывается в совершенно другую систему». Индивидуальное право собственности перестало быть «существенным базисом экономической и социальной власти», «власть, принадлежавшая раньше собственникам, теперь в большей степени, хотя и не целиком, перешла к классу управляющих (менеджеров)». «Необычайно возросла власть государства, она представляет собой независимую посредническую силу, господствующую в экономической жизни страны». «Уровень социального обеспечения настолько высок, что наше современное общество часто называют государством благоденствия». «Экономическая власть в марксистском смысле контроля над средствами производства распределяется между старыми капиталистами (в мелкой промышленности), новыми менеджерами, государственной машиной, держателями акций, администрацией публичных предприятий и (что очень важно) организованными рабочими (с неизбежной тенденцией большего рабочего контроля в промышленности). При этом рассеивании контроля ни один класс не может утвердить себя в качестве господствующего». Происходит диффузия власти, снимается горечь социальных конфликтов, воцаряется новый идеологический климат.

Что привело к обновлению британского общества? Давление народа, мощное полувековое антикапиталистическое движение, представленное профсоюзами и социалистическими партиями, эффективность политических институтов демократии, высокий уровень сознания избирателей, а также овладение техникой экономического управления. Эти перемены, как подчеркивали фабианцы, произошли мирным путем и связаны с деятельностью лейбористского правительства.

Итак, фабианцы пришли к выводу, что к 1951 г. Великобритания (и в меньшей степени другие западноевропейские страны, в первую очередь Швеция) во всем существенном перестала быть капиталистической страной. Для определения нового общества Крослэнд предлагает понятие «этатизм», видя его главную черту в переходе от экономического либерализма к государственному контролю. Этатизм изжил худшие социальные пороки капитализма, но в Великобритании все еще сохраняются неравенство и классов-

вое сознание. Ставилась задача превратить этатизм в общество, о котором всегда мечтали социалисты.

«Новые фабианские очерки» свидетельствуют о принципиальных изменениях в понимании социализма. Центр тяжести переносится с материальных, экономических, на нравственные, частично политические аспекты этого понятия. Марксистское определение социализма как национализации средств производства, распределения и контроля отвергается. Кроссмэн заявляет, что не только национализация, но и плановая экономика уже не является целью социализма: «Главная задача социализма сегодня состоит в том, чтобы предотвратить концентрацию власти в руках управляющих промышленностью или государственной бюрократии, короче, в том, чтобы распределить ответственность и увеличить свободу выбора... в конце концов высшей целью социализма является не счастье, а расширение свободы».

Происходило явное затухание классово направленной социализма. Лейбористы исходили из возможности обеспечить благополучие всем и относительное социальное равенство, не прибегая к капитальному перераспределению собственности. Тенденция примирения частной собственности с социализмом характерна для послевоенного социал-демократического движения и в других странах. Так, Франкфуртская декларация 1951 г. Социнтерна ставила перед социалистическим планированием следующие задачи: «Полная занятость, рост производства, повышение уровня жизни и социального обеспечения, справедливое распределение доходов и собственности». О принципиальном отрицании капиталистической собственности, даже крупной, речь уже не шла.

В плане методов преобразований фабианцы полностью сохраняли верность принципу постепенности и демократическим процедурам. Для новых фабианцев характерна нетерпимость к радикализму, к левым социалистическим теориям.

В издании 1952 г. фабианцы одними из первых подметили новые явления в западном обществе и оценили возможности, которые они создают для дальнейшего постепенного реформирования существующего строя конституционными методами. В то же время полное отрицание революционности способствовало примирению с капитализмом и создавало угрозу превращения Лейбористской партии в защитницу статус-кво, что отмечали некоторые авторы «Новых фабианских очерков». Осознание этой угрозы питало левые тенденции среди британских социалистов.

В Годесбергской программе СДПГ 1959 г. социализм также не рассматривается как историческая закономерность. Рецидив бесчеловечности в

гитлеровской Германии и сталинском СССР доказал, что «история» не ведет нас неминуемо к социализму. Будущее зависит от действий самих людей.

Авторы Годесбергской программы распростились с надеждами некоторых представителей довоенного немецкого социализма на преобразования путем кратковременного скачка. Они окончательно сделали выбор в пользу длительного пути реформ.

Левые круги увидели измену делу социализма в отказе от прежней программной установки на обобществление основных средств производства («общество овладевает средствами производства»).

Вместо обобществления в качестве сути социализма выдвигаются три «основные ценности»: свобода, справедливость и солидарность. Все они равновелики. Ни одна не может быть принесена в жертву другой. Нельзя, пренебрегая свободой, устанавливать справедливость, нельзя силой навязывать солидарность. Полная социализация, по мнению составителей программы, могла бы, возможно, способствовать справедливому распределению, но не свободе и росту благосостояния общества. Социалистическая политика предполагает равновесие между основными ценностями. Доверие к такой политике может быть поколеблено как вследствие разочарования от отсутствия обещанных реформ, так и при возникновении угрозы экономическому росту в результате их слишком радикального осуществления. Любое изменение должно проводиться без навязывания сверху, с соблюдением демократических процедур и законности, путем согласия и самоопределения.

Средства реализации основных ценностей Годесбергская программа не абсолютизирует. Их следует варьировать в зависимости от эффективности и других обстоятельств. Если обобществление не оправдывает себя, можно прибегнуть к более гибким средствам. Годесбергская программа признает частную собственность, рыночную экономику, хотя и с элементами государственного планирования. В конце 60-х годов в СДПГ создается модель сильного государственного вмешательства в экономику (документ «Социал-демократическая перспектива на 70-е годы» 1968 г.). Подобные настроения преобладали тогда и в других социал-демократических партиях Европы. Так, Франсуа Миттеран на съезде Французской социалистической партии в 1971 г. говорил: «Никогда не будет социалистического общества без общественной собственности на средства производства, обмена и исследования». Но к концу 70-х годов в связи с экономическими трудностями, возникшими в результате политики социалистов, активизацией консервативных сил модель сильного публичного сектора и энергичного государственного регулирования утрачивает популярность. Берлинская программа СДПГ (1989) сокращает го-

сударственное вмешательство, предпочитает прибегать к косвенным методам воздействия на хозяйственную жизнь.

К середине и в особенности к концу века социал-демократы стали значительно меньшими государственниками, чем их предшественники на рубеже XIX – XX вв. Они видят серьезную опасность в концентрации в руках государства слишком большой экономической власти. Однако при этом не снимается задача установления справедливости, предполагающая создание равных шансов для всех. Ради этого государство должно «взять на себя ответственность за общество». Если на рынке устанавливается монополия, необходимо вмешательство государства. Сам по себе рынок ведет к победе сильного над слабым. Годесбергская программа формирует правило: «конкуренция — насколько возможно, планирование насколько необходимо». Предполагается борьба с безработицей, введение экономической демократии, т. е. участие трудящихся в управлении производством на всех ступенях, демократизация системы образования, устранение в этой сфере привилегий.

Для того чтобы содействовать установлению справедливости в обществе, государство должно основываться на синтезе принципов демократии, социализма и права. «Благодаря слиянию демократической идеи с социальной и правовой идеями, – записано в Годесбергской программе, – государство должно стать культурным государством, которое получает свое содержание от общественных сил и служит творческому духу людей».

Волна неоконсерватизма, захлестнувшая страны Запада в 80-е годы, привела идеологов демократического социализма к выводу, что капитализм еще раз продемонстрировал свою жизнеспособность и приспособляемость. Следовательно, нет оснований форсировать преобразования. Крах мировой системы тоталитарного социализма, начавшийся с «бархатных» революций 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы, подкреплял это заключение. В качестве способа решения общественных противоречий взамен марксистской идеи классовой борьбы настойчиво рекомендуется социальное партнерство. Этот принцип больше гармонирует с традиционной приверженностью социал-демократии к постепенности, к мирным и легальным формам преобразований.

В послевоенные годы расширялась социальная база социал-демократии. Сохраняя тесные связи с рабочими, профсоюзами, социалистические партии стремятся получить опору в более широких сферах – среди предпринимателей, так называемых средних слоев, студенчества, интеллигенции. Укрепляются контакты с так называемыми альтернативными (т. е. не входящими в сложившуюся систему политических партий) движениями –

экологическими («зеленые»), пацифистскими, феминистскими и т. п. Социалисты расширяют свою программу, солидаризируясь с требованиями этих движений. Они хотят превратиться из партии рабочего класса, как было до войны, в народную партию, представляющую весь спектр населения страны. Этот сдвиг нашел выражение, в частности, в Годесбергской программе. Он глубоко обусловлен: нельзя бороться за парламентское большинство, опираясь только на рабочий класс, удельный вес которого в западном обществе давно уже не растет.

В контексте названных перемен по-новому решается вопрос о теоретической базе движения. Нужно иметь в виду, что социал-демократические партии – не «авангардные», там нет идеологического единства, они вполне терпимы к плюрализму мнений. Среди социал-демократов все еще есть люди, придерживающиеся марксистских позиций и убежденные, что марксизм остается идейной базой социалистического движения, как полагали некоторые партии, в первую очередь германская, до Второй мировой войны. Ныне господствующее мнение сводится к тому, что марксизм представляет собой один из теоретических источников социал-демократии наряду с идеями христианства, гуманизма, просвещения и т. п.

При этом подход к марксизму выборочный. Большинство современных социал-демократов убеждено, что идеи насильственной революции, диктатуры пролетариата, обобществления основных средств производства, всеобщего планирования устарели. Зато призывы преодолеть отчуждение, эксплуатацию человека человеком, обеспечить свободное развитие каждого в качестве условия свободного развития всех по-прежнему признаются важным вкладом марксизма в социалистическое движение. Нет единства и в оценке материалистической интерпретации истории, но официальные документы современной социал-демократии ее отвергают.

Хотя сторонники понимания государства как орудия классового господства еще не полностью перевелись среди социал-демократов, доминирует традиция, идущая от Блана, Лассалья, фабианцев. Государство рассматривается как форма управления обществом, способная и призванная выражать интересы всего народа. Ставится задача укрепления демократического, правового и социального характера государства, расширения и усовершенствования демократии, не только представительной, но и прямой, не только политической, но и экономической.

С конца 70 х годов социал-демократы переживали нелегкие времена. Крупные парламентские успехи, формирование правительств в ряде стран сменились наступлением консерваторов, длительным пребыванием на скамьях оппозиции.

Консервативные силы оценивали это явление, особенно в свете крушения коммунистических режимов в Европе, как проявление кризиса социализма, как окончательную дискредитацию социалистической идеи.

На деле речь идет о временном изменении симпатий избирателей, что не раз случалось и в прошлом.

Падение популярности ряда ведущих социал-демократических партий нетрудно объяснить. Они добились серьезных успехов в социальной сфере, но достигнутый уровень благосостояния и социального обеспечения стал рассматриваться как что-то привычное и само собой разумеющееся. Издержки же политики социал-демократов воспринимались болезненно. Увлечшись социальными функциями и государственным регулированием, сводящимся в основном к перераспределению прибыли, социал-демократы не только игнорировали способность рыночной экономики к саморегулированию, но явно нарушали и ограничивали свободное действие экономических (рыночных) стимулов. Они не избежали и таких негативных последствий государственного регулирования, как рост налогов, бюрократизация, снижение качества услуг, получаемых гражданами через государство (здравоохранение, образование), в сравнении с частным сектором. Мировой характер современного производства также снижал эффективность попыток регулирования на национальном уровне. Все это, вместе взятое, привело к экономическим трудностям, к замедлению темпов роста и не могло не сказаться отрицательно на популярности социал-демократов.

Неоконсерваторы, расширив сферу свободы предпринимательства, сумели придать экономике больший динамизм. Но социальные издержки этого успеха очевидны. Отмечается рост безработицы, социального неравенства, снижение уровня жизни части населения, торжество эгоизма и стяжательства в общественной жизни. В конце 90-х годов широкое недовольство политикой неоконсерваторов вновь приводит социал-демократов к власти.

Падение коммунистических режимов в Европе привело к снижению престижа и популярности социализма во всех его формах. Эта ситуация наделяет социал-демократию в сегодняшнем мире особой миссией. Социал-демократия является сейчас наиболее авторитетным представителем социалистического движения. От нее во многом зависит жизнеспособность социалистической идеи, которая сопутствовала человечеству на протяжении веков. [В основу текста положены материалы учебника: История политических и правовых учений/ Под общ. ред. проф. О.В. Мартышина. – М.: Норма, 2004. – Авторы материалов: Н. М. Азаркин, В. Н. Жуков, Ю. С. Завьялов, О. В. Мартышин]

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ КУРСА ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Учебным планом предусмотрены изучение истории политических и правовых учений и сдача экзамена по этой дисциплине. Цель методических рекомендаций – помочь студенту организовать работу по изучению сложной и важной науки.

История политических и правовых учений относится к числу историко-теоретических дисциплин. Задача этой дисциплины – на конкретном историческом материале показать закономерности развития политико-правовой идеологии, познакомить студента с историей наиболее значительных и влиятельных теоретических концепций государства и права прошлых эпох, сохранивших значение в наше время. Задачей курса является формирование теоретического мышления и исторического сознания студента-юриста, воспитание умения сопоставлять и самостоятельно оценивать политико-правовые доктрины прошлых эпох и современности. Для юриста история политических и правовых учений – то же, что для философа – история философии, для экономиста – история экономической мысли, для филолога – история языковедения, для искусствоведов – история эстетики, для врачей – история медицины, для инженеров – история техники и т.п.

В настоящее время резко возрастает значение истории политических и правовых учений как школы альтернативного мышления, дающей возможность при изучении обширного исторического материала и современных политико-правовых учений сопоставлять различные теории, школы, направления политической и правовой мысли, воспринимать и осмысливать проблемы права и политики с учетом многовековой дискуссии об этих проблемах. Особенность нашего времени – становление идеологического плюрализма, признание в научном, профессиональном, обывденном сознании различных вариантов мышления, нескольких идейных течений. Их соревнование, обмен идеями, проблемами делают общую культуру мышления богаче, дают возможность изжить узость и одномерность идеологически заданного мышления.

Многие годы в общественном сознании нашей страны безраздельно господствовала одна идеология, официально считавшаяся единственно научной, качественно отличающейся от всех других политических и правовых теорий. Достаточно известно, однако, что эта теория практически не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. Между тем монопольное господство в общественной идеологии и науке схем и формулировок, считавшихся един-

ственно правильными, не только привело к деформации и застою общественных наук, но и породило общую скованность мышления, неумение воспринимать и критически сопоставлять разные мнения, существенно обеднило содержание представлений и понятий о праве и государстве. Кроме того, за пределы науки были выведены и вне поля зрения оставались многие актуальные проблемы, решением которых многие века занимались лучшие умы человечества.

Задолго до появления марксизма в истории политико-правовой мысли были поставлены и разрабатывались вопросы о соотношении государства и человека, общества и государства, народа и государства, права и государства. В дискуссиях и спорах решались такие злободневные проблемы, как проблема прав человека, о содержании, источниках и гарантиях этих прав, о наилучшей организации государства, о разделении властей и их соотношении, об условиях прочности государства и об основных принципах права. Знания о разных вариантах решения этих проблем и об обоснованиях этих решений – необходимая часть современного правового и политического сознания.

КАК ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

История политических и правовых учений – предмет очень обширный. При его изучении студент знакомится с обширным материалом, требующим теоретического осмысления. Каждая из политико-правовых доктрин представляет собой своеобразную теорию государства и права определенной исторической эпохи. Сверх того, при усвоении этого материала нужно воспроизвести в памяти то, что изучалось на первом курсе. История политических и правовых учений преподается после того, как студент изучил ряд общетеоретических и исторических дисциплин. Поэтому в учебной литературе по этому предмету подробно не излагаются такие необходимые для усвоения курса теоретические понятия и категории, как, например, понятия государства и права, их видов и типов, классификация форм государства, определения и основные принципы права, его источники и другое вопросы.

Предмет истории политических и правовых учений тесно связан с предметом теории государства и права, а также истории государства и права. Предполагается, что студент не утратил знания, приобретенные при изучении исторических дисциплин. Поэтому в учебной литературе по истории

политических и правовых учений не описываются подробно, например, предпосылки и этапы революций в Англии или во Франции, крестьянская реформа 1861 года в России, реформы Петра I и другие исторические события. Вместе с тем политическую идеологию соответствующих периодов истории невозможно понять и оценить в отрыве от исторической обстановки, особенностей государства и права той или иной страны и эпохи. Уже отсюда видно, что изучение политических и правовых учений требует достаточно напряженной работы. Особенно это относится к тем, кто по каким-либо причинам недостаточно глубоко изучал теорию и историю государства и права

При изучении курса нужно не механически заучивать текст учебника, а неторопливо продумывать прочитанное, определяя главные, основные идеи политико-правовых доктрин.

НА ЧТО ОБРАТИТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ

В центре внимания студента при изучении политико-правовых доктрин должны быть такие проблемы:

1. Когда и в какой стране возникла (развивалась) данная политико-правовая доктрина? Каковы ее главные представители?

2. Какова связь этой доктрины с конкретной исторической обстановкой, с интересами социальных групп, с противоречиями эпохи?

3. Каково теоретическое обоснование доктрины, ее связи с господствующим тогда или влиятельным мировоззрением? Какие идеи лежат в основе обоснования доктрины?

4. Как решаются вопросы о происхождении, сущности, задачах, формах государства, о содержании, основных принципах и источниках права? Каково теоретическое содержание доктрины и что нового по отношению к предшествующим теориям государства и права она содержит?

5. Какие программные положения (политико-правовой идеал) содержатся в данной доктрине? Интересам какой социальной группы соответствует этот идеал (программа)?

6. Содержится ли в данной доктрине обоснование (или критика) общечеловеческих ценностей и идеалов? Каких именно и какова их современная оценка?

7. Каковы исторические судьбы политико-правовой теории – оказала ли она влияние на политико-правовую практику или дальнейшее развитие политической и правовой мысли?

8. Какова оценка этой доктрины?

Таким образом, при изучении курса важно уметь отделить главное от второстепенного, обратить внимание на основу политико-правовой доктрины, ее структуру, связь с конкретной исторической обстановкой, с мировоззрением эпохи, с интересами той или иной социальной группы, а также на соотношение с предшествующими и современными ей политико-правовыми умениями, показать ее роль в развитии политической и правовой идеологии. Особое внимание следует уделить оценке идей, связанных с обоснованием или критикой общечеловеческих ценностей.

СТРУКТУРА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИН

Для того чтобы отделить главное от неглавного или менее главного, следует учитывать, что любая политико-правовая доктрина состоит из трех частей, компонентов: 1) логико-теоретической основы (философское или религиозное обоснование, основная идея, лежащая в основе доктрины); 2) теоретического содержания (понятийно-категориальный строй доктрины, система понятий и категорий, составляющих данную теорию государства и права); 3) программы (оценка существующего государства и права, политико-правовой идеал).

Усвоив эту структуру, нетрудно определить главные идеи политико-правовой доктрины. Поясним на примере анализа политико-правового учения Радищева, достаточно известного по книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Очень сжато это учение может быть изложено примерно таким образом:

1. Логико-теоретическая основа: теория естественного права, идея равенства всех людей от природы.

2. Теоретическое содержание: в основе государства – «общественный договор» (равные люди договорились о создании государства); наилучшая форма правления – республика (правление народа): закон – выражение общей воли; всеобщее равенство перед законом.

3. Программа: осуждение самодержавия и крепостничества; необходимость коренных изменений общественно-политических отношений страны посредством радикальных реформ или революции; создание на месте Российской империи федерации небольших республик (типа Новгородской); гарантии собственности и других прав личности; земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

Все эти компоненты взаимосвязаны и многовариантны: на основе общего мировоззрения (философского, религиозного) могут существовать и

существуют разные теории государства и права, различия между которыми определяются рядом факторов, из которых наибольшее значение и влияние принадлежит не только логико-теоретической основе теории, но и социально-политическим симпатиям и антипатиям авторов политико-правовых доктрин. Поэтому из одной и той же логико-теоретической посылки могут делаться разные политико-правовые выводы или, наоборот, однотипные выводы могут обосновываться разным способом.

Особенно важно определить главную, новую для своего времени идею (или идеи), которую тот или иной мыслитель внес в историю политико-правовой мысли, из-за чего, собственно, его учение и стало предметом изучения. Заслугой Бодена, например, является обоснование идеи суверенитета. Радищев первым в России выступил против крепостного права, выдвинув принцип: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, а также отстаивал республиканские идеалы. Гроций выдвинул и развил две важные идеи: естественного права и общественного договора. Для Мора и Кампанеллы характерны идеи государства, основанного на общности имущества. Заслуга Локка – идея естественных прав человека и теория разделения властей. Макиавелли положил начало политической теории, основанной на изучении отношений и интересов людей, социальных групп; но ему же принадлежит резкое противопоставление политики и морали. Особенность учения Руссо – отрицательное отношение к представительной системе, обоснование непосредственной демократии. Суть анархизма – отрицание государства. Либерализм – защита индивидуальных прав от государственного вмешательства в развитие экономических и других общественных отношений. В проектах Сперанского впервые говорилось о создании в России выборной государственной думы. В каждом политико-правовом учении есть нечто для своего времени новое – именно эти новые (и потому оригинальные) идеи отличают одно учение от другого.

ОЦЕНКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Изучив политико-правовую доктрину, студент должен дать ее оценку. Эта оценка не всегда и не обязательно совпадает с той, которая содержится в учебнике и в другой литературе. В основе оценки любого учения лежит ряд объективных критериев: новизна (для своего времени) учения, выдвижение мыслителем новых идей, логичность их обоснования, влияние этого учения на исторические события, его восприятие (полностью или частично) последующей политической и правовой идеологией. К объективным крите-

риям относится также обоснование или защита гуманистических начал, общечеловеческих ценностей. К субъективным критериям относится личное отношение автора учебника, публикации, преподавателя, студента к политико-правовому идеалу, содержащемуся в учении, а также к степени убедительности логического и теоретического обоснования самого учения. Разумеется, самостоятельность мышления состоит не в том, чтобы наобум, наугад высказать ничем не обоснованное мнение. Трудно ожидать также, что современный студент станет отрицать и порицать гуманистические идеалы и общечеловеческие ценности, содержащиеся в ряде учений. Но в истории политических и правовых учений немало спорных проблем и оценок.

Кто был прав в споре о демократии – Сократ или софисты – учителя мудрости? Кто должен управлять государством – народ или собрание ученых мудрецов? Государство ли существует ради человека или человек существует для государства? Чье благо выше? С попыток осмысления и теоретического решения этих вопросов начинается сама история политических и правовых учений. Современная политическая теория и практика так и не выработали окончательного и общепризнанного их решения. Спорность ряда оценок некоторых идей и политических мыслителей вряд ли когда-нибудь будет преодолена: допустимо ли для блага государства (для спасения Отечества) совершать нечестные, противоречащие элементарным нормам морали поступки? Какова в связи с ответом на этот вопрос оценка соответствующих идей Макиавелли? Достаточно ли компетентен народ, чтобы все без исключения законы принимались не иначе как непосредственным народным голосованием, как предлагал Руссо?

Задача студента – выработать собственное мнение по спорным проблемам истории политических и правовых учений. Студент должен знать факты (к ним относятся содержание и связи политико-правовых доктрин); на основе этих знаний правовед высокой квалификации (в том числе с незаконченным высшим образованием) должен уметь обосновывать собственное мнение, дать свою оценку политико-правовых доктрин.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ КУРСА

1. Какие классификации форм государства содержались в произведениях Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли, Бодена, Гоббса, Спинозы, Татищева, Монтескье, Руссо, И. Канта?

Сравните эти классификации. Воспроизводятся ли эти классификации в современной теории государства и, если да, какие именно?

Какие существовали критерии деления форм государства на «правильные» и «неправильные» в концепциях Платона, Аристотеля, Полибия, Монтескье? В чем особенности взглядов Мора, Кампанеллы и Морелли на ту же проблему? В чем своеобразие взглядов на соотношение форм государства и классовых противоречий гражданского общества в теории фон Штейна?

Каковы доводы Бодена и Гоббса против деления форм правления на «правильные» и «неправильные»? Убедительны ли эти доводы? ,

2. Кто из политических мыслителей выдвинул идею «смешанной формы правления»?

О соединении каких форм правления писали Платон и Аристотель? В чем заключается, по Платону, различие основных форм правления? Каким образом взгляды Аристотеля на основные формы правления связаны с его представлением о классовой структуре общества?

Кто из политических мыслителей был сторонником идеи «смешанной республики»? В чем суть этой идеи? Каковы особенности взглядов на устройство «смешанной республики» Полибия, Цицерона, Макиавелли, Мора, Кампанеллы?

Какие доводы против понятия смешанной формы правления выдвинул Боден?

Можно ли рассматривать современное представительное государство как «смешанную республику» и, если да, то, в каком из институтов государственного права выражен каждый из ее элементов?

3. Когда возникла теория естественного права? Перечислите ее главных представителей. В чем состоит качественное отличие теории естественного права XVII и последующих веков от суждений о «праве природы», «естественном праве» некоторых античных и средневековых мыслителей?

Назовите первых представителей теории естественного права в России. Какие противоречия имелись в теории Татищева? Как по-разному эти противоречия были преодолены в учении Щербатова и в учении Радищева?

Каковы причины возрождения теории естественного права в наше время? Почему актуальность этой теории резко возросла после второй мировой войны?

4. Кем впервые выдвинута и обоснована идея естественных прав человека? Какие Вам известны политико-правовые доктрины, включающие и обосновывающие эту идею? Объясните, пожалуйста, как соотносятся права человека и права гражданина.

Совместима ли идея естественных прав человека с историческим материализмом? Какие политико-правовые доктрины содержали критику теории прав человека, проистекающих из природы?

Назовите статью современной Конституции нашего государства, в которой выражена идея естественных прав человека (т.е. прав, принадлежащих человеку по природе).

5. Перечислите (в хронологическом порядке) известных Вам представителей теории разделения властей.

В чём ошибочность суждения, что эта теория возникла еще в Древнем мире или в средние века?

Почему Руссо нельзя относить к сторонникам теории разделения властей? В чем своеобразие взглядов Гегеля на разделение властей?

Можно ли считать представителями теории разделения властей Десницкого и Сперанского? В чем главное отличие их взглядов на разделение властей от идей конституционных проектов Муравьева?

Почему разделение властей отвергалось в теории марксизма-ленинизма?

6. Какие политические мыслители теоретически обосновывали различия между правом и моралью?

Какое значение это различие имело в политико-правовых концепциях Марсилия Падуанского, Томазия, И. Канта?

Можно ли относить к числу мыслителей, проводивших различие между правом и моралью, Макиавелли и, если нет, то почему?

7. Какие мыслители доказывали зависимость государства и его форм от экономики и классовой структуры общества? Что нового в исследовании этой проблемы внесли Маркс и Энгельс?

Какие идеи о связи государства и права с экономикой общества, содержащиеся в произведениях Аристотеля, Руссо, Десницкого, Бабефа и других мыслителей (назовите), актуальны в наше время и заслуживают осуществления либо критики?

8. Насколько обоснованно распространенное представление о Платоне как идеологе тоталитаризма?

Какая разница между основными идеями произведений Платона «Государство» и «Законы»? Чем авторитаризм отличается от тоталитаризма?

Назовите (в исторической последовательности) известных Вам представителей той и другой идеи.

9. Назовите (в хронологическом порядке) известных Вам представителей теории анархизма. Переведите слово «анархия» на русский язык. В чем отличие теории анархизма от идеи отмирания государства?

Объясните, пожалуйста, чем теория анархизма и идея отмирания государства отличаются от теории непосредственной демократии Руссо. Каковы идейные истоки анархизма? Случайно ли все первые видные теоретики анархизма и сторонники идеи отмирания государства первоначально были гегельянцами, хотя Гегель обожествлял государство?

10. Когда возникла идея правового государства? Почему родоначальником этой идеи считается И. Кант, а не Платон, Аристотель и другие античные мыслители, писавшие о законах и считавшие необходимым строгое соблюдение законов всеми, в том числе правителями государства?

Какие мыслители обосновывали идею социального государства и почему эта идея поначалу противопоставлялась идее государства правового?

Чем обусловлено соединение идей правового и социального государства в настоящее время? В каких конституциях закреплены обе эти идеи?

11. Кому принадлежит определение «республика — дело народное»? Расскажите, как развивалось это понятие в истории политической мысли, Какие определения республики (государства) даются в произведениях Бодена, Кампанеллы, Гроция? В чем состоит особенность понятия «республика», содержащегося в книге Руссо «Об общественном договоре»? Почему в концепции И. Канта «республикой» называлась конституционная монархия?

12. Проведите параллели между политико-правовыми учениями таких отечественных и зарубежных мыслителей, как:

- а. Тираноборцы, Курбский, Щербатов.
- б. Пересветов, Боден.
- в. Гоббс, Пуфендорф, Татищев.
- г. Сперанский, Констан.

Найдите общую идею в политических учениях Прокоповича, Татищева и Монтескье. Как эта идея выражена в «Наказе» Екатерины II? Что, ссылаясь на такую же идею, писал де Местр о грядущей судьбе Франции и Соединенных Штатов Америки? Сбылось ли предсказание де Местра?

13. Не заглядывая в конспекты или в учебник, попробуйте определить, кому из перечисленных мыслителей принадлежит одно из названных произведений (езде алфавитный порядок):

- 1.«Богословско-политический трактат».
- 2.«Государство и революция».

- 3.«Законы».
- 4.«Кодекс природы».
- 5.«Об авторитете».
- 6.«Об общественном договоре».
- 7.«О вечном мире».
8. «О духе законов».
9. «О праве войны и мира».
10. «О преступлениях и наказаниях».
11. «О скудости и богатстве».
- 12.«Правда воли монаршей».
- 13.«Русская Правда. »
- 14.«Философия права».
- 15.«Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. »

Авторы:

А) Беккариа. Б) Гегель. В) Гроций. Г) И. Кант. Д) Ленин. Е) Монтескье. 519 Морелли. И) Пестель. К) Платон. Л) Посошков. М) Руссо. Н) Спиноза. П) Прокопович. Р) Штаммлер. С) Энгельс.

А теперь проверьте: 1Н, 2Д, 3К, 4Ж, 5С, 6М, 7Г, 8Е, 9В, 10А, 11Л, 12П, 13И, 14Б, 15Р.

14. Для кого из перечисленных ниже мыслителей наиболее характерны такие понятия источников, причин, форм права:

1. Право проистекает из воли бога.
2. Право – это установление государства.
3. Право – соответствующие природе людей предписания разума.
4. Воля монарха.
5. Воля народа.
6. Воля господствующего класса.
7. Право – это выражение общественного интереса, обеспеченное государственным принуждением.
8. Право состоит из постепенно сложившихся в жизни общества правил решения споров.
9. Право – это нормы, созданные судебной практикой.
10. Та часть (сторона) моральных норм и отношений, которые касаются внешнего поведения людей и охраняются от нарушений с помощью принуждения.
11. Право – это законы, установленные слабыми для подчинения сильных.

12. Право – один из способов, каким богатые и хитрые подчиняют народные массы, подавляя свободу личности.

13. Право – это форма осуществления политики.

14. Право – идея свободы в отношениях между людьми.

15. Форма упорядочения хозяйственной деятельности людей.

16. Право – не только нормы, создаваемые государством, но и имеющие юридическое значение правила организации и деятельности объединений, союзов людей.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

ТЕМА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Вопросы:

1. Развитие демократических учений в Древней Греции. Старшие софисты. Протогор, Гиппий.
2. Политические учения аристократии. Платон.
3. Политико-правовое учение Аристотеля.

Литература

1. История политических и правовых учений. Учеб. для вузов. / Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.
2. История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. вузов. /Под ред. В. С. Нерсесянца, – М., 1995.
3. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. / Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
4. Аристотель. Политика. (Сочинения, – М., 1972).
5. Платон. Государство. Законы. (Сочинения, – М., 1972).

ТЕМА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Вопросы

1. Политические учения рабовладельческой аристократии. Цицерон. Римские юристы.
2. Политико-правовые идеи раннего христианства.
3. Зарождение теократических доктрин. Политико-правовые взгляды Августина Блаженного.

Литература

1. Акмалова А. А., Капицин В. М. История политических и правовых учений: Учеб. пособие. – М., 2002.
2. История политических и правовых учений: Учеб. для юрид. вузов. /Под ред. Нерсесянца, – М., 1995.
3. Чанышев А. А. История политических учений. (Античность – первая четверть XIX в.) – М., 2000.
4. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
5. Цицерон М. Т. О государстве, О законах: Хрестоматия для высшей школы, – М., 2000.
6. Лукреций Т. О природе вещей: Хрестоматия для высшей школы, – М., 2000.
7. Августин А. О граде Божием: Хрестоматия для высшей школы, – М., 2000 г.

ТЕМА 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (XI – XVI вв.)

Вопросы

1. Политические и правовые идеи Древней Руси. «Слово о Законе и Благодати», «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, «Русская правда».
2. Основные направления политической мысли в период образования Русского централизованного государства. Политическая концепция Филофея «Москва – третий Рим».
3. Политическая программа И. С. Пересветова.

Литература

1. История политических и правовых учений: Учеб. для вузов. /Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.
2. Исков И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. Учебник, – М., 2003.
3. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
4. «Повесть временных лет». Хрестоматия для высшей школы, – М., 2000.
5. В. Мономах: «Поучение детям»: Хрестоматия для высшей школы, – М., 2000.
6. И. Пересветов: «Великая челобитная». Хрестоматия для высшей школы, – М., 2000.

ТЕМА 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

Вопросы

1. Учение Фомы Аквинского о государстве и праве.
2. Политико-правовые идеи средневековых ересей.
3. Политико-правовое учение М. Падуанского.

Литература

1. Азаркин Н. Н. История политических учений. – М., 1994.
2. Акмалова А. А., Капицин В. М. История политических и правовых учений: Учеб. пособие.– М., 2002.
3. История политических и правовых учений. Домарксистский период. /Под ред. О. Э. Лейста, – М., 1991.
4. История политических и правовых учений. Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
5. Аквинский Ф. О правлении государей: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

ТЕМА 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПЕРИОД НАЧАВШЕГОСЯ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА

Вопросы

1. Возникновение буржуазной политико-правовой идеологии. Учение Н. Макиавелли о государстве и политике.
2. Возникновение политико-правовой идеологии утопического социализма.
3. Политико-правовые идеи Реформации и европейского Просвещения.
4. Теория государственного суверенитета. Политическое учение Ж. Бодена.

Литература

1. История политических и правовых учений. Учеб. для вузов. /Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.
2. Азаркин Н. Н. История политических учений, – М., 1994.
3. Акмалова А. А., Капицин В. М. История политических и правовых учений. Учеб. Пособие. – М., 2002.
4. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
5. Макиавелли Н. Государь: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

ТЕМА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ГОЛЛАНДИИ И АНГЛИИ В ПЕРИОД РАННИХ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Вопросы

1. Учение Г. Гроция о государстве и праве.
2. Политическое и правовое учение Спинозы.
3. Политико-правовое учение Т. Гоббса.
4. Учение Д. Локка о государстве и праве.

Литература

1. История политических и правовых учений: Учеб. для вузов. /Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.
2. Акмалова А. А., Капицин В. М. История политических и правовых учений: Учеб. пособие, – М., 2002.
3. История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. вузов. /Под ред. С. В. Нерсесянца, – М., 1995.
4. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
5. Гроций Г. О праве войны и мира: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного или гражданского: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

7. Локк Д. Два трактата о правлении: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

8. Спиноза Б. Политический трактат: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

ТЕМА 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ И БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII В.

Вопросы

1. Политическая программа Вольтера.
2. Учение Ш. Монтескье о государстве и праве.
3. Политико-правовые воззрения французских материалистов.
4. Мелкобуржуазный радикализм Ж. Ж. Руссо.
5. Политико-правовые учения утопического социализма.

Литература

1. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. /Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.

2. История политических и правовых учений. Учебник для юридических вузов. /Под ред. В. С. Нерсесянца, – М., 1995.

3. История политических и правовых учений. Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.

4. . Мелье Ж. Завещание: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

5. Вальтер Ф. Философские письма: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

6. . Руссо Ж. Ж. Об Общественном договоре: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000.

7. Гельвеций К. О человеке. Хрестоматия для высшей школы – М., 2000.

ТЕМА 8. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА.

Вопросы

1. Государство и право как надстроечные явления.
2. Классовый характер государства и права.
3. Судьбы государства и права в коммунистической формации.

Литература

1. История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. вузов./ Под ред. В. С. Нерсесянца, – М., 1995.

2. История политических и правовых учений: Учеб. пособие. / Под ред. А. А. Акмаловой, В. М. Капицина, – М., 2002.

3. История политических и правовых учений: Учеб. для вузов. / Под ред. О. В. Мартышина, – М., 2004.

4. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. / Под ред. В. П. Малахова, М., 2000.

5. Маркс К. Немецкая идеология, К критике гегелевской философии права, Дебаты по поводу закона о краже леса: Хрестоматия для высшей школы. – М., 2000 г.

ТЕМА 9. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ БОЛЬШЕВИЗМА. ПРАВО-ПОНИМАНИЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Вопросы

1. Политическое учение В. И. Ленина.
2. Советская правовая теория периода ее становления. Д. И. Курский, П. И. Стучка.
3. Официальная правовая теория эпохи сталинизма. А. Я. Вышинский.

Литература

1. Исков И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России: Учеб., – М., 2003.
2. История политических и правовых учений: Учебник для юрид. вузов. /Под ред. В. С. Нерсесянца, – М., 1995.
3. Акмалова А. А., Капицин В. М. История политических и правовых учений. Учебное пособие, М., 2002.
4. История политических и правовых учений: Хрестоматия для высшей школы. /Под ред. В. П. Малахова, – М., 2000.
5. . Ленин В. И. Государство и революция: Хрестоматия для высшей школы, М., 2000.

ТЕСТЫ

К теме № 2. Политические и правовые учения в государствах Древнего Востока.

1. К какой из стран Древнего Востока относится древнейший источник политической мысли под названием «Ригвиди»?
а) Египет; б) Междуречье; в) Иран; г) Индия; д) Китай.
2. Интересам, каких социальных групп населения отвечала идеология брахманизма?
а) городской и сельской бедноты; б) купечества и городской знати; в) родовой знати.
3. В каком из государств, и в каком правовом сборнике страны Древнего Востока обосновывалось учение о делении общества на четыре кастовые группы?
а) Иран; б) Египет; в) Междуречье; г) Индия; д) Китай.
а) «Книга о Дао»; б) «Авеста»; г) «Поучение Птахотепа»; г) «Речение Ипувера»; д) «Поэма о Гильгамеше»; е) «Кодекс Хаммурапи»; ж) «Законы Ману»; з) «Лунь-юй».
4. Какая из стран явилась родиной легизма?
1) Иран; 2) Египет; 3) Междуречье; 4) Индия; 5) Китай.

Установите соответствие между понятиями.

Название источника – политических памятников стран Древнего Востока	Страны
1. Свод законов Хаммурапи	1. Древний Египет
2. Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мери-ка-Ра	2. Древний Вавилон
3. Атхарваведа	3. Древняя Индия
4. Речения Ипувера	4. Древний Китай
5. Авеста	5. Древний Иран
6. Веды	
7. Палийский Канон	
8. Артхашастра	
9. Поэма о страдающем праведнике	
10. Лунь-юй	
11. Законы Ману	

К теме № 3. Политические и правовые учения Древней Греции.

1. Кто из названных древнегреческих мыслителей являлся одним из основателей школы софистов?

а) Гераклит; б) Протагор; в) Демокрит.

2. Кто является автором диалогов: «Государство», «Политик», «Софист»?

а) Эпикур; б) Пифагор; в) Аристотель; г) Платон; д) Сократ; ж) Демокрит.

3. Кто является автором работ: «Политика», «Этика», «Афинская политика»?

а) Платон; б) Демокрит; в) Сократ; г) Пифагор; д) Аристотель е) Эпикур.

Составьте таблицу, отражающую последовательность возникновения различных политико-правовых идей и расставьте в соответствии с этой последовательностью имена и года жизни древнегреческих мыслителей.

Мыслители	Годы жизни
1. Эпикур	469 – 399 г. до н.э.
2. Платон	год рождения – 470 г. до н.э.
3. Пифагор	571 – 497 г. до н.э.
4. Зенон	384 – 322 г. до н.э.
5. Аристотель	427 – 347 г. до н.э.
6. Демокрит	конец III в. до н.э. – II в. до н.э.
7. Полибий	374 – 270 г. до н.э.
8. Сократ	336 – 264 г. до н.э.

В первой колонке таблицы дается понятие, во второй – его определение. Необходимо найти ошибку и дать правильное определение понятиям.

Понятия	Определения
Будда	Литературный псевдоним Чанакья
Драхма	Принципы добродетели, основа политического учения Конфуция
Дао	Город - государство
Дэ	Понятие, включающее круг обязанностей и ответственности человека. Право, закон, кодекс поведения
Даосизм	Священные тексты иудеев
Рабство	Основанный на справедливости обычай
Каутилья	Сиддхартхи Гаутами или Шакья Муни, познавший истину
Темис	Первопричина и закон развития Вселенной
Библия	Основа античной цивилизации
Полис	Отшельничество, духовное совершенствование

**Заполните в своих рабочих конспектах следующие таблицы. Таблица № 1.
Характеристика представлений о государстве в Древнем мире.**

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вопросы	Древний Египет	Древний Китай	Древняя Индия	Древняя Греция
1. Происхождение государства				
2. Происхождение верховной власти и ее задачи				
3. Соотношение религиозной и государственной властей				
4. Роль наказания и принуждения как орудия управления				
Характерные черты цивилизации				

Таблица № 2. Эволюция представлений о государственном устройстве в Древней Греции.

МЫСЛИТЕЛИ

Характеристики	Солон	Платон	Демокрит	Аристотель
1. Функции государственной власти				
2. Структура государства (представления)				
3. Роль народа в управлении государством				
4. Роль семьи				
5. Отношение к собственности				
6. Отношение к личности				
7. Отношение к рабству				

К теме № 4. Политические и правовые учения в Древнем Риме.

1. Кто из названных представителей политических и правовых учений Древнего Рима относился к школе римского стоицизма?

а) Цицерон; б) Сенека; в) Флавий; г) Ульпиан.

2. Кто из названных мыслителей относился к числу самых известных римских юристов классического периода?

а) Цицерон; б) Гай; в) Павел.

К теме № 5. Политические и правовые учения в Западной Европе в период возникновения и развития феодализма.

1. Кто из названных мыслителей являлся идеологом политико-правовых идей раннего христианства?

а) Марсилий Падуанский; б) Фома Аквинский; в) Ян Гус.

2. Кого вы относите к числу крупнейших идеологов средневековой схоластики?

а) Фому Аквинского; б) Джона Уиклифа; в) Марсилия Падуанского; г) Яна Гуса.

3. Назовите основных представителей средневековых ересей?

а) Марсилий Падуанский; б) Джон Уиклиф; в) Фома Аквинский; г) Ян Гус.

Дайте ответы на задания следующей таблицы.

Общая характеристика

Хронология ересей	Внутренние на- правления, география	Сущность
Ереси IV – VII вв.		
Ереси IX – XIII вв.		
Ереси XIV – XV вв.		

К теме № 6. Политические и правовые учения в Европе в период начавшегося разложения феодализма и ранних буржуазных революций.

1. Кто из названных мыслителей считается основателем политической науки эпохи средневековья?

а) Боден; б) Лютер; в) Макиавелли; г) Кальвин.

2. Кто из перечисленных мыслителей выступал с обоснованием абсолютизма и стоял у истоков теории государственного суверенитета?

а) Макиавелли; б) Лютер; в) Боден; г) Спиноза; д) Гроций.

3. Кто стоял у истоков Реформации?

а) Боден; б) Мор; в) Лютер; г) Кампанелла; д) Макиавелли.

4. Кто из названных представителей утопического социализма является автором «Города Солнца»?

а) Мор; б) Кампанелла.

5. Перечислите основных политических мыслителей XVII века, внесших основной вклад в становление и развитие теории естественного права?

а) Т. Гоббс; б) Г. Гроций; в) Д. Локк; г) Б. Спиноза.

6. Кто из названных мыслителей является идеологом классового компромисса?

а) Т. Гоббс; б) Г. Гроций; в) Д. Локк; г) Б. Спиноза.

7. Кто заложил теоретические основы системы буржуазного либерализма?

а) Гроций; б) Спиноза; в) Локк; г) Боден.

К теме № 7. Политические и правовые учения в Европе в период общего кризиса феодализма и утверждения капитализма (XVIII – первая половина XIX).

1. Кто из представителей французского Просвещения являлся его общепризнанным лидером?

1) Руссо; 2) Монтескье; 3) Вальтер.

2. Кто из политических мыслителей Франции этого периода внес наиболее весомый вклад в учение о трех ветвях власти: законодательной, исполнительной, судебной?

1) Руссо; 2) Вальтер; 3) Монтескье.

3. Кто из французских просветителей наиболее глубоко развивал идею народного суверенитета?

1) Монтескье; 2) Руссо; 3) Вальтер.

4. Кто первым в Германии приступил к систематическому обоснованию идей буржуазного либерализма?

1) Маркс; 2) Гегель; 3) Кант; 4) Энгельс.

5. Кто из немецких мыслителей конца XVIII – XIX вв. можно причислить к одному из главных создателей концепции «правового государства»?

1) Маркса; 2) Гегеля; 3) Энгельса; 4) Канта.

6. Кто из немецких мыслителей впервые ввел политический термин «гражданское общество»?

1) Энгельс; 2) Кант; 3) Гегель; 4) Маркс.

7. В чем на ваш взгляд (с позиции сегодняшнего дня и с учетом опыта мировой истории) состояли главные ошибки теоретических концепций представителей утопического социализма начала XIX в.?

- 1) неправильное решение проблем политического устройства общества;
- 2) неправильное решение вопросов частной собственности человека;
- 3) неправильные пути, формы и методы строительства социализма.

**К теме № 8. Политические и правовые учения в США
в период борьбы за независимость (XVIII век).**

1. Кто являлся автором Декларации независимости США?
1) Гамильтон; 2) Пейн; 3) Джефферсон.
2. Кто первым из перечисленных политических деятелей США поставил вопрос об отделении колоний от Англии и создании независимого государства?
1) Джефферсон; 2) Гамильтон; 3) Пейн.
3. Теоретические воззрения какого политического деятеля США оказали решающее воздействие на содержание Конституции США 1787 г.?
1) Пейна; 2) Гамильтона; 3) Джефферса.

**К теме № 9. Буржуазная и правовая идеология
в Западной Европе первой половины XIX в.**

1. Назовите основное направление буржуазной политической мысли первой половины XIX в.?
1) позитивизм; 2) социализм; 3) либерализм.
2. Определите лидера французского либерализма?
1) Сен-Симон; 2) Констан; 3) Фурье.
3. Определите лидера английского либерализма?
1) Оуэн; 2) Милль; 3) Бентам.
4. Кто явился основателем философии позитивизма («социальной физики», «социологии»)?
1) Бентам; 2) Констан; 3) Конт; 4) Кант; 5) Оуэн; 6) Сен-Симон.

**К теме № 10. Политические и правовые учения в России
в период средних веков начала Нового времени (XI – XVIII вв.).**

1. Какое из названных произведений являлось древнейшим политическим трактатом?
1) «Поучение Мономаха»; 2) «Слово о полку Игореве»; 3) «Слово о Законе и Благодати»; 4) «Повесть временных лет».
2. Кто являлся основателем теории «Москва – третий Рим»?
1) А. Курбский; 2) Филофей; 3) И. Пересветов.
3. Кто являлся главным идеологом установления самодержавия на Руси во второй половине XVI века?
1) А. Курбский; 2) И. Пересветов; 3) Филофей.

4. Определите основного теоретика абсолютизма в России в конце XVII – начале XVIII вв.?

1) В. Татицев; 2) И. Посашков; 3) Ф. Прокопович.

5. Кого из перечисленных идеологов различных политико-правовых течений России второй половины XVIII в. можно назвать революционером и почему?

1) С. Десницкий; 2) Д. Галицин; 3) А. Радищев; 4) М. Щербатов.

К теме № 11. Политические и правовые учения России в XIX веке.

1. Кто из представителей политико-правовой мысли предлагает переход к конституционной монархии в России в первом десятилетии XIX в.?

1) П. Пестель; 2) Н. Муравьев; 3) М. Сперанский.

2. Какой из проектов декабристов носил более радикальный характер и почему?

1) «Конституция» Н. Муравьева; 2) «Русская Правда» П. Пестеля.

3. Кто из названных представителей русской интеллигенции разделял и защищал идеи буржуазного либерализма Западной Европы (западники)?

1) К. Аксаков; 2) А. Хомяков; 3) Б. Чичерин; 4) И. Кириевский.

4. Назовите наиболее выдающегося представителя русского революционно-демократического движения второй половины XIX в.?

1) Чаадаев; 2) Грановский; 3) Герцен.

5. С кем из названных идеологов народнического движения в России 70-х – 80-х гг. XIX в. связано зарождение и распространение идей анархизма?

1) Лавровым; 2) Ткачевым; 3) Бакуниным.

К теме № 12. Политико-правовое учение марксизма.

1. Определите одну из важнейших закономерностей развития общества в интерпретации марксизма?

- а) эволюционное развитие общества;
- б) радикальные, но мирные реформы политического строя;
- в) насильственные революции пролетариата.

2. Что в учении Маркса являлось, по выражению Ленина, краеугольным камнем?

- а) учение о союзе рабочих и крестьян в революции;
- б) бережное отношение к иным социальным группам общества;
- в) учение о диктатуре пролетариата.

**К теме № 13, 14. Основные политико-правовые учения стран
Запада конца XIX – первой половины XX века.
Политические и правовые учения в России в XX века**

Заполните в своих рабочих конспектах следующие таблицы.

Таблица № 1.

Установить соответствие между политической теорией и ее автором.

1. Теория насилия	М. Вебер
2. Дуалистическая теория	М. Ориу
3. Теория солидаризма	Г. Спенсер
4. Теория элит	Г. Елиненок
5. «Железный закон олигархии»	Д. Кейнс
6. Государство всеобщего благоденствия	Г. Кельзен
7. «Чистая теория права»	Р. Михельс
8. Теория бюрократии	Л. Гумплович
9. Теория «агрегатов»	Л. Дюги
10. Теория «групп интересов»	Е. Эрли
11. Теория свободного права	А. Бентли
12. Теория институционализма	В. Парето

Таблица № 2.

Установить хронологическую последовательность появления политических доктрин, теорий, идей, а также их авторов, вписав ниже перечисленные теории в предлагаемую таблицу:

1. Доктрина естественного права;
2. Теория разделения властей;
3. Идея правового государства;
4. Теория элит;
5. Теория общественного договора;
6. Догмат о божественном предопределении.

	Античность	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в.
Римские юристы						
Локк						
Либералы						
Гроций						
Кальвин						
Парето						

Таблица № 3.

Установить принадлежность мыслителя к стране, вписав его фамилию в следующую таблицу.

Россия	Германия	Англия	США	Голландия	Франция	Италия

Т. Мюнцер, Т. Мор, Г. Гроций, Т. Гоббс, Вольтер, Т. Джефферсон, Д.Локк, Г. Гегель, Ш. Монтескье, О. Конт, Н. Карамзин, Н. Бердяев, В. Ленин, Ж. Кальвин, Т. Кампанелла, П. Пестель, С. Десницкий, А. Радищев.

Таблица № 4.

Установить к какой ветви власти относятся приведенные ниже политические институты разных стран, вписав их в данную таблицу.

Законодательная власть	
Исполнительная власть	

Конгресс США, Сейм РП, Палата общин, Канцлер ФРГ, Правительство РФ, Государственная Дума РФ, Совет Федерации РФ, Администрация Президента РФ и РБ, Палата представителей РБ, Сенат в России в 1711 – 1917 гг.

Таблица № 5.

Заполните таблицу характеризуя по предложенным аспектам учения ниже приведенных мыслителей.

	Что такое государство	Происхождение государства	Задачи государства	Соотношение государства и права	Отношение к проблеме разделения властей	Отношение к праву народа на сопротивление власти
Г.Гроций						
Т.Гоббс						
Дж.Локк						
Ш.Монтескье						

РЕЙТИНГОВЫЙ КОНТРОЛЬ по дисциплине «История политических и правовых учений»

1. Организация начисления баллов.

Рейтинговая система контроля знаний студентов по дисциплине «История политических и правовых учений» разработана в соответствии с «Положением о рейтинговой системе контроля успешности обучения студентов в полоцком государственном университете», одобренном Советом университета 25 марта 2005 г. и утвержденном приказом №123 от 3 мая 2005 г.

Система контроля знаний студентов включает следующие направления оценки успешности обучения:

1-е направление – оценка отношения студента к выполнению своих обязанностей на этапе изучения дисциплины;

2-е направление – текущий контроль успешности изучения дисциплины;

3-е направление – итоговый контроль успешности этапа изучения дисциплины;

4-е направление – оценка активности и творческого отношения студента к овладению выбранной специальностью в процессе изучения дисциплины.

Для оценки успешности изучения дисциплины «История политических и правовых учений» по первому направлению выделяется общее количество баллов, равное 100, которые распределяются следующим образом:

1-е направление		
54 часа лекций×0,5 балла	27 баллов	за 100% посещение лекций в семестре
36 часов семинарских×0,5 балла	18 баллов	за 100% посещение семинарских занятий в семестре
баллы за успешное выполнение предаттестационных заданий	55 баллов	самостоятельная работа по тематике лекций и семинаров в семестре
Итого: 100 баллов		

Для оценки успешности изучения дисциплины по второму направлению выделяется общее количество баллов равное 500, которое распределяется между различными формами текущего семестрового контроля следующим образом:

2-е направление – 500 баллов		
1. Итоговые контрольные работы по темам изучаемого материала	Тема 1 - 4	100 баллов
	Тема 5 - 8	100 баллов
	Темы 9 - 15	100 баллов
2. Выступление на семинарских занятиях		200 баллов
Итого: 500 баллов		

Для оценки успешности изучения дисциплины по третьему направлению выделяется 400 баллов

3-е направление – 400 баллов	
1. Предэкзаменационная работа студентов с тестами	150 баллов
2. Устный итоговый экзамен по дисциплине	250 баллов
Итого: 400 баллов	

Для оценки активности и творческого отношения к овладению выбранной специальностью (4-е направление) выделяется 800 баллов.

4-е направление – 800 баллов		
№п/п	Форма контроля	Сумма баллов
1.	Участие в университетских студенческих научных конференциях	100 баллов
2	Участие во внешних (республиканских и международных) студенческих научных конференциях. За диплом I степени За диплом II степени За диплом III степени	500 баллов
		из них:
		500 баллов
		400 баллов
3	За публикации в научных сборниках и журналах	300 баллов

Ведение учета баллов в семестре и критерии оценки успешности изучения дисциплины (рейтинг студента):

Для сведения студентов в начале семестра доводится информация о максимальном количестве баллов по дисциплине «История политических и правовых учений» и о минимальном количестве, ниже которого студент не может претендовать к допуску для сдачи экзамена.

Преподаватель в течение семестра ведет карту успеваемости студентов группы (см. «Приложение»). Каждый студент может вести индивидуальную карту успеваемости по следующей схеме (таблице):

	Кол-во	Баллы за ед.	Сумма баллов
1-ое направление			100
Лекции	27	1	27
Семинары	18	1	18
Выполнение предаттестационных заданий		55	55
Итого:			100
2-е направление			500
Контрольные работы по темам изучаемого материала	3	100	300
Выступление на семинарских занятиях	18	11.5	200
Итого:			500
3-е направление			400

Предэкзаменационная работа с тестами	13	11,5	150
Итоговый экзамен по дисциплине			250
Итого:			400
4-е направление			800
Участие в университетских научных конференциях			100
Участие в республиканских и международных научных конференциях			500
За диплом I степени			из них: 500
За диплом II степени			400
За диплом III степени			300
За публикации в научных журналах			200
Итого:			800

Для оценки успешности изучения студентом дисциплины «История политических и правовых учений» или определения рейтинга студента, предлагается руководствоваться следующими критериями:

Уровень (рейтинг)	Количество баллов
минимальный	600
средний	700
хороший	800
высокий	900
превосходный	1000

Если после изучения дисциплины в семестре рейтинг студента $R < 60\%$ (т.е. меньше 600 баллов), то студент считается не выполнившим учебный план по данной дисциплине и не допускается к сдаче экзамена. Для допуска к экзамену студенту необходимо набрать недостающие баллы (например, по причине пропуска занятий, невыполненных заданий, контрольных, или выполненных на «неудовлетворительно» и т.д.). Это может быть тестирование, опрос (письменный, устный) по темам пропущенных занятий, выполнение заданий по СРС и т.п., т.е. студент должен выполнить на «удовлетворительно» необходимый минимум учебных работ, который не был выполнен в семестре.

Если после изучения дисциплины в семестре рейтинг студента удовлетворяет условиям $60\% \leq R < 70\%$ (т.е. 600 баллов $\leq R < 700$ баллов), то это соответствует минимальному уровню и студент считается выполнившим учебный план по дисциплине «История политических и правовых учений», получает по ней зачет и допускается к экзаменационной сессии в целом. Однако данный уровень показывает, что у студента низкий рейтинг по дисциплине.

Если после изучения дисциплины в семестре рейтинг студента удовлетворяет условиям $70\% \leq R < 80\%$ (т.е. 700 баллов $\leq R < 800$ баллов), то это соответствует среднему уровню.

Аналогично, если в результате изучения дисциплины рейтинг студента удовлетворяет условиям $80 \% \leq R < 90\%$ (т.е. $800 \text{ баллов} \leq R < 900 \text{ баллов}$), то это хороший результат.

Если в результате изучения дисциплины рейтинг студента удовлетворяет условиям $90 \% \leq R < 100 \%$ (т.е. $900 \text{ баллов} \leq R < 1000 \text{ баллов}$), то такой рейтинг называется высоким.

Наконец, Достижение студентом 1000 баллов свидетельствует о превосходном рейтинге.

Таким образом, рейтинговая система учета и оценки успешности изучения дисциплины «История политических и правовых учений» позволяет рационально организовать обучение студентов, предоставить студентам возможность выбора тактики и стратегии в овладении знаниями по изучаемой дисциплине, определить свой рейтинг среди сокурсников и сокурсников, а стимулировать инициативу, самостоятельность студентов.

ГЛОССАРИЙ. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Новые понятия	Содержание
Артхашастра	наука о том, как следует приобретать и сохранять власть, т. е. наставления по искусству правителя
«Авеста»	исторический памятник древней культуры Ирана, собрание священных книг зороастризма, источник познания общественного строя, правовых институтов в странах Ближнего и Среднего Востока
Аристотель	величайший древнегреческий философ-естествоиспытатель, имевший громадное влияние на все последующее развитие философской мысли
Будда	Сиддхартха Гаутама или Шакья муни (563 – 483 гг. до н. э.), познавший истину, достигший просветления
Брахманы	сословия священнослужителей, сосредоточивших в своих руках духовную власть
Варны	сословия многочисленных замкнутых каст
Вайшьи	сословие земледельцев и торговцев
Ведийская эпоха(VI в. до н. э.)	эпоха от пришествия ариев до образования первых государств
Веды	знание, ведение, древнейшие письменные памятники, представляющие собой сборник религиозных и ритуальных текстов различного содержания и назначения
Владимир Мономах	перемыславский князь, которого киевляне «умолили» в 1113 г. после смерти Святополка во время большого «мятежа» занять великокняжеский престол.
Гераклит (VI в.)	мыслитель из числа материалистов-диалектиков древности, сторонник аристократических форм рабовладельческого государства
Даниил Заточник	автор, которому приписывается произведение, дошедшее до нас в двух редакциях под названиями «Моление» («Послание») и «Слово».
Древний мир	первый этап истории политико-правовых учений, время господства религиозно-мифологической формы идеологии, когда политическая мысль не имела четко выраженный характер
Древний Египет	рабовладельческое государство, относящееся к IV тысячелетию до н. э., которое сложилось в форме централизованной монархии – восточной деспотии, во главе которой стоял фараон
Джати	касты со строгой эндогамностью и четко определенным родом занятий
Дэ	принцип добродетели, основа политического учения Конфуция, распространяется на всех людей, причастных к управлению

Демокрит (род. 4760 г. до н. э.)	древнегреческий философ, представитель атомистического материализма, придерживался умеренно-демократических взглядов
Ереси (пер. с греч. «учение»)	течение в христианской церкви, характеризующееся отклонением от официального вероучения в области догматики
История политических и правовых учений	дисциплина историко-теоретического цикла, к предмету которой относится история выраженных в теоретической форме представлений идеологов различных классов о государстве, праве, политике
Ислам	мировая религия, возникшая в VII в. н. э.
Конфуций (551 – 479 гг. до н. э.)	Кун-цю или Кун-фу-цзы – мудрец, китайский философ, чьи взгляды несколько веков спустя были возведены в ранг официальной идеологии
"Кодекс Хаммурапи"	памятник религиозной и политической мысли, сборник законов, в котором обосновано происхождение власти, существующего порядка вещей
Коран	главная священная книга мусульман, состоящая из 114 глав (сур), отрицающая национальные различия и провозглашающая принцип равенства в вере
Кшатрии	сословия правителей и воинов, сосредоточивших в своих руках светскую власть
"Луньюй" ("Беседы и высказывания")	сборник мыслей Конфуция, составленный его учениками в V в. до н.э.
Монархия	«правильная» власть одного человека
Мухаммед	пророк, основатель ислама, политический деятель
Паллийский канон	древнейший из сохранившихся священных текстов буддизма, написанный на языке пали, относится к периоду между 80-ми годами V в. и серединой III в. до н.э.
Политико-правовая доктрина	государственно-правовая реальность эпохи, выраженная в системе понятий и категорий, соответствующая исторической обстановке, степени развития культуры, общественной психологии
Преемственность в истории политических учений	преемственность доктрин, когда каждая из последующих учитывает представления и понятия, содержащиеся в предыдущих доктринах
Программные положения	оценка государства и права, цели и задачи политической деятельности и борьбы, присущие каждой политико-правовой доктрине
«Повесть временных лет»	дошедший до нас письменный летописный свод, который датируется началом XII в. и положен в основу всего русского летописания
Поэма о Гильгамеше	литературный памятник II тысячелетия до н. э., содержит все известные легенды из Библии, первооснова опыта че-

	ловечества, образы мира и представления древних о месте человека в этом мире, свидетельствует о существовании институтов первобытной демократии
Пифагор (ок. 580-500 гг. до н.э.)	величайший эллинский мудрец, древнегреческий философ и математик, первым употребивший понятие «философия» (любовь к мудрости)
Платон (427-347 до н.э.)	ученик Сократа, поэт и философ, основатель Академии в Афинах
Рита	божественный закон, порядок, изначально установленный на земле и на небесах высшей силой, требующий от человека определенного поведения
«Слово о Законе и Благодати»	первый русский политико-правовой трактат, созданный Киевским митрополитом Илларионом в середине XI столетия
«Слово о полку Игореве»	памятник древнерусской письменности, в котором получили дальнейшее развитие многие политические идеи, разрабатываемые в «Повести временных лет» и «Поучении Мономаха»
Солон (ок. 638-559 гг. до н.э.)	знаменитый афинский государственный деятель и законодатель, принадлежавший к числу "семи мудрецов"
Сократ (469-399 гг. до н.э.)	древнегреческий философ, один из родоначальников философской диалектики, понимаемой как нахождение истины при помощи бесед, т.е. постановки определенных вопросов и методического нахождение ответов на них
Сословно-кастовый строй	дифференциальные отношения ариев с покоренными народами
Тирания	"неправильная" власть одного человека, худшая из всех форм правления (по Аристотелю)
Цицерон (106-43 гг. до н.э.)	римский политик, философ, идеолог аристократии
Фома Аквинский (1225-1274 гг.)	учитель философии и теологии, крупнейший представитель схоластики
Шудры	сословие слуг и лиц физического труда
Эпоха Возрождения и Реформации (XIV-XVI вв.)	третий этап истории политико-правовых учений, когда осмысление политических явлений и процессов перестало быть монополией церкви
Эпоха буржуазных революций (XVII-XVIII вв.)	четвертый этап истории политико-правовых учений, век Просвещения и революций в Нидерландах, Англии, США, Франции
Эпоха свободной конкуренции (XIX в.)	пятый этап истории политико-правовых учений, характеризующийся расширением понятий свободы, равноправия, появлением понятия либерализма, научного социализма
Эпоха монополистического капитала, империализма, социалистиче-	шестой этап истории политико-правовых учений, изменение статуса собственности, расширение экономических функций политической власти

ских революций, кризиса "реального социализма" (конец XIX-XX вв.)	
Абстрактное право (по Гегелю)	учение о проблемах собственности, договора и неправды, право абстрактно свободной личности
Аристократическая форма государства (по Спинозе)	форма государства, при которой власть находится у определенного числа выбранных лиц, обладает абсолютным правом, государства, более приспособлена к сохранению свободы
Александр Гамильтон (1757-1804)	Известный политический деятель, лидер федералистов, автор глубоких разработок в области конституционной теории и практики
Бюрократия (власть-контрорских служащих – по М. Веберу)	тип господства, основанного не на традиционном почитании, а на строгих и рациональных правилах легалистского характера и назначения
Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831)	немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма
Вильфредо Парето (1848 – 1923)	инженер, итальянский мыслитель, автор «теории элит»
Гуго Гроций (1583-1645)	выдающийся голландский юрист и политический мыслитель, один из основателей раннебуржуазного учения о государстве и праве, рационалистической доктрины естественного и международного права Нового времени
Георг Еллинек (1851-1911)	профессор Гейдельбергского университета, автор дуалистической теории государства
Гербер Спенсер (1820-1903)	английский мыслитель, один из ведущих представителей социологического позитивизма и органической теории государства, уподобляющий общество живому организму
Демократия (по Спинозе)	«всецело абсолютная форма верховной власти», когда правители определяются самим законом
Дуалистическая теория государства	ведущая теория в либеральном государствоведении, пытавшаяся соединить юридическую концепцию государства с социологическим направлением в правоведении
Десницкий (1740-1789)	профессор Московского университета, автор радикальных программ политико-юридических преобразований в России
Джон Локк (1632-1704)	виднейший теоретик и непосредственный участник английской революции, государственный деятель, заложивший основу современной британской политической системы
Джон Остин (1790-1859)	английский философ, правовед
Естественное право (по М. Лютеру)	Производное от воли божьей, позволяющее светской власти управлять лишь внешним поведением людей, имуществом и вещами

Естественный закон (по Гоббсу)	стремление к жизни, ее сохранению, найденное разумом общее правило, запрещающее любому человеку делать что-либо пагубное для его жизни
Жан Кальвин (1509-1564)	церковный реформатор, автор сочинения «Наставление в христианской вере», основой которого явился догмат о божественном предопределении
Западники	представители одного из направлений русской общественной мысли 1840-1850 годов, идеалом которых была конституционная монархия или буржуазный парламент по европейским: образцам
И. Тимофеев (XVI в.)	рассмотрел проблемы происхождения власти, ее сущности, способов ее реализации, нравственного статуса носителя верховной власти, а также проблемы, связанные с законодательством
И.Л. Солоневич	один из последних крупных консервативных теоретиков, который в начале 40-х гг. XX в, выступил с концепцией «народной монархии», где он обобщает всю идеологическую традицию русского консерватизма.
И. С. Пересветов (XVI в.)	в своей политической теории рассмотрел вопросы, касающиеся формы правления и объема полномочий верховной власти, организации общерусского постоянного войска, создания единого законодательства, реализуемого централизованной судебной системой
Иван VI (Грозный)	великий московский князь, а с 1547 г. русский царь.
Иммануил Кант (1724-1804)	профессор философии Кенигсбергского университета, первым в Германии приступил к систематическому обоснованию либерализма, идеолог социального реформизма
Иосиф Волоцкий (1439—1515)	один из значительных церковных деятелей своей эпохи; его творчество оказало большое влияние на формирование учений о государстве и праве и непосредственно на процесс строительства русской государственности.
Г. Кельзен (1881-1973)	арторский юрист, один из основателей так называемой нормативистской школы права
П.А. Кропоткин (1842-1921)	князь, революционер, теоретик анархизма, географ, геолог
Л.Д. Троцкий	один из авторов концепции «перманентной революции», связывающей ликвидацию абсолютной монархии с социалистическим переворотом.
Людвиг Гумплович (1838-1909)	профессор государственного права в Австрии, один из основателей и ведущих представителей социологического направления буржуазной теории государства и права
Леон Дюги (1859-1928)	Французский юрист, представитель солидаризма, теоретик права

В.И. Ленин (1870-1924)	русский политический деятель, лидер и идеолог большевизма
М. Ганди (1869—1948)	лидер партии «Индийский национальный конгресс», основоположник гандизма – сложного, многопланового националистического антиколониального учения
Монархия (по Спинозе)	скрытая форма аристократического государства, т.к. монарх вверяет свое и общее благополучие разного рода советникам
Никколо Макиавелли (1469-1527)	итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик, создатель теории государства
Нил Сорский (1433—1508)	идеолог нестяжательства, считал идеалом монашеского служения скитничеству, уединенное поселение, основанное на началах взаимной поддержки.
Огюст Конт (1798-1857)	французский философ, основатель философии позитивизма, известной под названием «социальная физика» и «социология»
Политическое отчуждение	актуальная проблема политики, когда государство возникает в процессе отчуждения значительной части принадлежащих людям естественных прав и свобод
Право (по Гегелю)	свобода («идея права»), определенная ступень и форма свободы («особое право»), закон («позитивное право»)
Предмет юриспруденции (по Гроцию)	вопросы права и справедливости
Преступление	осуществление гражданином не дозволенных государством естественных прав
Пестель П.И. (1793-1826)	материалист, атеист, организатор и глава южного общества Декабристов, автор "Русской правды»
Рудольф фон Иеринг (1818-1892)	крупнейший немецкий правовед, автор трудов «Дух римского права»; «Борьба за право» и т.д.
А.Н. Радищев (1749-1802)	создатель радикальной политической теории, автор проекта демократической республики в России
Славянофилы	представители одного из направлений русской общественной мысли 40-50-х гг. XIX в., ратовали за самобытность исторического пути России
Солидаризм	социально-политическая концепция, получившая широкое распространение в буржуазных общественных науках с переходом капиталистического общества в стадию империализма
Социологическая юриспруденция	дисциплина, изучающая и использующая право в качестве инструмента регулирования и социального контроля
А.Сен-Симон (1760-1825)	французский социалист-утопист; в своих воззрениях на государство и право исходил из своей концепции исторического прогресса как прямой восходящей линии

Сунь Ятсен (1866-1925)	выдающийся общественный деятель и политический мыслитель Китая.
Теория "государства всеобщего благоденствия"	теория, рассматривающая буржуазно-демократическую систему политической власти
Теория институционализма	одно из направлений буржуазного государствоведения и правоведения XX века; основой рассмотрения проблем общества, государства и права институционализма считает «конституцию», под которой понимается любое устойчивое объединение людей для достижения определенной цели
Теория элит	аристократическая идея о неспособности народных масс к управлению
Томас Джефферсон (1743-1826)	Виднейший представитель демократического, гуманистического течения, автор Декларации независимости США
Томас Мюнцер (ок. 1490 – 1525)	реформатор, возглавивший крестьянско-плебейский лагерь, превративший реформационное движение в Крестьянскую войну 1524-1526 гг. в Германии
В.Н. Татищев (1686-1750)	русский государственный деятель, автор, концепции о возможной форме ограничения верховной власти
Феодосий Косой (XVI в.)	сформулировал наиболее распространенные в русском обществе XV- XVI вв. еретические идеи.
Институт публичного права	прерогатива народа требовать своего участия в установлении правопорядка путем принятия конституции, выражающей его волю
«Частное гражданское право» (по Спинозе)	разрешенные в условиях гражданского состояния естественные права индивида, т.е. дозволенная верховной властью часть естественных прав
Шарль Луи Монтескье (1689-1755)	выдающийся политический мыслитель, философ, «вождь законодательной Европы», родоначальник французского Просвещения
М.М. Щербатов (1773-1790)	князь, российский политический деятель, автор трудов по государствоведению, законодательству, экономике и нравственной философии

**ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ ПО КУРСУ
«ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ»**

1. Предмет истории политических и правовых учений.
2. Политическая и правовая идеология Древней Индии.
3. Политическая и правовая мысль Древнего Китая.
4. Развитие демократических учений о государстве и праве в Греции. Софисты.
5. Политические учения аристократии Греции. Платон и Аристотель.
6. Политико-правовая теория средневековой схоластики (Аквинский).
7. Политико-правовые идеи средневековых ересей.
8. Выражение интересов средневекового бюргерства в политико-правовом учении Марсилия Падуанского.
9. Политико-правовые учения Арабского Востока в период феодализма.
10. Политические и правовые идеи в Средней Азии и Закавказье в период феодализма. Авиценна, Навои, Низами, Руставелли.
11. Политические и правовые идеи Древней Руси.
12. Основные направления политических мыслей в период образования Русского централизованного государства. Учение Прокоповича и Татищева о государстве и праве.
13. Возникновение буржуазной политико-правовой идеологии. Учение Макиавелли о государстве и политике.
14. Возникновение политико-правовой идеологии утопического социализма. Проблемы государства и права в «Утопии» Мора.
15. Политико-правовые идеи Реформации (Лютер, Мюнцер, Кальвин).
16. Политические идеи тираноборцев (Бозси).
17. Теория государственного суверенитета. Политическое учение Бодена.
18. Кампанелло о государстве Солнца.
19. Политические и правовые учения в Голландии в XVII веке (Гроций).
20. Основные направления политической и правовой идеологии в период английской буржуазной революции XVII века (Гоббс).
21. Теоретическое обоснование демократии (Спиноза).
22. Обновление классового компромисса в учении Локка о праве и государстве.
23. Политическая программа Вольтера (Франция, XVIIIв.).
24. Учение Монтескье о государстве и праве (Франция, XVIIIв.).
25. Политико-правовые воззрения французских материалистов (Дидро, Гольбах).
26. Мелкобуржуазный радикализм Руссо.
27. Политико-правовые учения утопического социализма (Морелли).
28. Основные направления политико-правовой мысли в период Великой Французской буржуазной революции (Робеспьер, Марат).
29. Проблемы государства и права в документах «Заговора во имя равенства» (Бабеф).
30. Учение Пейна о государстве и праве. (США в период борьбы за независимость).
31. Политико-правовые взгляды Джефферсона (США, XVIII в.).
32. Взгляды Гамильтона на государство и право (США, XVIII в.).

33. Идеология «посвященного абсолютизма» в России ч XVIII в. «Наказ» Екатерины II.
34. Политико-правовая идеология феодальной аристократии в России в XVIII (Щербатов).
35. Политико-правовые идеи зарождающегося просветительства и либерализм в России в XVIIIв. (Десницкий).
36. Радищев о праве и государстве. Возникновение революционно- демократической идеологии.
37. Учение Канта о праве и государстве.
38. Учение Гегеля о государстве и праве.
39. Буржуазный либерализм во Франции. Бенжамен Констан (1-я пол. XIXв.).
40. Либерализм в Англии. Взгляды и И. Бентама на право и государство (1-я пол. XIX в.).
41. Политико-правовое учение Конта.
42. Взгляды Сен-Симона на государство и право.
43. Фурье о государстве и праве.
44. Взгляды Оуэна на государство и право.
45. Дворянский и буржуазный либерализм 1-й пол. XIX в. Проекты государственных преобразований Сперанского.
46. Политико-правовые взгляды и конституционные проекты декабристов (Муравьев, Пестель).
47. Политико-правовые идеи славянофилов и западников (Аксаков, Чичерин, Кавелин, Грановский).
48. Политико-правовые идеи просветителей 30-40-х годов в России (Чаадаев, Грановский).
49. Политико-правовое учение А.И. Герцена, В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского.
50. Политические и правовые учения революционного народничества 70-80х XIX в. в России. Кропоткин, Лавров, Ткачев, Бакунин.
51. Политико-правовое учение марксизма. Маркс. Энгельс, Плеханов.
52. Политико-правовая идеология большевизма. Ленин, Сталин, Бухарин.
53. Политико-правовые взгляды русских философов первой половины XX в. Булгаков, Бердяев, Ильин.
54. Правопонимание советского времени. Оправдание массовых сталинских репрессий. Курский, Стучка, Вышинский.
55. Политические теории и идеология фашизма.
56. Европейская политико-правовая мысль второй половины XIX в. Юридический позитивизм. Д. Остина, социологический позитивизм Г. Спенсера.
57. «Реалистическая теория права», Р. Иеринг.
58. Политические и правовые учения в Европе XX в. «Чистая теория права» Кельзена.
59. «Теория солидаризма и институционализма» Л. Дюги, Морис, Ориу.
60. Теория «плюралистический демократии» Г. Ласки.
61. Теория элит, бюрократии и технократии. Парето, Моска, Вебер.
62. Концепция «железного закона олигархии». Р. Михельса, теория «групп давления» А. Бентли.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Рабочая программа	11
Тема 1. Причины множественности правовых теорий	30
Тема 2. Политические и правовые учения в государствах Древнего Востока.	41
Тема 3. Политические и правовые учения Древней Греции.	55
Тема 4. Политические и правовые учения в Древнем Риме.	65
Тема 5. Политические и правовые учения в Западной Европе в период возникновения и развития феодализма.	74
Тема 6. Политические и правовые учения в Европе в период начавшегося разложения феодализма и ранних буржуазных революций	88
Тема 7. Политические и правовые учения в Европе в период общего кризиса феодализма и утверждения капитализма(XVIII-первая половина XIX века).	116
Тема 8. Политические и правовые учения США в период борьбы за независимость	152
Тема 9. Буржуазная политическая и правовая идеология в Западной Европе первой половины XIX в.	161
Тема 10. Политические и правовые учения в России в период средних веков и начала нового времени (XI – XVIII вв.).	173
Тема 11. Политические и правовые учения России в XIX веке.	198
Тема 12. Основные политические и правовые учения стран Запада конца XIX – первой половины XX века.	222
Тема 13. Политические и правовые учения в России второй половины XIX – первой половины XX вв.	292
Тема 14. Современные политические и правовые учения в Западной Европе и США.	367
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ КУРСА ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ	400
ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ КУРСА В ЦЕЛОМ	405
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ	411
ТЕСТЫ	416
РЕЙТИНГОВЫЙ КОНТРОЛЬ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ»	425
ГЛОССАРИЙ. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК	430
ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ»	437

Учебное издание

Бураков Иван Федосович
Пугачев Александр Николаевич

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение»

Редактор *Н.М. Обухович*

Дизайн обложки *И.С. Васильевой*

Подписано в печать 15.05.07. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать трафаретная Усл. печ. л. 25,3. Уч.-изд. л. 24,3. Тираж 115 экз. Заказ № 738

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

ЛИ 02330/0133020 от 30.04.04 ЛП № 02330/0133128 от 27.05.04
211440 г. Новополоцк, ул. Блохина, 29